

Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации

Делегация Европейского Союза в Российской Федерации

*Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Национальный парк «Кенозерский»*

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2013

Культурные ландшафты: традиции для развития

Сборник материалов
VI Международной научно-практической конференции

Архангельск

2015

УДК 502.4(470.11)+947(470.11)

ББК 28.088^64(Рос-4Арх-5Плесецкий)я431+63.3(Рос-4Арх-5Плесецкий)я431
К35

Ответственный редактор – Е.Ф. Шатковская

Составитель – М.Н. Мелютина

Печатается по решению научно-методического совета

ФГБУ «Национальный парк "Кенозерский"»

К35 Кенозерские чтения – 2013. Культурные ландшафты: традиции для развития»: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции / сост. М.Н. Мелютина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк "Кенозерский"». Архангельск: ООО «Типография № 2», 2015. – 346 с.

ISBN 978-5-903764-79-2

Сборник содержит материалы VI Международной научно-практической конференции «Кенозерские чтения – 2013» (16–21 августа 2013 г.). Исследователи из ведущих университетов, музеев-заповедников, национальных парков, научных центров России и США, представители российских органов государственной власти, территориального общественного самоуправления, общественных организаций рассматривают вопросы, посвященные сохранению культурных ландшафтов и определению роли локальных сообществ в развитии своих территорий. В сборник также включены новые сведения о культурных ландшафтах уникальной территории Европейского Севера – Кенозерья.

Издание адресовано сотрудникам заповедников, национальных парков, музеев и музеев-заповедников, изучающим культурный ландшафт как объект научного и социально-экономического развития территорий. Материалы сборника могут быть интересны самому широкому кругу читателей, неравнодушных к природному и культурному наследию Русского Севера.

УДК 502.4 (470.11)+947 (470.11)

ББК 28.088^64(92Рос-4Арх-5Плесецкий)я431+63.3(2Рос-4Арх-5Плесецкий)я431

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации*

ISBN 978-5-903764-79-2

© Мелютина М.Н., составление, 2015

© ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», 2015

© ООО «Типография № 2», 2015

**Культурный ландшафт —
формат для наследия,
местного сообщества
и внешнего интереса**

Роль объектов наследия в сохранении и развитии сельской местности

Объекты наследия в сельской местности. С сельской местностью связаны многочисленные общепризнанные объекты наследия, включенные в особые списки или реестры. Таковыми являются бывшие усадьбы, владельцами которых были дворяне, купцы и промышленники, сельские церкви или мечети. В последние годы заметно расширилась сеть монастырей, многие из которых были подняты буквально из руин.

Еще недавно во многих регионах России, и прежде всего на Русском Севере, можно было встретить удивительные по своей красоте и ценности традиционные крестьянские строения, жилые дома и хозяйственные постройки. К сожалению, многие из них не находились под охраной государства, т.к. не были включены в соответствующие списки памятников истории и культуры, и поэтому, с точки зрения структур, отвечающих за охрану, не являлись объектами наследия. Как следствие, большая их часть уже потеряна. Лишь незначительное число таких строений сохранилось до наших дней, причем чаще всего благодаря тому, что они были перенесены в музеи под открытым небом. Между тем, во многих северных странах Европы именно традиционные строения, расположенные в сельской местности, преобладают в национальных реестрах объектов культурного наследия. Одна из таких стран — это Норвегия.

Среди объектов наследия, расположенных в сельской местности, важную роль играют природные объекты, обладающие сакральной ценностью. В частности, в Архангельской области такими объектами являются святые рощи. Кроме того, это могут быть горные вершины, отдельные деревья, камни, ключи. Многие из них рассматриваются как памятники природы, но в ряде регионов они вошли в списки объектов культурного наследия. Это Бурятия, Тыва, Мари-Эл и т.д. В некоторых регионах и селах мы можем до сих пор познакомиться с образцами фольклора, традиционными ремеслами, кулинарным искусством и пр.

Современное состояние объектов наследия в сельской местности. К сожалению, основная часть наследия находится в удручающем состоянии. От 80 тысяч бывших дворянских и купеческих усадеб осталось несколько сотен. Во многих регионах мы уже не сможем увидеть полноценных усадебных ансамблей, включающих главный дом, флигели, хозяйственные постройки, парк. Большая часть этих объектов не сохранилась. Иногда можно увидеть жалкие остатки некогда великолепных ансамблей. Чаще всего это руины. И лишь в редких случаях мы можем обнаружить отдельные строения или парки. Основные потери этот пласт наследия понес в послереволюционные годы и в 90-х годах

XX — начале XXI века. В северных областях России таких объектов и раньше было относительно немного. А сейчас их почти не осталось. К счастью, в ряде областей Центральной России еще сохранилось некоторое количество усадебных комплексов. Это Тверская, Ленинградская, Московская, Тульская и ряд других областей.

Культовые сооружения пострадали прежде всего в послереволюционные годы и в 60-х годах XX века, во времена Хрущева. В последние десятилетия они очень быстро восстанавливаются. При этом, большая часть из них, как правило, перестают быть объектами наследия, поскольку на их месте возводятся фактически новые, не имеющие никакого отношения к историческим объектам церковные сооружения. Случаи грамотной научной реставрации можно пересчитать по пальцам.

То же можно сказать и о монастырских ансамблях. Большая часть монастырей была закрыта почти сразу после революции. Многие из бывших монастырей использовались как места заключения. При этом они подвергались реконструкции в соответствии с их новыми функциями, на месте старых зданий возводились новые сооружения. Часть монастырей использовалась для расселения местных жителей, для организации в них больниц или школ. Были и заброшенные монастыри, которые очень быстро превратились в руины. В конце 1980-х — начале 1990-х годов начался процесс возрождения монастырей. Одним из первых был восстановлен мужской монастырь Оптина пустынь. В 2005 году на территории России их было уже более 400, а за последующие годы стало еще больше. Заметно увеличилось число монастырей, принадлежащих другим конфессиям. Естественно, что действующие монастыри оказывают заметное влияние на жизнь окружающих их поселений.

В эти же годы заметно сократился потенциал сельских населенных пунктов, которые раньше можно было отнести к историческим поселениям. Они либо исчезли, либо захирели и потеряли большую часть своего жилого фонда, которую можно было отнести к объектам наследия, либо превратились в дачные поселки, где значительная часть домов была перестроена, заметно увеличилась плотность застройки, прежде всего, за счет коттеджей. Живые исторические поселения, где до сих пор сохраняются образцы традиционного жилья, являются скорее исключением. Это, как правило, удаленные от больших городов крупные деревни, такие как, например, Кимжа в Мезенском районе Архангельской области.

Практически исчезли образцы традиционной культуры. Хотя до сих пор вдумчивые исследователи находят следы нематериального наследия в, казалось бы, уже полностью утративших традиционную культуру или почти вымерших районах. Несколько лучше обстоит дело на охраняемых территориях. В Кенозерье находят неизвестные варианты старинных песен и сказаний, хотя и сильно редуцированных, традиционные рецепты кулинарного искусства, исторические технологии плотницкого мастерства. Кстати, на примере российско-норвежско-

го сотрудничества можно продемонстрировать, как образцы нематериальной культуры были востребованы в современной практической деятельности. Это касается в первую очередь обучения традиционным плотницким технологиям, которое осваивали в нашей стране норвежские плотники-реставраторы.

Пути актуализации объектов наследия в сельской местности. Каким же образом может происходить процесс актуализации объектов наследия в сельской местности? Здесь могут быть задействованы как внешние, так и внутренние факторы. В России это осуществляется прежде всего за счет государства или частных лиц, прежде всего состоятельных предпринимателей, что, впрочем, происходит крайне редко. Можно назвать несколько фамилий. Это председатель Совета директоров Группы компаний «КОНКОР» В.М. Кононов, восстанавливающий усадьбу Знаменское-Раёк в Тверской области. Это М.Ю. Лермонтов, уже восстановивший большую часть усадебного ансамбля Середниково в Московской области. Есть такие люди и в Смоленской, Костромской и других областях России, но, к сожалению, их очень мало.

Основную роль в этом процессе играет государство, которое организует учреждения, ориентированные на сохранение и презентацию объектов культурного и природного наследия в виде музеев-заповедников и национальных парков. Большая часть музеев-заповедников расположена в малых городах и сельской местности — приблизительно 80% из 150 таких объектов. Некоторые из них уже сейчас являются важнейшими культурными центрами целых регионов. Среди них в первую очередь следует назвать такие музеи-заповедники и музеи-усадьбы, как Ясная Поляна Толстого, Михайловское Пушкина, Вёшенская Шолохова. Во Владимиро-Суздальском и Кирилло-Белозерском музеях-заповедниках формируется довольно эффективная инфраструктура, которая позволяет вовлечь местное население в работу по сохранению наследия и обслуживанию туристов, в частности в реставрационные работы, природоохранную деятельность, сферу обслуживания, за счет развития сети гостевых домов и ресторанов, а также промыслов и производства сувениров. Так, музеи-заповедники Михайловское, Ясная Поляна, Тарханы, Спасское-Лутовиново, Поленово, Кирилло-Белозерский музей-заповедник, охвативший своим влиянием не только малый город, но и примыкающие к нему сельские населенные пункты, уже сейчас обеспечивают более половины поступлений в местные бюджеты. Кроме того, они предоставляют несколько сотен рабочих мест. В таких местах появляется надежда на возрождение деревень не только как туристских или дачных поселений, но и как сельскохозяйственных центров. Сейчас это еще не очень заметно, но определенные признаки развития этого процесса уже намечаются.

Эта же тенденция проявляется и в деятельности национальных парков.

Определенная перспектива стать культурным центром есть и у национальных парков. В качестве позитивного примера могут быть названы Кенозерский

парк в Архангельской области, Водлозерский в Карелии, парк Угра в Калужской области.

Хотелось бы особо выделить последние события в Кенозерском парке. Администрация парка стремится привлечь людей в деревни, уже брошенные, но имеющие на своей территории объекты наследия, которые парк считает особо важными. В данном случае это деревянная церковь в д. Филипповской, которая уже сейчас используется как музейный и вместе с тем культовый объект. В ней выделяется помещение для организации специальной музейной экспозиции. Кроме того, парк купил несколько сельских домов. В одном из них устраивается экспозиционное пространство. Другой передается вновь прибывшему переселенцу из Украины. Это молодой человек, с семьей, знакомый с сельской жизнью. Парк взял его на работу, обеспечил зарплатой, отремонтировал дом, помог с приобретением домашнего скота. В настоящее время ведутся переговоры еще с несколькими людьми, в том числе и с выходцами из этих мест. Появилась надежда на то, что в Филипповской жизнь продолжится. Эта же политика будет осуществляться и в других вымирающих сегодня селах, расположенных на территории парка. Но, конечно, необходимо понимать, что это кропотливая, ориентированная на конкретных людей работа, внимание к которым должно быть постоянным и последовательным.

Думается, что в большинстве областей и регионов России еще есть нереализованные резервы, которые могут быть использованы для организации музеев-заповедников. В частности, в той же Костромской области, где функционирует Государственный природный и мемориальный музей-заповедник А.Н. Островского «Щельково», явно недооценена личность, имеющая не только общенациональное, но и мировое значение. Это художник Ефим Честняков, создавший свой неповторимый стиль в живописи, объединивший в своем творчестве традиции народной крестьянской культуры и классическую русскую школу живописного искусства. Именно здесь может быть создан уникальный музей-заповедник, центром которого должен стать замечательный уездный город Кологрив, город, где сохранилась историческая застройка и ее связь с окружающим ландшафтом.

Очень часто возрождение исторического места и связанного с ним поселения происходит благодаря тому, что в нем жили или творили замечательные художники или писатели. К мемориальным усадьбам, связанным с именами Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, можно добавить подмосковные усадьбы Абрамцево и Талашкино, давшие жизнь многим крестьянским промыслам, которые потом оказались чрезвычайно востребованными. Можно назвать множество других имен. Некоторые обычные деревни или малые города становятся известными только потому, что там в свое время побывали знаменитости. Когда-то безымянная деревня или малый город благодаря этим связям становится известным, и туда начинают приезжать туристы. Это Плёс Исаака Левитана, Юрьеvec Андрея Тарковского, Елабуга Ивана Шишкина и т.д.

В Вологодской области есть такая деревня — Чистый Дор. Она расположена недалеко от границ Кирилло-Белозерского музея-заповедника и национального парка «Русский Север». Эта деревня стала героем рассказов замечательного детского писателя Юрия Коваля. Сейчас уже выпущена отдельная книга, которая так и называется — «Чистый Дор». Туда начинают приезжать туристы. Возникают первые гостевые дома. У деревни появляется реальная перспектива не только сохраниться как привлекательный туристский объект, но и обеспечить местных жителей работой.

Этот феномен может быть связан и с современным искусством. Так, например, небольшая деревня Никола-Ленивец в Калужской области, где сегодня рождается новое направление в искусстве — лэнд-арт. Там устраиваются фестивали, начинают заселяться обезлюдившие деревни и очень быстро дорожает земля.

Роль сельских жителей. К сожалению, можно назвать лишь очень немногие населенные пункты, где именно по инициативе местных жителей сохраняются и включаются в активное пользование объекты культурного и природного наследия. Среди малых городов таким объектом стал город Мышкин. Менее известна деятельность в этой сфере, предпринятая в с. Кимжа Архангельской области. Сразу же нужно сказать, что программа возрождения Кимжи, в основе которой лежит реставрация церкви, создание музея, использование старых домов для устройства в них малых гостиниц, построена на совместной деятельности местных жителей и дачников. Однако сама инициатива развития Кимжи как туристской деревни принадлежит местному населению. Только потом к нему подключились приезжие. При этом следует иметь в виду, что жители уже издавна понимали ценность своей деревни, прежде всего, благодаря тому интересу, который проявляли к их деревне гости, причем не только из России, но и из других стран. Несмотря на понимание значимости объектов наследия, которые находились на этой территории, сами жители долго не подпускали к ним приезжих, оберегая себя и свою традиционную культуру от непонятных им инноваций.

Следует особо отметить роль территориального органа самоуправления (ТОС), сыгравшего явно позитивную роль в сохранении наследия Кимжи и его актуализации. Именно ТОС выступил инициатором реставрации церкви, «выбил» для этого федеральные деньги, нашел средства на создание музея. ТОС — это не безликая организация, а конкретные люди, которые действуют от его имени, входят в контакт с губернаторами и министрами и добиваются того, что те сами им звонят и конкретными делами помогают в реализации планов, направленных на развитие деревни как историко-культурного центра. Как результат, Кимжа вошла в Реестр объектов наследия Архангельской области по номинации «достопримечательное место».

Особо хотелось бы остановиться на роли приезжих или так называемых дачников в сохранении наследия. Их роль в этом благородном деле чаще всего рассматривается как позитивная. И это верно. Благодаря им сохраняется тради-

ционная сеть сельских поселений. Это мы видим на примере того же Мантуровского района Костромской области, в районе многих озер Тверской, Вологодской, Костромской и Архангельской областей, в Карелии. В ряде мест благодаря дачникам поддерживается сохранность традиционных образцов народной архитектуры. Нередко они выступают инициаторами восстановления разрушенных храмов. Однако очень часто мы в своей практической деятельности по сохранению наследия сталкиваемся и с отрицательными примерами, когда дачники выступают в роли наших противников. Во многих местах, где сохраняется сельский ландшафт, и прежде всего на территории национальных парков и музеев-заповедников, дачники возводят дома, которые воспринимаются как явно деструктивные элементы, разрушающие традиционные для этих мест ландшафты. Это мы можем увидеть в Михайловском, на Бородинском поле, в Плесе, в деревнях, расположенных в национальных парке Смоленское поозерье и Валдайском парке.

В других местах именно дачники являются основными противниками установления охранного статуса сельских поселений, расположенных на территории зон охраны. Так, например, дачники, проживающие в деревне, расположенной в непосредственной близости от деревянной церкви Ширкова погоста в Тверской области, воспротивились установлению зон охраны, которые не позволят возводить им двух-трехэтажные коттеджи.

Сельский туризм и объекты наследия. Сейчас много говорят о необходимости развития сельского туризма. Обычно ссылаются на опыт Европы. Лично я видел, каким образом развивается сельский туризм в Норвегии, Англии и Белоруссии. Несколько слов о Норвегии. Ей удается сохранить свой традиционный сельский ландшафт прежде всего благодаря совместным усилиям государства и местного населения, которые осознают ценность ландшафта как национального наследия. Когда едешь по Норвегии, то видишь не только удивительную по красоте природу, зеленые долины и горные вершины, многочисленные водопады и морские побережья с глубоко врезанными в них фьордами, но и многочисленные сельские фермы, расположенные и внизу на равнине, и на крутых склонах, заросших лесами, казалось бы абсолютно недоступных. Сельское хозяйство Норвегии в основном убыточно и существует на государственные дотации и доходы от сельского туризма. Туристы могут видеть и даже участвовать в разнообразных видах сельскохозяйственной деятельности. Большая часть продуктов производится на самой ферме. В сельской местности сохраняются уникальные образцы деревянного наследия. Большая часть этого наследия находится в собственности норвежских фермеров; поэтому наряду с использованием этих ферм в качестве сельских гостиниц особое внимание обращается на участие местных фермеров в экскурсионном обслуживании туристов.

В Белоруссии большой популярностью пользуются сельские гостевые дома, небольшие сельские гостиницы. Там создаются комфортные условия для размещения и питания туристов. В некоторых домах хозяева сами ведут сельское хо-

зяйство, но в отличие от Норвегии таких мест относительно немного. Большую часть продуктов хозяева покупают в магазинах, совхозах или фермах. Помимо гостевых домов в сельской местности Белоруссии, предлагаются и другие формы обслуживания туристов. Это небольшое хозяйство с пасекой, где имеется специальный зал, оборудованный для занятий, на которых туристам рассказывают о традиционной культуре пчеловодства, о жизни пчел. Здесь можно прослушать очень интересную лекцию, дополненную видеопозаком, затем выйти на улицу, во двор и познакомиться с работой пасеки. Здесь же можно купить разнообразные образцы меда, книги о пчелах. Другой пример — это дом, где хранится коллекция традиционных музыкальных инструментов, использовавшихся в белорусских селах. Хозяин этого дома — знаток и великолепный исполнитель народной музыки. Он не только рассказывает о разнообразных инструментах, истории их создания и проникновения на территорию страны, но и показывает белорусские мелодии, которые он исполняет на различных популярных в Белоруссии инструментах. Есть также дома, где представлены образцы белорусской кухни, традиционной белорусской игрушки. Там же туристы могут принять участие в приготовлении пищи или изготовлении игрушек.

Правда, в отличие от Норвегии и других стран Западной Европы, хозяевами этих домов чаще всего выступают не коренные жители этих мест, а бывшие горожане, купившие эти дома уже в XXI веке и пытающиеся адаптироваться к сельским условиям. Следует также отметить, что почти все сельские дома, участвующие в организации сельского туризма, расположены недалеко от Минска, в стокилометровой доступности.

Несколько иные примеры характерны для таких стран, как Италия или Англия. Там чаще всего преобладает настоящий сельский туризм, т.е. жизнь на подлинной сельской ферме, участие приезжих в сельском производстве, полное погружение в среду обитания коренных сельских жителей в традиционной сельской местности.

Перспективы включения наследия в современную жизнь сельской местности. Знакомство с развитием сельского туризма, связанного с использованием наследия свидетельствуют о том, что этот вид отдыха становится популярным и в России. Но пока его развитие идет по пути, близкому к традициям 60–70-х годов прошлого века, когда жители городов выезжали в сельскую местность и арендовали там помещения местных жителей. Чаще всего это были деревни, расположенные в пригородных зонах крупных городов. Сейчас эта форма организации отдыха переместилась на территории особо охраняемых территорий и исторических поселений. Лидерами в этом направлении являются национальные парки и музеи-заповедники. Местное население предоставляет, в основном, рекреационные услуги. Появляются сельские гостиницы или подобие домов отдыха, пансионатов, баз рыбака или охотника. Среди наиболее популярных мест следует назвать Соловецкий архипелаг, национальный парк Угра, музей-запо-

ведник Михайловское и т.д. Быстро растет число небольших гостиниц в малых исторических городах и селах, где расположены популярные музеи-заповедники. Это Суздаль, Ростов, Кириллов, Ферапонтово и т.д.

Вместе с тем, следует трезво оценивать масштаб и возможности развития сельского туризма в России. Попытки перенести зарубежный опыт на российскую почву остаются довольно проблематичным. Российская сельская местность существенно отличается от большинства европейских стран. Для туристов, осваивающих сельские местности с целью отдыха, чрезвычайно важную роль играет расстояние. В большинстве европейских стран, в том числе и в бывших советских республиках, сельская местность доступна для жителей больших городов. Это обусловлено размерами страны и состоянием дорог. В России же большая часть сельских местностей с комфортными для отдыха природными ресурсами, не отравленными промышленностью, не обезображенными садовыми товариществами или коттеджной застройкой, расположена на расстоянии более чем нескольких сотен километров от Москвы или других крупных городов. К тому же условия жизни в большинстве сельских поселений оставляет желать лучшего. Это касается и состояния жилого фонда, и качества дорог. Возрождению сельских территорий и сохранению сельского наследия мешает и низкий уровень жизни местного населения. Процессы депопуляции в сельской местности привели к тому, что многие села потеряли большую часть жизнеспособного населения. Многие деревни вообще исчезли с карты страны. В большинстве сохранившихся деревень остались только пожилые или больные люди, остальные уехали в города. Тем не менее, говорить о том, что среди оставшихся в деревнях нет настоящего активных, способных к предпринимательской деятельности людей, людей, на которых можно опереться в работе по возрождению села и сохранению сельского наследия, нельзя. Практика последних десятилетий, изучение опыта возрождения жизни в некоторых селах и малых городах свидетельствуют, что это не так. И пример г. Мышкина — тому подтверждение. Однако необходима разработка специальной программы, основанной на частно-государственном партнерстве, ориентированной на развитие туризма в исторических поселениях. Цель программы — возрождение исторических поселений на основе актуализации культурного и природного наследия.

Что же должно лежать в основе актуализации наследия в сельской местности? Уже говорилось о роли музеев-заповедников и национальных парков. На примере Кимжи и ряда других сел Архангельской области можно говорить и о том, что нельзя сбрасывать со счетов местные органы самоуправления, те же ТОСы. Едва ли можно предположить, что они одни, без помощи города, бизнесменов, смогут спасти умирающую деревню и проживающее там наследие. Именно привлечение к этой деятельности представителей городского бизнеса, людей, которые хотят заниматься предпринимательской деятельностью и в связи с этим переселяются в деревню, может дать новую жизнь сельской местности.

Исторический опыт свидетельствует о том, что необходимо тесное взаимодействие не только между бизнесом и местным сообществом, но и с художественной интеллигенцией. Сейчас такие примеры еще очень редки, но они все же есть. Один из примеров — создание на базе бывшей швейной фабрики, расположенной в пос. Гуслица в Подмоскowie, недалеко от г. Егорьевска, центра современного искусства. Уже сейчас здесь проводятся фестивали, семинары, организованы мастерские для художников, которые работают там по несколько месяцев в году. В других местах люди, занимающиеся прикладными искусствами, нередко переезжают в село и начинают там работать над возрождением традиционных ремесел и формированием новых направлений в развитии художественных промыслов.

Очень важную роль в сохранении сельского наследия может сыграть научное сообщество. Опыт организации научных конференций в сельской местности был очень популярен в 70–80-х годах прошлого столетия. Сейчас это становится опять популярным. Примером могут служить научные конференции, которые на протяжении ряда лет проводятся в д. Медведево Мантуровского района Костромской области. Это стало возможным благодаря тому, что многие дома в местных деревнях стали собственностью ученых, и они стали проводить здесь свой летний отдых. Затем возникла идея проведения там же научных симпозиумов и конференций. Кроме того, эти территории стали использоваться как научные полигоны для проведения социологических и экономико-географических исследований. В этих конференциях уже сегодня участвуют не только отечественные, но и зарубежные ученые. Появляются первые гостевые дома. Переехавшие из города художники начинают работу по развитию в этих местах художественных ремесел. Все это позволяет надеяться, что в будущем это место станет одним из научных центров, появление которого будет способствовать развитию целого региона.

Одной из важнейших проблем, которую нужно решить, это формирование в сельской местности активных точек роста, в том числе и на основе эффективного использования объектов наследия. Именно такими точками роста были когда-то монастыри и усадебные комплексы. Сейчас эти функции могут выполнять музеи-заповедники, национальные парки и исторические села. Именно они в сочетании с современными сельскохозяйственными предприятиями могут решить эту проблему. Решать ее в отрыве друг от друга едва ли возможно. Именно в этом направлении нам и предстоит работать.

Письма из деревни

Письма из деревни всегда узнаешь по старательной надписи на конверте, по вложенным в конверт листочкам из школьной тетради, плотно заполненным синими или фиолетовыми чернилами, с обязательными уважительными обращениями по имени-отчеству, поименными приветами от всех домочадцев, соседей, знакомых и благопожеланиями. В этих письмах расхожие слова обретают изначальную ясность, ибо исполнены смысла: «Привет из деревни» — это не сухое равнодушное приветствие, а приветное слово; в обычном «Здравствуй» вскрывается изначальный смысл — пожелание здоровья. Иногда начало письма заключено в трогательную формулу: «Добрый день! Веселый час! Пишу письмо, не вижу Вас!» А далее в письмах, сообщается, что письмо (открытку, фотографию, посылочку) получила, за что спасибо. И наконец, главное — вести из деревни, где все значимо: погода, как уродилась капуста и картошка, приезд родственников, деревенские происшествия и то, что должно особенно заинтересовать адресата (если он фольклорист) — какие новые песни разучил хор, сами тексты песен, частушек, или (в письме от мастерицы) сколько игрушек налепила, приглашение приехать «за игрушками, утята есть маленькие и большие; или кого-нибудь пришли, дай мой адрес, а то бросим делать — никто не берет». Письмо, как всякая беседа, всегда рассчитано на ответное слово. В них искренность, исповедальность, исходящая из убеждения, что тебя поймут и ответят столь же неспешным и обстоятельным письмом, в них ощутимо чувство собственного достоинства и уважение к людям.

Эти письма обладают только им присущими особенностями уже потому, что они написаны жителями деревень, носителями традиций народной культуры, а значит, становятся одним из источников, раскрывающих основы жизни русской деревни в ее повседневных заботах, отношениях с соседями, с надеждами и разочарованиями. Они напоминают и об истинных ценностях жизни, главнейшими из которых остаются труд, здоровье, собственное благополучие и благополучие ближних.

Вот отрывок из письма 1976 года из Кугонаволока от А.С. Хошкиевой, в котором вслед за приветами следует подробное описание наиважнейших дел: «...дрова с Вовой заготовили, а зять вывез и распилил, а мой Вова вытаскал во двор и складывал в костер. Так что дров хватит, картошки тоже хватит, сушкику насушила, волнушек насобирали. Юра и Вова поросишку забили — варя своя. Сегодня сходила в магазин, купила Юры валенки за 17 р. 43 коп., и себе купила со своей пенсии — 14 р. 70 к., у Вовы двое есть подшитые... Картошки сейчас мало выкопали, очень гниет. Волнух набрали, насолили, белых грибов насушили».

Письма из деревни обрели свои устойчивые содержательные, композиционные и стилистические черты, что позволяет рассматривать их как особый вид народной письменности, незаслуженно обойденный вниманием исследователей народной культуры.

Перебирая стопку таких писем, я выбрала из них письма жителей северных деревень, которых у меня собралось немало — с первых экспедиций 1960-х годов. Чем мы могли отблагодарить людей за гостеприимство? Денег за постой никогда не берут, за деньги, оставленные где-нибудь под салфеткой, всегда выговаривают — в этом убеждение, что деньги можно получать только за труд. За присланную посылочку (конфеты) благодарят и сокрушаются, что потрагилась. А вот фотографиям искренне рады. «Спасибо вам за фото. Это будет память нашим детям. А то молодые мы есть на фото, а в пожилом возрасте нет, а сходить сфотографироваться все не соберемся». И всегда приглашают погостить.

Зимой 1966 года я записывала сказки в Першлахте и Поромском. Остановилась у Клавдии Петровны Артемьевой. Сама она отказалась рассказывать сказки, но свела меня с замечательными сказочницами — Акулиной Матвеевной Матюговой, Ульяной Петровной Пехтусовой, Анастасией Васильевной Осеовой и сыном известной сказочницы Марии Ивановны Старицыной Дмитрием Ивановичем. А весной я получила от нее письмо.

«Уважаемая Наталья Михайловна. Примите привет и наилучшие пожелания в Вашей жизни, учебе, работе и главное, хорошего Вам здоровья. Сердечно благодарю Вас за поздравление с праздником 8 марта... Милая Наташа, позвольте Вас так называть и извини, что не так может быть изложу. Когда Вы ушли, я очень расстроилась и домой от Лидии пришла в 7 час. вечера. Как пусто стало после Вас. На 2-ой день обнаружила Ваш расчет, хотела послать по почте, да Лида отговорила, может они в Москву месяц не придут, а ты канители наделаешь этим переводом. Я ведь за квартиру денег ни с кого не беру... Живу по прежнему, только к 8 марта все намыла с потолка и до каридорчика. Морозы все еще 17–25. Сейчас начались метели. Снег в ночь на 15 <марта> занес, веришь, до крыши. И вышла на улицу да и перелезла через Альпы — это сугроб у двери до Ксюши, разрыла снег и только тогда уже в крыльцо и в сени попала. Видите, какая у нас суровая природа да плюс суровая жисть...

От Ульяны Петровны дословно пишу...» И далее следуют слова и поклоны от односельчан.

К Клавдии Петровне я приставала с просьбами рассказать какую-нибудь сказку, но она всегда отмахивалась. И в письме она вспомнила об этом: «Милая Наташа, вы меня простите, вечер во вторник я вам сурово ответила. Вы обиделись и разволновались. А ведь я тогда от мамы ничего не унаследовала и сказок не знаю. Вот песни — это уже мое дело, запевала в нашем хоре...» (16 марта 1966 г.).

Другое письмо:

«Уважаемая Наталья Михайловна, Ваше поздравление с 1 Маем получила. Сердечно Вас благодарю и поздравляю, желаю большого счастья в семейной жизни... Приветы Ваши передала. Все Вас поздравляют и желают счастья. Дмитрий Иванович наш (Старицын. — *Н.В.*) уехал, не знаю куда. У нас еще все холода, морозы 5–7 гр., а ночью 10–11. Лед еще на месте и снегу в лесу в низинах много. Скворцы прилетели, чайки, утки, лебеди. В Поромском еще по льду ходят и ездят. Автобус на ночь уже в Першлахте, выходит от нас в 8 часов и делает два рейса. Тепла нет, но метели кончились слава Богу, как говорится. Все готовят лодки, сети и уже кушают свежую рыбу.

С 28 апреля по 5 мая я болела — ревматизм ног дал знать о себе. Сейчас стало лучше. Скоро пойду в лес за витаминами и лекарствами, наверно, муравьи ожили — первые врачи от ревматизма.

Еще раз Вам желаю от всего сердца счастья. 8/V. С приветом Кл. Артемьева»
Письмо, полученное от Марии Васильевны Капустиной (сентябрь 2000 г.).

«Наташенька или Наталья Михайловна. Здравствуйте, все твое семейство. Примите большой и низкий поклон от Марии В. и Николая Павловича. Сообщаем вам, што твое письмецо и фотки получили.... А у нас с дедом все по прежнему. Он сидит, а я потихоньку бегаю. Картошечку уже выкопала. Сейчас очень многоросло. Приезжай за картошкой, пожалуйста, хошь сто порций дадим тебе. В любое время года всегда тебе двери открыты и Маринушке с собачкой (в экспедициях М.Е. Кулешову сопровождала ее собака ризеншнауцер. — *Н.В.*). У нас теперь из деревни все уехали, дак тишина, даже собаки не лают. Все замерло. Приезжают токо до школы дети и их родители. Надо опять зимовать. Я тут тебе новую песню напишу.

На горе колхоз, под горой совхоз.

А мне миленький задавал вопрос...

Вот, Наташенька, вам с Маринушкой от деда привет, наказывает, напиши, бабушка, им. Ну, до свидания, приезжайте к нам, когда здесь в этих краях мои доченьки».

Вспоминаю я встречи и с Таисией Антипьевной Орешкиной в пос. Каменка на Мезени.

В 1972 году в Мезени проходил районный фольклорный фестиваль. Приехал и фольклорный ансамбль из Каменки, прекрасный хор, впрочем, запомнившийся тогда не больше, чем все остальные, ибо все хоры были блестящие. После выступления ко мне подошла полноватая, слегка прихрамывающая пожилая женщина в яркой шали, накинутой поверх сарафана и строго спросила: «Ты из Москвы?» — «Из Москвы». — «Вечером приезжай в Каменку, свадьбу тебе покажем, репетиция будет». Вечером я приехала в Каменку, в клубе собрались все участники — около 20 человек. Удивила серьезность отношения к репетиции — все надели сундучные (они же сценические) костюмы. А далее — три с лишним

часа продолжалась свадьба — это было великолепное драматическое действо с мощным хором, свадебными причитаниями, комментирующими события, причитаниями невесты, голос которой на фоне хора выделялся горестными словами. Запомнился жест причитывающей невесты: руки с силой оттягивают концы шали, брошенной на плечи, а затем разводят концы шали в стороны, выражая в этом жесте всю тяжесть печали.

Вечером за чаем Таисия Антипьевна рассказывала, что свадьба эта составлена ею — так ее когда-то в Лешуконском выдавали замуж. «Я причитывала хорошо, а теперь не могу — стара, так мать невесты играю. А невесту долго искала, Евдокею приглядела, бывало на печке лежим, я ей голосом и показываю, как надо причитывать. Дунька — та толкова, скоро научилась, да ты видела». Таисия Антипьевна была прирожденным лидером и в силу своего безграничного исполнительского таланта; она обладала и отменной памятью, и певица была знатная, и характер — такой, какой нужен, чтобы организовать и зажечь людей. Очевидно, мое собственное потрясение от виденного было таково, что я смогла убедить в Москве руководство вызвать этот коллектив для выступлений в другие города. Одно из них я вскоре увидела.

В Архангельске состоялась научная конференция, после которой следовал концерт. Первое отделение заняло выступление знаменитого Северного хора Мешко, второе — «Лешуконская свадьба» в исполнении Каменского народного коллектива. Запомнились каменские. В зале не было никого, кто остался бы равнодушным. Люди плакали, сопереживая невесте, отзывались улыбками на шутки дружки и свадебные величания. Это была народная драма в ее высоком значении, исполненная достоверно и талантливо.

И уже через несколько недель после этой встречи я получила письмо, где Таисия Антипьевна, как водится, сердечно благодарила «за весточку и за заботу нашего коллектива» и делилась задумками: «Сейчас мы готовим старинную вечереньку: деушки сидят с прялками, прядут лен и готовим, как бывало провожали новобранцев в солдаты; поем разные песни, частушки старинные, протяжные песни, как бывало в святки кудесили, слушали на росстанях дорог. И васильевское егрище — припеваем женихов девушкам. На васильевское егрище одеваемся в лучших костюмах и в повязках, будем припевать деушкам женихов, будем петь песню “Со вечера Васильевского...” На вечереньке я играю мать. Вот хорошо бы вы послушали нашу вечереньку. Да что плохо, вы бы подсказали, как лучше... Получила премию в сумме 60 рублей, получила за активное многолетнее участие в самодеятельности. Премию получила в завкоме. Привет большой от (невесты) Евдокии Кузьмовны и поздравление и спасибо за все хорошее. Пока до свиданья. С пламенным приветом и наилучшими пожеланиями к вам. Орешкина Т.А.» В конверт вложен еще один маленький листок с дорогой для меня припиской: «Приветы и поздравления от всего нашего коллектива, нашей Наташеньке. Так велели писать».

Таисия Антипьевна была талантливой мастерицей. Она и ткала, и вышивала, и вязала. Она хотела что-нибудь связать мне в подарок, но не было ниток, и вот письмо, в котором и забота, и хозяйственное наставление экономной мастерицы, и подробное описание любимого ремесла:

«...Я хотела вязать из мулине, а они (носки) не теплые, а из шерсти будут теплее, а у меня материалу нет. Сейчас время темное, вязать плохо. Будет скоро светлое время, и я тебе свяжу на память. Только нужно черного материалу больше, а ежели нет прядина шерстяного, то возьми черные шерстяные носки, пошли носками, я их распушу и в две нитки сосну, т.е. скручу. Наташа, ты видела мои рукавички, почему мне ничего не сказала, чтобы я тебе такие же связала. Рукавички вязать нужно черный фон, тогда красивые. Здесь в магазине есть шерсть, но дорогая, один моток стоит 5 руб., да и куда с ним, моток большой! Нужно несколько мотков, а по пять рублей — это дорого. Шерсти нужно не более ста грамм каждого цвета, цвета нужно такие: желтый, красный, светло-розовый, зеленый — яркий и светло-голубой. Из этих цветов будут красивые рукавички, а фон черный. А ежели можно взять на развеску шерсти разных цветов, дак по 80 грамм, пожалуй, что не нужно брать лишнего. Ты мою грамотку разбирай, я как говорю, так и пишу, не обессудь, дорогая моя!..»

Деревенские люди доверчивы, гостеприимны, но вместе с тем очень зорки и ироничны. И вот пример тому, опять же из письма Таисии Антипьевны:

«Наташа, вот еще что. Наша заведующая клубом Евстигнеева, ноньче была в Архангельске. И какая-то женщина из Москвы была, и говорила Евстигнеевой: нужно написать в “Правду”-газету. Из нашего коллектива нужно знать, сколько лет возраста Паховой — невесте, сватовщику Ивану, отцу невесты Тараканову и мне, матери невесты <имеются в виду роли>. Охота знать, для чего это нужно?.. Ты можешь ли об этом знать, для чего в “Правду” об этом писать?»

Подобные заметки, частые в письмах, заставляют задуматься об отношениях горожан и жителей деревень. Приехавший в деревню командировочный из города — так или иначе, хотя бы на первых порах, — воспринимается как представитель власти, которого «казна послала». А от власти зависит, по мнению деревенских, все. И потому обещание не должно быть опрометчивым, а уж ежели что обещал — выполни. Это и есть долг горожанина перед деревней. Вспоминаю, как в одну из первых моих экспедиций, одна онежская старушка, никогда в жизни не выезжавшая в город, расспрашивала меня: «А какие в Москве избы?» — «Всякие, есть в пять, есть и в десять этажей?» — «Поди врешь. А коров где пасете?» — «В городе коров не держат. Молоко в магазинах покупаем». — «А рыбу где ловите?» — «Рыбу не ловим, в магазине тоже покупаем». — «А ягоды где берете?» — «И ягод не собираем, негде». — «Так что же вы тогда в Москве делаете?» И хотя сегодня такой диалог уже вряд ли возможен, убеждение, что жизнь городская — это жизнь казенная, и все на бегу, в глубине души остается. И в этом смысле деревенский человек ощущает себя человеком

вольным, живущим в покое с собой, этот покой и дает основательность характеру, умение всегда оставаться самим собой.

И еще одно письмо, примечательное тем, что оно было написано молодым человеком. Во время экспедиции 1962 года по р. Кене в д. Лешино (п/о Корякино) я подружилась с одной семьей — Ольгой Николаевной Богдановой и ее сыном Сашей, с которыми у нас не один год продолжалась переписка. Саша окончил школу, пытался найти работу в Архангельске, волею судеб оказался на заработках в Казахстане, затем вернулся в родную деревню. Строками одного из его писем из Казахстана я и хочу закончить свою статью.

«...Я живу материально великолепно, а на душе не кошки, а волки со всех казахских степей дерут когтями и зубами. Душа болит о нашей северной родной стороне, о лесе, о народе <...> очень тоскую по своей деревне. Лучше наших людей-северян я за свою жизнь не встречал, хоть я, правда, редко куда и ездил. Мать пишет, что ей трудно, пишет, чтоб ехал домой, пишет, что у нас тоже в 1964 году обещают сделать совхоз. Просто не знаю, что и делать. Кругом чужие люди, не то что в деревне. Возможно, что придется вернуться домой. Работы и нас тоже хватит, людей в колхозе мало. Ну и мать там с бабкой Грибкой тоже. Дрова нужны, сено, ну и все проч. А главное — лес. Здесь же никуда, кроме кино, не выйдешь, а в поселке скука. Ландшафт здесь унылый, степь да степь до горизонта. На горизонте сопки... поля без начала и конца... Ну если уеду обратно домой, то жалеть не буду. Здесь я кое-чему научился. Научился ложить печки, каких у нас нет... замешивать бетон, штукатурить, белить, все эти науки пригодятся дома...» (ноябрь 1963 г.).

Письма из деревни — письма россиян о себе и о России, той России, которая «державу держала» и которая, преодолевая трудом и терпением все беды, сумела остаться собой, сохраняя душевность и веру в человека, — могли бы составить рубрику журнала или газеты. В этой рубрике можно было бы публиковать не только письма и фотографии, но и воспоминания, рассказы о деревенской России.

Сохранение и воссоздание культурных ландшафтов Государственного музея-заповедника С.А. Есенина

В селе Константиново расположено три объекта культурного наследия, связанных с жизнью и творчеством известного русского поэта С.А. Есенина:

1. «Усадьба, в которой в 1895 г. родился и жил поэт Есенин Сергей Александрович». В состав объекта входят: дом родителей с мемориальной экспозицией (воссоздан на реставрационном уровне), амбар 1913 года, изба-временка (воссоздана на реставрационном уровне), ледник (воссоздан на реставрационном уровне), рига (воссоздана на реставрационном уровне), плетеная изгородь (воссоздана на реставрационном уровне), прилегающая территория соседней усадьбы, предназначенная для отдыха и рассредоточения посетителей, с «памятными посадками деревьев» 1965–1970 годов.
2. «Усадьба Кашиных, где неоднократно бывал поэт Есенин Сергей Александрович». В состав объекта входят: усадебный дом, каменный сарай (утрачен), курятник (утрачен), амбар (утрачен), колодец (утрачен), «верхний парк» (частично воссоздан), видовая площадка (частично воссоздана), «барское подгорье», граничный ров.
3. «Казанская церковь — 1779 г.». В состав объекта входят: церковь Казанской иконы Божьей Матери (колокольня воссоздана на реставрационном уровне) и церковная ограда (воссоздана на реставрационном уровне).

Также на территории села в непосредственной близости от объектов культурного наследия расположено несколько зданий, имеющих мемориальное значение: две часовни и земское начальное училище (школа). Все это вместе с сельскими деревянными домами и природным окружением села образует неповторимые есенинские ландшафты.

Деятельность Государственного музея-заповедника С.А. Есенина ориентирована на сохранение культурных достопримечательностей села и воссоздание исторически целостных культурных ландшафтов мемориального периода (начало XX в.).

Для достижения этой цели в последние годы был выполнен целый комплекс мероприятий, направленных на поддержание в достойном состоянии зданий, восстановление утраченных элементов культурного ландшафта и сохранение окружающей среды.

В 2008–2010 годах на основании проведенных археологических раскопок, инженерно-геологических изысканий, проектно-сметных работ были осуществлены строительные работы по восстановлению мемориального дома-усадьбы священника И.Я. Смирнова. Планировка здания соответствует историческому

описанию быта и уклада жизни священника. Дом состоит из жилой части и пристроенного к ней хозяйственного двора. Новый музейный объект «Дом священника И.Я. Смирнова» служит сохранению историко-культурного наследия и введению в научный оборот ранее неизвестных материалов. Главной целью выставки, размещенной в доме священника И.Я. Смирнова, является возможность дать представление о жизни сельского духовенства конца XIX — начала XX века и показать роль священника И.Я. Смирнова и его родственников, всей атмосферы его дома в формировании личности С.А. Есенина и его творческих способностей. Выставка и документально-художественный фильм «Поэт и пастырь», который можно посмотреть в экспозиции, позволяют лучше представить себе и круг общения юного поэта, в котором складывалось его мировоззрение, отразившееся впоследствии в его раннем творчестве.

С целью предотвращения негативных процессов, связанных с интенсивным разрушением правого берега реки Оки, нарушением гидрогеологического состояния грунтов и развитием эрозионных процессов на территории верхнего парка усадьбы Кашиных, в 2009–2010 годах был реализован комплекс природоохранных мероприятий. Для организации отвода дождевых и талых вод было осуществлено строительство ливневого коллектора со спуском вод по стальному трубопроводу на пойменную часть Оки через систему очистки. Для предотвращения эрозии и укрепления берега ликвидировали существующие промоины с уположением склонов, устройством плетневых запруд и посадкой трав и кустарников в качестве илофильтров. В результате осуществления строительства ливневого коллектора и мероприятий по берегоукреплению улучшилось гидрогеологическое состояние территории, уменьшилась вероятность оползневых явлений, остановлен прогрессирующий процесс образования оврагов, улучшилось экологическое и санитарное состояние заповедной зоны музея-заповедника. В целом, реализованные мероприятия способствовали сохранению уникальной историко-культурной и природной территории усадьбы Кашиных, входящей в состав музейного комплекса.

В 2010–2011 годах были проведены ремонтно-реставрационные работы по усадебному дому Л.И. Кашиной. Осуществлены ремонтно-реставрационные работы по восстановлению фундамента, отмостки, фасада здания, веранды, балкона, цокольного этажа. Цокольный этаж, который до проведения работ использовался под складские помещения и автономный тепловой пункт музея-заповедника, был приспособлен для современного использования с устройством входного приямка с лестницей в цокольный этаж, раскрытием ранее заложенных оконных проемов, расширением дверных проемов, понижением уровня полов до первоначальной поверхности. Ремонтно-реставрационные работы по усадебному дому Л.И. Кашиной позволили улучшить общее состояние объекта культурного наследия: были укреплены фундаменты здания, восстановлены оконные и дверные заполнения, штукатурное покрытие, отремонтированы ве-

ранда и балкон. В приспособленном для современного использования цокольном этаже была размещена новая экспозиция «Времен связующая нить», рассказывающая о домашнем быте семьи Кашиных.

С целью разработки генерального плана восстановления территории усадьбы, в которой в 1895 году родился и жил поэт Есенин Сергей Александрович, в 2010–2012 годах был разработан проект приспособления для современного использования (благоустройства). Основные принципы проектирования — сохранение и частичное восстановление парковых элементов мемориального периода, а также максимальное сохранение ценных и перспективных существующих деревьев. Приспособление территории для прохода групп посетителей предусмотрено осуществить без ущерба для исторического облика усадьбы. Проектом предусматривается устройство широкой площадки на пространстве между главным домом и памятником С.А. Есенину, а также организация кругового маршрута по территории усадьбы родителей и территории буферной зоны. Для восстановления исторического облика усадьбы в рамках осуществления проекта устроен декоративный огород и посажены саженцы вишни для восстановления вишневого сада. В результате будет восстановлен исторический облик территории усадьбы с приспособлением ее под рекреационное использование экскурсионными группами, тогда как в настоящее время основной маршрут в усадьбе идет по грунтовой дорожке, состояние которой является неудовлетворительной, а газоны вдоль дорожки вытоптаны.

В 2011 году осуществлен комплекс мероприятий по консервации амбара на усадьбе родителей С.А. Есенина, предохраняющих строение от дальнейшего разрушения и обеспечивающих укрепление и защиту конструктивных частей без изменения исторически сложившегося облика. В результате консервации была достигнута главная цель работ — возможность дальнейшего сохранения и экспонирования строения, входящего в состав объекта культурного наследия.

В 2011 году была разработана проектная документация реконструкции домов Минаковых и Дорожкиных. Усадьба Минаковых исторически всегда располагалась на одном месте. Строение отличалось от типичной сельской постройки. Оно было создано по образцу городских домов-лавок, в которых нижний (полуподвальный) этаж служил для торговли, а на верхнем проживала семья. В доме были сени и бревенчатый двор с воротами (как у Есениных). В помещении лавки стояли стол и деревянные диваны, посетители могли согреться и выпить чаю. В 2012 году осуществление проекта было начато с реконструкции дома Дорожкиных и строительства галереи между домами Минаковых и Дорожкиных. В результате реализации проекта дома Минаковых и Дорожкиных будут приспособлены под торговую лавку с выставочной и торговой зонами и под сельский трактир с 30 посадочными местами.

С целью воссоздания исторического облика усадьбы Л.И. Кашиной в 2012–2013 годах был разработан проект благоустройства (озеленения) терри-

тории усадьбы Кашиных, где неоднократно бывал поэт Сергей Александрович Есенин. В настоящее время усадьба Л.И. Кашиной из строений включает в себя только господский дом. Хозяйственные постройки, входившие в усадебный комплекс, были разрушены в послереволюционные годы. С целью воссоздания исторического облика усадьбы Л.И. Кашиной планируется восстановление утраченных объектов и размещение в них экспозиций, характеризующих быт дворянской усадьбы начала XX века и рассказывающих о детстве поэта, которое он провел в родном селе. Для этого необходима разработка проектов реконструкции каретного сарая, амбара, кузницы, бани, беседок, ранее располагавшихся в усадьбе, с благоустройством прилегающей территории и последующая реализация этих проектов. В рамках проекта приспособления для современного использования проведены историко-архивные, библиографические и натурные исследования; разработаны схема ландшафтного анализа, опорный историко-культурный план, посадочные и разбивочные чертежи. Подготовлены материалы, обосновывающие исторические места расположений хозяйственных построек, внешний облик каретного двора, оранжереи, забора по внешнему периметру усадьбы Л.И. Кашиной. Также выполнена документация по древесным насаждениям усадебного парка (дендроплан, схема расположения древесно-кустарниковой растительности на территории усадьбы).

В 2010–2012 годах для отражения изменений, произошедших в современном землепользовании, Государственный музей-заповедник С.А. Есенина выступил инициатором научно-проектных работ по разработке «Проекта границ территорий памятников истории и культуры, расположенных в Рыбновском и Клепиковском районах Рязанской области и связанных с жизнью и творчеством С.А. Есенина, их зон охраны, режимов использования земель и градостроительных регламентов». Целью проекта является обеспечение сохранности объектов культурного наследия села Константиново и его окрестностей, целостности уникального природно-ландшафтного комплекса и мемориальных памятных мест, связанных с жизнью и творчеством С.А. Есенина, в развивающейся структуре Рыбновского района и города Спас-Клепики Рязанской области. В конце 2012 года научно-проектная документация прошла государственную историко-культурную экспертизу и согласование в Министерстве культуры Российской Федерации. В соответствии с выводами государственной историко-культурной экспертизы на уровне Правительства Рязанской области было принято постановление № 89 от 11 апреля 2013 года «Об утверждении границ зон охраны объекта культурного наследия федерального значения “Усадьба, в которой в 1895 г. родился и жил поэт Есенин Сергей Александрович”, Рязанская область, Рыбновский район, с. Константиново, режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах данных зон». Также было принято еще несколько законодательных актов: Постановление № 6 Министерства культуры и туризма Рязанской области от 6 мая 2013 года «Об утверждении границы

территории объекта культурного наследия федерального значения «Казанская церковь — 1779 г.», расположенного по адресу: Рязанская область, Рыбновский район, с. Константиново», Постановление № 7 Министерства культуры и туризма Рязанской области от 6 мая 2013 года «Об утверждении границы территории объекта культурного наследия федерального значения «Усадьба Кашиных, где неоднократно бывал поэт Есенин Сергей Александрович», расположенного по адресу: Рязанская область, Рыбновский район, с. Константиново», Постановление № 8 Министерства культуры и туризма Рязанской области от 6 мая 2013 года «Об утверждении границы территории объекта культурного наследия федерального значения «Усадьба, в которой в 1895 г. родился и жил поэт Есенин Сергей Александрович», расположенного по адресу: Рязанская область, Рыбновский район, с. Константиново». Принятые документы обеспечивают установление границ территорий и зон охраны памятников истории и культуры; сохранение историко-культурной и художественной значимости села Константиново и мемориальной значимости ценных участков историко-градостроительной (ландшафтной) среды объектов культурного наследия: участок реки Оки, «Константиновское подгорье», «Константиновское заречье», «Федякинские овраги», лесные участки засечной черты, открытые участки лесостепного и пойменного ландшафта вдоль мемориальных трасс (в том числе водных) и объектов природного ландшафта: «Раменская роща», «Федякинский лес», «Вакинский лес», лесной участок «Пощупово».

В целом, проведенные музеем-заповедником за 2008–2013 годы мероприятия способствуют сохранению и воссозданию исторического облика села Константиново, улучшают режим содержания и охраны культурных ландшафтов, создают дополнительные условия для доступа граждан к культурным ценностям и тем самым благоприятствуют целостному восприятию культурных и природных компонентов Есенинского края.

Культурный ландшафт в культурном измерении

Многочисленные определения культурного ландшафта (их много, т.к. занимаются этой темой представители разных наук) обязательно включают в себя две составляющие: природу и человека.

Понятие культурного ландшафта трактуется:

- как природный комплекс, измененный деятельностью человека;
- совместное творение человека и природы;
- базовое понятие для определения стратегии устойчивого развития;
- система особо охраняемых территорий;
- модель разумного природопользования, хозяйствования, экологически ответственного туризма.

Человеческое измерение заложено в самой сущности культурного ландшафта.

Хочется предложить к рассмотрению еще один взгляд на эту проблему, встречающийся не так часто. Он представляется мне интересным и перспективным.

Культурный ландшафт является запечатленным, зафиксированным результатом творчества. Директор Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» Г.Н. Василевич называет культурный ландшафт опытом реализованного творчества.

Своей изумительной способностью побуждать к творчеству культурные ландшафты несут в себе энергию творчества, неразгаданную тайну вдохновения. Примеров и подтверждений тому множество. Особенно наглядно это проявляется в тех ландшафтах, которые запечатлевают в себе следы жизни и творчества национальных гениев, совершения подвига, исторических событий. Не случайно молодые и опытные художники направляются на пленэры в Поленово, Елабугу, в пушкинские и есенинские места. Двадцатилетний А.С. Пушкин в известном стихотворении «Деревня» передал это состояние:

*Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца — в величии неправом.*

*Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединенье величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.*

Так чувствовал Пушкин, определяя деревню как свой рабочий кабинет. Можем ли сегодня мы, люди, живущие в другое время, разительно не похожее на то, пушкинское, ощущать подобные чувства, состояние воодушевления, творческого подъема? Судя по восторженным отзывам людей, приезжавших и приезжающих в Михайловское, можем.

Об особом обаянии Михайловского, о его действии на людей очень хорошо говорил и писал его главный хранитель, директор музея-заповедника с 1945 по 1993 год — Семен Степанович Гейченко.

«Пушкин называл свой кабинет: моя изба, моя хижина, моя келья, и очень редко: мой замок или что-нибудь в этом роде. Он любил работать ночью, при свечах, при лампаде, когда свет падал только на твой листок бумаги, где происходило таинство создания художественного произведения. Если он чувствовал, что это приближается, и вот он уже одержим, и сейчас начнется нечто, чему он, может быть, и слов-то не находил, и это было днем, тогда он спускал шторы, делал затемнение, зажигал лампаду, и начиналось таинство преобразования.

Еще древние говорили, что там, в том месте, где живет великий человек, останется его тень “гениус лоци”. Есть “гениус лоци” и в Михайловском и в Тригорском. Есть тень Пушкина.

Посмотрели вы музей, побывали в его кабинете, послушали красивый рассказ экскурсовода, и теперь вы должны побыть в одиночестве... Постарайтесь прийти поздним вечерком, когда завершается день и рождается новый грядущий день. Пройдите по тропинке к маленькому озеру. Станьте на его берегу. И обращаясь к этому озеру, громко крикните: “Александр Сергеевич!” — я уверяю вас, он отзовется на ваше “ау”. И эхо крикнет вам “Иду!”»¹.

Мне посчастливилось много раз бывать в Пушкинском заповеднике — в разное время года, на больших шумных праздниках, в толпе людей и в одиночестве, но всегда здесь сохранялось ощущение общения с живым поэтом! Это не самообман и не самовнушение: это пейзажи, деревья и цветы, говорящие его стихами. Выходишь за околицу, за домик няни в Михайловском и открывается: «Везде передо мной подвижные картины, Там вижу двух озер лазурные равнины...». Входишь в липовую аллею, и в памяти возникают бессмертные строчки: «Я помню чудное мгновение, Передо мной явилась ты...». В Тригорском присядешь на скамью перед высоким холмом и невольно вспомнишь: «Гляжу ль на

дуб уединенный, Я мыслю: патриарх веков Переживет мой век забвенный, Как пережил он век отцов».

Свои воспоминания о влиянии Пушкинского заповедника на их жизнь и творчество оставили многие известные ученые, писатели и художники.

Хранитель музея «Пушкинский заповедник» Вячеслав Юрьевич Козьмин провел интересное исследование жизненного пути мельника из Бугрово Николая Николаевича Ольхина. Активный участник революционных событий 1917–1920 годов, бунтарь, типичный представитель своего времени, в то же время поэт, вдохновленный Пушкиным и бесконечно влюбленный в родную землю.

*Бывало лишь только с востока
Заря совершает полет,
А я уж брожу одиноко
По берегу Михайловских вод.
Нет, нет, то не слезы поэта,
Не воля зовет на простор.
Так только поет до рассвета
Любимый Михайловский бор...
...Вон там, в золотистом тумане,
Где вспыхнул цветущий пожар
Избушка виднеется няни,
Объятая крыльями чар...
О чем же вдруг Сороть забьется?
Кто звездную песню поймет?
Быть может, призыв раздается —
Что ж Пушкин на берег не идет?
Скорбь, небыль свершают полеты,
Мир грез на мгновения открыт.
«Он здесь! — говорят все просторы. —
Свободный, он снова творит!»².*

Вдохновляющим местом для многих творческих людей является Русский Север: это родина и творческая мастерская многих выдающихся писателей — кудесников русского слова: Степана Писахова, Бориса Шергина, Федора Абрамова, Василия Белова, Николая Рубцова, Владимира Личутина и многих других.

Объясняя этот феномен, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев писал: «...самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, — это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский, — он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он не только спасал Россию в самые тяжкие времена русской истории — эпоху польско-шведской интервенции, в эпоху первой Отечественной войны и Великой, он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую

деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию — песенную, словесную, русские трудовые традиции — крестьянские, ремесленные, мореходные, рыболовецкие <...>

Книг о Русском Севере не так много. Есть книги о деревянной архитектуре Севера, о северных ремеслах, о северном фольклоре, но о Севере как таковом, о мужественных и простых северных людях, никогда не испытывавших на себе гнетущей унизости крепостного права и сохранивших во всей своей манере держаться, работать, уважать друг друга, общаться друг с другом достоинство Человека — таких книг почти нет»³.

Город и село создали разные типы культур. Наступление городов — объективное и закономерное следствие индустриализации, промышленной революции, урбанизации, — казалось, навсегда оставляет в прошлом село, деревню с ее неторопливым течением жизни, непревзойденной связанностью с природой, совершенно особенным бытием, столь близким душе человека.

Однако деревня уходить не собирается. Более того, в начале XIX века, когда жизнь стала являть все более ощутимые черты экологического кризиса, внимание людей стало чаще обращаться к сельскому образу жизни, особенностям деревенской культуры, выработанному веками опыту отношения человека к земле, воде, полю, лесу, животному миру. Все меньше тех, кто считает преимуществом жизнь в многоэтажном здании — все больше становится тех, кто предпочитает ему дом на земле, среди цветов и растений. Не случайно становится популярен сельский туризм, а экологически чистые натуральные продукты дорожают.

В многовековой истории русской культуры на разных этапах ее развития сохранялись традиции западного опыта покорения природы с обращением ее богатств на службу цивилизации и восточного — с его умением слушать природу, угадывать ее ритмы и движения.

Особенно наглядно эта традиция проявилась в русской усадьбе и крестьянской культуре. Каждый раз, когда в Кенозерском национальном парке реставрируется, возвращается к жизни крестьянский дом или часовенка, поражает не только мастерство создателей этих строений, но и гармония, согласие их с окружающей природой. Дом или часовня построены именно там, где им надлежит быть, они не нарушают природный ландшафт, а дополняют и украшают его. Необычайно украсил деревню Вершинино восстановленный дом Гильфердинга (так его называют), где откроется Музей родникового слова. Очень хочется верить в то, что Филипповская церковь, поражающая своей красотой и благородным величием, соберет людей в обезлюдевшие деревни, расположенные вокруг нее.

Размышляя над этой темой, непременно приходишь к выводу, что культурный ландшафт формирует особое отношение к миру, соединяющее в себе рациональное и эмоциональное, что Ф.И. Тютчев закрепил в бессмертных строках:

«Не то, что мните вы, природа, не слепок, не бездушный лик, в ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык». А в начале XX века Максимилиан Волошин написал: «Человек рожден, чтобы выплавить из мира необходимости и разума Вселенную Свободы и Любви».

Являясь предметом исследования многих областей научного знания: истории, археологии, краеведения, географии, истории, искусствоведения, лингвистики, реставрации, почвоведения, ботаники, зоологии и других наук, понятие «культурный ландшафт» стало энциклопедическим.

Главной задачей становится использование накопленных знаний, формирование в массовом сознании грамотного, уважительного и творческого отношения к культурному ландшафту. С нашей точки зрения, это означает:

- изучение, выявление и поддержку значимых характеристик и качеств, составляющих образ ландшафта;
- сохранение ландшафта от искажений и разрушений, удержание культурных качеств;
- раскрытие и расширение возможностей воздействия ландшафта (достопримечательного места) на человека, на пробуждение и развитие в нем творческих способностей и талантов.

Решить эти задачи невозможно без широкого использования литературы и искусства. В художественных произведениях, музыке культурный ландшафт представляется наиболее наглядно и убедительно, искренне и взволнованно. К счастью, наше искусство очень богато таким содержанием.

В деятельности национальных парков, музеев-заповедников накоплен большой опыт деятельности. В Кенозерском национальном парке это многолетняя работа экологических лагерей, проведение юношеских Ломоносовских чтений, творческих фестивалей (один из самых интересных в стране смотров практических знаний и умений), творческие мастерские. В Пушкинском музее-заповеднике представлен опыт движения доброхотов: жизнь в пушкинских местах в течение месяца и более дает «вживание в среду», человек получает «пушкинскую прививку» (так называют приобщение к Пушкину), что «живительно для развития творческих сил». В Михайловском проходят многочисленные фестивали авторской песни, театров кукол, конкурсы поэтов, пленэры художников.

Просветительская работа многих музеев поднялась на более сложный уровень, когда работников музея, экскурсоводов волнует не только то, какими знаниями они обогатили посетителей, но и то, что посетители усвоили, как приняли услышанное и увиденное, с какими чувствами и мыслями покидают музей. Все это закрепилось в особом направлении работы, которое называется «музейная педагогика».

Есть несколько оснований, на которых строится жизнь людей, какими бы разными и непохожими друг на друга они ни были. Одно из этих оснований — любовь к своему Отечеству. Сильная и вдохновляющая, она не всегда до конца

осознается и редко находит выражение в словах — таких, какие нашел Константин Симонов:

*Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.
Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.*

Культурный ландшафт — это то, что наилучшим образом помогает понимать свое Отечество, а значит созидать, творить и быть счастливым.

Примечания

¹ Михайловская Пушкиниана. М., 2001. Вып. 20. С. 132, 143, 153.

² Там же. 2012. Вып. 53. С. 40–41.

³ Лихачев Д.С. Русский Север // Гемп К.П. Сказ о Беломорье. М.; Архангельск, 2004. С. 4.

Охрана природного и культурного наследия и туризм: ведомства разные — задачи общие

Проект «Культурные ландшафты: традиции для развития», получивший поддержку Европейской комиссии, был подготовлен для того, чтобы привлечь внимание российского общества и власти к ценности культурных ландшафтов, их просветительскому и туристическому потенциалу, к той роли, которую они играют в экономическом развитии регионов, патриотическом воспитании и, наконец, в сохранении природного и культурного наследия народов России. Инициатор и координатор проекта — ЭкоЦентр «Заповедники», партнеры — музей-заповедники «Куликово поле» и «Михайловское», национальные парки «Кенозерский» и «Угра» в России, «Нарочанский» в Беларуси и «Лейк Дистрикт» в Великобритании.

Российское законодательство традиционно разделяет объекты природного и культурного наследия в соответствии с ведомственной принадлежностью. Особо охраняемые природные территории (ООПТ) находятся в ведении Минприроды, а музей-заповедники подчинены Минкультуры России. Возможно, это облегчает принятие ряда управленческих решений, но на протяжении веков отношения людей и природы развивались и продолжают развиваться по иным законам — законам жизни. Далеко не всегда можно с легкостью отделить объекты, имеющие природную ценность, от тех, что связаны с культурой, историей и духовной жизнью нации.

Есть и у нас в стране такие места, например Алтай, Хакассия, Урал и иные, где многие природные объекты неразрывно связаны с историей, традициями народа, его духовным наследием и имеют огромную культурную ценность, а природное наследие является важнейшей частью культуры, имеющей сакральное значение для всей нации.

Сейчас все больше внимания уделяется государственным природным заповедникам, при этом и закон, и обыденное сознание воспринимает их как места первобытной, нетронутой природы. Конечно, внутри заповедников немало таких территорий, но, ландшафты многих заповедников, в том числе таких, как «Хакассий», «Шульган-Таш», «Центрально-Черноземный», «Приволжская лесостепь» или «Убсунурская котловина», хранят следы многовековой человеческой деятельности. На территориях почти всех заповедников европейской части России, во многих заповедниках Урала и Сибири имеются объекты истории и культуры, значимые для нашей страны. Однако ни в одном из законодательных и нормативных документов, регламентирующих их деятельность, нет даже упоминания о том, что в границах этих ООПТ могут быть ландшафты, имею-

щие историческую и культурную ценность. Естественно, что и задач по их сохранению не ставится. Специалисты природных заповедников, причем далеко не большинство из них, только начинают задумываться о подходах к сохранению культурных ландшафтов в границах этих территорий.

В национальных парках, музеях-заповедниках, которые находятся в ведении разных ведомств, есть немало объектов, для сохранения которых используются единые подходы. Это уникальные природные образования вокруг старинных усадеб или тесно связанные с природным окружением архитектурно-художественные ансамбли, ценнейшие ландшафты, формировавшиеся веками при участии человека и сохраняющие природу, историю и культуру народов нашей страны. Это сельская местность, где до наших дней сохранились нематериальные культурные ценности. Здесь живут люди, среди которых есть носители истинной народной культуры, те, кто развивает традиционные формы народного творчества, хозяйствования и природопользования. Именно здесь тысячи и тысячи россиян и зарубежных туристов приобщаются к истинным духовным, культурным и природным ценностям, к истории и великой культуре России. Многие заповедные территории (ООПТ и музеи-заповедники), расположенные в российской глубинке, начинают играть все более заметную роль в экономике регионов. Вовлекая местных жителей в управление природными и культурными объектами, главным образом в развитие устойчивого туризма, можно существенно улучшить социально-экономическую обстановку в отдаленных районах с низким уровнем жизни, повысить социальную и экономическую значимость наследия и тем способствовать его сохранению. Яркие примеры того — Кенозерский национальный парк, заповедник «Шульган-Таш», музей-заповедник «Ясная поляна» и некоторые другие. Важно, что опыт лидеров стал доступен всем заповедным территориям, а сложности, с которыми сталкиваются те, кто идет впереди, могли бы быть преодолены общими усилиями.

Конвенцией ЮНЕСКО «Об охране всемирного природного и культурного наследия» предусмотрено ведение списков по трем категориям: природное, культурное и смешанное наследие. К сожалению, четко отработанного механизма включения в список объектов, имеющих ценность как смешанное, природное и культурное наследие, нет, и для ряда наших объектов это тормозит процедуру включения ценнейших объектов в число всемирно значимых. Кенозерский национальный парк — один из них.

Принятая Правительством Российской Федерации в 2011 году «Концепция развития системы особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2020 года» определила в числе приоритетов для ООПТ развитие познавательного туризма, сохранение культурного наследия. Объекты культурного наследия во многих заповедниках и национальных парках могут стать чрезвычайно привлекательными для туристов, но для этого важно обеспечить их надлежащую охрану, а порой и восстановление. Наличие наряду с дикой при-

родой объектов с богатой историей и культурой чрезвычайно повышает привлекательность туристических маршрутов в нашей стране.

В общественном сознании сегодня отсутствует понимание особой ценности историко-культурного ландшафта, в том числе для развития туризма. Ситуация усугубляется несовершенством законодательства в этой сфере, а также тем, что сложившаяся система государственного управления не отвечает масштабу и многообразию проблем, которые могут быть решены только комплексно. Есть и проблема ведомственной разобщенности, слабого взаимодействия между органами охраны природы и хранителями культурного наследия, в то время, как невозможно сохранить культурный объект без сохранения окружающего его природного ландшафта. Отсутствуют надежные законодательные решения для охраны природных участков, имеющих сакральное значение. Это основные препятствия, затрудняющие сохранение природных и историко-культурных ценностей. Немало и других задач, которые решают или должны решать национальные парки, государственные природные заповедники, музеи-заповедники для сохранения культурных ландшафтов, сакральных мест, взаимосвязанных (смешанных) объектов культурного и природного наследия. Они являются общими для всех этих учреждений, находящихся в разных ведомствах. Общей является и проблема отсутствия нормативно-методической базы для развития познавательного туризма.

Среди богатейшего природного и культурного наследия нашей страны культурные ландшафты занимают особое место. Это свидетели жизни выдающихся личностей и великих событий в истории страны, это память о старинном укладе и народных традициях, это нередко ценное биологическое разнообразие, сохранить которое возможно лишь при участии человека. Судьба многих из этих объектов вызывает обоснованную тревогу. Прежде всего, потому, что часто, обладая очевидной природной и исторической ценностью, многие культурные ландшафты оказываются вне правовой защиты. В российском законодательстве отсутствует широко применяемый в мировой практике термин «охраняемый ландшафт», представляющий специально выделенную категорию особо охраняемых природных территорий — категорию V (IUCN, 2008). В мире, и особенно в странах Европы этой категории ООПТ в последнее десятилетие уделяется особое внимание. Почему это происходит? По сравнению с более строго охраняемыми природными территориями, категории V часто может быть единственным возможным вариантом ООПТ, поскольку подразумевает более гибкий природоохранный режим. Здесь полнее, чем на иных ООПТ можно учесть интересы проживающих здесь людей, вовлечь их в управление, сохранить места, имеющие историческое и культурное значение, а также живописные местности. Охраняемые ландшафты обеспечивают сохранение культурного разнообразия, объектов культуры, тесно связанных с природным окружением. Эта форма способна обеспечивать сохранение значительно больших природных территорий, служа буфером для ООПТ со строгим режимом охраны. Она позволяет сохранять био-

разнообразии, которое зависит от взаимодействия природы и человека. Кроме того, охраняемые ландшафты могут вносить вклад в поддержание генетического разнообразия сельскохозяйственных культур и скота, но и этим их потенциал далеко не исчерпывается.

Многие национальные парки, музеи-заповедники, значительная часть природных заповедников и иных ООПТ сохраняют культурные ландшафты. Именно здесь сосредоточены ценные объекты культурного и природного наследия — уникальные природные образования и тесно связанные с природным окружением архитектурно-художественные ансамбли, исторические города и сельские местности, сохранившие до наших дней образцы традиционной культуры. Здесь живут люди, среди которых еще есть носители истинной народной культуры, те, кто развивает традиционные формы народного творчества, хозяйствования и природопользования.

В странах Европы положительную роль в изменении отношения государств к ценным ландшафтам стало принятие Европейской ландшафтной конвенции. Как было отмечено на Круглом столе в Общественной палате Российской Федерации на тему «Современное состояние культурных ландшафтов в России: проблемы законодательного обеспечения и управления», который состоялся 15 марта 2012 года, для России серьезным шагом к укреплению законодательства в сфере сохранения культурных ландшафтов, а также демонстрацией политической воли к преодолению указанных препятствий должно стать присоединение к Европейской ландшафтной конвенции. Конвенцию уже ратифицировали 37 европейских стран, еще две страны подписали ее и готовят ратификацию. В числе государств, присоединившихся к конвенции, наши ближайшие соседи — Армения, Азербайджан, Грузия, Молдавия, Латвия, Литва, Украина. В России имеются все предпосылки, в том числе и юридические (Федеральный закон от 25.06.2002 г. «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации» № 73-ФЗ; Федеральный закон от 14.03.1995 г. «Об особо охраняемых природных территориях» № 33-ФЗ), чтобы разработать эффективную стратегию охраны культурных ландшафтов и управления ими, чтобы создать действенные механизмы привлечения населения к ее реализации. Именно такие обязательства берут на себя страны — участники конвенции. К сожалению, процесс подготовки к подписанию документа российской стороной слишком затянулся.

В процессе реализации проекта ЕС «Культурные ландшафты: традиции для развития» предусмотрена деятельность, направленная на преодоление перечисленных выше проблем и препятствий. Среди задач проекта — подготовка конкретных предложений по совершенствованию законодательства и методик, направленных на повышение эффективности деятельности в сфере сохранения культурных ландшафтов; формирование сообщества специалистов разных ведомств, работающих в этой сфере, путем проведения серии обучающих семинаров, стажировок и конференций.

Достопримечательное место как путь сохранения культурного и природного наследия

Пушкинский заповедник в Михайловском по своей культурной ценности стоит в одном ряду с Эрмитажем, Русским музеем, Ясной Поляной, Третьяковской галереей. В 2012 году музею-заповеднику исполнилось 90 лет.

Основной достопримечательностью, имеющей непосредственное отношение к памяти Пушкина, которая оставалась неизменной в течение столетий, является природа. Та же река Сороть, те же холмы и поля за ней, то же озеро Кучане, те же вековые деревья парка, те же Михайловские рощи, в которых гулял Александр Сергеевич. Все это создает неповторимую пушкинскую атмосферу. Благодаря ей и восстановленный дом-музей поэта кажется настоящим, оживает экспозиция, оживают и становятся почти реальностью рассказы экскурсоводов. Следовательно, прежде всего надо беречь и охранять эту подлинность и нетронутость первозданной природы Пушкиногорья.

За время существования заповедника государство стремилось сохранить природное наследие пушкинских мест как явление русской национальной культуры. С 1965 года утверждены охранные зоны музея-заповедника А.С. Пушкина. В 1983 году Постановлением облисполкома был утвержден проект института Ленгипрогор (главный архитектор проекта — Галина Петровна Боренко), в котором были определены режимы использования территории, ограничено развитие населенных пунктов вокруг музеев-усадеб, предусмотрен принцип сохранения открытых пространств и т.д.

20 февраля 1995 года Правительством Российской Федерации было принято постановление № 165 «О мерах по сохранению и дальнейшему развитию Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина в селе Михайловском», по которому музей-заповедник преобразовывался в Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» Министерства культуры Российской Федерации. Территория музея-заповедника определялась общей площадью 9713 гектаров с расположенными на этой территории памятниками истории и культуры. Также в 1995 году был принят Указ Президента Российской Федерации «О включении отдельных объектов в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации».

В связи с изменениями в социальной, экономической и политической сферах в последнее время обострились противоречия между задачами музея-заповедника по сохранению объектов культурного наследия и интересами собственников земли, связанными с застройкой заповедной территории вокруг

музеев-усадеб. В результате возникли несанкционированные коттеджные застройки в деревнях Петровское, Воронич, Зимари, Дедовцы и других, которые резко ухудшили сложившийся исторический ландшафт. Назрела необходимость юридической защиты мемориальных музеев-усадеб. Министерством культуры Российской Федерации в 2009 году было принято решение о придании музею-заповеднику статуса достопримечательного места, связанного с жизнью и творчеством А.С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях.

В соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», все объекты культурного наследия подразделены на виды: памятники, ансамбли и достопримечательные места. «Достопримечательные места — творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов».

Министерством культуры Российской Федерации и сотрудниками музея проделана серьезная работа по разработке проекта достопримечательного места. Прежде всего было обращено внимание на сохранение целостности территориальной системы, исторически и пространственно связанной с объектами культурного наследия. Было определено, что сохранению подлежат:

- объекты историко-культурного и историко-природного наследия;
- объекты археологического наследия;
- панорамы и видовые точки, с которых наилучшим образом раскрываются целостные архитектурно-ландшафтные объекты;
- композиционные оси и направления восприятия основных объектов историко-культурного наследия — соотношение фоновой застройки населенных пунктов с природно-ландшафтными элементами.

В населенных пунктах сохранению подлежат:

- основные характеристики застройки, представляющей историческую, архитектурную, художественную, средовую ценность;
- главные градостроительные принципы, критерии, правила формирования исторически сложившейся архитектурно-ландшафтной среды;
- историческая планировочная структура, масштаб и высота, плотность застройки.

Характер использования территорий в границах достопримечательного места установлен с учетом историко-культурной оценки ценности и сохранности

элементов и параметров градостроительной и природной среды на основе норм законодательства об охране объектов культурного наследия и в соответствии с требованиями федерального и регионального законодательства.

В проекте установлены основные зоны:

1. Зона сохранения и регенерации историко-градостроительной и природной среды объекта (Центральная зона).
2. Функциональные зоны (Зона сохранения природного ландшафта с ограниченным рекреационным развитием и Зона сохранения природного ландшафта с рекреационным развитием).

Для каждой из этих зон определены функции, режимы использования особо охраняемых территорий (1080 га), земель населенных пунктов, сельскохозяйственных земель за населенными пунктами, водных и лесных объектов.

Разработано 8 режимов и градостроительных регламентов на всю территорию достопримечательного места:

- Р-0 распространяется на земельные участки в границах населенного пункта, непосредственно примыкающего к объектам культурного наследия;
- Р-1 и Р-2 распространяются на земельные участки в границах населенного пункта, в зоне активного восприятия от видовых площадок объектов культурного наследия и туристско-экскурсионных трасс;
- Р-3 распространяется на земельные участки в границах населенного пункта в зоне визуальной изоляции от видовых площадок объектов культурного наследия;
- Р-4 распространяется на земельные участки существующих или утраченных сельскохозяйственных производственных комплексов, находящихся в зоне видимости от основных туристско-экскурсионных трасс;
- Р-5 распространяется на земельные участки существующих или утраченных сельскохозяйственных производственных комплексов, находящихся в зоне изоляции от основных туристско-экскурсионных трасс;
- Р-6 распространяется на земельные участки в границах населенных пунктов, расположенных в зонах возможного рекреационного развития;
- Р-7 распространяется на земельные участки, предназначенные для развития музейной туристско-экскурсионной инфраструктуры;
- Р-8 предназначен для земельных участков утраченных деревень, существовавших на мемориальный период.

На настоящий момент Пушкинским заповедником проведены:

- определение территориальных зон;
- межевание территории на площади 9713 га, определены границы земельных участков частных землепользователей (около 2 тыс.);
- аэрофотосъемка, составлен картографический материал;
- определение поворотных точек границ территории и геодезические координаты;

-
-
- инвентаризация памятников, составлены паспорта и охранные обязательства на них, выявлены новые объекты;
 - определение режимов использования территории, в которые входят работа с лесами, водными объектами, сельхозугодиями, градостроительные регламенты по строительству в населенных пунктах, озеленение и благоустройство в них, различные ограничения по зонам.

В апреле и мае 2012 года государственными экспертами Игорем Игоревичем Лагуниным, Татьяной Евгеньевной Андреевой и Сергеем Викторовичем Трояновским была проведена государственная историко-культурная экспертиза проекта по определению режимов использования земель и градостроительных регламентов в границе территории «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством А.С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях в Пушкиногорском районе Псковской области». Заключение было положительным.

30 апреля 2013 года Распоряжением Правительства Российской Федерации № 714-р выявленный объект культурного наследия «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством А.С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях в Пушкиногорском районе Псковской области» отнесен к объектам культурного наследия федерального значения.

Министерству культуры предстоит в установленном порядке включить объект культурного наследия федерального значения в единый государственный реестр объектов культурного наследия.

На основании переданных полномочий по государственной охране объектов культурного наследия федерального значения приказом Комитета Псковской области по культуре от 3 июля 2013 года № 314 утверждены границы территории объекта культурного наследия федерального значения «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством А.С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях в Пушкиногорском районе Псковской области», расположенного по адресу: Псковская область, Пушкиногорский район.

Копия вышеуказанного приказа в составе пакета документов, необходимых для регистрации объекта культурного наследия в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, в установленном порядке 10 июля 2013 года направлена в Министерство культуры Российской Федерации.

Достопримечательное место является одной из важнейших форм сохранения такого объекта культурного наследия, как Пушкинский заповедник и его культурного ландшафта, представляющего мемориальную, литературную и историческую ценность.

Восстановление утраченных малых архитектурных форм на территории музея-усадьбы «Ясная Поляна» как элемент создания особой культурной среды

Музей-усадьбу Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» ежегодно посещают более 180 тыс. человек. Основная экскурсионная нагрузка приходится на летнее время: май — сентябрь. И, несмотря на большую территорию заповедника (более 400 га, или 11 км по периметру), основным местом посещения является центральная часть усадьбы: Прешпект, пейзажный парк с системой прудов, хозяйственный двор и оставшиеся от большого архитектурного ансамбля здания: флигель Кузминских и дом Л.Н. Толстого (ил. 1).

На дом писателя приходится самая большая нагрузка. Собственно, количество людей, сегодня его посещающих, — это предел, который не стоит превышать, если мы хотим сохранить для потомков память о Толстом. Таким образом, для нашего музея сейчас остро стоит вопрос разведения экскурсионных потоков. И задача заключается не только в том, чтобы заинтересовать посетителей уже существующими маршрутами, сделать их более привлекательными, задача — создать новые альтернативные маршруты.

Конечно, дому писателя присуща определенная культурная среда: в известной мере его обстановка формирует взгляды, ценности и нормы поведения; поэтому такое количество школьников каждый год приезжает в наш музей, и дело здесь не только в школьной программе.

Сам дом является всего лишь частью уникального толстовского усадебного мира с хозяйственными постройками, садами, парками, лесами. И нам необходимо расширить эту особую культурную среду за пределы центра Ясной Поляны, распространить ее на весь заповедник. Определенную роль в этом должны сыграть, к сожалению, ранее утраченные объекты усадьбы, которые, в свою очередь, были центрами своеобразного микромира, так или иначе отражающего жизнь писателя, его взгляды, его философию.

Одним из таких объектов является купальня на реке Воронке (ил. 2), восстановленная в 2010 году сотрудниками музея. Эта купальня типична как малая архитектурная форма, характерная для усадебной культуры той эпохи. Подобные сооружения были в том числе и в других имениях, связанных с именем Толстого. Например, в подмосковном Покровском, где, со слов Софьи Андреевны, «отец нам выстроил свою собственную великолепную купальню»¹. Купальня была устроена и у младшей дочери писателя Александры Львовны в Телятинках.

Вместе с тем, наша купальня уникальна, уникальна как усадебный объект, обладавший для семьи Толстого семейной памятью и великолепно передающий

простоту уклада яснополянской жизни. В письмах, дневниках, воспоминаниях Толстых и их родственников часто можно встретить такие записи:

1865 г.

«Ясенская милая тихая жизнь шла своим чередом. Купание, прогулки, верховая езда и возня с детьми наполняли наш день... Долгуша, запряженная парой, стояла у крыльца дома. Мы ехали купаться на Воронку, за полторы версты. Доехав до горы, к спуску реки, мы встали и весело наперегонки побежали вниз... Река Воронка, наша ясенская отрада, небольшой приток Упы, запруженная, имела довольно глубокие места, и потому было где плавать»².

21 июля 1870 г.

«Я купаюсь. Лошадь привязана и смотрит на меня, когда я выплыл из купальни. Знает ли она, что это я, — тот я, к[оторый] приехал на ней?»³.

13 июля 1882 г.

«Какое чудное лето нынешнее! Мы вполне наслаждаемся жизнью. Нынче вместо купанья я ходила в Чепыж за грибами и нашла семь белых и несколько сыроежек. Я не купалась, потому что зубы немного болели. Я все никак плавать не могу выучиться: три раза оплыву купальню и уже сил нет... Маша тоже выучилась на днях плавать, но она насилу переплывает купальню»⁴.

4 сентября 1897 г.

«Сегодня шла из купальни и думала опять, что человек только жив мечтой»⁵.

17 июня 1898 г.

«Вчера, до заболевания Льва Николаевича, с Сашей в первый раз купались и жалели, что мало кто пользуется такой чудесной купальней и вообще нашей яснополянской удобной летней жизнью»⁶.

Чтобы раскрыть весь потенциал этого объекта в создании определенной культурной среды, расскажем о нашем участии с проектом «Купальня на реке Воронке» в ландшафтной выставке «С чего начинается Родина...», которая проходила с 8 по 17 июня 2012 года в Михайловском саду Санкт-Петербурга в рамках Пятого международного фестиваля садово-паркового искусства «Императорские сады России». Расскажем о том отклике, который наша композиция нашла в сердцах людей.

Мы привезли в Санкт-Петербург кусочек Ясной Поляны, кусочек родины Л.Н. Толстого. А для большинства людей родина связана с самыми яркими детскими впечатлениями. Вспомните слова из повести «Детство»: «Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений»⁷. И, пожалуй, наиболее яркие из них — это воспоминания, связанные с походами в лес, в поле, на речку. Это свойственно любому человеку и современному, и жившему во времена Льва Толстого. Так было для самого писателя. Достаточно перечитать в его «Воспоминаниях» красочное описание поездки в соседнюю с Ясной Поляной деревню Грумант или сцены охоты из того же «Детства». Так было для его сыновей и внуков, запомнивших на всю жизнь поездки всей семьей на купальню.

Чувство родной земли, любовь к природе, удивление от непостижимости окружающего мира — все это соединилось для обитателей Ясной Поляны, на наш взгляд, и в долине этого замечательного Калинового луга, на излучине «чистой и прохладной Воронки», там, где сейчас стоит купальня; поэтому мы и решили участвовать в выставке с композицией «Купальня на реке Воронке». Для этого привезли в Санкт-Петербург ее модель.

При изготовлении модели купальни, как и при восстановлении купальни на реке Воронке в 2010 году, мы пользовались историческими фотографиями. Таким образом, конструкция и размеры модели практически полностью повторили восстановленную купальню и, конечно, одну из разновидностей той, что была на Воронке в начале XX столетия.

Материал старались использовать родной, яснополянский. Использовали прутья орешника и лозу, обильно растущую у нас по берегам Воронки. Их заготовка была, пожалуй, наиболее трудоемким этапом работы. Из засохших елок изготовили опорные столбы и доски для настила в купальне. Особенно остро при разработке проекта стал вопрос об имитации воды. Изначально мы обсуждали с организаторами вопрос о том, чтобы поставить модель купальни прямо на открытой воде, т.е. на одном из прудов в Михайловском саду. Но, руководствуясь соображениями безопасности, мы решили поставить купальню на газон. Более того, дно в прудах уложено камнями, что создало бы дополнительные трудности при ее установке. Было еще два варианта — использовать для имитации цветную мульчу или крашенный кварцевый песок. Остановились на втором варианте, т.к. фактура у песка более мелкая, а цвет более насыщенный. Оживить композицию решили настоящими яснополянскими растениями. Для этого идеально подошли в обилии произрастающие у нас рогоз, ятрышник и стрелолист. Растения, заранее выкопанные за территорией музея, благополучно преодолели 900 километров и выстояли все дни работы фестиваля. Причем на рогозе к удивлению посетителей даже стали завязываться соцветия.

С помощью модели мы давали представление о размере, особенностях конструкции и материале, из которого сделана купальня. Заметим, что на телеканале «Санкт-Петербург» в программе «Удачные советы» показали большой репортаж с фестиваля «Императорские сады России». Один из сюжетов был как раз о нашем проекте, вместе с автором и ведущей передачи Анной Тятте мы поделились с телезрителями секретами изготовления плетеных из орешника конструкций, рассказали о купальнях в Ясной Поляне.

Посетители, подходя к нашей композиции, порой недоумевали, видя перед собой несколько странное, плетеное из ивняка и орешника сооружение, но потом, прочтя информационную справку и пройдя по мостику внутрь купальни, окунались в яснополянский мир — мир, полный гармонии и единения с природой. Это происходило во многом благодаря уникальным фотографиям, впервые собранным по этой теме вместе и размещенным внутри модели купальни.

Первый ряд фотографий раскрывал перед посетителями облик яснополянских купален в разное время. Таким образом, по ним можно было судить, как купальни видоизменялись. Кроме того, надо было показать значение купальни для семьи писателя, поэтому был представлен ряд семейных фотографий (ил. 3). Это снимки близких Толстого возле купальни — трогательные минуты семейного счастья, запечатленные С.А. Толстой. Еще для нас было важно показать, что купальня была центром своеобразного микромира. Плотина, дорога на Грумант, Калинов луг, Купальная дорога — все это места многочисленных прогулок Толстого и его родных, но в центре этого — окруженная особой аурой купальня. Это помогли сделать замечательные фотографии Карла Буллы: «Толстой после купания», «Толстой верхом на Делире переезжает плотину». Здесь же фотографии, запечатлевшие прогулки Толстого вдоль Воронки. И наконец четвертый блок — фотографии современные, запечатлевшие процесс восстановления купальни в морозную зиму 2010 года.

Абсолютно логично, на наш взгляд, при раскрытии «купальной» темы было представить и вещи писателя, которые с ней связаны. Так родилась идея сделать в купальне уголок вещей Толстого. В нем мы поместили реплику купальной шляпы, сшитую по образцу шляпы из мемориального фонда, муляж палки-стула, которую писатель часто брал с собой на прогулки, и суровое домотканое полотенце.

Фестиваль продолжался две недели, и все это время нам приходилось находиться в Михайловском саду. Его обычно открывали в 10 часов утра, и поток посетителей не прекращался до самого закрытия в 22 часа. Причем втянуться в такой режим оказалось совсем не сложно. И причина тому — тот живой отклик и неподдельный интерес, который мы встретили со стороны посетителей, по отношению к проекту, а также к образу жизни Л.Н. Толстого и его близких. По итогам зрительского голосования наш проект (ил. 4) занял седьмое место из 28, свой голос за нас отдали 546 человек.

Приведем некоторые записи из книги отзывов посетителей нашей композиции:

«Спасибо вам за встречу с яснополянской летней жизнью!».

«Познакомились с Ясной Поляной в неожиданном ракурсе».

«Надо учиться скромной жизни у наших Великих Предков».

«Мысленно переносишься в другой мир и другое время, уходишь обогащенной и вдохновленной».

«Большое спасибо за возможность вспомнить наши корни, да еще в аспекте родной природы».

«Прекрасная идея... Удивительные фотографии... Удалось передать чувство Родины, детства, запахи Родины».

«Спасибо за бережное отношение к памяти великого писателя! Очень заманчиво увидеть новый интересный объект Ясной Поляны — купальню. Обязательно посетим в июле усадьбу и купальню Льва Николаевича!».

«Спасибо за идею, за уникальную работу по восстановлению уголков усадьбы. Теперь уже хотим поехать в Ясную Поляну».

Таким образом, этим проектом мы раскрыли историю интересного усадебного архитектурного сооружения, показав его значение в жизни семьи писателя. Отрадно, что при этом мы встретили полное понимание, как у посетителей, так и у организаторов фестиваля. Отметим, что мы не просто представляли этим проектом музей, а рассказывали о восстановлении интересного объекта на историческом месте, тем самым привлекали внимание к необходимости восстановления подобных объектов в других усадьбах.

Сегодня купальня на реке Воронке включена в альтернативные экскурсионные маршруты по заповеднику. И в своих экскурсиях мы используем опыт, полученный во время выставки в Санкт-Петербурге. Ведя очередную группу волонтеров, студентов-практикантов или школьников из движения «Муравейное братство», мы обязательно берем с собой подборку фотографий на «купальную» тему.

Примечания

¹ Толстая С.А. Моя жизнь: в 2 т. Т. I: 1844–1886 гг. М., 2011. С. 121.

² Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1968. С. 362–365.

³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 48: Дневники и записные книжки 1858–1880 гг. М., 1928–1958. С. 126.

⁴ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1979. С. 40.

⁵ Толстая С.А. Дневники: в 2 т. Т. 1: 1862–1900 гг. М., 1978. С. 294.

⁶ Там же. С. 390.

⁷ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 43.

Задачи сохранения ландшафта поля генерального сражения Великого стояния на Угре 1480 года и сложности их решения

В 2015 году исполнится 535 лет со времени знаменательного события в отечественной истории, которое во многом определило дальнейшую судьбу Московского государства — Великого стояния на Угре 1480 года. Эта почти полугодовая военная кампания, в которой столкнулись стратегические планы двух крупных военачальников того времени: хана Большой Орды Ахмата и великого московского князя Ивана III. В итоге одержанной победы молодое Московское государство обрело долгожданную независимость и освободилось от унижительного повиновения ордынским ханам, а русский народ — от изнуряющих поборов в Орду. Победа на Угре относится к тем подлинно великим историческим феноменам, реальное значение которых с течением времени возрастает, а осознание их истинного смысла и масштабов приходит только впоследствии.

Канва событий июля-ноября 1480 года такова: после неудачного похода на Русь в 1472 году политический авторитет хана Большой Орды значительно упал, а Иван III отказался от уплаты ордынской дани. Для восстановления своей власти над Русью Ахмату нужна была победоносная война. Он искал союзника и ждал удобного момента для ее начала. Союзник нашелся в лице литовского короля Казимира, а выступление ускорила уособица между Иваном III и его братьями. Московский князь знал о намерениях Ахмата и заведомо направил свои дружины к Оке в Коломну, Серпухов и Тарусу. Тогда Ахмат уводит свое войско в литовские земли на Угру, ожидая помощи короля. Не получив ее, он вынужден был вступить в бой с русскими войсками в одиночку. Неоднократные попытки форсировать Угру не удалось — им успешно противостояли московские дружины, контролировавшие фронт протяженностью более 60 верст. Далее следует затяжной — около полумесяца — этап переговоров, начатых ордынцами и зашедших в тупик. Собственно, это и было тем самым «стоянием», во время которого политическая ситуация изменилась не в пользу Ахмата: помощи Казимира нет, княжеская уособица на Руси прекратилась, начались сильные морозы. Утратив стратегическую инициативу и, в довершение всего, получив известие о тайной посылке Иваном III «судовой рати» в Большую Орду, Ахмат поспешно покинул угорские рубежи, по дороге разорив 12 русских городов на землях «верховских» князей — вассалов Литвы.

Основными источниками исторических сведений о Великом стоянии на Угре являются летописи (Вологодско-Пермская, Никоновская, Софийская, Казанский летописец и др.), миниатюры Лицевого летописного свода XVI века и труды ученых XVIII–XX веков¹. Именно эти материалы дают представление о хро-

нологии и масштабах рассматриваемых событий. Имея ввиду географическую привязку боевых эпизодов осени 1480 года, можно говорить о том, что Великое стояние целиком укладывается в границы сегодняшнего национального парка: от приустьевой части Угры до места впадения в нее левого притока — реки Вори (по петляющему руслу Угры это расстояние составляет около 145 км).

Указанной территорией, отвечающей долинному комплексу Угры, мы вправе очертить и границы соответствующего военно-исторического (событийно-археологического) ландшафта². Однако, время не сохранило на всем этом пространстве прямых свидетельств и следов Великого стояния (например, укреплений или захоронений), поэтому рассматриваемый ландшафт является ассоциативным с фрагментами естественно эволюционировавших или частично использовавшихся в хозяйственных целях природных компонентов (реки, луга, леса). Эти компоненты, отвечающие разным эпизодам военной кампании, вместе с многочисленными остатками летописных городов (городищ) — свидетелей и порою участников известных событий и составляют сегодня перечень памятных мест Великого стояния на Угре³.

О «памяти места», помимо большого количества преданий и легенд, связанных с событиями 1480 года, свидетельствует также наречение Угры «Поясом Богородицы» — так окрестил народ эту реку после свершившейся победы. «Пояс Богородицы» — подлинно русское выражение, построенное на традиционных символах: Богородица в народном православии — небесная заступница, пояс в одежде оберегает человека от злых сил. Эта красивая, поэтическая метафора очень точно передает идею защитной роли Угры в Великом стоянии 1480 года. В последующем она нашла свое реальное воплощение в строительстве в долине реки церковей и монастырей, посвященных Богородице. Одним из первых памятных знаков в ландшафте Угры следует, вероятно, считать Преображенский собор Спасо-Воротынского монастыря близ слияния Угры и Оки — древнейший из дошедших до нас каменных храмов Калужской области постройки 1550–1560 годов. Его сооружение связывается с намерением увековечить память о победе Руси в 1480 году. Возведением подобных мощных столпообразных шатровых храмов знаменовались важнейшие государственные события.

Храмы, посвященные Богородице, были построены после Великого стояния во многих населенных пунктах Поугорья (их было около 20), но в большинстве своем, за редким исключением (Велино, Плюсково), не сохранились до нашего времени. В то же время, в возрожденных ныне монастырях рассматриваемой территории «богородичная» тема также нашла воплощение в соборе Успения Богородицы Свято-Тихоновой Пустыни (как напоминание о первоначальном деревянном храме XV века в обители Тихона Калужского), в церкви Введения Богородицы (середина XVII в.) в Спасо-Воротынском подворье Казанского девичьего монастыря. Наконец, в ряду современных объектов, восславивших подвиг русских ратников на Угре, необходимо упомянуть существующий самый извест-

ный памятник на шоссе Москва — Брянск у моста через Угру (ил. 1), установленный к 500-летию Великого стояния (скульпторы В. Фролов и М. Неймарк).

Понимая ответственность за сохранение исторической памяти и ландшафтов, где разворачивалось рассматриваемое событие, в национальном парке с 2002 года действует научно-исследовательская программа, основная цель которой — выявление всей совокупности наследия Великого стояния на Угре, его изучение, использование в культурно-просветительских целях, а также разработка соответствующих туристических и экскурсионных маршрутов.

Тема «Угра — Пояс Богородицы» в рамках международного проекта Еврокомиссии «Культурные ландшафты: традиции для развития» заявлена национальным парком для решения конкретных задач действующей научно-исследовательской программы.

В реализации программы парк развивает сотрудничество с Калужской Свято-Тихоновой пустыней (ил. 2), Спасо-Воротынским монастырем (ил. 3), администрацией Калужской области и Дзержинского района. В первый же год работы по проекту создаются две музейные экспозиции: в Спасо-Воротынском монастыре при финансовой поддержке проекта, а в Тихоновой пустыни — по благословлению наместника монастыря архимандрита Тихона — во Владимирском скиту. Скит построен в память о событиях 1480 года. Двухъярусный храм скита с верхней церковью в честь иконы Пресвятой Богородицы «Владимировская» и нижний — во имя преподобного Сергия Радонежского, как «мостик памяти» от Куликова поля. Спасо-Воротынский монастырь становится центром организации молодежного фестиваля «Пояс Богородицы», а Свято-Тихонов — центром подготовки «Дня памяти».

Сегодня, наибольшую тревогу вызывают речные переправы (броды), вблизи которых происходили боевые столкновения ордынской конницы и русских дружин, и само поле генерального четырехдневного сражения (8–11 октября) Дворцовско-Залидовского отрезка долины реки Угры. Этот ландшафт поля битвы требует всемерного сохранения, особого благоустройства и мемориального оформления. Особенности поля битвы таковы, что войска противников размещались на обширных пространствах обоих берегов, сближаясь для боя у бродов.

Сохранность Залидовских лугов на правобережье Угры, где находилась ставка Ахмата, обеспечивается режимом национального парка (функциональная зона охраняемого ландшафта) и специальными договорами с собственниками земель об объемах и сроках сенокосения, выпаса скота⁴. Залидовские луга сохраняют богатейшее естественное разнообразие кормовых трав, являясь одновременно ключевой орнитологической территорией.

Рекомендации для землепользователей, разработанные ботаниками и орнитологами, были рассмотрены в поселке Товарково на научно-практической конференции «Залидовские луга — уникальный памятник природы и истории» и доведены до 6 хозяйствующих субъектов в письменной форме, а также

на встрече в администрации района с вручением красочной листовки «Залидовские луга». В 2012 году более чем на половине площади лугов произведены покосы, что составляет около 500 га. В программу деятельности национального парка «Угра» внесены основные направления по сохранению лугов:

1. Осуществление экологического мониторинга.
2. Контроль за соблюдением режима охраны и выполнением землепользователями рекомендаций.
3. Частичное восстановление водно-болотных угодий.
4. Строгое регулирование использования лугов в рекреационных целях с оборудованием учебных экологических троп.

Пристальное внимание к нашим лугам проявили летом 2013 года участники международного совещания «Изучение и сохранение пойменных лугов». Материалы сообщений изданы для широкого круга читателей, но важнее знать их землепользователям, от которых зависит сохранение видового разнообразия растений. В планах парка — по примеру Великобритании создание их партнерства, ведь от выполнения рекомендаций каждым из них зависит эффективность использования земель и прибыль.

Научно-просветительские и культурные мероприятия программы обсуждались на заседаниях общественной комиссии, созданной в рамках проекта, и на заседаниях научно-технического совета парка. Кроме этого, по распоряжению губернатора Калужской области создана рабочая группа по проведению ежегодного «Дня памяти Великого стояния на Угре 1480 года». Для формирования общественной поддержки архитекторов и художников, историков и краеведов, местных жителей и молодежных объединений были проведены конкурсы проектов оформления памятных мест с оформлением выставки в духовно-просветительском центре Свято-Тихоновой пустыни «Преображение». Проведение выставки и общественного обсуждения определило состав слушателей цикла лекций-бесед, проведенных сотрудниками парка, историками, писателями и православными священнослужителями о событиях XV века и Великого стояния. Если ранее о памятных местах стояния: городищах Воротынское, Спас-Городок, Свинухово или древний Залидов, Опаково, знали только археологи и краеведы, а посетители парка могли услышать исключительно от экскурсовода, то теперь тексты и рисунки находок на информационных щитах станут началом знакомства с историей жизни этих древних городов. Для кого-то знакомство с ними может начаться с увлекательной научно-популярной содержательно иллюстрированной книги-альбома. Полюбоваться ландшафтом, без лишних усилий подняться на городища помогут лестницы (ил. 4) и смотровые площадки (ил. 5) — элементы нехитрого, но столь необходимого для путешественника благоустройства.

Сложнее обстоит дело с левобережной поймой Угры между селами Дворцы и Камельгино (ставка русских воевод). Эта часть ландшафта поля сражения —

сельхозугодия, ограниченные со стороны берега на расстоянии 1–1,5 км от реки протяженным массивом леса, не входит в состав национального парка. Сельскохозяйственная деятельность здесь давно уже не ведется, что приводит к закариванию территории и зарастанию мелким кустарником. Главную же угрозу представляет достаточно реальная перспектива освоения этого пространства дачной застройкой. В связи с этим национальный парк занимается сбором материалов для придания объекту наследия статуса достопримечательного места.

Молодежь и местные школьники села Дворцы и села Льва Толстого два дня работали на посадках зеленой изгороди из молодых сосенок, ограничивающей разрастание построек (ил. 6). Изгородь призвана в недалеком будущем закрыть охраняемую территорию от хаотичности и дисгармонии строений, примыкающих к полю генерального сражения, и оградить ее от нерадивых хозяев дач (ил. 7).

Для сохранения прибрежной части поля генерального сражения с установленным здесь в 2002 году памятным крестом, по документам, подготовленным парком, архимандрит Тихон берет этот участок в долгосрочную аренду монастыря. С собственниками других участков поля предстоит упорная работа.

День памяти победы на Угре 12 октября 2013 года, собравший тысячу земляков и гостей, стал праздником, продемонстрировавшим искренний интерес людей к месту боевой славы предков (ил. 8). Не может забыться торжественность благодарственного молебна в Успенском соборе Свято-Тихонова монастыря, душевность освящения великолепного мозаичного панно у его стен, просветленные лица батюшки Тихона и прихожан, присяга на верность Отечеству молодых кадетов. Продолжение праздника с открытием Памятного камня (ил. 9), парадом-дефиле исторических костюмов с элементами боя на берегах Угры, песнями, плясками, ярмаркой и детскими «боями-забавами» стало коллективным выражением чувства сопричастности истории и достоянию России.

Сохранить историческую память и ландшафт — задача непростая, но решаемая.

Примечания

¹ 1480 год в истории России: сборник документов и материалов к 525-летию Великого Стояния на Угре. Калуга, 2006; Чайкин Е.В. Угорщина. Великое Стояние на Угре. Калуга, 2000.

² Массалитина Г.А., Новиков В.П. «Великое Стояние на Угре» как объект историко-культурного наследия // Куликово поле и ратные поля Европы. Прошлое и настоящее. Тула, 2002. С. 66–72.

³ Их же. Памятные места Великого Стояния на Угре (1480 год) // Земля Калужская в веках: 1480, 1613, 1812. Калуга, 2011. С. 79–87.

⁴ Залидовские луга: сборник научных трудов / под ред. Т.А. Гордеевой, В.П. Новикова. Калуга, 2009.

Привлечение населения к управлению охраняемыми природными территориями: опыт Соединенных Штатов Америки

Примерно 28% всех земельных ресурсов Соединенных Штатов находится в ведении федерального правительства и используется в интересах американских граждан¹. Функции по управлению такими «государственными», или «охраняемыми», территориями (национальными парками, лесами государственного значения, государственными заповедниками и заказниками, девственными и иными охраняемыми территориями) возложены на четыре органа власти — Управление национальных парков, Службу охраны лесов, Службу охраны рыбных ресурсов и дикой природы, Бюро по управлению земельными ресурсами. Их действия и стратегические решения регулируются регламентом и актами конгресса, указами президента, судебными постановлениями и иными документами. Кроме того, данные органы обязаны спрашивать и учитывать мнение граждан Соединенных Штатов по вопросам управления земельными ресурсами, находящимися в собственности государства, что, в свою очередь, часто вызывает острую полемику при принятии управленческих решений.

Причины, по которым органами, ответственными за управление земельными ресурсами, находящимися в собственности государства, сделан вывод о целесообразности привлечения граждан к управлению охраняемыми территориями, следующие:

1. *Воспитание чувства ответственности.* Охрана заповедных территорий преследует цель сохранения их на благо граждан. Чем больше людей вовлечено в процесс управления данными территориями, тем большее чувство ответственности они будут испытывать по отношению к ним и тем больше вероятность постоянства охранных мероприятий. Особенно важным является вовлечение в данный процесс детей и молодежи, т.к. именно им придется заботиться об охраняемых территориях в будущем.
2. *Источник дополнительных ресурсов.* Федеральные агентства испытывают дефицит финансирования и персонала, столь необходимых в деле эффективного управления охраняемыми территориями. Содействие со стороны общественности является ощутимым дополнением к административному ресурсу, что также способствует появлению чувства ответственности.
3. *Укрепление благосостояния и ресурсного потенциала.* Охраняемые территории способствуют улучшению экономических, природоохранных и социальных условий жизни для населения, заинтересованных организаций, отдельных

людей и целых регионов. Это улучшение выражается в стабилизации экономики и конъюнктуры рынка, повышении качества жизни, а также защитных мероприятиях, объектами которых являются растительность, животный мир, водные ресурсы, уникальные объекты культурного и природного наследия.

Многие органы, ответственные за управление охраняемыми территориями, специально обращаются к населению за помощью, заявляя, что им нужны помощники по практической реализации управленческих мероприятий, уходу за тропами и иными объектами, обслуживанию посетителей. Население начинает помогать активнее и с большим желанием, если его мнение учитывается при планировании мероприятий и если к нему прислушиваются в ходе оценки их выполнения. Опыт работы органов власти и населения показывает, что помощь местных жителей вносит вклад в реализацию всех этапов процесса управления охраняемыми территориями:

1. *Планирование.* На этом этапе выясняется: каковы цели и стратегии управления охраняемыми территориями; определены ли объекты специальных охранных мероприятий — виды растений, животных, уникальное наследие; какие ресурсы имеются для расширения ассортимента предлагаемых посетителям услуг. На помощь органам власти может прийти местное население и особенно старожилы.
2. *Реализация.* На этом этапе определяют: каким образом и когда необходимо проводить мероприятия; на какой основе — контрактной или в форме волонтерского труда — могут работать граждане, не являющиеся сотрудниками органов, ответственных за охраняемые территории.
3. *Процесс.* Обслуживание посетителей парков и лесов может осуществляться юридическими и физическими лицам под руководством органов по управлению охраняемыми территориями. Такая возможность не только способна существенно расширить ассортимент услуг, востребованных посетителями охраняемых территорий сегодня и в будущем, но и привносит в работу федеральных органов власти деловые навыки, которых так часто не хватает сотрудникам.
4. *Оценка.* На данном этапе выясняется: насколько строго администрация охраняемой территории придерживается поставленных управленческих задач и прислушивается ли к общественному мнению; что конкретно необходимо доработать; можно ли привлечь к работе еще больше населения.

Волонтеры (лица или организации, добровольно и в свое личное время участвующие в реализации общего дела) представляют в данном случае особую категорию граждан с активной позицией.

Волонтерство — важный компонент экономики и общественной жизни Соединенных Штатов. Статистическое управление Министерства труда США недавно опубликовало данные о том, что в период с сентября 2011 года по сентябрь 2012 года в волонтерской деятельности, действуя через организацию или в ее

интересах, неоднократно участвовало около 64,5 миллионов граждан, что составляет примерно 26,5% американцев². Волонтеры и волонтерские организации не получают денежного вознаграждения за свой труд. Они приобретают нечто иное — чувство гордости за самих себя и удовлетворенность от своих действий, новые навыки, новые, значимые для них знакомства. И не только это. Как показывают многочисленные исследования, проводимые в течение последних 20 лет, волонтерство полезно не только для общества, но и для здоровья. Между состоянием здоровья человека и его участием в волонтерской деятельности выявлена устойчивая взаимосвязь: волонтеры имеют низкие показатели смертности и большой функциональный потенциал; по сравнению с теми, кто не участвует в волонтерской деятельности, они намного реже страдают от депрессий³.

Привлечение волонтеров к управлению охраняемыми территориями требует целенаправленных действий. Руководителям соответствующих служб настоятельно рекомендуется иметь четкий план действий по привлечению волонтеров. В числе рекомендаций следующие:

1. Интегрируйте волонтерскую составляющую в структуру организации работы. Определите задания, выполнение которых можно поручить волонтерам — например, комплектование справочного стола или уборку мусора в рамках небольшого проекта.
2. Если штатные сотрудники не слишком приветствуют идею привлечения к выполняемой ими работе волонтеров, начните с незначительных, но хорошо спланированных проектов, чтобы продемонстрировать целесообразность такого привлечения. Некоторые сотрудники, занятые в сфере управления охраняемыми территориями, могут почувствовать в присутствии волонтеров угрозу необходимости себя самих и опасаться, что волонтеры займут их место. Открыто обсудите с ними их опасения и заверьте в том, что волонтеры, наоборот, усиливают значимость выполняемой штатными сотрудниками работы и делают ее более эффективной.
3. Не ждите, что люди придут к вам сами. Набирайте ряды волонтеров из числа студентов (некоторым из них требуется участие в подобного рода проектах), членов клубов или общественных организаций. Возможно, между какими-то группами населения и охраняемой территорией имеется связь, и это послужит для них мотивом. Членов клуба любителей пеших прогулок можно привлечь к уходу за тропами; орнитологов-любителей попросить посадить кустарники, где птицы могли бы обустривать гнезда и выводить потомство; а краеведы-любители, наверное, с интересом взялись бы за проект по документированию исторических видов землепользования и промыслов родного края, внося таким образом информационный вклад в планирование мероприятий на данной охраняемой территории.
4. Курируйте волонтеров в выполнении поставленных перед ними задач. Незамедлительно отвечайте на все их вопросы и помогайте решать возникаю-

-
-
- щие проблемы. При необходимости напомните о должном качестве работы. Не следует думать, что к работе, выполняемой безвозмездно, могут применяться менее строгие требования. Если уж люди решились пожертвовать своим временем и опытом, то, вероятно, они захотят сделать свою работу хорошо и внимательно выслушают ваши инструкции и указания.
5. Как и штатным сотрудникам, волонтерам может потребоваться соответствующее обучение и оборудование. В условиях, когда таковые не представляются, выполняемая волонтерами работа должна соответствовать их возможностям.
 6. Несмотря на то, что волонтеры работают на безвозмездной основе, рассмотрите возможность возмещения их издержек в связи с выполняемой работой. Например, если волонтер добирается до охраняемой территории на собственном автомобиле, постарайтесь найти средства для оплаты стоимости бензина.
 7. Дайте оценку участию волонтеров в общем деле, подчеркивая его значимость для достижения целей охранных мероприятий, для персонала, для самих волонтеров, а также для иных лиц, например для посетителей охраняемых территорий, пользующихся их услугами. Комментируйте действия волонтеров, чтобы закрепить успех общего предприятия. И помните, что «выгодоприобретателями» в конечном итоге являются не охраняемые территории, а люди и общество, в котором они живут.
 8. Пополнение рядов волонтеров осуществляйте с помощью самих волонтеров. Кто, как ни они сами, удовлетворенные своей деятельностью, могут воодушевить других?
 9. Цените труд волонтеров и поощряйте их. Например, так:
 - прислушивайтесь к мнению волонтеров и учитывайте, по мере возможности, их рекомендации; людям нравится, когда их слушают и считаются с их мнением;
 - дайте волонтерам возможность почувствовать себя частью коллектива сотрудников, ответственных за охраняемую территорию; маленький значок или ленточка, которые можно прикрепить на одежду, приглашение на производственное совещание, если это будет уместным, или выделение постоянным волонтерам ящика рабочем столе, где бы они могли хранить личные вещи — вот лишь некоторые способы выражения значимости того, что он делают;
 - благодарность за проделанную работу можно выразить в соответствующем сертификате или письме, подарив памятный сувенир, пригласив на обед или на чай во время перерыва;
 - если вход на охраняемую территорию в вашем ведении платный, рассмотрите возможность предоставления волонтерам бесплатного посещения территории в обмен на определенное количество часов их работы;
 - оформите рекомендательный отзыв или иной документ с указанием вы-
-
-

полненных волонтерами заданий или полученного опыта, они могут пригодиться им в процессе соискания какой-либо должности.

10. Не следует:

- давать волонтерам исключительно те задания, за которые штатные сотрудники обычно берутся с нежеланием, таким образом вы только отобьете у них охоту помогать в дальнейшем;
- давать волонтерам задания, которые они не способны выполнить в силу того, что у них нет для этого возможности;
- забывать о том, что волонтерам нужен постоянный инструктаж и оборудование;
- пренебрегать благодарностью;
- слишком рассчитывать на помощь волонтеров или давать им монотонные и утомительные задания, от выполнения которых они не будут чувствовать, что приобретают опыт; таким образом их желание помогать быстро «перегорит».

Лучший способ узнать о том, что такое опыт волонтера, это побыть волонтером самому. Даже разовое участие, пусть в течение всего нескольких часов, например в проекте местной школы, уже позволит вам понять, что это значит — пожертвовать собственным временем и опытом. Вы поймете, что организаторы сделали хорошо, а где требуется доработка. Поработав волонтером, вы также сможете сравнить свои ожидания с тем, что, возможно, потребовалось бы от вас, будь вы волонтером, работающим на благо охраняемой территории.

Привлечение населения к управлению охраняемыми территориями требует времени и усилий. Однако польза, извлекаемая гражданами, равно как и вклад в благополучие населения и охраняемой территории окупят затраты вдвойне. Охраняемые территории являются местом, где деятельность дает ощущение участия в том, что будет иметь долговременный эффект и что будет оценено нынешним и будущим поколениями. Чтобы сделать мир лучше, мы, страны, можем выгодно использовать наш самый мощный ресурс — людей.

Волонтеры действительно становятся теми, кому не все равно. Приятно вывезти семью на прогулку в заповедник. Еще приятнее идти по тропе, в обустройстве которой участвовали вы и ваши дети. Это сближает с заповедной территорией и наполняет сердца всех гордостью.

Примечания

¹ Congressional Research Service. Federal Land Ownership: Overview and Data, R42346, February 8, 2012.

² Bureau of Labor Statistics, U.S. Department of Labor. News Release USDL-13-0285. February 22, 2013.

³ Corporation for National and Community Service, Office of Research and Policy Development. The Health Benefits of Volunteering: A Review of Recent Research, Washington, DC 2007.

Т.А. Кодолова, А.И. Шишкин
(г. Петрозаводск)

**План управления объектами
всемирного наследия «Кижский погост».
Развитие культурного ландшафта
при сохранении традиций**

Культурный ландшафт Русского Севера —
это ландшафт сельских поселений...
По своей культурной значимости он соотносим
с уникальными явлениями мировой культуры.
А.Б. Пермиловская

Ансамбль Кижского погоста (Церковь Преображения Господня, 1714 г.; Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1764 г.; Колокольня, 1862–1874 гг. в одной ограде), являясь уникальным памятником русского деревянного зодчества, представляет собой общепризнанный шедевр мировой деревянной архитектуры, который отличают согласованность форм, соразмерность объемов, художественное единство построенных в разное время сооружений. Памятники ансамбля тесно связаны с окружающим ландшафтом, что обуславливает гармонию природы и архитектурного сооружения.

Выдающаяся всемирная ценность Кижского погоста (ил. 1–2) определена его культурной и природной значимостью, которая столь исключительна, что признана культурным всемирным символом человечества. Ее формальное признание мировым сообществом состоялось в 1990 году решением 14-й сессии Комитета всемирного наследия, когда ансамбль обрел статус объекта всемирного культурного наследия «Кижский погост (Россия С 544)».

Архитектурный ансамбль Кижского погоста включен в Список объектов всемирного наследия в соответствии с критериями ЮНЕСКО (I, IV, V, «целостность» и «аутентичность»), определяющими контекст его выдающейся всемирной ценности и предмет защиты Плана управления объектом всемирного культурного наследия (далее — ОВН)¹.

План управления Кижским погостом (2012 г.) как инструмент управления ОВН ЮНЕСКО разработан Институтом экономики Карельского научного центра РАН² в соответствии с Конвенцией об охране всемирного наследия (1975 г.) и Руководством по выполнению этой конвенции ЮНЕСКО (1999, 2000, 2005 гг.), а также в соответствии с российской и международной правовыми базами о культурном наследии с учетом практик управления аналогичными объектами и особенностей самого ансамбля Кижского погоста³.

План управления объектом всемирного наследия «Кижский погост» является документом комплексного планирования, согласующим интересы прежде всего институциональных и заинтересованных субъектов региона, определяющим цели, задачи и меры их совместной деятельности по эффективной защите, сохранению и устойчивому развитию ОВН. В нем не только отражены приоритетные направления и ориентиры в достижении идеальной сохранности ОВН, но и представлены механизмы, способствующие оптимальному использованию всех имеющихся ресурсов и возможностей.

С точки зрения методики план управления разрабатывался с учетом:

- результатов исследования и инвентаризации ОВН;
- планов реставрации памятников Кижского погоста;
- развития инфраструктуры музея-заповедника «Киж»;
- концепции по реконструкции и сохранению исторического ландшафта в границах зон охраны ОВН;
- рисков, оказывающих влияние на ОВН;
- интересов различных субъектов, в том числе регионального и муниципального управления, земельных собственников зон охраны ОВН.

Все мероприятия и проекты плана управления направлены на сохранение выдающейся всемирной ценности ОВН (поддержание свойств подлинности и целостности) и его историко-культурного и природного окружения.

Ценностные критерии ОВН выражены следующими характеристиками⁴.

I группа (расположение). Расположение на местности и существующее взаиморасположение объектов ансамбля, а также объемно-планировочное решение каждого отдельного объекта ансамбля.

II группа (архитектурно-конструктивные решения и технологии). Материал, система стеновых конструкций и кровли. Следование историческим технологиям строительства и обработки материалов в ходе ранее осуществлявшихся реставрационных работ с максимальным сохранением подлинных материалов и конструкций. Сохранение на элементах и конструкциях памятников следов их реконструкций и изменений в течение всего периода существования, что позволяет учитывать время как одну из составляющих ценностных характеристик памятников.

III группа. Обеспечение научной достоверности всех проводимых реставрационных дополнений и раскрытий памятников.

IV группа. Потенциальное сохранение подлинных функций объектов (проведение богослужений, воспроизведение традиционных звонов и др.).

V группа:

1. Визуальная целостность памятника: доминирующее высотное положение ансамбля в пределах акватории Кижских шхер с сохранением исторических визуальных коридоров, обеспечивающих его обзор (зоны охраны — буферная зона ОВН определены в соответствии с данным критерием).

-
-
2. Условия визуального восприятия ансамбля, ориентированные на период рубежа XIX и XX веков как на время, связанное с развитием ОВН, его архитектурно-градостроительных и хозяйственных компонентов, а также окружающей территории. Ландшафтная ситуация достоверно определена как традиционная для данного периода.
 3. Сохранение исторической системы локальных акцентов на прилегающей к объекту территории, объединенной духовным и градостроительным композиционным центром — ансамблем Кижского погоста.
 4. Соотношение размеров территорий, освоенных человеком для размещения поселений, сельскохозяйственных угодий, характерных для периода рубежа XIX и XX веков, сохранение лесных массивов как фонового элемента дальних планов для архитектурного ансамбля.
 5. Сохранение естественного характера береговых линий в пределах Кижских шхер с традиционными деревянными причалами для маломерных судов (имеются единичные крупные причальные сооружения).
 6. Сохранение целостности восприятия памятника в гармонии с ландшафтом, являющимся одной из важных составляющих образной характеристики объекта. Панорамные раскрытия силуэта ансамбля с дальних и ближних точек различных направлений, при которых ансамбль доминирует среди открытого пространства Онежского озера в окружении свободных от застройки групп островов. Включение в панорамы и зону видимости исторических поселений, масштаб, облик и площадь застройки которых соответствуют историческим параметрам.

Таким образом, все ценностные критерии ОВН «Кижский погост» непосредственно связаны с *историко-культурными и природно-географическими факторами, которые в совокупности и определяют культурный ландшафт Кижского погоста.* Его особенности проявляются в устойчиво повторяющихся общих (характерных) и индивидуальных элементах-топосах как композиционных элементах (луга, пашни, сенокосы; холмы; дороги, ровницы; деревни; крестьянские усадьбы; ансамбль Кижского погоста, часовни; мельницы; кладбища; поклонные кресты и др.), в композиционно-планировочной структуре, в системе визуальных взаимосвязей местности, а также в сохраняющихся динамических характеристиках и топонимике.

Культурный ландшафт Кижского погоста сохранил черты подлинности и составляет общее целое с объектом. В 2003 году в целях сохранения совершенной гармонии архитектуры и природы этого объекта миссия ЮНЕСКО рекомендовала эксплицировать международную номинацию всемирного культурного наследия ансамбля Кижского погоста на все архитектурное и природное его окружение в границах территории охранной зоны музея-заповедника (9990 га), которая совпадает с зонами охраны ОВН «Кижский погост».

Следует обратить внимание и на один из признаков аутентичности ОВН, проявляющийся в исторической миссии и сохранившихся функциях Кижского

погоста (планируется пролонгация соглашений на проведение богослужений на ОВН и других объектах культурного наследия в зонах охраны Кижского погоста и о сотрудничестве прихода с музеем-заповедником «Кижский»)⁵.

При разработке плана управления объектом всемирного наследия в контексте определения понятия «ландшафт» как «следа события или цепи событий исторического значения» и «зрительно воспринимаемого выражения определенного периода в развитии цивилизации или определенного образа жизни»⁶, были идентифицированы риски по отношению к объекту. На основе использования SWOT-анализа определены сильные и слабые стороны в деятельности музея-заповедника «Кижский» как организации, осуществляющей оперативное управление ОВН, проанализирована внешняя среда по отношению к объекту через возможности и угрозы, связанные с деятельностью местного самоуправления, местного сообщества, региональных и федеральных государственных структур и других заинтересованных субъектов.

Непосредственно действующие ключевые субъекты, потенциально заинтересованные в плане управления ОВН, и связанные с ними риски в отношении объекта представлены в таблице.

**Риски со стороны ключевых субъектов,
потенциально заинтересованных в плане управления объектом
всемирного наследия «Кижский погост»**

№	Ключевые субъекты	Причины заинтересованности субъектов	Риски относительно ОВН
1	Музей-заповедник «Кижский»	ОВН находится в оперативном управлении. Необходимость координации действий всех заинтересованных субъектов в целях минимизации рисков для целостности и подлинности ОВН, связанных с их деятельностью	Минимизация рисков, связанных с деятельностью средовых субъектов по отношению к ОВН, и их предотвращение — процесс длительный и требующий постоянной работы в ходе реализации плана управления
2	Местное сообщество в лице земельных собственников: – местные жители, – сотрудники музея, – дачники, – предприниматели	Земли находятся в зонах охраны объекта с установленными определенными режимами использования земель и градостроительными регламентами в границах этих зон	Угроза несоблюдения установленных ограничений. Сокращение численности местного сообщества, как носителя культурной идентичности Заонежья

№	Ключевые субъекты	Причины заинтересованности субъектов	Риски относительно ОВН
3	Администрация Великогубского сельского поселения	По законодательству РФ (№ 131-ФЗ) местное самоуправление осуществляет полномочия по обустройству инфраструктуры поселения и создает условия для развития малого бизнеса и туризма. Соглашение о взаимодействии между музеем-заповедником «Кижы» и муниципальным образованием «Великогубское сельское поселение» (04.08.2011)	Угроза целостности ОВН в связи с нарушениями исторически сложившегося ландшафта (строительство новых объектов в панорамных и видовых точках, несоблюдение градостроительных регламентов и режимов использования земель в границах зон охраны ОВН)
4	Медвежьегорский муниципальный район, представительные и исполнительные власти муниципального образования	По законодательству РФ (№ 131-ФЗ) полномочие администрации Великогубского сельского поселения по архитектуре, градостроительству и земельному контролю передано в ведение Медвежьегорского муниципального района	Угроза целостности ОВН в связи с нарушениями исторически сложившегося ландшафта (строительство новых объектов в панорамных и видовых точках, несоблюдение градостроительных регламентов и режимов использования земель в границах зон охраны ОВН)
5	Правительство Республики Карелия	Разработка туристского кластера «Заонежье», приобретение земель в зонах охраны объекта для реализации крупных инвестиционных проектов, связанных с развитием туристской инфраструктуры и развитием рекреации	Угроза целостности ОВН по причине нарушения исторически сложившегося ландшафта (строительство новых объектов в панорамных и видовых точках объекта, несоблюдение градостроительных регламентов и режимов использования земель в границах зон охраны ОВН)
6	ФГБУ «НП «Водлозерский»	Перевод заказника «Кижский» в ведение ФГБУ «НП «Водлозерский» (Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ № 147 от 03.03.2011). Взаимоотношения между музеем-заповедником «Кижы» и НП «Водлозерский» относительно охраны природного окружения ОВН регулируются Соглашением от 12.01.2012	Минимизация рисков, связанных с деятельностью средовых субъектов по отношению к ОВН, и их предотвращение — процесс длительный и требующий постоянной работы в ходе реализации плана управления

Окончание таблицы

№	Ключевые субъекты	Причины заинтересованности субъектов	Риски относительно ОВН
7	Бизнес (малый, крупный)	Осуществление бизнесдеятельности на территории зон охраны ОВН	Угроза нарушения режимов охраны, воздействия на окружающую среду, целостности ОВН (строительство новых объектов в панорамных и видовых точках, несоблюдение градостроительных регламентов и режимов использования земель в границах зон охраны ОВН)
8	Приход Спасо-Преображенского храма о. Кижы Петрозаводской и Карельской епархии Русской Православной Церкви (Московский патриархат)	Использование церквей ОВН для культовых отправлений прихожан и туристов. Взаимоотношения между музеем-заповедником «Кижы» и приходом регулируются Соглашением	Угроза сохранности архитектурных построек и предметов фондовых коллекций
9	Подрядные организации	Проведение инженерно-строительных, реставрационных и других работ	Угроза утраты подлинности ОВН в результате некачественной реставрации по причине недостаточной квалификации кадров подрядных организаций
10	Общественные организации	Содействие сохранению и развитию культурного наследия. Защита интересов местного населения, традиций. Защита ОВН	Угроза возникновения и реализации идей, противоречащих ценностям ОВН

Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы» как государственное учреждение обладает земельными участками на праве постоянного (бессрочного) пользования на небольшой по площади территории острова Кижы и островах «Кижского ожерелья», однако его территория — гораздо более широкое понятие, чем находящаяся в его пользовании земля. Музей-заповедник, будучи уникальным российским учреждением культуры, обеспечивает сохранность, воссоздание, изучение и публичное представление объекта в целостном территориальном комплексе культурного и природного наследия, материальных и духовных ценностей в их традиционной исторической (культурной и природной) среде. Отвечая государственным задачам, его деятельность связана с сохранением шедевра русского деревянного зодчества — ансамбля

«Кижский погост» — в единстве и гармонии с окружающим уникальным природно-историческим ландшафтом острова Киж и островов «Кижского ожерелья»⁷.

В силу того, что зоны охраны ОВН (буферная зона) являются инструментом охраны объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, в плане управления они рассматриваются в качестве ключевого компонента по сохранению Кижского погоста.

Согласно Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия (1972 г.) и Руководству ЮНЕСКО по ее исполнению (1999 г.), регулирование хозяйственной деятельности на территориях вокруг ОВН осуществляется с целью обеспечения восприятия объектов в их историческом или природном окружении. Зоны охраны ОВН устанавливаются для обеспечения дополнительного уровня его защиты⁸.

Для Кижского погоста установлены три зоны охраны:

- зона охраны объекта (включает весь остров Киж как целостный элемент культурного и природного ландшафта, образующий неразделимое средовое единство с архитектурным ансамблем погоста, а также прилегающую к острову акваторию Онежского озера в пределах 100 м, с которой открываются лучшие панорамы памятника);
- зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности (установлена на острове Киж и на территории исторических поселений в «Кижском ожерелье»; утверждены специальные требования к режимам использования земель и градостроительным регламентам);
- зона охраняемого природного ландшафта ОВН (определена с целью сохранения непосредственного окружения объекта — природного ландшафта, участвующего в формировании визуального образа памятника; установлены определенные требования).

Разработчики плана управления ОВН «Кижский погост» с целью обеспечения эффективной организации по сохранению целостности и подлинности восприятия Кижского погоста в культурно-историческом пространственном контексте в своей работе руководствовались ландшафтным подходом⁹.

В плане управления ландшафт интерпретируется как природно-культурная единая целостность в территориально-пространственном отношении. Ландшафт рассматривается с позиций интегрирования экологической, археологической, исторической, культурологической составляющих при соблюдении принципов сохранения и устойчивого развития ОВН, что требует перспективного и экономического планирования.

В плане разработаны следующие мероприятия по сохранению исторического ландшафта и развитию рекреации¹⁰:

1. Реконструкция культурного ландшафта на острове Киж, связанная с восстановлением, сохранением и развитием гармоничного облика ландшафтов Заонежья. Данная реконструкция осуществляется по двум компонентам — социо-природному и историко-поселенческому.

-
-
2. Восстановление культурного ландшафта в зонах охраны ОВН за пределами острова Кижы в партнерстве с местным сообществом и заинтересованными субъектами бизнеса.
 3. Развитие традиционного земледелия на острове Кижы и в зонах охраны ОВН.
 4. Привлечение местного сообщества для развития рекреации.
 5. Проведение комплексного экологического мониторинга природной среды Кижских шхер (изменения уровня биоразнообразия, загрязнения воды, воздуха, почвы и др.). Программа реализуется музеем-заповедником с 1994 года по 18 направлениям.
 6. Разработка и внедрение на базе геоинформационной системы (ГИС MapInfo) автономных, взаимосвязанных блоков модели ландшафтного плана территории музея-заповедника «Кижы», позволяющей производить:
 - создание территориальной структуры восприятия, основанной на четырех слоях ГИС, которая необходима для управления ландшафтами и совершенствования турпродукта;
 - внедрение базы данных на основе ГИС MapInfo;
 - разработку блока визуального восприятия с набором геолинкованных (координатно-привязанных) точек ландшафтной съемки, данных фотофиксации (geolink) с блоком «Рельеф» и тематической геоморфологической картой острова и зон охраны ОВН;
 - разработку блоков ГИС: «Биота ландшафта» со слоями, фиксирующими данные поштучной съемки (деревья) и характеристики контуров растительности; «Матрицы ландшафта» с матрицей местообитаний, визуальными бассейнами и конвертами; «Охота за видами» и модели ландшафтов островов (3D) с реализованными AVI-flash.

В плане управления также выделены основные направления по сохранению видовых перспектив, силуэта и панорамы, а также реконструкции и сохранению исторического ландшафта объекта:

- разработка плана управления ландшафтами в зонах охраны ОВН;
- поддержание визуальных связей, перспектив и панорам ОВН;
- восстановление ключевых точек пространства визуальных бассейнов — фарватера и смотровых площадок в пределах зон охраны ОВН;
- выполнение научных исследований и документальных обоснований исторических и современных визуальных связей ОВН с целью его оптимального зрительного восприятия посредством видовых перспектив, панорам и силуэтов;
- внедрение ГИС MapInfo для целей управления ландшафтами и пр.;
- проведение организационно-правовой работы по передаче земель острова Кижы в федеральную собственность и их перевод в категорию земель историко-культурного назначения.

Планирование ландшафтов на территории охранных зон ОВН определяется как совместная деятельность с различными субъектами, структурами и ор-

ганами различными уровнями управления, нацеленная на перспективу и включающая систему мероприятий и проектов по поддержанию, восстановлению или формированию ландшафтов, т.е. деятельность по управлению ландшафтом. Однако следует заметить, что проблема управления окружающими ландшафтами ОВН как специального механизма, гарантирующего безопасность историко-культурного наследия, непосредственно связана с российским законодательством. В соответствии с ним территория музея-заповедника как правовая категория отсутствует, отсутствует и понятие буферной зоны ОВН, также не представлена ландшафтная составляющая и связанная с ней рекреационная тематика. В результате на территории Заонежья исторические культурные ландшафты становятся заложниками хозяйствующих субъектов, не нацеленных на их сохранение и должное использование. Это приводит к деградации ландшафтов, проявляющейся в запустении и искажении ландшафта при отсутствии земледельческой деятельности, в экспансии застройки коттеджного типа в деревнях, облик которых и планировка меняются, в зарастании территорий поселений, дорог, полей, опушек, подходов к берегу Онежского озера и другим водным объектам.

В результате происходит перераспределение функций ландшафта, основная деятельность концентрируется в населенных пунктах в форме нового строительства и огородничества. При этом типовая деревенская застройка, являвшаяся одним из основных элементов исторической среды ландшафта, исчезает, а вновь появившаяся контрастирует с исторической, нарушая ранее сложившуюся планировку поселений и создавая нежелательные визуальные акценты в ландшафте.

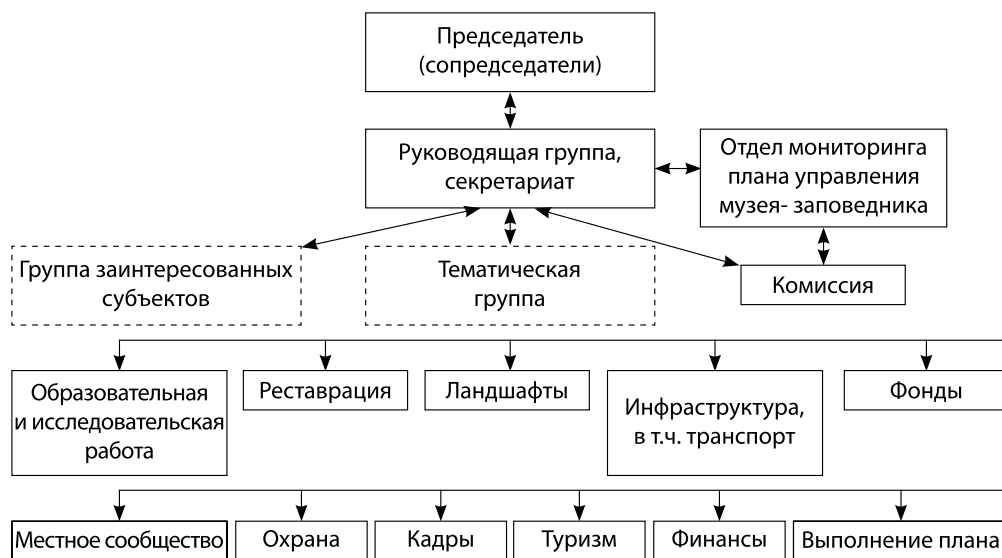
На фоне этих явлений роль музея-заповедника «Кижы» неопределима, т.к. учреждение культуры осуществляет следующие виды деятельности:

- создает базу для устойчивого сохранения исторических поселений, их основных архитектурно-градостроительных достоинств при изучении и сохранении культурных архетипов домостроительства и организации селитебного пространства, передаваемых от поколения к поколению;
- сохраняет и воссоздает ландшафтные комплексы, соблюдая их зависимость от культуры землепользования и природопользования, от этнокультурных традиций и их жизнеспособности;
- создает условия для мест религиозного почитания, которые предполагают совершение обрядовых действий и регламентацию поведения и насыщение территориального сакрального комплекса семиотическими объектами, закрепляющими связь индивида и пространственного локуса.

Вся эта деятельность связана с воспроизведением форм нематериального наследия, которое материально выражает и характеризует наследие, определяющее восприятие исторической эпохи посредством Кижского погоста и окружающего его культурного ландшафта в целом. Восстановление архитектурно-про-

странственной среды ОВН и композиционного равновесия ландшафта требует комплексной системной работы, направленной на восстановление исторически социализированного природного ландшафта, который без местного сообщества воссоздать не удастся.

Вследствие этого в плане управления предусмотрено создание общественного совета «Кижы» по вопросам сохранения и развития ОВН, работающего по принципу «управление с участием», заключающемся в предотвращении и разрешении конфликтов интересов (партнерство музея-заповедника с представителями сфер власти, бизнеса, общественности, в том числе с местным сообществом, церковью) (см. схему).

Структура общественного совета «Кижы»

Роль Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижы» как государственной организации, в оперативном управлении которой находится Кижский погост, заключается в координации сотрудничества заинтересованных субъектов посредством выстраивания общественных коммуникаций.

Связующую функцию между общественным советом и музеем-заповедником призван выполнять отдел мониторинга плана управления ОВН музея-заповедника. Основной его задачей является информационно-документальное сопровождение и координация деятельности субъектов по выполнению плана. В состав отдела мониторинга войдут специалисты в области музейного дела, правоотношений относительно ОВН, компьютерных технологий, PR-технологий.

В результате важным аспектом в управлении ландшафтами зон охраны ОВН становится привлечение к данному процессу представителей местного сообщества и государственных институтов, связанных с планированием и развитием данной местности. Непосредственное их участие в согласовании действий относительно освоения территории, в совместной деятельности с музеем-заповедником позволит снизить риски, связанные с угрозами для целостности и подлинности ОВН, и расширит возможности для укрепления и развития местного сообщества.

Ключевым моментом сотрудничества музея-заповедника с заинтересованными субъектами станет представление планов и значимых проектов по ландшафтному планированию на общественном совете «Кижь». Члены Совета будут обсуждать вопросы, связанные с освоением ландшафтов в качестве рекреации в зонах охраны ОВН, и участвовать в работе комиссии музея-заповедника по сохранению ландшафтов и планированию мероприятий по улучшению их качеств. Данные вопросы также будут проходить публичное обсуждение в режиме онлайн на информационном сайте общественного совета «Кижь» с комментариями специалистов.

Практика взаимодействия членов общественного совета по решению проблем ОВН связана не только с охраной его выдающейся всемирной ценности, но и направлена на обеспечение качества мест проживания для местного сообщества на основе его привлечения к участию в процессы сохранения Кижского погоста и устойчивого развития территории как ресурса туристско-рекреационного использования.

Выявленные наиболее существенные местные факторы и источники угрозы для ОВН, которые связаны с хозяйственной повседневной деятельностью местного сообщества и музея-заповедника «Кижь», а также туристского бизнеса, определили участие администраций муниципальных образований и местных жителей в реализации плана управления по следующим направлениям:

- организация распространения информации среди населения, представителей бизнеса и институциональных субъектов о роли зон охраны для защиты ОВН, необходимости соблюдения режимов использования земель и градостроительного регламента;
- организация в границах зон охраны ОВН поддержания и восстановления культурно-исторического и природного ландшафта посредством совместных проектов музея-заповедника с местными жителями и земельными собственниками;
- обучение, консультации и практическая помощь в использовании туристско-рекреационного потенциала ОВН;
- аккумулирование человеческого капитала (демография, квалификация и компетенции, духовная сфера и культура социальных институтов) для развития территориального сообщества на основе ОВН;

-
-
- заключение соглашений с каждым домохозяйством с целью поддержания презентабельности ОВН в контексте сохранения и воспроизведения его культурно-исторического окружения;
 - создание ассоциации собственников деревенских усадеб в зонах охраны объекта;
 - использование статуса ОВН и бренда «Кижский погост» для развития территории и воспитания чувства сопричастности жителей Республики Карелия к выдающейся всемирной ценности Кижского погоста, что будет способствовать его сохранению;
 - использование ряда объективных предпосылок не только в сохранении, но и в усилении роли ОВН «Кижский погост» в социально-экономическом развитии территории;
 - вовлечение заинтересованных субъектов в проектную деятельность плана по сохранению и развитию материального и нематериального культурного наследия, охране и восстановлению культурно-исторического ландшафта и природных комплексов в зонах охраны;
 - гражданский мониторинг сохранения ОВН посредством участия субъектов в выполнении плана управления;
 - создание региональной властью привлекательного инвестиционного климата для крупных инвесторов с целью развития туристско-рекреационного кластера «Заонежье»;
 - реализация проектов на основе государственно-частного партнерства;
 - создание условий для предпринимательства и самозанятости населения.

В заключение, следует констатировать, что в ходе работы над планом управления ОВН «Кижский погост»:

1. Активное участие в его обсуждении приняли более 80 человек (их предложения включены в план управления), в том числе зарубежные эксперты в области сохранения всемирного культурного наследия (3 чел.), а также было опрошено 170 человек в качестве респондентов при проведении социологического исследования¹¹(ил. 3).
2. Реализовано 10 семинаров, 32 рабочие встречи, 4 семинара-совещания с представителями институциональных структур и заинтересованными субъектами, 2 семинара в Финляндии (крепость Суоменлинна, Старая Раума). С целью изучения вопросов и механизмов решения проблем, касающихся сохранения и использования ОВН в их устойчивом развитии, члены рабочей группы проекта посетили ОВН Эстонии, Украины, Болгарии, Республики Беларусь, Мексики и Египта. Результаты работы над планом управления апробированы на международных и региональных научно-практических конференциях: «Роль туризма в модернизации экономики российских регионов», «Рябининские чтения — 2011», «Эффективное управление развитием туристских дестинаций» (2011, 2012) и др., на Карельском международном

форуме «Инвестиции в будущее» (Петрозаводск, 2011), I международном форуме «Сохранение культурного наследия» (Москва, 2011), Международном форуме неправительственных организаций «Защита объектов Всемирного наследия» в преддверии открытия сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО (Санкт-Петербург, 2012).

3. Получены позитивные результаты не только в аспекте понимания и переоценки историко-культурного ландшафта как социокультурной и природной категории¹², но и на практике — в отказе от идей модернизации сельского ландшафта в соответствии с Генеральной схемой размещения объектов инфраструктуры туризма в Республике Карелия на участках Центральной туристской зоны (ил. 4)¹³.
4. Разработана и реализуется современная модель координации взаимодействия различных субъектов: непосредственно ответственных за объект (музей-заповедник «Кижы» и другие институциональные субъекты); заинтересованных субъектов (местное население, представители бизнеса, некоммерческие и общественные организации, церковь и др.); напрямую вовлеченных (Национальный парк «Водлозерский», собственники земель, приход Спасо-Преображенского храма острова Кижы и др.).
5. Алгоритмы реализации и мониторинга (мероприятия, проекты) плана управления направлены на сохранение ценности ОВН при соблюдении принципов, обуславливающих его подлинность и целостность в историко-культурном природном ландшафтном окружении с опорой на местные традиции и современные технологии развития рекреации и туризма.

Примечания

¹ UNESCO. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage: Report of the World Heritage Committee. 14th Session, 1990. URL: <http://whc.unesco.org/archive/repcom90.htm>

² Техническое задание Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы» согласно открытому конкурсу № 34/11. Научный руководитель проекта — доктор технических наук А.И. Шишкин, ответственный исполнитель — кандидат экономических наук Т.А. Кодолова.

³ Кодолова Т.А. Методологические подходы разработки Плана управления объектом Всемирного наследия «Кижский погост» как историко-культурной дестинации «Кижы» // Роль туризма в модернизации российских регионов: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции / отв. ред. А.И. Шишкин, Т.А. Кодолова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 208–212; Кодолова Т.А., Шишкин А.И. Методические аспекты повышения эффективности разработки и реализации планов управления объектами всемирного наследия в регионах России // Труды

Карельского научного центра РАН. 2013. № 5. С. 156–165; План управления объектом всемирного наследия — Ансамблем «Кижский погост» (Россия С 544), 2012–2022 гг.: проект. Петрозаводск, 2012.

⁴ Определены в ходе разработки плана управления ОВН «Кижский погост» при участии эксперта РФ по проведению историко-культурной экспертизы Т.В. Вахрамеевой, главного хранителя объектов культурного наследия музея-заповедника «Кижы» А.Ю. Любимцева и других специалистов.

⁵ О Кижском приходе см., например: URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/kizhi-40/406.html>.

⁶ Nouvelles // ICOMOS. 1977. № 11.

⁷ Устав ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы», отчеты о деятельности Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижы» за 2011, 2012, 2013 гг. и другие материалы см.: URL: <http://kizhi.karelia.ru/library#cat3>.

⁸ Границы зон охраны ОВН «Кижский погост», а также требования к режимам использования земель и градостроительным регламентам в границах данных зон утверждены Приказом № 1268 Министерства культуры РФ от 29 декабря 2011 г. в соответствии с Положением о зонах охраны объектов культурного наследия народов РФ (Постановление № 315 Правительства РФ от 26 апреля 2008 г.). Зоны охраны ОВН совпадают с охранной зоной музея-заповедника «Кижы» (1993 г.), их общая площадь — 9990 га.

⁹ Руководство по применению Европейской конвенции о ландшафтах. Страсбург, 2009. URL: <http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/heritage/landscape/versionsorientation/Russe.pdf>

¹⁰ Ведущую роль при разработке данного раздела плана управления ОВН (2012 г.) сыграли Т.В. Незвицкая — заместитель директора по сохранению недвижимых памятников, культурного и природного наследия музея-заповедника «Кижы», Т.В. Павлова — начальник отдела сохранения и мониторинга природного наследия музея-заповедника «Кижы», В.А. Плохих — главный специалист музея-заповедника «Кижы». См. также документ, разработанный Ярославской региональной общественной экологической организацией «ЛАНДШАФТ»: План управления ландшафтами: разработка системы мероприятий по уходу за ландшафтами и рекомендаций по достижению целевого состояния ландшафтов, 2011. Ярославль, 2012.

¹¹ См.: План управления объектом всемирного наследия — Ансамблем «Кижский погост» (Россия С 544), 2012–2022 гг.: проект. Петрозаводск, 2012 (Приложения № 16 «Форма анкеты и результаты опроса домохозяйств Великогубского сельского поселения»; № 21 «Состав рабочей группы, подготовившей проект, и участники разработки плана управления»; № 22 «Мероприятия и рабочие встречи, связанные с разработкой плана управления объектом всемирного наследия «Кижский погост»).

¹² Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Сер. Географическая. 1990. № 1. С. 5–17; Кулешова М.Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историкокультурного наследия в национальных парках. М., 2002; Севан О.Г. «Малые Корелы»: Архангельский музей деревянного зодчества: История создания, методология проектирования, современное состояние. М.: Прогресс-Традиция, 2012.

¹³ Генеральная схема размещения объектов и инфраструктуры туризма в Республике Карелия. URL: <http://gov.karelia.ru/Power/Ministry/Development/Tourism/Plan>.

Культурный ландшафт Кенозерья как перспективный объект Всемирного наследия. Критерии выдающейся универсальной ценности

Список Всемирного наследия на 2013 год включает в себя 981 объект, из которых 759 — объекты культурного наследия, 29 — объекты смешанного природно-культурного наследия, часть тех и других — культурные ландшафты. Официальные перечни культурных ландшафтов насчитывают немногим более 80 пунктов, но проведенный анализ всей совокупности объектов культурного и смешанного наследия показывает, что таких культурных ландшафтов (скрытых, или латентных) в списке — несколько сотен¹. Типологический состав этих культурных ландшафтов весьма разнообразен: археологические, сакральные, дворцово-парковые, индустриальные, сельскохозяйственные и другие типы. Сельскохозяйственные ландшафты преобладают. Как правило, это весьма обширные территории, демонстрирующие не только сельскохозяйственные практики, но и этнически характерные типы домостроительства и расселения, способы сакрализации пространства, способы распределения природных ресурсов и т.д.² Например, только за последние три года было номинировано полтора десятка культурных ландшафтов, две трети которых — сельские, с определяющими их развитие хозяйственными и культурными практиками. Среди них наибольшей комплексностью выделяются: «Косс и Севенны — средиземноморский агропасторальный ландшафт» (Франция, 2011) — более 300 тыс. га с обширными отгонными пастбищами и фермерскими хозяйствами; «Культурный ландшафт Сьерра-де-Трамунтана» (Испания, 2011) с террасированными земледельческими угодьями, сложными системами водорегулирования, особыми строительными технологиями; «Дельта реки Салум» (Сенегал, 2011) — 500 тыс. га с промысловыми рыболовными угодьями, моллюсковыми банками, сложенными из раковин курганами, традиционными поселениями; «Культурный ландшафт провинции Бали» (Индонезия, 2012) — около 20 тыс. га с уникальными общинными принципами природопользования — ирригационной системой «субак», общинными храмами, террасированным рисоводством; «Культурный ландшафт рисовых террас Хонг-Хани» (Китай, 2013) — более 16 тыс. га с ирригационными системами, скотоводческими и рыболовными фермами, системой расселения, традициями домостроительства и ритуальными практиками.

Из 25 российских объектов Всемирного наследия к культурным ландшафтам официально отнесена Куршская коса, номинированная от России и Литвы в 2000 году. Это уникальный проект по закреплению движущихся песков лесо-

посадками — пример мелиорированного ландшафта и, кроме того, ландшафта промыслового с системой рыбацких поселений.

Культурный ландшафт как особая категория культурного наследия стал рассматриваться Комитетом Всемирного наследия с 1992 года, когда это понятие было выведено в отдельную рубрику в Руководящих указаниях ЮНЕСКО по применению Конвенции о всемирном наследии³. За более чем 20-летний период этот культурный феномен был достойно представлен в Списке всемирного наследия. Согласно типологии, предложенной ЮНЕСКО, все культурные ландшафты подразделяются на рукотворные, эволюционировавшие и ассоциативные. К рукотворным преимущественно относятся дворцово-парковые, садово-парковые, усадебные ландшафты, к ним могут быть отнесены некоторые городские ансамбли и индустриальные комплексы. Эволюционировавшие — как раз те самые, которые образуются в результате многолетней сельскохозяйственной, промысловой, сакральной деятельности человека, постепенно приспособляющей исходный природный ландшафт к целям своей жизнедеятельности и жизнеобеспечения. В этих ландшафтах наряду с культурными практиками всегда очень сильно прослеживается влияние природных факторов, они наиболее полно отражают процесс адаптации человеческих коллективов к заданным природой условиям в рамках возможных преобразований. Наконец, ассоциативные культурные ландшафты могут даже не иметь материальных свидетельств какой-либо деятельности, но их природная субстанция может обладать исключительной художественной, религиозной или иной культурной ценностью — как гора Фуджи в Японии, гора Арагат в Армении или озеро Байкал в России⁴.

Для отнесения к объектам Всемирного наследия культурные ландшафты, будучи объектами культурного наследия, должны соответствовать определенной системе условий, включая критерии выдающейся универсальной ценности. Для объектов культурного наследия их установлено 6. Мы не будем приводить здесь их дословный перевод, обозначим лишь основной смысл критерия.

Итак, в соответствии с критерием “i” объект должен представлять собой шедевр творческого гения человека. По отношению к культурным ландшафтам этот критерий применяется довольно редко. Таковы могут быть ландшафты садов, дворцово-парковых и монастырских ансамблей. Согласно критерию “ii” объект должен отражать важнейшие достижения культуры, повлиявшие на развитие территорий или отраслей деятельности во времени или пространстве — это могут быть архитектурный стиль, технология, художественная практика, историческое событие и т.д. Этот критерий в отношении сельских ландшафтов употребляется довольно регулярно. Критерий “iii” применим к объектам, которые служат выдающимися, уникальными свидетельствами культурной традиции либо цивилизации. Он употребляется для обоснования отнесения к Всемирному наследию каждого второго сельского ландшафта. Объекты, иллюстрирующие важнейшие этапы истории народов (строения, архитектурные ансамбли, ланд-

шафты), фиксирует критерий “iv”, который используется не реже предыдущего. Критерий “v” применим к объектам, обладающим исключительной репрезентативностью в отношении той или иной культуры. Это могут быть традиционные поселения, способы землепользования, водопользования или иного взаимодействия с природным окружением, особенно когда они становятся уязвимыми под влиянием меняющихся условий среды. Критерий регистрируется для преобладающего большинства сельских культурных ландшафтов Списка всемирного наследия, в 80% случаев. Наконец, критерий “vi” применяется в случаях, когда объект ассоциируется с особо выдающимися личностями, событиями, традициями, идеями, художественными и литературными произведениями. Он регистрируется в сельских ландшафтных номинациях не слишком часто, но представляет особый интерес в ситуациях, когда мы наблюдаем неразрывную связь материального и нематериального наследия. Этот критерий связывает Конвенцию о всемирном наследии с Конвенцией о нематериальном наследии, что очень важно, поскольку последнюю из этих конвенций Россия не подписала, и мы не имеем международных регулятивов для поддержки нематериального наследия.

Наши многолетние экспедиционные исследования Кенозерского крестьянского культурного ландшафта в рамках совместных проектов Института Наследия и Кенозерского национального парка, а также изучение библиографических источников дают основание признать этот ландшафт обладающим исключительно высокой ценностью, информативностью, сохранностью, репрезентативностью как феномена русской культуры. Закономерно встает вопрос о месте этой территории в системе мировых ценностей, во Всемирном наследии.

Крестьянский культурный ландшафт Кенозерья с памятниками деревянной архитектуры имеет основания быть включенным в Список Всемирного наследия как выдающийся образец североευропейского крестьянского культурного ландшафта, сформировавшегося в XII–XVI веках и сохранившего на своей территории культурные традиции и архаичные или реликтовые формы народного творчества, хозяйствования и природопользования. Ценность культурного ландшафта Кенозерья заключается в том, что здесь можно видеть гармоничное сочетание старинных сельских поселений с традиционной для Русского Севера системой сельскохозяйственных угодий, отражающей сложившуюся много веков назад практику общинного земледелия и индивидуальные черты промыслово-земледельческого хозяйственного уклада, совместившего «культуру леса» (унаследованную от финно-угорских племен) и «культуру поля» (привнесенную славянскими племенами).

Территория представляет собой всхолмленную водно-ледниковую равнину с множеством озер и разнообразных ледниковых форм рельефа. В силу геологических условий равнина образует своеобразное поднятие, окруженное обширными болотами и таежными лесами, что и предопределяет относительную изолированность и выраженную мозаичность ландшафта. Отмеченные особенности

объясняют исключительную привлекательность этого места для возникновения здесь большого числа крестьянских поселений, тяготеющих к поозерным ландшафтам, и высоко развитой в прошлом системы общинного земледелия с характерным для нее гармоничным соотношением лесных промысловых, луговых пастбищных и полевых земледельческих угодий. Культурные традиции сформировались во многом под воздействием замечательной природы края, края озер, среди которых два крупных — Кенозеро и Лёкшмозеро — и множество (более 200) относительно мелких.

Система расселения формировалась в XII–XVI веках и в основе своей сохраняется по настоящее время. В поселениях поддерживаются историческая планировка и застройка, характерная организация усадеб, традиционные сельские дома с их традиционным декором и внутренним устройством. Почти при каждой деревне находятся деревянные часовни, многие из которых являются подлинными шедеврами русского деревянного зодчества, и священные рощи — локальные участки коренного леса, до сих пор почитаемые местными жителями. Живописные берега озер с их причудливыми очертаниями, разнообразными заливами и островами, силуэтами деревянных часовен и священных рощ, старинными деревушками, водно-ледниковыми холмами и валунными полями представляют собой уникальные уголки природы Европейского Севера и в то же время наглядно свидетельствуют о ледниковом периоде геологической истории края.

На описываемой территории находятся уникальные деревянные храмы (в том числе архитектурный ансамбль церкви Св. Георгия Победоносца XVIII в. в деревне Федоровской и ансамбль из колокольни и двух храмов XVIII в. — шатровой церкви Происхождения Честных Древ Христовых и церкви Обретения Главы Иоанна Предтечи в деревне Филипповской), а также 35 часовен, построенных в XVIII–XIX веках, свыше 30 поклонных и обетных крестов, 49 священных рощ, 52 памятника археологии. Культурные памятники выделяются самобытным внутренним убранством — расписными «небесами» — сводами часовен с богатыми росписями на библейские сюжеты (их сохранилось 17). Многие часовни расположены в священных рощах — островках особо почитаемого леса, дошедших до нас еще со времен язычества. Там же расположены многие обетные кресты. Столь высокая концентрация священных рощ и часовен делает Кенозерье уникальным регионом, аналога которому нет ни на территории России, ни за ее пределами⁵.

Кенозерье является особым культурным пространством, представляющим *исключительную ценность так же, как феномен живой культуры*, зафиксированной в традиционных знаниях, умениях, представлениях, в характере поддержания культовых памятников, технологиях домостроительства и украшения жилищ, в организации быта и особенностях праздничной культуры. Это один из основных районов формирования русской мифопоэтики, сохранивший древние предания Киевской Руси, что было зафиксировано ведущими

русскими этнографами начиная с середины XIX века и стало достоянием мировой фольклористики, а также оказало сильное влияние на культуру северных регионов России⁶.

Итак, крестьянскому ландшафту Кенозерья принадлежат уникальные фольклорные собрания, он обладает небывало высокой концентрацией памятников деревянного зодчества — церквей, часовен, обетных крестов, в нем сохраняются и поддерживаются строительные и художественные технологии формирования жилого пространства, он сохраняет традиции гармоничного природопользования и обладает уникальным собранием свидетельств дохристианского периода истории — священных рощ и иных природных сакральных объектов.

Культурный ландшафт Кенозерья удовлетворяет критериям iii, iv, v, vi, vii, установленным для объектов Всемирного наследия:

(iii) выдающийся по составу и сохранности архаичный крестьянский ландшафт, место бытования живой реликтовой крестьянской культуры с ее уникальными материальными свидетельствами — редчайшим собранием часовен с расписными «небесами» и священных рощ, уникальными памятниками храмовой народной архитектуры, традициями домостроительства и организации жизненного пространства;

(iv) выдающийся пример средневекового культурного ландшафта, иллюстрирующий важнейший исторический этап освоения Русского Севера в процессе новгородской колонизации, начавшейся в XI–XII веках и определивший окончательное формирование ландшафта в XVI веке;

(v) выдающийся пример культурного ландшафта Русского Севера, сформировавшегося в результате сочетания традиционного землепользования и промыслово-земледельческого уклада хозяйства с традиционной системой крестьянских поселений, сохранившегося с XVI века и чрезвычайно уязвимо в связи с современными социально-экономическими процессами;

(vi) один из ключевых центров русского былинного творчества, обогативший мировую фольклористику, место сохраняющихся духовных практик и способов сакрализации пространства;

(vii) выдающийся пример очеловеченной северорусской природы, где народные архитектурные формы и мозаика традиционных сельскохозяйственных угодий усиливают лирические акценты русского пейзажа, а затейливые очертания озерных лахт и разнообразие больших и малых водных поверхностей создают удивительную по цветовой палитре и рисунку картину.

Последний критерий (vii) применяется к оценке объектов природного наследия, и его формализация означает, что культурный ландшафт Кенозерья может быть номинирован как объект смешанного природно-культурного наследия. Насколько этот критерий отражает универсальные ценности Кенозерья, определяют эксперты ЮНЕСКО, участие которых сопровождает процедуру номинации каждого объекта.

Мы перечислили возможные варианты критерии универсальной ценности культурного ландшафта Кенозерья — один или несколько из них служат основной предпосылкой к международному признанию объекта. Кроме того, существуют некоторые обязательные условия, которым должен отвечать любой номинируемый объект. Это аутентичность (для объектов культурного наследия), целостность, отсутствие в Списке всемирного наследия близких аналогов объекта и государственные гарантии его сохранности.

Аутентичность (подлинность) крестьянского культурного ландшафта Кенозерья подтверждается документами и материальными свидетельствами сохранности системы расселения начиная с XVI века, унаследованности планировочной структуры деревень и ландшафта; достоверностью архитектуры храмов и часовен, большинство из которых было построено в XVIII–XIX веках и до настоящего времени сохранило свой исторический облик; сохранностью народных традиций домостроительства и природопользования, широким распространением сохранившихся со времен язычества традиций бережного отношения к священным рощам, сакральным деревьям и камням.

Целостность культурного ландшафта Кенозерья обеспечивается тем, что в границах национального парка на площади в 140 тыс. га имеется весь набор элементов, которые отражают результаты эволюции северорусского крестьянского ландшафта, сформировавшегося в процессе освоения и взаимодействия с природой Кенозерья. Гармоничное сочетание исторических поселений с полями, пожнями, полянами, сетью троп и дорог, ведущих к промысловым водным и лесным угодьям, с системой сакральных локусов пространства, с определенным функциональным членением и устройством территории, где всякий элемент занимает строго отведенное ему в ландшафте место, формирует уникальную пространственную композицию.

Что касается *наличия аналогов*, то в Списке Всемирного наследия нет ничего подобного крестьянскому культурному ландшафту Кенозерья. Земледельческие культуры в зоне таежных ландшафтов помимо Российской Федерации возможны только в Канаде и странах Скандинавии, но на этих широтах ни Канада, ни Скандинавия не имеют прямых аналогов. В частности, ландшафт Гранд Пре в Канаде на побережье залива Фанди в Атлантике демонстрирует польдерную земледельческую фермерскую культуру, заложенную академическими в XVII веке и имеющую принципиально иные формы проявления. Другой пример — сельскохозяйственный ландшафт южного Эланда в Швеции, сформировавшийся на острове на возвышенном известняковом плато и сохранивший оригинальные формы фермерского хозяйства и расселения с периода средневековья. Однако он не является прямым аналогом Кенозерья, представляя иной социокультурный тип организации пространства в иных природно-климатических условиях. Сочетание малоизмененной природы северного лесного поозерья с традиционной культурой северорусского крестьянства создало уникальный и вместе с тем

хорошо сохранившийся культурно-природный ландшафтный комплекс, представляющий собой гармоничное сочетание природного, этнографического и архитектурного наследия, продолжающего существовать в традиционной исторической и природной среде, с живыми носителями традиционной культуры, определяющими развитие этого территориального комплекса.

Гарантии охраны культурного ландшафта обеспечены правовым статусом территории. В 1991 году здесь был создан Кенозерский национальный парк, в число основных задач которого входит сохранение объектов культурного наследия, к которым согласно российскому законодательству могут быть причислены культурные ландшафты (№ 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»). Режим охраны, установленный для территории национального парка, и документы менеджмент-планирования предусматривают необходимые меры поддержания традиционного природопользования⁷. В 2004 году национальный парк включен в сеть биосферных резерватов, создаваемых в рамках программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера», что еще более способствует созданию необходимых условий для сотворчества человека и природы, в результате которого формируется культурный ландшафт.

Примечания

¹ Кулешова М.Е. Культурные ландшафты в списке объектов всемирного наследия // Известия РАН. Серия географическая. 2007. № 3. С. 7–17.

² World Heritage Cultural Landscapes / ed. by A. Luengo, M. Rossler. UNESCO. WHC. Ayuntamiento de Elche, 2012.

³ Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. Annex 3. UNESCO. WHC. 08/01, January 2008. P. 85–92. URL: <http://whc.unesco.org/en/guidelines/>

⁴ Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

⁵ Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура. Архангельск, 2005; Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт национального парка «Кенозерский» / авторы концепции: И. Остаркова, Е. Шатковская. М., 2009; Ушаков Ю.А. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие). Л.: Стройиздат, 1982.

⁶ Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные Гильфердингом А.Ф. в Олонецкой губернии летом 1871 года. М., 1949–1950. Т. I–III; Мелютина М.Н., Теребихин Н.М. Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск, 2013.

⁷ Кенозерский национальный парк: краткий путеводитель / Е.Ф. Шатковская и др. Архангельск, 2004; Основные направления развития национального парка «Кенозерский» на 2001–2005 гг. / сост. М.Е. Кулешова. 2001 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

Роль наследия как социального инструмента

Культурный ландшафт меняется. Особенно это заметно в городской местности. В исторические территории вторгается торговая застройка. Она меняет ландшафт городов, делая его динамичным, однако нивелирует привычные формы жизни, не предлагая ничего свежего и уникального, кроме потребительской культуры.

Общественная среда меняется и перестает соответствовать сложившейся когда-то культурной однородности.

Роль наследия в обществе всегда заключалась в поддержке самобытности той или иной группы людей и территории. Между тем, культурный ландшафт, создававшийся многими поколениями, не помогает более объединению общества. Традиционные связи территории, коллективной идентичности и наследия не являются больше само собой разумеющимися.

Наследие как ресурс развития местной инициативы и социальной сплоченности. Все более важной становится роль наследия в укреплении социальной сплоченности людей. Социальная сплоченность формируется через процесс заботы о наследии. Примером подобной деятельности в Архангельской области могут служить сельские формирования общественного самоуправления — ТОСы, чьим деятельностным приоритетом является забота о наследии и привлекательности территории.

Тема заботы о памятниках истории и культуры, важных для привлекательного облика традиционных территорий, звучала во всех выступлениях участников заседания «Ресурсы развития территорий» на Международной научно-практической конференции «Кенозерские чтения-2011».

Присутствие современного искусства в историко-культурном и природном пространстве как одно из условий существования живого развивающегося пространства. Культурное наследие имеет потенциал для демонстрации возможностей современного искусства в пространстве культурного ландшафта, реабилитации заброшенных пространств — промышленных свалок, неиспользуемых памятников хозяйственного назначения, публичных мест и т.п.

Так, например, на Соловецких островах был реализован проект «АртЗона» (2002 г.), направленный на улучшение имиджа территории промышленной зоны в поселке Соловецкий — наследия строительного бума 1980-х годов, связанного с реализацией генерального плана реконструкции поселка. Действие происходило на свалке металлолома — отработавшего свой срок оборудования. Художники и местные дети превращали железный мусор в место, интересное для людей, — «зоопарк», населенный скульптурами животных. Можно

дать разные определения проекту, и они были даны: утилизация металлолома, творческая провокация обыденного восприятия, напоминание о безжалостном течении времени, безразличном к социальному статусу и привычках потребления, вовлечение детей в творческий процесс, насаждение псевдокультуры...

Не все скульптуры проекта национального парка «Кенозерский» «Ландшафтный театр “Северный экватор”» могут быть приняты одинаково: как и на Соловках особенности места диктуют свои требования и ограничения. Однако желание соединить традиции и современность, поиск форм их соединения привлекает интерес и внимание.

Современное искусство можно рассматривать как иллюстрацию духовных и философских поисков. В этом смысле понятно, почему современное искусство стремится в исторические территории, а данные территории нуждаются в современном искусстве, которое принимает на себя инструментальную роль в решении актуальных социально-культурных вопросов места как живого пространства.

Историческая среда как средство исторического образования. На Международной научно-практической конференции «Памятники фортификации: история, реставрация, использование» (г. Архангельск, 2012) участником из Швеции были затронуты вопросы исторического образования на примере сохранения исторической среды в виде достопримечательных мест и создания музейной сети по истории Холодной войны в Швеции, направленной на переоценку коллективной памяти, преодоление травмирующего прошлого и создание пространства для работы со сложным прошлым.

Истории как источник для вдохновения и включенности. Идет поиск новых источников для вдохновения. Такими источниками, безусловно, могут быть локальные достопримечательности.

Сферой, использующей культурное наследие, является туризм, одно из направлений которого — туры «к истокам», опирающиеся на эмоциональный опыт. В этом могут сыграть свою роль нарративные истории как средство удержания внимания, интереса и включенности.

Возможно, многие помнят, какой интерес вызвал Русский Север после выхода телевизионной экранизации романа Юрия Германа «Россия молодая» (режиссер Илья Гурин, 1981–1982).

Истории подтверждают и усиливают эффект воспоминания, актуализируют отношение к наследию, естественно при условии, что нет подмены подлинных смыслов мифами. Через истории о себе мы придаем жизни осмысленность. Через истории об окружающем мире «редактируем» жизнь: что в ней важно, а что нет. Чем больше в истории провокаций, разногласий, тем больше у нее потенциал для развития новых точек зрения и новых образов, важных для узнавания себя неизвестного и себя в неизвестном.

По мнению М.Ю. Опёноква, доктора философских наук, профессора Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, два ресурса чрезвычайно важны для будущего общества: образы, устраняющие препятствия для глобализации; а также истории и мифы народов, сохранивших верность своим традициям.

В современном контексте истории понимаются как ценностные декларации и способ визуализации ценностей. На них не распространяются критерии истинности. Они преодолевают защитные механизмы сознания и затрагивают чувства.

Кстати, данная тема несколько лет назад рассматривалась в Архангельске на занятиях межрегиональной школы народной культуры «Мировая деревня» под руководством Н.В. Дранниковой, доктора филологических наук, профессора Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.

Хорошим средством мифологизации культурного пространства являются ролевые игры и исторические реконструкции.

Новое «освоение» территории как ответ на современные вызовы. В современной социологии есть понятие «неместа», обозначенное М.Ю. Опёнковым как пространство, лишённое символических выражений идентичности, отношения к истории. Примерами могут служить аэропорты, автострады, анонимные гостиничные номера, общественный транспорт, классические офисы. К «неместам» относятся также утратившие свое историческое лицо территории.

Сегодня «неместа» занимают много территории, колонизируя все больше общественного пространства, изменяя его по своему подобию.

Преобразование «неместа» в «место» — сложная работа.

Каждая территория должна определить свои особые черты и распространять информацию о своих преимуществах. Чтобы развивать преимущество, местам нужно задуматься о своем прошлом, настоящем и будущем, оценив свои сильные и слабые стороны. Так, например, ценностями Русского Севера могут быть коллективизм, терпимость, вера, государственность, этические нормы.

Или другой пример — определение шведской самобытности самими шведами, считающими, что она строится на простоте и скромности, заботе о природе и детях.

Приток знаний — это вызов. Не сталкиваясь с вызовами, места обречены на дублирование прошлого, замыкание и деградацию.

Возникает необходимость в новом «освоении» территорий. Новое «освоение» может проводиться с помощью культурных связей, провоцирования интереса.

Способность территории притягивать к себе другие можно назвать ее «валентностью». Место с высокой культурной валентностью подразумевает, что люди из множества других мест могут найти точки соприкосновения и эмоциональный отклик.

Один из способов приобретения «валентности» — продвижение территорий на основе формирования рынка «душевного спокойствия», а для этого важно сохранить или вернуть теряющийся близкий человеку масштаб и создать жемчужину культурного ландшафта.

Интерес к самобытности зачастую непредсказуем. Следовательно, ни одна локальная инициатива не должна вытесняться из культурной жизни места. Чтобы накопить «валентности» во внешней среде, месту необходимо рассказать о себе и своих жителях в самых разных «ипостасях».

Зоны охраны объектов культурного наследия как инструмент защиты архитектурного и природного ландшафта. Утраты культурного ландшафта во многом объясняются отсутствием или неэффективностью защитных мер для исторической застройки.

В связи с этим зоны охраны объектов культурного наследия можно рассматривать как инструмент защиты архитектурного и природного ландшафта, фиксации всего комплекса средовых характеристик и связанных с ними ограничений.

2012–2013 годы для Архангельской области стали периодом активной разработки проектов по созданию зон охраны объектов культурного наследия исторических поселений Каргополя и Сольвычегодска, такого достопримечательного места, как деревня Кимжа Мезенского района, Архангельска, национального парка «Кенозерский» и т.д.

Главный декларируемый принцип — сохранение гармонии реконструируемых или строящихся зданий с окружающей средой.

Казалось бы, все бесспорно. Однако процесс разработки и согласования зон охраны объектов культурного наследия в Архангельской области, как и в целом в России, идет болезненно и сложно.

Осознание невозвратности ушедшего и потому неповторимости дошедшего до нас наследия — необходимое условие понимания памятника и отношения к нему.

У нас нет пока авторитета старины. Почтительное отношение к вещественной старине — редкость. Отсюда тезис, приводимый оппонентами и противниками защиты памятников: идет борьба за среду, в которой невозможно жить.

Тем не менее, не следует забывать, что любая территория, имеющая богатое культурное и природное наследие, развивается через конструктивный конфликт или систему отношений, заданные различиями в интересах, ценностях, деятельности и т.п. участвующих в ней субъектов. Минимизировать болезненные ощущения можно только путем поиска консенсуса групп интересов.

Нужно ли традиционным территориям соперничать с городами и «дачными» поселками, принося в жертву новым символам культурное наследие и природное окружение? В период глобализации говорить об индивидуальности территорий все труднее. Особенно это касается городов: они становятся

похожими друг на друга. Индивидуальный облик определяют сохранившаяся историческая часть и природные элементы.

В связи с этим встает вопрос: нужно ли традиционным сельским территориям соревноваться с городами и дачными поселками любой ценой, принося в жертву новым символам культурное наследие и природное окружение? Или это территории со своим уникальным потенциалом развития и особыми требованиями к качеству воплощения амбиций?

На Михайловских чтениях, проходивших в Архангельске в 2009 году, преподаватель тогда Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова В.Н. Матонин отметил, что раньше каждое место воспринималось его жителями как центр, коллективная форма автономии, которая объединяла всех членов семьи и соседей, и было маркировано, что создавало сильную коллективную идентичность. Как только происходит демаркировка, территория «исчезает».

Что такое территория для ее жителей в настоящее время? Как люди осознают ее своей? Как сделать плохое место хорошим? Остались ли еще места силы?

Безусловно, существует потенциальная поддержка населением идеи сохранения исторической среды. Но для того, чтобы у жителей возникло такое желание, необходимо способствовать укреплению их социальной ответственности, основой которой — чувство причастности к происходящему и сотрудничество.

Международный экспериментальный пленэр «Клюква». Поиск «онежского» инварианта

С 9 по 19 августа 2012 года в селе Козловка Княжпогостского района Республики Коми прошел международный экспериментальный пленэр «Клюква» (куратор Анжела Разманова (ил. 1); организаторы: факультет искусств Сыктывкарского государственного университета, государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр культурных инициатив «Югор», Дмитрий и Ирина Алексеевы). В нем приняли участие живописцы, графики, керамисты, архитекторы, фотохудожники, дизайнеры, театральные режиссеры, актер, литераторы не только Республики Коми (Сыктывкар, Ухта), но и Польши, Москвы, Ижевска (ил. 2).

Основной идеей проекта является развитие инновационных форм работы с открытым пространством.

Перманентно меняющаяся художественно-творческая энергия в природно-географическо-историческом пространстве территории Онежья — идеальные условия для поиска инварианта. Это территория, где есть генетическая память; территория, где сохранилась вековая деревянная архитектура, действующий девятикупольный Храм Рождества Пресвятой Богородицы первой четверти XIX века (ил. 3); уникальная территория, на которой родились и жили необыкновенные люди: геолог, академик Василий Сенюков, основоположник социологии Питирим Сорокин, купец и меценат Павел Козлов.

Каждый вид искусства, представленный в историческом деревенском ландшафте позволил решить определенные художественные задачи, имея свои особенности и преимущества. Художественные переживания нашли отражение в разных жанрах, видах, стилях, техниках; акциях («Прикладная эстетика»), преобразованиях пространства (ландшафта, деревянных построек), традиционном рукоделии (набивка на ткани). В течение десяти дней художники получили возможность «преломления» наработанного изобразительного опыта. У каждого участника сложилась своя «творческая» история десятидневного проживания, своеобразного паломничества в сокровенно-застенчивый мир.

Основной жанр любого пленэра — пейзаж — представлен от традиционных форм (Анжела Разманова, Светлана Бутакова, Анастасия Денисова, Людмила Юшина, Виталий Окунь, Ирина Земцова, Максим Витязев, Владимир Дурнев), до трехмерных экспериментов (Сергей Разманов), графики на жести (Валерия Осташова), фотоинсталляций (Игорь Попов), арт-объектов (Ася Маслова), живописи (Олег Сизоненко).

В творчестве **Светланы Бутаковой** (Сыктывкар) присутствует и бытовое естество пленэрных этюдов, и художественное волшебство эстетных графиче-

ских листов, тонкость наблюдений, раздумчивость. Все они, кажется, выполнены без особого духовного напряжения, поиска, вдохновения. Творчество художницы осторожно-созерцательно. Изменчивые состояния мира художницы моментально находят отражение и представление в акварельных листах — лиричных, грустных, хрупких и трепетных. Поэтика листов отражает разные представления о мире внешнем. Провинциальное мироощущение художницы органично, естественно, бесконфликтно, достоверно влилось в пространство. Она последовательно продолжила серию «деревенских глубинок» — «нефасадно-столичных», наполненных физической причастностью, жизненной непосредственностью и своей историей. Впечатление от места, времени она живописно синтезирует на листе. Художница в них обращается к истокам, настоящему, «ландшафту души». Она обладает вполне определенной мировоззренческой и эстетической установкой. Ее художественное восприятие вызывает переживание, настраивает на определенные частоты бытия. Светлана Бутакова продолжила серию «уходящих домов» — портреты стариков-долгожителей. Не случайно здесь использование дополнительной фактуры-объема «сморщенной» бумаги, палитра серого и синего добавляют пронзительности и достоверности переживанию.

Для тонко-графичного мира **Анастасии Денисовой** (Сыктывкар) каждое мгновение стало драгоценным, «патеровским впечатлением». В графических листах «Дом с самолетиками», «Прорыв» — остановленный миг («онежский») в быстротекущей жизни. Индивидуальное переживание в листе «Никто не хочет просто быть» (заголовок статьи старой газеты, найденной на полу старого дома в селе Средняя Отла). Название работы «удивительно совпало» с чувствами и мыслями художницы о судьбе умирающего дома и его обитателей. Коллаж «Это наша страна» (ил. 4) — философские впечатления о пребывании в Козловке, о доме семьи Алексеевых: Димы, Ирины, их дочери Верочки и собаки Долины. Техника и фактура листов сложна, многосоставна, как и смыслы. Диптих («Портал I», «Портал II», выполненный на вертикальных деревянных планшетах — «дверных основаниях», — это вход в другой, забытый мир через двери старого дома, где обитали художники-мужчины, названного на время пленэра «мужским».

Благословенное место Онежья в листе Анастасии с парящим храмом Рождества Пресвятой Богородицы в синем небе и облаком-нимбом над ним — притягательная работа, поразительно запечатленная метафора места.

Лера Остапова (Сыктывкар) делает всегда то, что ей интересно, соразмерно с ее органикой. Металлический цвет — цвет Севера — красив своей сдержанностью. Интерес к структуре материала — ржавое листовое железо, пролежавшее на земле, обработанное ветром, дождем, солнцем... Взаимодействие тонкой графической линии и грубо-жесткой основы, где-то отшлифованной до «гламурного» блеска, где-то натурально-ломанной. Эти объекты представляют собой многослойные структуры-пейзажи, обретая особый смысл. Сама природа

творчества художницы символична. Снимая коррозионный слой с металла (листы, найденные в одном из старых домов села Козловки), художник совершает некое сакральное рождение нового.

По убеждению Леры, любой материал, с которым поработала природа, отдает, надо просто слышать, а не преодолевать: дом с крохотным окном, залитым белым светом, «вычищен» болгаркой; клубящиеся облака на свинцово-курчавом небе с синими тучами сработаны с помощью выколочки молотком и электроплитки; нити проводов и деревянные столбы «выточены» нулевкой.

Металлический лист из хозяйского дровника с заломами и отверстиями от гвоздей послужил основой для графического пейзажа «Травы». Соавторствуя с материалом при помощи современных инструментов, художница нанесла «узор» тонких трещинок на поверхности железа. На высветление. Дырки были, но помогла гвоздем и скобиной — дала нужное направление. Большие «естественные» заломы, мелкие сделала топором.

Портрет — основной жанр в творчестве **Камилы Куик** (Польша). Как правило, она делает несколько вариантов с натуры за один или два сеанса. Художница выбирает натуру сама, ценя в модели естественность, непринужденность, предпочитая портретировать людей, с которыми подружилась, нашла соприкосновение, единение мироощущения. Выразительные портреты участников пленэра — это квинтэссенция увиденной ею сущности, автор монументализирует ее. Лица изображенных останавливают: в солнце стоящая (настоящая) Ирина Алексеева с лицом-фреской, залитым светом, звучно-простонародный образ Ирины Земцовой, небесно-чистый и нежный — Насти Денисовой, проникновенно-личностный — Максима Витязева, сдержанно-приоткрытый — Дмитрия Алексеева. Камила стремилась уловить мгновенье, зафиксировать настроение модели, то, что подчеркивает ее индивидуальность.

«Возвращение назад» (ил. 5) — ландшафтная «стеклянная» инсталляция **Анжелы Размановой** (Сыктывкар) с графикой авторских стихов «парила» на ветвях, в некошеных травах во время работы пленэра, возвращая, вдохновляя, удивляя открытием забыто-детских ощущений. Колорит ее работ всегда конкретно-метафоричен, как в прозрачно-перламутровом детском «Портрете Веры», в невозможно-солнечных «Подсолнухах Октябрины». В них нет претензии, в них обыденность легко преобразуется в поэтическую живопись. Безграничный покой, незаметная гармония цвета, света и воздуха, гармоничное соотношение цветовых плоскостей — природа творчества художницы, ее отношение к месту, миру (ил. 6–7).

Взаимопроникновение во всем и вся, растворение, слияние, единение — испытание для творческого человека начала XXI века, понимающего, что искусство не для размышлений, а для чувств, подчинено контексту непрерывных размышлений, где мир территории, отделенный от социальной реальности, и мир искусства создают новую реальность. Во многих работах звучит тема возвращения

к истокам, истинному, настоящему, оставленному. Сама территория бесконечно одаривала вдохновением, преобразующим мироощущением. Она объединила чистые, реалистические пейзажи Людмилы Юшиной; сплетенные единым пространством, замыслом работы Анжелы Размановой с фантастической игрой света, цвета («Утро Мира»); ландшафтную инсталляцию Игоря Попова («Лестница в Вечность»); ассамбляжи Аси Масловой («Камера хранения. Печаль прошлого») и Андрея Аксеновского.

Владимир Дурнев (Сыктывкар) нашел на берегу реки в меру жирную глину с вкраплениями травы, жучков. Срезы бревен дома, в котором художник жил во время пленэра, лежащие в доме жернова подсознательно, необъяснимо рождали идеи (керамическая композиция «Возвращение»).

Пастозная, освобожденная от подробностей и деталей свето-цветоносная, ярко-красочная пленэрная живопись **Виталия Окуня** (Ижевск) — откровение северной природы. Поверхность пульсирует огненными красками, как переживания от увиденного и услышанного, наполняющие душу художника. В художнике проснулось глубинное сознание. Работы отличаются романтической приподнятостью, взятой из действительности, веет теплым дыханием северной деревни. По его словам, он впервые работал с «отключенным рассудком».

Фотохудожник **Олег Сизоненко** (Ухта), вступив в диалог с классикой, написал два натюрморта «под старых голландцев». Найденная в Онежском храме, пропахшая речной рыбой мумия речной чайки вошла в постановку. Сама работа стала некой странной метафорой чеховских дачников.

Игорем Поповым (Москва), студентом последнего курса Московской школы фотографии и мультимедиа имени Родченко, во время пленэра была сделана серия фотографий надреальных, сновиденческих, предрассветных, сумеречных состояний — движений-метафор с велосипедисткой, переодетой в платье из дома Ирины Алексеевой; бегущего в высоких травах «короля-оленья» с бархатным винтажным ковриком вместо рыцарского плаща; каное (автор Сергей Разманов), плывущее по реке Вымь; лестница, одиноко «стоящая» в поле и устремленная в небо (звездное, рассветное, закатное...); преобразованное с помощью полосок скотча («солнечных зайчиков») пространство стен заброшенного дома. Нереально красивые снимки провоцируют на размышления, на поиски. Игорь — это художник, свободно ощущающий жизнь.

На вернисаже по итогам пленэра Игорем была показана инсталляция «Гербарий» на фотополотне в духе культового немецкого фотографа Вольфганга Тильманса, где он запечатлел неуловимые моменты (отчасти срежиссированные) проживания-переживания пространства места.

Молодые художники (**Татьяна Земцова**, **Максим Умпелев**, **Анастасия Разманова**), приезжающие на два-три дня, пленэрно-легко смогли в небольших работах передать подлинное цветовое богатство природы, энергетику, уникальность места; приехать и услышать тишину в себе. Все третьеочередное ушло и заглохло

до «городских времен», до «возвращения вперед» (название ландшафтной инсталляции Анжелы Размановой). Пленэр явился коллективным творчеством художника с небом, рекой, радугой, травой, солнцем, облаками, закатом, кузнецами, домами, тишиной.

Соорганизаторы пленэра, «хранители места» Дмитрий и Ирина Алексеевы, подводя некие итоги думают, что «для каждого пленэр “Клюква” дал и продолжает давать что-то свое. Свой ракурс, свое видение, свое открытие... Самое главное происходит в сердце, и это внутреннее преображение — оно запечатлено в работах, в словах, в образах. В своем роде в нынешнее агрессивное информационное время сам пленэр и “клюквенные работы” — другое временное измерение, уникальная возможность для встречи с собой, смыслами жизни, Родиной, Богом... С другой стороны, они помогают сохранить камерность, сокровенность и застенчивость земли русской... Сам творческий процесс деревенской жизни стал наглядным примером, как русский художник может возрождать, возвращать, созидать свою Русь, свою Родину...».

Не случайно после окончания пленэра его участники (в том числе и польская художница) возвращались и возвращаются в это хранимое место, в этот «*схрон*».

Социокультурный и региональный контекст ландшафта

В последние годы к анализу и исследованиям в сфере ландшафтов разных типов обращаются многие специалисты. Это градостроители, географы, архитекторы, художники, культурологи и общественные деятели, так или иначе имеющие отношение к сохранению и развитию территорий, городов и поселений.

Мы также неоднократно касались данного вопроса, как в период работы над формированием музея деревянного зодчества «Малые Корелы», так и позже, когда речь заходила о сохранении исторических сел и деревень. И если в первом случае нам удалось хоть в какой-то степени не только проанализировать ландшафтные составляющие территорий, которые были представлены в музее отдельными секторами, построенными на основании историко-культурного зонирования архангельских земель, но и сохранить их образ, то во втором случае это оказалось фактически невыполнимым. Тому есть немало причин и объяснений, но не оправданий. Научные сотрудники, проектировщики, участники программ и проектов развития могут сделать то, что они могут, но реализация предложений, какими бы взвешенными и здравыми они не были, всегда лежит в реальной плоскости: здесь появляется фактор федерального и муниципального участия, участия бизнеса, населения, а также действие правил и законов, которые распространяются на исследованный объект. Здесь-то и таится опасность. Произошло сращивание власти с бизнесом, в связи с этим оказывается сильное инвестиционное давление на проектировщиков, архитекторов, которые и исполняют соответствующие заказы.

Это относится и к историческим центрам российских городов, даже тем из них, что внесены в Список мирового культурного наследия ЮНЕСКО. Специалистам приходится бороться за сохранность среды городов (Санкт-Петербург, Ярославль), как того требуют различные международные организации и различные международные хартии, конвенции и пр. Сегодня властями вместо точечной застройки будет использоваться новый метод «коврового сноса пятиэтажек», что без сомнения вызовет массу протестов жителей и непредсказуемые результаты. Сносятся памятники архитектуры, а на их месте строятся квазиобъекты под тем же названием только из бетона, стекла и сайдинга. Эти примеры столичного строительства подхватываются как образцовые в других исторических центрах страны. Большое число подобных объектов можно видеть, например, в деревянных городах страны (Вологда, Томск, Иркутск).

Современная ситуация в крупных российских городах заставила обратиться к историческим источникам и современным исследованиям, которые были проведены нами прежде в сельских и малых исторических городах, а результаты их были частично опубликованы. Представляемые ниже материалы акцентируют

Рис. 1. Деревня Зехнова, Кенозерский национальный парк. Худ. О.Г. Севан. 2006 г.

внимание на социокультурных составляющих поселений и их развитию, на культурных ландшафтах как результате взаимодействия человека и природы (рис. 1).

Анализу различных типов ландшафтов уделялось достаточное внимание со стороны географов, градостроителей, архитекторов и других специалистов¹. Однако, помимо факторов, которые мы перечислим ниже, существенным является их осмысление и классификация с учетом социально-культурных характеристик. Именно они дают возможность оценивать различные исследуемые объекты и принимать при необходимости решения по их сохранению и развитию. Это становится особенно актуальным в связи с современным Законом о местном самоуправлении, Земельным кодексом и пр.

Среди особенностей и важных элементов ландшафта отмечают не только их цветовые и пространственные характеристики, чему уделялось большое внимание художниками как в России (Б. Кустодиев, В. Поленов, И. Билибин и пр.), так и за рубежом, о чем написано немало работ². Известные литераторы блестяще описывали не только природные или городские виды (И. Тургенев, Л. Толстой и др.), но и ощущения вкуса и запаха ландшафтов (М. Пруст). Важные элементы ландшафта — это чувственные характеристики человека, связанные с природой, с ее состоянием, с временем года и сменой температур, с той или иной погодой и пр. Кроме этого, существенными оказываются звуковые составляющие окружающего мира и запахи, являющиеся составной частью ландшафтов. При этом очевидно, что в сельской местности или в любом городе (промышленном, туристическом, приморском и пр.) такие характеристики будут индивидуальными. Шелест листвы, пение птиц, далекая или оглушающая музыка, шум моря, местный говор людей или речь иностранцев, как и многое другое, подсказывают человеку место его нахождения и характеризуют окружающее пространство. Запах — также составляющая определенного ландшафта, будь то сельская местность с ее специфическими атрибутами — животными, просторами полей и лугов, травами, лесом, ветром, рекой (рис. 2), или будь то городские улицы, где

Рис. 2. Деревня Никитинская, река Выя.
Худ. О.Г. Севан. 1979 г.

человек ощущает запах бензина, пыли и т.п., или находит места, где можно отдохнуть в тишине и подышать свежим воздухом.

В рисунке и обработке ландшафта можно обнаружить следующее:

- особенности освоения ландшафта, исходя из природных особенностей определенного историко-культурного региона, этнических и социальных элементов культур;
- зависимость типа культурного ландшафта от приемов и традиций ведения сельскохозяйственных, промысловых и других работ в разных регионах и в разные периоды истории;
- социально-культурный и природный контекст ландшафта: эстетический, т.е. влияющий на самочувствие и настроение людей; хранящий и создающий определенный тип восприятия людьми природы и мира, собственной родины; определяющий качество и уровень культуры населения региона в разные периоды истории.

Этапы и методы освоения и застройки разнообразных территорий соотносятся с культурой различных этнических и социальных групп населения, как в историческом, так и в современном контексте, как в сельской местности, так и в городах. При этом, при оценке поведения мигрантов из сел в структуре городской жизни выявляется, что в процессе освоения городской среды происходит воспроизведение стереотипов и ритуалов сельской культуры в пространстве города. И часто городской двор или городские окраины и ландшафты в таком

контексте являются аналогом деревни, своеобразным микрокосмом сельского ландшафта. Это не совпадает, в частности, с представлениями о городском ландшафте, обладающем скорее замкнутой структурой с равномерной освоенностью и пространственной однородностью.

Сохранение природной и культурной самобытности исторических поселений с учетом региональных особенностей требует осмысления и значимых принципов формирования исторической специфики архитектурно-ландшафтной среды поселений, механизмов ее формирования во времени. Их можно рассматривать на градостроительном уровне региона или поселения и на локальном уровне конкретных зон, усадеб или сооружений. В первом случае это может быть анализ этапов заселения территорий и формирования поселений на уровне историко-культурных регионов. При этом важно учесть социально-культурную типологию поселений и их различное влияние на изменение ландшафтов, заселение земель различными социокультурными группами в разные исторические периоды. Во втором случае необходим анализ соотношения в конкретных архитектурно-ландшафтных средах объектов прошлого и настоящего, расположенных в отдельных зонах, кварталах или частях поселений, связанных также с определенными группами жителей.

Рассмотрим описываемые подходы несколько подробнее.

Региональные социокультурные исследования. Очевидно, что исторические поселения, существующие в контексте культурных регионов, как и их границы, в процессе развития изменяются. Такие регионы выступают в качестве географических, ландшафтных, экономических и других комплексов. Известно, что для формирования устойчивой культурной общности необходима устойчивая географическая среда. Географами было установлено, что есть определенная связь между границами физико-географических зон и ландшафтных комплексов с границами историко-культурных регионов. Их можно выявить, в том числе и при анализе народной архитектуры, памятников культового зодчества, росписей жилых домов³.

Географическая среда и ландшафты были существенными факторами развития аграрных, промысловых, строительных и других региональных особенностей населения; они сыграли важную роль в местоположении селений и их планировках, в строительных навыках крестьян-плотников, в архитектурных и художественных традициях народа. И говоря о региональном уровне анализа территорий, следует сделать акцент на социально-культурной классификации поселений и регионов. Это важный фактор, который является основанием к пониманию формирования их архитектурной и ландшафтной среды.

Такую типологию предлагается рассматривать, исходя из следующих оснований⁴:

- социально-функциональные: сельскохозяйственные (земледельческие, животноводческие, растениеводческие и пр.); торговые; военные (в т.ч. по-

селения при лагерях); промыслово-ремесленные, включая художественные (Палех, Холуй, Жостово и пр.); промышленные (металлообработывающие и добывающие, текстильные, при атомных станциях и т.д.); поселения при монастырях; ведомственные: дворцовые, а затем удельные, правительственные, ямские, железнодорожные; курортные, включая приморские, дачные и пр. (наиболее распространенными, как правило, бывают поселения полифункционального типа);

- этнические показатели, этнические меньшинства, иностранные колонисты;
- форма собственности на землю и форма хозяйствования: земли государственные (черносошные), дворцовые, частновладельческие, включая помещичьи, церковные, общинные, коллективные и пр.

При таком рассмотрении исторических поселений или историко-культурных зон необходимо выявлять основные параметры их изучения. Например: время появления и период их существования; влияние административных, государственных, экономических указов и постановлений на сохранение и формирование архитектурно-ландшафтной среды; причины перерождения и динамики изменений их функциональных составляющих, их влияние на ландшафт; качество культурной среды таких поселений; особенности освоения ландшафта в разных типах поселений, связанных с преобладающими формами собственности и хозяйства.

Ряд примеров из перечисленных социально-культурных типов сел и деревень в историческом аспекте демонстрирует определенные закономерности в освоении ландшафтов России и решении их архитектурно-пространственной среды. Например, *поселения сельскохозяйственного типа* (земледельческого, животноводческого и пр.) — это наиболее распространенный тип сельских поселений во многих регионах страны. Именно они во многих случаях и дают представление о ландшафте различных мест, об образе страны на всем мировом пространстве. Они располагаются, как правило, на берегах рек и озер, рядом с заливными территориями (рис. 3).

Характер культурных ландшафтов, образ и форма поселений взаимосвязаны с различными социальными и этническими группами населения, которые проживали на этих землях. Кроме того, это связано с образом жизни населения, производственной и хозяйственной деятельностью, традициями землепользования, отношением к сельскому миру и природе⁵. Такие поселения окружены открытыми полями, пашнями и цветущими лугами, формы и размеры которых демонстрируют преобладающую систему хозяйствования, что можно видеть повсюду. Это могут быть поля разных типов: дальние, средние, ближние; сенокосы с разными видами лугов; виды пастбищ, отличающиеся по характеру использования: за деревней, в лесу, специальные выпасы на жнивье и т.д. Леса также разнятся по структуре: пашенные или непашенные, охотничьи, промысловые и пр. (рис. 4).

Рис. 3. Село Зачачье, река Северная Двина. Сельскохозяйственный ландшафт.
Худ. О.Г. Севан. 1980 г.

Сезонные сенокосные и охотничьи поселения⁶ — это достаточно старый тип поселений. В начале прошлого века их можно было встретить в Сибири (так называемые заимки), но они отличались от северных. Сегодня из них, как нам известно, сохранилось только два поселения на территории Архангельской области. Они находятся в лесу. Одно из них — Хорнемская, расположенная примерно в 30 километрах от основного жилого села Хорнема, на крутом берегу ручья (рис. 5). Такие поселения служили временным летним жилищем для косарей, а зимой — для охотников и рыбаков. Жилые постройки имеют древнюю структуру рубки, простые формы и планировки, отапливаются по-черному. Эти сооружения строились сообща, «всем миром», что нашло отражение в совместном общинном использовании и ремонте построек, охране и землепользовании. Многие путешественники, которые случайно побывали в этих поселениях, называют их на современный манер «дачами», имея в виду сезонное их использование. Сохранность домов при обследовании уже в 1980-х годах была плохая, и можно лишь радоваться, что три типа таких сооружений нам удалось перевезти и представить в музее «Малые Корелы» под Архангельском⁷.

Торговые села России, как правило, имели смешанные черты, что сказалось на их ландшафтной и архитектурной среде. Их особенностью являлись ярмарки, ко-

личество которых за год в некоторых районах доходило до 100. Это объяснялось не только культурно-экономическими условиями, но и природно-климатическими характеристиками России. Расстояния между поселениями, расположенными на огромной территории страны, доходили до 500 километров. Это заметно усложняло сообщение между поселениями, сказывалось на качестве дорог и в то же время создавало условия для развития внутреннего рынка по отдельным регионам, являясь одной из причин замедленного процесса урбанизации и развития городов, а также рассеянного типа индустриализации и торговли. Именно поэтому многие селения были и остаются «полугородами»-«полуселами».

Освоение природной и ландшафтной среды в торговых селах имеет свои особенности. Они располагались на пересечении основных административных и торговых путей или на берегах рек, являясь опорными пунктами расселения. В условиях Русского Севера они становились «погостами» — административными, религиозными и культурными центрами края — и отличались более сложной планировкой в сравнении с другими селениями. Необходимым элементом таких сел являлась торговая площадь, где также отмечались народные праздники. Площадь могла размещаться в конце села или в его центре, что можно видеть в Ивановском крае⁸, а иногда ее выносили за пределы селения, как например в селе Мола Вологодской губернии.

Социальное расслоение в упоминаемом селе представляет интерес. В домах, расположенных тремя рядами вдоль улиц, проживала подавляющая часть крестьянства. Зажиточные крестьяне и торговцы селились в конце села, где стояла

Рис. 4. Сельскохозяйственная и рыболовецкая деревня Збоевская (Няндомский р-н, Архангельская обл.). Худ. О.Г. Севан. 1982 г.

церковь. Перпендикулярно основным улицам шли два порядка домов, где жили служители церкви (священник, дьякон и пр.). Здесь же — церковно-приходская школа, далее — торговая площадь с рядами и лавками по периметру. В другом селе — Черевкове Архангельской губернии — торговые ряды и площади проходили вдоль дороги, находясь в центре села и параллельно берегу реки. Амбарами, лабазами и складами застраивали как берега, так и торговые улицы. Здесь же была пристань. Основной архитектурной доминантой селения была церковь⁹.

Иная ситуация складывалась в *поселениях военного типа*¹⁰. Уже в XVI–XVII веках такие поселения существовали в пограничных районах России. Жители этих регионов сочетали занятие земледелием со службой по охране границ. Начало специально организованных военных сел относится к эпохе Александра I. После войны с Наполеоном Россия находилась в тяжелом экономическом положении; требовалось найти новый способ комплектования и содержания большой армии, не прибегая к сокращению ее численности. Опыт военных поселений в Западной Европе подсказал императору метод реорганизации вооруженных сил. Однако, если в Европе они создавались, главным образом, как пограничная система с целью подготовки армии, то в России они были полифункциональ-

Рис. 5. Сезонное поселение Хорнемская (Пинежский р-н, Архангельская обл.).
Худ. О.Г. Севан. 1977 г.

ными — продовольственной и хозяйственной базой армии. Идею организации таких поселений разработал А.А. Аракчеев. Предполагалось создание в перспективе единого пояса военных поселений от Северо-Запада России (г. Новгорода) до Черного моря.

Все общественные сельскохозяйственные работы в таких поселениях совершались совместно военными поселянами — хозяевами и их помощниками. Первоначально они сочетали земледельческие занятия с военной подготовкой. Позже в период интенсивных осенне-весенних и летних работ строевая подготовка была отменена. Система военных поселений имела закрытый от посторонних характер, что объясняется их отношением к армии. Поселяне, тем не менее, могли заниматься торговлей и промыслами, если это не препятствовало земледелию.

Создание военных поселений в отдельных регионах страны привело к значительному изменению ландшафта. В результате их хозяйственной деятельности сформировался новый культурный ландшафт. При развитии хозяйства поселений вводились в оборот целинные земли, увеличивались пашни. В северных новгородских поселениях производилось осушение болот и расчистка лесных неудобий с целью введения их в сельскохозяйственный оборот. В южных поселениях произошли изменения в развитии сельского хозяйства. Если ранее приоритет был за животноводством, то с введением таких структур упор был сделан на развитие земледелия. Производились посевы леса в Херсонских военных поселениях. Масштабное строительство в военных поселениях, особенно в районе Новгорода, изменило облик сельских населенных пунктов. В военных поселениях на Украине были созданы шелковичные плантации. Были в поселениях и фруктовые сады, сохранялись памятники садово-паркового искусства (Софийка — Царицын сад). Здесь же существовал завод по разведению овец.

Таким образом, уровень сельскохозяйственного производства в военных поселениях и территориях того времени был выше в сравнении с соседними регионами. Начальство поселений внедряло передовой опыт земледелия, полеводства и пр. Большие затраты на устройство таких населенных пунктов в результате разумно организованного хозяйства были полностью покрыты за счет прибыли. Однако в 1857 году эти поселения прекращают свое существование. Причины их ликвидации до сих пор остаются загадкой.

Одним из самых интересных и распространенных в России типов поселений являются *монастырские*¹¹. Монастыри начали появляться в России в XI веке, но наибольшее распространение они получили в XVI–XVII веках¹². На Русском Севере в XVII веке было 76 монастырей. Многие из них располагались около городов, позже — в лесах, в отдалении от мирской жизни. Первоначальная функция монастырей была религиозная и культурно-просветительская, а затем оборонительная, колонизаторская и хозяйственная. В течение XV–XVII веков заметную роль в деятельности монастырей играло ростовщичество. Это давало многим из них возможность осваивать и приобретать земли¹³.

Рис. 6. Соловецкий монастырь
(Архангельская обл.). Худ. О.Г. Севан. 1985 г.

но. Даже в северных монастырях выращивались арбузы и дыни (Соловки, Веркола). Устраивались дендрологические сады с цветами многих типов, хвойные и лиственные парки.

Сельскохозяйственные ландшафты близ монастырей создавались постепенно. Они находятся в прямой зависимости от особенностей рельефа местности и структуры хозяйства. На равнинных местах ландшафт приобретает более крупный масштаб, а на склонах холмов — более мелкие формы. Для предохранения грунтов от разрушения строились специальные подпорные стенки. Инженерно-технические ландшафты можно видеть как в монастырях, так и за их стенами. Осушались болота, прокладывались каналы между островами (Соловецкие острова), дороги и дорожки. Промышленная и хозяйственная деятельность монастырей (добыча известняка, гранита и пр.) также сказалась на антропогенных ландшафтах. Рыбный промысел побуждал к строительству дамб и запруд.

На территории монастырей и вне их существуют и мемориальные ландшафты: парки и аллеи на кладбищах, ориентированных на часовни или на могилы видных деятелей церкви; скверы и отдельные территории, отмеченные обетными крестами¹⁴.

Рассмотрение других типов поселений можно продолжить, например, анализируя *промышленные, рыболовецкие, промыслово-художественные* и другие села. При этом особую важность приобретает анализ освоения ландшафтов различными этническими и социальными группами населения. Нами замечено, что освоение различных элементов ландшафтов: горных холмов или речных долин имеет свои особенности в зависимости от групп населения, здесь проживающих. Эти особенности существуют и в планировочных структурах поселений. Например, как показывают исследования, свободная структура размещения

Рис. 7. Деревня Кудрина Гора в верховье реки Пинеги (Архангельская обл.).

Худ. О.Г. Севан. 1979 г.

жилых и хозяйственных построек встречается в местах с нерусским населением: карелы, вепсы, коми, финны и т.д. Для русского населения северных земель более характерны села рядного типа, а если они выходят главными фасадами на реку, то могут быть как одно-, так и многорядными. Например, в Карелии, где проживают и русские, и финно-угры, можно наблюдать особые формы застройки в одном селении, например, в д. Корзе. Она состоит из старой части, которая имеет свободный характер, и новой, строенной под влиянием русских традиций, имевших четкую ритмичную планировку. То же самое можно видеть и в деревнях на территории Республики Коми, в верховье Пинеги (рис. 7).

Временные развертки восприятия народного зодчества, выраженные в графиках, показывают изменение степени замкнутости архитектурного пространства при движении зрителя по деревенской улице. Исследователи утверждают¹⁵, что график представляет восприятие поселения как колебательный процесс. Известно, что музыка воспринимается, как и любой звук, также в виде сложного колебательного процесса. Количественные параметры (амплитуда, период колебаний) в обоих случаях совершенно разные, но характер изменения, ритм их восприятия могут быть сопоставимы, поскольку имеют, по-видимому, общие антропологические основания. Их еще предстоит изучить. Во всяком случае, графики изменения замкнутости для поселений русских можно в целом охарактеризовать как более регулярные, нежели для финно-угров. При изучении причитаний (вид песенного творчества) исследователи обнаружили аналогии в графическом представлении напева: более ритмичное построение в русских причитаниях и хаотичное у соседей (рис. 8).

Изучение архивных источников и сохранившихся памятников народного зодчества показывает важный социально-культурный аспект заселения территорий. При переселении различных групп населения, например зажиточных или бедных крестьян, на новые территории, они по-разному осваивали ландшафты и формировали культуру. Если переселенцы происходили из низших социальных слоев, то в новых условиях они ассимилировались с аборигенной культурой. В ином случае они начинали осваивать по-своему природу, ландшафты и местную среду, создавая собственную культурную среду обитания.

Это можно наблюдать по историческим материалам, например, колонизации карпатских земель¹⁶. Так, украинские лемки пришли в XVI веке в Словакию вместе с валахами большими организованными общинами: с воеводами, князьями и священниками. Они создали новую экономическую и культурную среду в новой географической и ландшафтной области Карпат, ставшей впоследствии историко-культурной зоной. Тем самым они не дали прерваться своим традициям, сохранив особенности освоения ландшафтов и формирования архитектурно-пространственной структуры поселений. Исследования показали, что в социально-культурной среде с преобладанием бедняков в течение двух веков упрощаются архитектурно-ландшафтная среда и сооружения, в том числе принадлежащие высшим слоям общества.

Наши попытки диагностики исторической социокультурной ситуации и генеалогии семей в селе Веркола (Архангельская обл.)¹⁷ и в малом городе Елабуга (Республика Татарстан) дают основания к пониманию механизмов формирования

Рис. 8. Деревня Березник на реке Пинеге (Архангельская обл.). Рис. О.Г. Севан. 1979 г.

ландшафтной и культурной среды поселений России¹⁸. В Верколе первоначально заселялась та ее часть («Низ»), которая была наиболее удобна в ландшафтном отношении: на южном берегу реки, близ заливных лугов, закрытых с северной стороны лесами, откуда открывались красивые виды на природу. Сегодня здесь выделены зоны исторического ландшафта: холмы, поля, тропинки, деревья. Сохранившиеся памятники народного зодчества (жилые дома, разнообразные хозяйственные постройки, комплексы усадеб), как и исторические сведения, говорят о том, что в этой части села жили наиболее деловые и зажиточные крестьяне, позже названные «кулаками». В 1930-х годах они были высланы целыми семьями, а их дома использовались под общественные службы: сельский совет, детский сад, клуб и т.д. Середняки, а затем и беднейшая часть крестьянства проживали в другом конце села («Верх»). Это была вторая волна переселенцев. Земли в этой части было меньше, она была менее удобна, располагалась далеко от реки и т.д. К сожалению, прервались «видимые» связи поколений, нарушена социальная стратификация населения, но до сих пор для крестьян значимы те семьи и фамилии, которые проживали когда-то и живут сейчас в части деревни под названием «Низ» (рис. 9).

Локальные исследования формирования ландшафтной среды исторических поселений касаются анализа освоения отдельных участков территорий, размещения и строительства церквей, часовен и монастырей, дворянских усадеб, жилых и хозяйственных комплексов как в сельской, так и в городской среде.

Размещение культовых построек играет важную роль в объемно-пространственном решении поселений. Они могут стоять на краю обрыва реки, на кладби-

Рис. 9. Часть «Низ» села Веркола (Пинежский р-н, Архангельская обл.). Худ. О.Г. Севан. 1986 г.

ще, в лесу или в поле; в конце поселений; в ряду жилой застройки или на площадях. Это зависит от географических условий местности, от традиционных и этнических характеристик населения. И в разных историко-культурных регионах, зависимых, в том числе и от ландшафтных условий, они были разными. Разнообразие объемно-пространственных композиций, конструкции и декор сооружений делают особенными и сами поселения, и их пространственную среду. Например, в бассейне реки Северной Двины они стоят на открытом берегу, а в бассейне реки Мезени, где мало пахотных земель, — чаще всего располагаются внутри поселений и т.д. Помимо церквей, часовен, колоколен часто встречаются обетные кресты, которые можно обнаружить в самых неожиданных частях деревень (рис. 10).

Нельзя недооценить влияние ландшафтного окружения и природно-климатических условий на формирование крестьянских усадеб. Например, на реке Мезени из-за дефицита сельскохозяйственных угодий обживаются овраги и крутые берега. Для их укрепления откос застраивается подпорными стенками разных типов. На них устанавливаются амбары, бани, ледники, колодцы и пр. Создается своеобразная деревенская набережная вдоль реки (с. Кимжа, д. Усть-Нермацкая)¹⁹.

Специфика ландшафта и местоположения усадеб во многом определяют различные объемно-пространственные приемы их организаций. Один из них — размещение хозяйственных построек рядом с домом и вокруг открытого двора, огороженного забором. Такие усадьбы встречаются по многим регионам России. Их

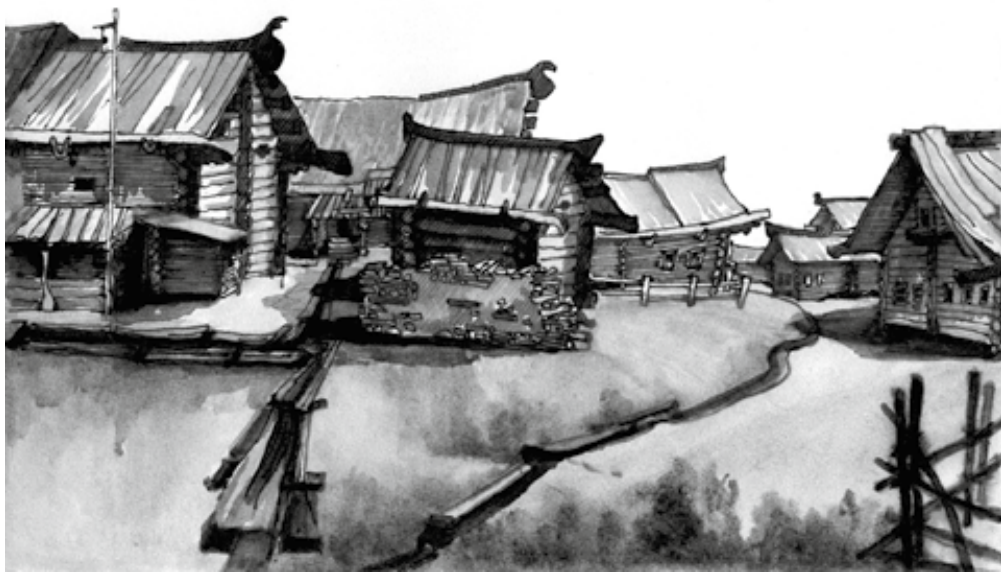

Рис. 10. Центральная часть деревни Палашелье — центр народной росписи (Лешуконский р-н, Архангельская обл.). Худ. О.Г. Севан. 1975 г.

архитектурно-ландшафтная структура обеспечивала защиту от сильных ветров и снежных заносов, создавала уютную и соразмерную человеку среду. В каждом регионе были свои особенности в посадках зеленых насаждений, овощей и фруктов, что также придавало своеобразие поселениям и конкретным усадьбам.

Хозяйственные постройки: амбары, ледники, бани, колодцы, мельницы, мосты и т.д. по-разному формировали ландшафтную среду поселений²⁰. Это зависело от геологического строения местности, а также от особенностей населения, от традиций землепользования и других условий. При строительстве, на-пример, мостов в их конструкциях учитывались особенности течения реки, ее скорость, размеры. На реке Онеге сохранились уникальные сооружения мостов с ледорезами, противостоящими весеннему потоку воды и льда во время весенних паводков. В деревнях Пинежья или на Мезени амбары стоят группами, образуя амбарные городки, или вынесены на дорогу (рис. 11).

Рассмотрение освоения и формирования архитектурно-ландшафтной среды как на региональном, так и на локальном уровне, позволяет сделать ряд выводов: 1) существенны природные характеристики поселения, взаимосвязанные с историко-культурными регионами; 2) образ жизни населения в различных социально-культурных и функциональных типах поселений по-своему влияет на архитектурно-ландшафтную среду и формирует ее; 3) в освоении городской и сельской среды значение имеют этнические, а точнее антропологические ха-

Рис. 11. Вид деревни в верховье реки Пинеги (Архангельская обл.).
Худ. О.Г. Севан. 1979 г.

рактеристики населения, осваивающего территории, существенны его социальный и сословный состав, традиции, навыки и т.д.; 4) отдельные объекты и ансамбли в поселении являются важными элементами пространственной среды, образуя единый архитектурно-ландшафтный комплекс. Важным аспектом становятся различные законы и постановления, принимаемые как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях²¹. Существенным оказывается участие населения в таком формировании ландшафтов и среды поселений²². При оценке территориальных ресурсов, как при разработке программ сохранения и развития поселений, необходимо принимать во внимание перечисленные выше аспекты анализа.

Примечания

¹ Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект наследия. М.: СПб., 2004; Каганский В.Л. Центр — провинция — периферия — граница. Основные зоны культурного ландшафта // Отечественные записки. М., 2004; Родоман Б.Б. Культурный ландшафт как опровержение географического детерминизма // Мы и они. Россия в сравнительной перспективе / под ред. В.А. Мау, А.А. Мордашова, Е.В. Турунцева. М., 2005.

² Липович И.Н. Иван Яковлевич Билибин. Л., 1966; История русской живописи. СПб., 1902.

³ Севан О. Историко-культурные регионы: выявление особенностей и границ на основе изучения народной региональной архитектуры // Архитектура мира. Запад-Восток: взаимодействие традиций в архитектуре: сб. М., 1993. С. 120–122; Ее же. Росписи жилых домов Русского Севера (Архангельская область). М.: Прогресс-Традиция, 2007.

⁴ Сельские поселения России: исторический и социокультурный анализ / отв. ред. О. Севан. М.: РИК, 1995. С. 18–31, 72, 68, 129–136.

⁵ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986.

⁶ Севан О. Сезонные поселения и промысловые избы на Русском Севере (конец 19 — начало 20 в.) // Советская этнография. 1982. № 1. С. 113–120.

⁷ Ее же. Малые Корелы. Архангельский музей деревянного зодчества. История создания, методология проектирования, современное состояние. М.: Прогресс-Традиция, 2012. URL: <http://www.korely.ru>.

⁸ Русакомский И. Торгово-промышленные села Ивановской области // Памятники русской культуры и монументального искусства. М., 1980.

⁹ Севан О. Торгово-ярмарочные села России // Сельские поселения России: исторический и социокультурный анализ: сб. М., 1995. С. 129–136.

¹⁰ Кандаурова Т. Военные поселения России // Сельские поселения России: исторический и социокультурный анализ / отв. ред. О. Севан. М., 1995. С. 112–128.

¹¹ Севан О.Г. Монастыри и монастырские поселения России и Европы (Вместо

предисловия) // Монастыри — культурные и духовные центры России и Европы / отв. ред. О. Севан. М., 2003. С. 5–16.

¹² Богословский М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 79–97.

¹³ Ссудная деятельность монастырских хозяйств распространялась не только на крестьян и горожан, но и на правительство. В результате они стали крупными землепользователями, обладая землями и деревнями по всей России. Чересполосица монастырских и государственных крестьянских угодий вызывала конфликт. Многие продукты, производимые монастырскими крестьянами, превращались в торговый капитал. Монастыри приобрели новую функцию — торговую. Во многих городах они имели свои представительства — подворья. Некоторые монастыри становились центрами проведения ярмарок (Макарьев монастырь на Волге). Только при Петре I они лишились своих земель, ставших государственными.

¹⁴ Кулешова М.Е. Монастырский ландшафт: пример острова Анзер, Соловецкий архипелаг // Культурный ландшафт как объект исследования / отв. ред. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. М., 2004. С. 145–162; Рывкин В. Исторические ландшафты Валаама и проблемы их сохранения // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 94–110.

¹⁵ Гуляев В., Краснопольская Т. Народное зодчество и музыкальный фольклор Карелии (опыт совместного исследования) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 17–26.

¹⁶ Лангер Ю. Роль теоретической социальной модели при реконструкции исторической среды // Исторические города и села в процессе урбанизации / отв. ред. О. Севан. М.: РИК, 1994. С. 74–81.

¹⁷ Севан О. Сохранение, освоение и использование историко-культурного наследия в сельской среде: научно-методические рекомендации. М., 1990.

¹⁸ Севан О., Майстровская М. Музейный комплекс г. Елабуги (к постановке проблемы организации музеев в городской среде) // Музееведение. На пути к музею XXI века / отв. ред. Н. Никишин. М., 1989. С. 171–185.

¹⁹ Севан О. Музеи под открытым небом России // Обсерватория культуры. 2006. № 6.

²⁰ Ее же. Народное деревянное жилище Русского Севера (Архангельская и Вологодская области): автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 1981.

²¹ Ее же. Влияние аграрных реформ в России XIX–XX вв. на формирование архитектурно-ландшафтной среды поселений // Аграрные доктрины двадцатого столетия: уроки на будущее: сб. М., 1998. С. 241–245.

²² Ее же. Участие населения и партнерства при разработке и реализации программ развития: зарубежный опыт // Социальное участие при разработке и реализации региональных программ развития: сб. М., 2000. С. 269–278.

Современное состояние заговорной традиции Кенозерья

Заговоры, собранные экспедицией МГУ летом 2013 года, охватывают все значимые сферы повседневной жизни деревенского жителя. По целевой установке их можно разделить на пять тематических групп: скотоводческие, хозяйственно-промысловые, лечебные, обережные, семейные (см. таблицу).

Тематический репертуар заговоров Кенозерья в записи 2013 года¹

Тема	Группа заговоров	Количество
Скотоводческие	На ввод в хлев	6
	На первый удой	10
	На хороший удой	1
	На первый выгон скота в поле	13
	Чтобы скот держался дома	3
	На поиск пропавшей скотины	3
	На постановку на зиму в хлев	2
Лечебные	От детских болезней (крик, тишина и т. д.)	5
	От боли в ушах	4
	От чирья, прыща	6
	От кровотечения, пореза	4
	От жабы (респираторных заболеваний)	2
	От лихорадки	2
	От сглаза, порчи	3
	От зубной боли	1
	На выпавший молочный зуб	1
	От золотухи	1
	От пьянства	1
	Другое	1
Обережные	От сглаза	2
	От порчи	3
	На дорогу	3
	На въезд в дом	4
	На сон	2
	От грозы	1
	От воровства	1
	От ходячего покойника	1
	Сон Богородицы	4

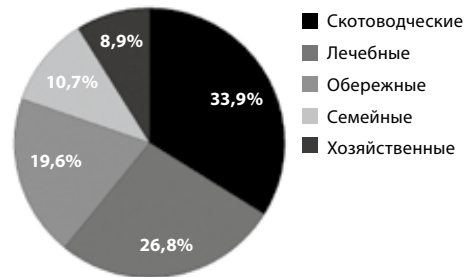
Тема	Группа заговоров	Количество
Семейные	Присушка	1
	На красоту	1
	«Ладить молодых»	1
	Быть старшим(ей) в доме (свадебный)	2
	От побоев мужа	1
	На рост ребенка	1
	Чтобы ребенок научился ходить	1
	Чтобы не осудили	2
	На деньги	1
Хозяйственно-промысловые	На ветер	1
	От насекомых	1
	От клопов	2
	На клопов	2
	На удачу в рыбной ловле	1
	На рост капусты	1
	На отыскание пропажи	1

Представление статистических данных в виде диаграммы позволяет ясно увидеть, что в наших полевых записях преобладают скотоводческие заговоры (33,9%), что в целом соответствует оценкам роли магических скотоводческих практик в жизни Кенозерья на период XIX–XX веков.

И сегодня простейшие заговоры и магические действия известны повсеместно. Показательно, что почти каждый информант, с которым довелось поговорить участникам экспедиции, мог хотя бы фрагментарно вспомнить заговоры на первый выгон скота весной и на первый удой (известный в здешних деревнях под названием «ставить корову»):

«Большушка-матушка и большечок-батюшка, примите мою скотинку, кормите-любите, не оставьте, напоите, от всякого зверя сберегите, от птицы летучей, от плавучей, текучей, от зверя ползучего, прыгучего, скакучего» (АКФ. 2013. Т. 11, № 85)²; *«Господи, благослови. На весь день Господень, побереги, Господи, скотинку мою от волка, от медведя, от росомахи, от злых собак, в поле и в лесу, на воде и на суше. Напой, накорми и домой приведи»* (АКФ. 2013. Т. 5, № 17); *«Наша изба, говорит, на четырех углах, а наша Пестроношка не четырех ногах. То ль бы плотно, то ль бы крепко моя избушка стояла, то ль бы плотно, то ль бы крепко моя Зоренька на четырех ножках стояла, ноженькой не топтала, головушкой не кивала, хвостиком не махала»*. И приговари-

Распределение заговоров по группам

вашь. Первый удой доишь и приговаривашь. Ак вот правда ли не правда, все равно. Все равно приговаривали» (АКФ. 2013. Т. 4, № 19).

Знание магических действий, направленных на благополучие домашнего скота, еще более распространено, чем знание заговорных текстов. Так, все информанты упоминали, когда речь об этом заходила в ходе интервью, о ритуале пострижения хвостов в Великий Четверг или выгона скота веткой вербы на Егория (23 апреля / 6 мая).

Обряды, направленные на исправление нетривиальной, не связанной с календарным циклом ситуации, записывались реже. Среди них — отыскание пропавшего животного, избавление животного от тоски по прежним хозяевам, на обильный удой («отпирать молоко»). Судя по рассказам наших информантов, и в прежнее время этими магическими практиками владел узкий круг людей, знавшихся с хозяином леса — лесовым: *«Вот если корова потерялась, дак я знаю, как. Берешь золотую ниточку: “Большак с большучкой и малыми детками, отдайте мне скотинку, я вам дарю подарки, не простые, а золотые”. Вот берешь узелок... Вот это вот я знаю, потому что я сама искала, а большие я ниче не знаю. Берешь платок или тряпочку, ну, любую нитку, позолоченную, главное, ложишь конфету — мол, я дарю вам подарки не простые, а золотые. И идешь вон туда вот поклонный крест, и через левое плечо бросаешь. И потом идешь искать»* (АКФ. 2013. Т. 11, № 112).

Пастушеская обрядность, еще относительно недавно весьма востребованная в Кенозерье, экспедицией 2013 года фиксировалась в редуцированном виде: не было записано ни одного пастушеского отпуска, но рассказы местных жителей о его бытовании нередко были весьма пространными и эмоциональными.

Второй по популярности тематической группой можно считать лечебные заговоры. Репертуар их достаточно разнообразен и включает тексты, направленные на излечение широко распространенных заболеваний, как детских, так и взрослых.

Исполнители включают в список болезней, свойственных детям и нуждающимся в магическом вмешательстве, бессонницу, родимчик, тишину, крик, т.е. те, которые проявляются главным образом в беспокойном поведении ребенка. Подобную ситуацию с детским магическим целительством описывал и диакон М. Ф-н в газете «Олонецкие епархиальные ведомости» (1901 г.): «Родится-ли ребенок, его с первых же дней бытия начинают доморощенные бабки парить в банях и колдовать на все лады, если особенно ребенок “неугомонный” и по ночам спит плохо. Мне приходилось быть неоднократно невольным свидетелем, как родители новорожденного ребенка упрашивали бабушку сделать что-либо с ребенком, так как последний очень часто “повизгивает” и плохо себя чувствует»³.

Заговоры «универсальные», т.е. нацеленные на лечение людей разного возраста, условно можно поделить на те, что направлены на опасные, трудноизлечимые болезни, и те, что избавляют от легких недугов. Среди последних наиболее попу-

лярны заговоры от чирья, прыща и от боли в ушах: «Ну вот, допустим, вскочил прыщик, я беру уголь черный и говорю: “Как этот уголь засох, зачернел, замодел, так и у рабы Божией Екатерины этот прыщик засох, зачернел, замодел”. Трижды. И вот так надо вот наизнанку тоже выбросить этот уголь. Не просто так, а так как бы его туда. Я зашептывала» (АКФ. 2013. Т. 3, № 198); «Господи благослови: Колю, и закаливаю, зоговариваю раба божья Анна у рабой Божьей Нины Колотуху, золотуху, медницу, желеными острыми ножами точеными веретенами чтобы не кололо, чтобы не болело, что бы не щемило ухо у рабой божьей Нины не шевелило.

Я колю раз, ты колеш два.

Я колю три, ты колеш четыре.

Я колю пять, ты колеш шесть.

Я колю семь, ты колеш 8.

Я колю 9 ты колеш 10.

Колю и закаливаю заговариваю раба божья Анна у рабой божье Нины. Аминь 3 раза надо читать»⁴ (АКФ. 2013. Т. 8, № 80).

Заговоры от опасных заболеваний, как правило, хранятся кенозёрами в письменной форме в виде рукописных собраний (тетради или отдельные листы) и относятся исследователями к так называемым эпическим заговорам, содержащим в своем составе формулу пути к сакральному центру:

«На море на океане, на острове

Буяне, лежит бел горюч камень

Алтырь, на том камне Алтырь

Красна девица, швея

мастерица, держит иглу булатную,

вдевает нитку шелковую, руда

желтую, зашивает раны хроставые.

Заговариваю я раба (токого-то) от порезу,

Булат прочь отстань

а ты кровь перестань» (АКФ. 2013. Т. 11, № 38).

Третья группа лечебных заговоров предполагает избавление от слеза и порчи (*притца, призор*), которые понимаются как особо опасные болезни, требующие профессионального магического лечения. Соответственно тексты носят пространственный характер и имеют развернутую эпическую структуру: «*Встану я, раба Божья Анна, выйду, перекрестясь, из дверей дверями, из ворот в ворота. Встану я на запад хребтом, а на восток — лицом. Погляжу я на подвосточную сторону...*» наговариваешь. Возьмешь нож “...с подвосточной стороны идут три Пресвятые Божьи матери. Первая мать со святым тимьяном и ладаном <...> сотри своим святым тимьяном и ладаном у рабы Божьей Марьи все притцы и призоры, людские переговоры, материну думу, отца думу, свою думу, людскую думу. Вторая мать со святой пеленою. Сотри своей святой пеленою у рабы Божьей Марьи все притцы и призоры, людские переговоры, материну думу, отцову думу, свою

думу (тьфу, тьфу). Третья мать со святою водою. Смой своей святой водою все притцы и призоры, людские переговоры, материну думу, отцову думу, свою думу (тьфу, тьфу)". Три раза. Святой водички надо налить. Потом три раза хлебнуть понемножку. И на себя остальное "на опрокишку"» (АКФ. 2013. Т. 1, № 153).

Длительному сохранению традиции магического целительства способствовала ситуация с состоянием медицинского обслуживания в Кенозерье: многим жителям сложно было получить своевременную медицинскую помощь из-за удаленности фельдшерских пунктов и аптек, поэтому прибегали к подручным средствам — травам и заговорам.

Развита на Кенозерье и обережная традиция. Заговоры на превентивную защиту от порчи и сглаза не распространены широко. Однако многие информанты сохраняют веру в то, что дурное слово или недобрый взгляд способны серьезно навредить человеку.

Актуальными на сегодняшний день остаются также заговоры на выход из дома и отход ко сну. Обычно они представляют собой краткие и емкие формулы народных молитв: «Я вот всегда, когда выхожу, там у нас концерт какой, торжественный, всегда говорю: "Господи, спаси и сохрани рабу Божью Галину, Во имя Отца и Сына и Святого духа и во веки веков..." и как-то там. Три раза скажу и ухожу. А у меня приятельница говорит как-то так: "Месяц спереди, луна сзади..." какие-то такие слова еще говорит. Хранитель там, кто-то тебя охраняет, тоже говорят такие слова» (АКФ. 2013. Т. 8, № 53); «"Дедушка-доможирушка, бабушка-доможирушка, солнышко красное, зоренька ясная (на ночь я все читаю), спасите меня, сохраните рабу Божью Таисию Тимофеевну на ночку темную господню". Так читаю. "Святым Боже, святым крепкий, святым бессмертный, помилуй нас"» (АКФ. 2013. Т. 8, № 135).

Особой популярностью у кенозёр пользуется обережный текст, известный под названием «Сон Богородицы» и представляющий собой различные варианты пересказа апокрифа о пророческом сне Богородицы. Этот заговор большинством информантов признается за молитву, которую следует читать ежедневно на сон и при определенных случаях (они перечислены в самом тексте оберега: при выходе в лес, море, при пожаре, родах): «Кто раб божий человек прочитает этот сон на день господний, тому господь бох ума разума дает и здоровья принесет. Кто прочитает этот сон будучи на море во погодушку тому господь бох [нрзб.] дает и на сухой бережок перенесет. Если при пожаре этот сон прочитает, то тот дом на огне не горит, огненные стрелы за три поприща летят. А если прочитает этот сон женщина идет рожать, то родится младенец не вор не убийца не церковный гробитель а умный добрый человек. Если пойдет на работу в лес ни деревом не давит, ни зверьем не дерет» (АКФ. 2013. Т. 8, № 66).

Традиция переписывания, описанная в «Олонецких епархиальных ведомостях»⁵ за 1908 год, сохраняется и по сегодняшний день: «Наш простой народ крепко верит в "Сон Богородицы", относится к нему с благоговением, хранит его "на

божнице», т.е. в большом углу у икон; деревенские грамотеи по несколько раз его переписывают и раздают эти списки соседям и знакомым». Такие списки «Сна» участники экспедиции видели у многих кенозёр (см. фото).

Группа семейных и социальных заговоров наименее представительна в коллекции заговоров экспедиции 2013 года и по сюжетному составу, и по собранным вариантам (кроме заговора от суда, все остальные записаны в единичном варианте и, как правило, в рукописной форме). Тем не менее, хотя эту группу нельзя признать репрезентативной, ее репертуар охватывает разнообразные темы общественной и семейной жизни: от обряда на красоту до простейшей формулы на отыскание пропажи. Заговоры этой группы

объединяет то, что все они направлены на благополучие человека в общественной или семейной сфере и носят превентивный характер: *«Ладить молодых Земля Ульяна, ночь Татьяна, возьми все притчи и призоры и людские приговоры. Святой Николай и Нестер, сведи молодых вместе; во веки веков. Аминь. Чтобы жили не грешили, добрых людей не смешили. Александр Свирской, на замок любовь запири ключом замки во веки веков. Аминь. Святой отец Петр и Павел на добрые дела пару направил. Выпьют вместе вина заморски у рабов Божьих друг о друге наделают тоски. Аминь. Отнеси ключи золоты в бездну все, чтоб не знал лукавый народ. Аминь!»* (АКФ. 2013. Т. 8, № 64); *«Дочь потеряет что-нибудь дома, говорю: «Привяжи к стулу нитку скажи: “Бес, бес, поиграй да отдай”. Да. Куда хочешь привязывай»* (АКФ. 2013. Т. 8, № 64).

Под хозяйственными заговорами мы понимаем вербальные обряды в сферах рыбного промысла, охоты, земледелия и практического домоводства. В собранной нами коллекции доминируют тексты об избавлении дома от насекомых:

«Блохи, клопы, тараканы и всякая тварь.

Вот иду я к вам, гость:

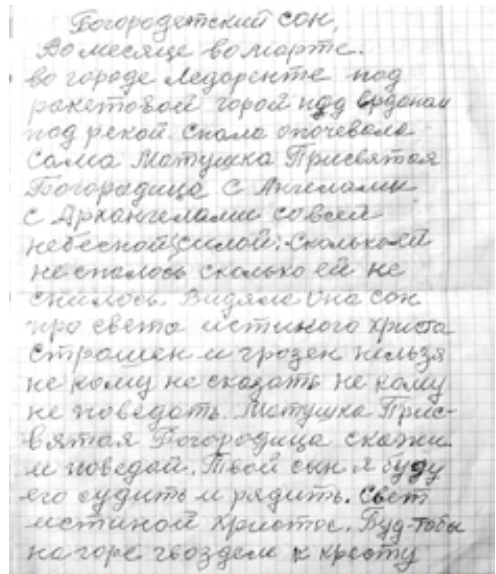
Моя кровь как смола;

Ешьте мох, а не меня.

Слово мое крепко. Ключ, замок.

Аминь. Аминь. Аминь» (АКФ. 2013. Т. 13, № 27).

Такое соотношение сюжетов в группе хозяйственно-промысловых загово-

Запись «Сна Богородицы», принадлежащая А.И. Заляжной, д. Рыжково

ров — результат изменений, произошедших в последние десятилетия в хозяйственной инфраструктуре Кенозерья.

Трансформацией структуры репертуара не исчерпывается современное состояние заговорной традиции. Не менее значимыми оказались внутритекстовые изменения, что с особой наглядностью проявляется при сличении разновременных вариантов. Попытаемся показать это, сличив фольклорные коллекции, собранные на территории Кенозерья экспедициями 1959 и 2013 годов.

Если в экспедиции 1959 года было записано пять эпических развернутых заговоров-присушек, то в 2013 году — только один (да и тот не в устной, а письменной передаче): *«Встану я раба Божья благословясь пойду перекрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота. Выйду я в чистое поле в чистом поле стоит серый дуб. В этом дубе сидит сам господь исус христос. Поклонюся помолюся я раба божья... Спустишь, опустишь господи дай мне господи давидовы усты, саламоновы примудрости. Дай мне господи господи солнечную кросоту месячную светлоту. Как на красное солнышко ни кто не может зла придумать рукой придернуть, так бы и на рабу божью... Ни кто бы не мог зла придумать рукой придернуть. Не мог бы без меня ни жить не быть ни дня дневать ни ночи ночевать. Все бы думал и гадал обо мне божьей ... помышлял аминь, аминь, аминь»* (АКФ. 2013. Т. 8, № 76).

Процесс сокращения репертуара заговорных обрядов мало затронул заговоры на регулярные и обыденные ситуации вроде ухода за домашним скотом, но сильно проявился в окказиональной обрядности: так, записанному в экспедиции 1959 года заговору от женского бесплодия нет аналога в материалах 2013 года.

В ходе своего исторического развития заговорно-заклинательный акт, как правило, переживает несколько стадий редукции.

На первой стадии сокращается текст (при этом ключевые слова, реализующие его функциональную установку, сохраняются), ср.:

1959 год — *«Стану я, раба Божья Анна, благословясь, пойду, перекрестясь, выйду я из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чистое поле, в чистом поле красное море, на красном море красный камень, на красном камне сидит красная девица с красной иглой и красной ниткой. Она зашивает и замыкает удар, щепоту снимает и кровь останавлиет у рабы Божьей Анны. Аминь»* (АКФ. 1959. Т. 19, № 47).

2013 год — *«На море, на окяине лежит Латырь камень; на том камене сидит девица золотой гребешок, шелковый узелок; прядет тонко-на-тонко, набивает туго-на-туго. Когда ниточка порвется, то и кровь уйметсяя»* (АКФ. 2013. Т. 8, № 86).

На втором этапе обряды постепенно утрачивают вербальную составляющую: *«Остановить руду» называется. Есть такой <...> Да. Че-то там помню, что возьмет уголь. Помню, что: “чисто поле” и “из ворот в ворота”, “выйду я, раба Божия, из ворот в ворота, чисто поле, что-то там камня, ремня”. Такое вот наговаривают, наговаривают»* (АКФ. 2013. Т. 4, № 79).

Изредка (в случае передачи традиции посредством письменного канала) сохраняется текст, но утрачивается акциональная часть ритуала.

На заключительном этапе редукции заговорной традиции информант еще помнит, что делалось при произнесении заговора, но со временем может утратиться и эта информация: *«Когда я мыла уже внуков, я ниче не шептала. Знаю, что там есть на уши. На фурункулез, на кровотечение. Много че есть, но это. Помню, у матери была целая тетрадь, но она куда-то потерялась»* (АКФ. 2013. Т. 5, № 129).

В наших полевых материалах наиболее частотно представлен второй сценарий (с редукцией текста).

Примечания

¹ Часть полевых экспедиционных материалов находится в обработке, поэтому статистику можно считать показательной, но не окончательной.

² Здесь и далее: АКФ — Архив кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ, год записи, номер тетради и текста в ней.

³ Ф-н М., диак. Колдовство в деревнях и борьба против него // Олонецкие епархиальные ведомости. 1908. № 16. С. 369–371.

⁴ Здесь и далее орфография и пунктуация письменного источника сохранена.

⁵ Что такое «Сон Богородицы»? // Олонецкие епархиальные ведомости. 1908. № 14. С. 326–328.

Наука и культурный ландшафт

Озеро в культурном ландшафте Кенозерья¹

Сегодня территория Кенозерья (за исключением Першлахты) входит в состав Кенозерского сельского поселения. Его официальным административным центром является деревня Вершинино, но для местных жителей собирающим центром их картины мира выступает не какой-либо отдельный населенный пункт, а озеро. Именно оно определяет наиболее приметные особенности культурного ландшафта Кенозерья² и местных жителей, именующих себя кенозёрами.

Береговая линия Кенозера очень изрезанная, лахты (заливы) зачастую вдаются в берег на километры. Это делает сухопутные поездки между селениями долгими и неудобными, поэтому водный путь издавна был основным на Кенозере: «...на озере было такое же движение, как вот, допустим, магистраль в городе какая-то, вот такое движение было» (АКФ. 2013. Т. 10, № 55)³. Песня «Не отдай меня, батюшко», опевающая кенозерские деревни, является яркой тому иллюстрацией:

*«...По Глущихе парходики бежат,
В парходах добры молодцы сидят,
А Карпова на самой на горе...»* (АКФ. 2013. Т. 13, № 3).

Сами исполнители говорят, что, пропевая ее, они мысленно проплывают мимо деревень, идя фарватером вдоль берега, и описывают их с воды, а не с берега (АКФ. 2013. Т. 1, № 81). Как следствие, глагол «ехать» получил в Кенозерье логичное семантическое расширение — «перемещаться в пространстве не только по суше, но и по воде»: «Ну, вы были ж, с Вершинино ехали? Видели Тарасова, наверное <...> [А, мы ехали на катере.] Дак нет, я про катер и говорю. Вы ехали прямо сюда, или вы в Зехнова заезжали?» (АКФ. 2013. Т. 10, № 148).

То, что озеро — основной связующий путь между деревнями, подтверждает и расположение домов: парадной, жилой частью они обращены к озеру; отдельные же строения, стоящие параллельно ему, имеют выход к воде.

Интересным представляется и факт расположения многих кенозерских кладбищ на островах и полуостровах. Вероятно, в свое время причиной, породившей это явление, было восприятие водной преграды как границы между миром живых и миром мертвых⁴. В рудиментарном виде это верование сохранилось в похоронной обрядности, ср.: «[А у вас ветки кидают, когда провожают?] Нет, не видела. Водушка из ковшичка. Замывают следы, наверное» (АКФ. 2013. Т. 13, № 95).

Кроме «кладбищенских» на территории Кенозерья есть острова, имеющие хозяйственное назначение. Например, «Овечий, там. Как свекруха говорила, туда овец вывозили. С ранней весны до поздней осени вывезут, на Овечьем они

там и ходят, а осенью забираем». Или остров Нюры: «на Нюры раньше косили, еще совхозом, там стога ставили. Красиво, стога прям среди воды стояли» (АКФ. 2013. Т. 13, № 31); «Дак вот у нее дед умер, дак вот мы <...> иногда вот... ну она корову держала, за травой куда ездила на лодке, вот меня тоже брала с собой туда» (АКФ. 2013. Т. 10, № 77). Не случайно до сих пор каждая кенозерская семья предпочитает машине лодку: «Раньше День молодежи <...> И с утра столько лодок, все по островам. Все на острова, на острова. А сейчас куда — все парк, везде стоянки, только выдь попробуй. Раньше свобода была: гуляли, купались, отдыхали, загорали. Неводом рыбу ловили. Закинешь невод — придешь с рыбою! Уху варишь, остальное засолишь» (АКФ. 2013. Т. 13, № 78).

С озером связан и основной — рыболовный — промысел кенозёр. Способы ловли рыбы разнообразны: «...сетками ловили, отец ловил мережом. Слыхали слово такое — мережа? Ну как вам сказать... Ловили еще на крючки, на живца, блеснами, вот раньше лодки были веселыми <...> Еще неводами раньше ловили» (АКФ. 2013. Т. 8). Для успешности местные рыбаки прибегают к разнообразным магическим практикам: «У нас вот тут, правда, есть озеро лесное Оньково. К нему надо идти молча, чтоб никто не видел ничего. Никто не знал. Мы раз с егонным братом сходили, окуней десять поймали — и все! — больше мы ничё не смогли поймать. [А почему?] А вот такое, говорят, озеро, что надо идти молча, чтоб никто не видел, не слышал. Вот тут рядом» (АКФ. 2013. Т. 11, № 121).

Особое место среди магических практик занимает ритуал задабривания водяного, представленный в кенозерских селениях в нескольких вариантах: одариванием краюхой хлеба, рюмкой водки, сигаретой или махоркой. Кормление водяного хлебом ощутимо древнее, поскольку устойчиво связывается с Петровым днем, мужским праздником: «Петров день это у нас Лёкима. А вообще это мужской праздник. Это вот иначе, как говорили раньше — день рыбака. Это мужской праздник. Мужики на лодке отправляются. Вот Лёкима тоже там большое озеро — у нас тут с островами, дак как-то так, общий-то вид теряется, а там — оно гладкое все и никаких ни островов, ничего. И они там выезжают там на лодке, краюха хлеба, значит, обязательно — водяному. Это мужики вот делают» (АКФ. 2013. Т. 10, № 43). Рассказы же об угощении водяного рюмкой водки и табаком нередко преподносятся информантами как анекдотические истории. В подобных случаях образ водяного демифологизируется и приобретает черты вполне реального человека, ср.: «Вот это как мой отец рассказывал. Он ходил... Это самое, как рассказать получше-то? Сходил, посмотрел вот эту мережу: не попало ничё, воденик и вышел. Он ему дал закурить. А раньше он что курил? Он курил махорку. И все, покурил и ушел к своим <...> На следующий раз приходит, рыбы ему столько попало — море, кошель наклал <...> Никто водеников и русалок не видел. Просто отец тоже с юмором» (АКФ. 2013. Т. 8, № 200).

Именование мужского озерного духа представлено на Кенозере рядом лексем: «водяной», «вод'яник» или «водян'ик», «вод'иник» и «хозяин» (с уточнени-

ем: воды или озера): «У каждого озера свой. Вот здесь у нас Долго, там Кенозеро, там Свино начинается. В каждом озере свой» (АКФ. 2013. Т. 2, № 36). Его облик не отличается постоянством: он может предстать перед человеком как «медвежонок шерстяной такой, шерсть кругом» (АКФ. 2013. Т. 6, № 43), «каждому как он придет» (АКФ. 2013. Т. 2, № 38).

С водяным связан достаточно устойчивый круг мотивов:

1. Вредительство в форме потопления: «Нас пугали-то, что поздно не надо ходить на озеро купаться, а то воденик утешет. Мы уж поздно вечером не ходили купаться» (АКФ. 2013. Т. 2, № 12); «У нас бабушка раньше говорила, что после заката не надо, водяной утащит. Они нас ругают, что водяной нас, пугали. А мы все равно» (АКФ. 2013. Т. 8, № 219); «А черт его знает, чё он водяной делал. Может кого-нибудь затопить. Тонуло много. Даже и не находили. А каких нашли, те уже всплыли, поверху плавают. Все говорят: водяной, водяной, а кто, его никто близко не видел. Он не показывается» (АКФ. 2013. Т. 7, № 159); «Во время войны был надсмотрщиком. Женщины по пояс лес валили — по пояс! А он им продыху не давал. Сам на коне, в тулупе <...> А они его прокляли. Потому что он такой был, жесткий очень человек. Ну вот, и вот. Считай, что вся семья у него, вся погибла от воды. Кто бы ни это, кто ни пойдет рыбачить или что — всё. [То есть это водяной, получается, заступился.] Ну не лесовик. Водяник. Водяник. Да» (АКФ. 2013. Т. 10, № 26).
2. Помощь человеку, знающему толк в магии, в поисках утопленника или потерявшегося: «Да, отворяживали. У нас вот тоже потонул тут мужчина, так они ездили. Они, говорят, бросят эту... Что они бросали-то я уже забыла? И вот так она идет, говорит, идет, идет, и где утонул, там на одном месте станет и крутится» (АКФ. 2013. Т. 1, № 94); «Парень ушел куда-то, небольшой, годов 6, наверно. И вот они тоже сходили поворожились и надо было... Как... Идти надо было к озеру-то. Они пришли к озеру, а поднялась буря. Мать пришла-то. Да она спугалась и убежала <...> Вот эту бурю-то надо было вытерпеть, отстоять, страх перебороть да... Она не могла, верно» (АКФ. 2013. Т. 9, № 106).
3. Помощь в промысле и хозяйственных делах: «...вот мы открывали мельницу там, водянику тоже говорить всякие наговоры там. Там шептать да говорить» (АКФ. 2013. Т. 10, № 50).

Некоторыми из этих функций наделена также русалка, поверья и рассказы о которой регулярно фиксировали экспедиции МГУ 1959 и 2013 годов: «Желательно мужчин молодых они утаскивают, меня-то не потащат. Я уже... [А почему они утаскивают?] Ну тебя тоже мальчики утащат вот... Так они тоже. Они ищут, видишь. Они из воды всё видят!» (АКФ. 2013. Т. 8); «Русалку да, русалку видел. Иван. Гусева Бориса Ивановича отец. Да еще она сидела на камне, волосы расцасывала. А он ей стрелит из ружья. А она в воду-то упала, так, говорит: “Сколько раз приду на берег, она выплывё. Но, — говорит, — я тебя за то прощаю, жизнь тебе даю, что

ты меня токо ранил куда-то в плечо, а так бы тебе жизни не было. Но, — говорит, — хорошей рыбки ты не увидишь”. Не знаю, совпало так, или нет, но увидел он ее как женщину, токо волосы длинные-длинные. И расцасывала. Что придумалось стрелить в русалку?» (АКФ. 2013. Т. 7, № 7). И все же, как и по записям столетней давности⁵, самым популярным на Кенозере следует признать мотив расчесывания ею волос на камне, берегу, у полыньи, на мостиках: «Даже раньше вот там говорили: “У, там русалка на Немятовой вышла, волосы расчесывает”. Бабушки говорили» (АКФ. 2013. Т. 2, № 59); «А у меня бабушка (не мама моя, а бабушка) — она говорит, что видела русалку, в деревне они жили <...> Будылгино. И вот бабушка моя видела. Она говорит: “Я пошла утром рано за водой, а она сидит на камне спиной”. Ну, она видела эту же со спины. И она все еще говорила: “Русалка расчесывала волосы золотым гребешком” — вот так гребешок на солнце блестел, у нее почему-то сложилось такое впечатление, что золотой гребешок-то был. “Я видела: сидит женщина, а тут вот хвост. Она услышала — видимо, ведро скрипнуло, что ли, — бульк в воду и все”. Бабушка говорит: наполовину хвост, а так — женщина» (АКФ. 2013. Т. 3, № 210); «У меня дедушка видел сам даже. “Пришел, — говорит, — утром сегодня, увидел чудо. Подъезжаю — озеро. Кругом объезжаю, сидит русалка. Волосы длинные, на берегу так руками волосы... Так испугался!” [А она прямо как женка?] Как человек. Раздетая, голая. [И куда она делась?] Сразу хвост в воду, нырнула и все!» (АКФ. 2013. Т. 1, № 155); «Раньше рассказывали, в деревне у нас, бабушка Варвара Глушкова у нас была, она рассказывала про русалочку. Русалка есть на самом деле, говорит. Видали. Видали, говорит, что русалок. [А какие они были, как они выглядели?] Рассказывала. Они рассказывали, что они сидели, вот когда кувшинки эти цветут, листья такие здоровые — лапуга, они называют в деревне лапуга это. И на здоровой на этой сидит девушка, волосы золотистого цвета. Говорит, даже видели, как она расцасывалась» (АКФ. 2013. Т. 7, № 31); «Еще он говорил, что его дед видел русалку. Он рассказывал, что она сидела на камне и расчесывала волосы. Большие я ничего не знаю. Это я просто запомнила» (АКФ. 2014. Т. 5, № 125); «Вот, сидит, волосы расчесывает, плачет. Мужики видели. Женщины не видели, а мужики видели. Они не разговаривали, сидели и смотрели, а уж как они там завлекали, там своим обличем или как там» (АКФ. 2013. Т. 10, № 23).

В наши дни, когда процесс трансформации и/или разрушения фольклорной традиции стал особенно интенсивным, единство среды обитания и сходство функций провоцирует контаминацию и создание эклектических образов, совмещающих характерные признаки водяного и русалки, ср.: «В Кенозере видели водяника <...> Она сидела на колодинке. Волосы распустила, тело красное; груди, как у женщины. “Павлуха, вот я чуда нагляделся — водяника”» (АКФ. 1959. Т. 25, № 65); «[А видел кто-то водяного?] Да всё говорят, что есть, видали дак <... > Вот, говорят, сидела, как русалка: волосы длинные, видали, говорят, так. [А то есть это водяной как русалка выглядит?] Ну. Потом, говорят, прыгнет в воду-то, волосы, говорят, распущены такие по плечам. Как русалка» (АКФ. 2013. Т. 10, № 124).

Другая заметная современная тенденция в области мифологической прозы — влияние СМИ (газет, журналов, телевидения) на сюжетный состав, персонажную систему и интерпретацию описываемых в текстах событий: «Ну, как сказать, откуда он [водяник] взялся. Все, что вон мы читаем, выписываем эти, журналы. Как их звать-то, “Тайны 20-го века”, всякие. Там же... А сколько сейчас показывают по телеку, там на всяких Рен же, вполне вероятно, что все это живое, все это было. Может, оно и есть. Ну вот. Хотя раньше это и отрицали — нет? и все. А теперь все, говорят. Действительно, Создатель есть, и всё есть» (АКФ. 2013. Т. 10, № 44); «[А в озере только русалка живет?] Не знаю, живет ли она. Может, она в параллельном мире живет. В другом измерении. Как вот это сейчас сказали-то, что в одном помещении несколько измерений могут находиться. Такие передачи. Особенно на Рен-ТВ их показывают <...> Как это самое, парк сейчас утверждает, что это была не русалка, а как его... тюлень. Что раньше здесь тюлени были, а потом ушли» (АКФ. 2013. Т. 10, № 121).

Озеро определенным образом влияло на формирование не только ритуальных практик и мифологии кенозёр, но и на образный строй их песенного фольклора, ср.:

*«Кенозёрушко-озёрушко,
Серёdochка рекой
Не придется, тебе, миленький,
Смеяться надо мной» (АКФ. 2013. Т. 3, № 176).*

*«Кенозёрушко-озёрушко,
Серёdochка волной.
Кенозёрка-ягодиночка,
Приди на выходной» (АКФ. 2013. Т. 9, № 79)!*

*«Кенозёрошко-озёрушко,
Серёдка пеною.
Три недели сердце ныло —
Все перед изменою» (АКФ. 2013. Т. 9, № 80)!*

Весьма показателен с этой точки зрения тот факт, что первые строфы гимна Кенозёрского края посвящены любимому озеру:

*«Бесконечная гладь и простор —
Словно сказка, а все наяву.
О тебе я веду разговор —
Край, в котором рожден и живу.*

Припев:
*Кенозеро с детства мне знакомо,
И знаком тот карбас на волне.
Если уезжаю я из дома,
Озеро и чайки снятся мне... »*
(АКФ. 2013. Т. 3, № 89).

Примечания

¹ Статья написана по материалам фольклорных экспедиций МГУ на Кенозеро в 1959 и 2013 годах.

² «Под культурным ландшафтом понимается природно-культурный комплекс, созданный и/или освоенный сообществом людей. Основными компонентами культурного ландшафта являются: природный ландшафт или природная среда (включает горные породы, рельеф, климат, воды, почвы, растительность и животный мир); сообщество людей, взятое в этнологическом, социальном, семейном, профессиональном и прочих аспектах; хозяйственная деятельность (конкретные хозяйственно-культурные типы — земледельческий, промысловый, оленеводческий, скотоводческий — в значительной мере определяются совокупностью природных условий, ресурсов и типом этносообщества); селенческо-расселенческая система (или селитьба) как способ пространственной организации/самоорганизации сообщества в природном ландшафте; языковая система; духовная культура (сфера верований, ритуальной практики, фольклора и других видов народного искусства)» (Иванова А.А., Калуцков В.Н. Концепция культурного ландшафта в исследовании и репрезентации фольклора. URL: <http://dvinaland.ru/culture/site/Publications/EoC/EoC2006-2/2.pdf>).

³ Здесь и далее: АКФ — Архив кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ, с указанием года записи, номера тетради и текста в ней.

⁴ Менцей М. Славянские народные верования о воде как границе между миром живых и миром мертвых. URL: <http://www.kladina.narod.ru/mentsey/mentsey.htm>.

⁵ Харузин Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии. М., 1889; Шайжин Н. Олонецкий край (по данным местного фольклора) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 год. Петрозаводск, 1909.

«Иерусалимская история» — белое пятно на литературной карте Русского Севера

Неотъемлемой составляющей культурного ландшафта Русского Севера является словесно-поэтическая компонента, охватывающая как авторские поэтические миры, так и фольклорную картину мира, в частности, интересующую нас эпическую географию, топонимику и антропониимику. Непосредственным материалом исследования послужил обнаруженный недавно рукописный вариант редкой северно-русской былины.

Не имеющий локальной приуроченности рукописный сборник конца XVIII века¹ включает, согласно оглавлению, три произведения: «Свиток Ерусалимскаго знаменія», «Сонъ пресвятыя владыцыцы богородицы» и «Пресвятыя хождение Пресвятыя богородицы по мукам». На самом же деле в составе сборника присутствуют «Свиток Иерусалимский» (Л. 2–6 об.), «Хождение по мукам» (Л. 6 об. — 8 об.) и оставшаяся в рукописи без заглавия, переписанная без разбиения на строки и знаков препинания «Иерусалимская история» (Л. 9–12)². Последняя представляет собой пограничное сюжетное и жанровое образование между былинами о «Камском побоище»³ и духовными стихами круга «Голубиной книги»⁴.

Классические варианты былин о гибели богатырей, тесно связанные с литературными повестями Куликовского цикла⁵, описывают нашествие Мамаю (Скурлыка, Кудреванища) на Киев; успешное его отражение русскими богатырями, их непомерную похвальбу: «А бы кто нас может победить нонче? / Кабы было кольцо в земле, / Поворотили бы мы мать землю. / Как была бы нонче на небо лестница, / Мы пресекли бы всю силу небесную»⁶; чудесное воскрешение и умножение войск противника; покаяние и окаменение богатырей: «И сделались мощи да святые»⁷. Ряд вариантов локализует действие былины не только в Киеве, но и Царьграде и даже Новгороде⁸.

В новонайденном варианте эпическим центром сюжета является Иерусалим, который охраняют 30 богатырей:

«У насъ во святымъ Ерусалиме граде
Есть три на десять богатырей:
Первые девить все Захарьевичи,
Другие девить все Макарьевичи,
Тритие девить все Яковлиевичи»⁹.

Город подвергается нашествию иноземного войска и на вопрос горожан: «Можно ли ету силу сметити и оком окинути?», — два израненных «караульщикика» отвечают развернутой формулой:

«Не можно ету силу сметити и оком окинути.
Нетъ столько древа стоячева,
Нетъ столько сучия висячева,
Нетъ столько листу падучева,
Нетъ столько гаду пользучева,
Нетъ столько зверя борзучева,
Што пришло къ намъ силы неверныя,
Неверныя некрещеныя»¹⁰.

Сборы богатырей на битву и само сражение изображены без типичных картин седлания коня и поединков, но с выраженным религиозно-нравственным акцентом:

«Все богатыри те причастилися¹¹,
Причастивши на бои пошли.
Оне бились и рубились двенатцать день,
Ни пиваючи и ни едаючи,
Съ добрыхъ коней ни слезаючи»¹².

Однако, когда в решительный момент сражения Мать Пресвятая Богородица вопрошает героев, «нужна ли им в поле помощь Божия?», богатыри дают самонадеянный ответ, вызывающий ее праведный гнев:

«Охъ ты ой еси мать пресвятая владычица
Богородица Ерусалимъская!
Не нада намъ въ поле Божия помощь.
Управимъся мы съ погаными,
Управимъся мы съ нечистыми!
Прогневалась мать присвятая владычица
Богородица Ерусалимъская.
Все богатыри те ужасилися,
Промежь собой перърубилися,
Живои на копы побросалися»¹³.

В большинстве былин о Камском побоище (в отличие от рассматриваемого текста) мотив самоуверенной похвалы героев вынесен в самостоятельный эпизод после первой победы над противником:

«Олексей-от был умом слаб, а языком прост,
Говорил Олексей: “Исприсёкли мы всю силу неверную,
А кабы на небо была лисница,
Так исприсёкли мы всю силу небесную”.
А тогда Илеюшко вышел из белá шатра,
Взглянул Илеюшко во чисты поля;
Которого секли нáдвоё, из того два стоит,
А которого секли нáтрое, из того три стоит.
Зашел Илеюшко во бёлой шатер:

“Нашутили мы, братцы, шуточку не малую,
Которого рубили на́двое — два стоит,
А которого рубили на́трое — три стоит”.
Тогда поехали бога́тыри во чисты поля
Бить-топтать силу проклятую.
Бились-топтались сутки семеры,
Тогда собрались обратно ко белым шатрам —
Оле́ксей-богатырь на копие скололся»¹⁴.

В «Иерусалимской истории» традиционный мотив гибели богатырей получает иное развитие. Богородица обращается к басурманину: «Хочешь ли ты креститься, владать святымъ Ерусалимамъ градамъ?»¹⁵. Отказ противника и его горделивая похвальба вызывает скорую расплату:

«Какъ бы былъ столпъ отъ земли до неба
И было бы кольцо серебрина,
Поворотилъ бы я всю сыру землю.
Какъ бы была отъ земли на небо лесница,
Всехъ бы святыхъ на престоле перърубилъ,
А тебя бы пречистую подъ мячь (*sic!*) подъклонилъ!”
Услышила мать присвята Богородица Ерусалимская
Похвалу Его нечистую басурманскую,
Подымала Его сысоко (*sic!*) поподънебесью,
Ударела объ сыру землю,
Расъчибла его по макову зерънышку.
Все богатыри те его ужасилиса,
Промежь собою перърубилиса,
Живы на копы пометалиса»¹⁶.

Христианские же богатыри «из мертвых живы възставали», омыли «в Ярдане-реке свои пречистые руки» («наимались оне крове нечистыя, басурманския»)¹⁷, стали владеть «Ерусалимамъ градамъ по стараму и по прежнему»¹⁸.

Приведенные выше многочисленные мотивные, образные и формульно-стилевые соответствия «Иерусалимской истории» беломорским, мезенским и печорским былинам о Камском побоище позволяют сделать вывод о принадлежности этого текста к северно-русской эпической традиции.

Вместе с тем, наиболее характерные соответствия «Иерусалимская история» находит в корпусе былинных текстов русских старожилов Индигирки, Колымы и Анадыря — наследников эпических традиций востока европейской части Русского Севера¹⁹. Речь идет о девяти вариантах сюжета «Данила Игнатьевич и его сын Михайла», записанных на протяжении XX столетия²⁰.

Помимо общей сюжетной коллизии — отражение вражеского нашествия на Иерусалим, реже Киев²¹ — сибирские былины о Даниле Игнатьевиче роднит с былинами о Камском побоище финальный мотив гибели богатырей: «В отли-

чие от оптимистических версий, зафиксированных в европейской части страны, версию с северо-востока Азии надо назвать трагической: отец похвастал силой еще не возмужавшего сына, что повлекло за собой смертельное ранение сына и самоубийство отца»²². Необходимо также отметить близость к описанному кругу текстов фрагмента «Сухан сообщает Владимиру о нашествии»²³, инициирующего сюжет с героем-самоубийцей²⁴. Особо укажем на специфическое схождение имен героев в сюжете «Потоп Михайлович»: Потоп, Добрыня, Алеша и Сухман добывают дочь царя Захара Макарьевича²⁵.

Отмеченная выше взаимозаменяемость эпических столиц поддерживается фундаментальной для культуры Pax Slavia Orthodoxa идеологемой духовно-политического подобия Иерусалима, Царьграда, Киева, Тырново, Москвы, Новгорода²⁶. Кроме того, на уровне конкретных мотивов и образов эпическая «иерусалимская» топография несомненно подпитывалась богатой книжной традицией, начавшейся в XII веке переводом «Иудейской войны» Иосифа Флавия, продолженной переводом в XVI веке «Повести о взятии Царьграда» и их последующими переработками как в рукописной традиции, так и в печатных изданиях XVIII–XIX веков («История о разорении последнем святого града Иерусалима от римскаго цесаря Тита сына Веспасианова, вторая о взятии славнаго столичнаго града греческаго Константинополя (иже и Царьград) от турскаго султана Махомета втораго». М., 1713; переизд. 1716, 1723, 1745, 1765, 1769 гг. и далее до начала XIX в.).

Отмеченные на уровне сакральной топонимики и ономастикона былины, следы специфической книжной образованности создателей, исполнителей и слушателей «Иерусалимской истории» позволяют высказать предположение о старообрядческой среде возникновения этой версии сюжета. В пользу данной гипотезы говорит и факт близости «Иерусалимской истории» к духовным стихам «Голубиная книга» и «Свиток Ерусалимский», а также к апокрифам «Беседа Иерусалимская» и «12 Иаковичей». Уже не раз отмеченное сосуществование рассматриваемых сюжетов былин и духовных стихов в рукописных сборниках²⁷ и в репертуаре сказителей религиозного склада²⁸ несомненно послужило основой межсюжетных и межжанровых взаимодействий — вплоть до уровня конкретных поэтических формул.

Укажем особо общие *топосы святости*:

– «Почему ж Иордан-река да всем рекам мати? Крестился в ней истинный Христос» (Стих о Голубиной книге)²⁹;

– «У насъ во святомъ Ерусалиме граде течеть матушка Ярдань река. Во тои во Ярдане реке крестилса самъ Исусъ Христосъ небесный царь!»³⁰;

и общие *формулы греховности*:

– «За великое мое прегрешение... за премное мое беззаконие» (Стих о грешной душе)³¹;

– «За наше великое прегрешение, за наше великое беззаконіе пришла к намъ сила неверная»³².

Сходная формула невозможного роднит «Иерусалимскую историю» с исторической песней об осаде Соловецкого монастыря (как в ее северно-русских, так и сибирских вариантах):

– «Нельзя об том подумати / А нельзя же и помыслити, / Как порушить веру правую... Нельзя, государь, подумати / На то место на святое»³³;

– «Какъ поганому подумати, какъ нечистому помыслити на нашъ святъ Ерусалимъ градъ?!»³⁴.

Наконец совпадающие ряды эсхатологических примет отмечены в «Иерусалимской истории» и в зачине былины о Суровце-богатыре в сборнике Кириши Данилова:

– «При царе Давыде Евсеевиче, При старце Макарье Захарьевиче Было беззаконство великое: Старицы по кельям — родильницы, Че(р)н(е)цы по дарогам — разбойницы, Сын с отцом на суд идет, Брат на брата с боем идет, Брат сестру за себя емлет»³⁵;

– «При цари Давыде при Евсеевиче, при сыне Саломоне Давыдовиче, при старце Захарии сударь праведный Зделалъся трусь и мятежь: Старцы и монахи перъжинилиса, Братъ сестру за себя беретъ, Сынъ на отца боемъ пошелъ, Отець на сына судомъ пошелъ»³⁶.

Таким образом, данные о северно-русских и сибирских связях песенно-эпического материала сборника Кириши Данилова³⁷ должны быть дополнены указанной параллелью.

Особое внимание привлекает яркий образ иноземного нахвальщика «Малава Кита Фарафонтьевича» — общий для «Иерусалимской истории» и сибирских былин о Михайле Даниловиче, а также Сухмане:

– «Поднимается сорок царей, сорок царевичей, Поднимается сорок королей, королевичей, Что под каждым царом, под царевичем И под каждым королем, королевичем Силы по три тьмы, по три тысячи, Что набольший у них Тит Фарафонтьевич»³⁸;

– «Пришла к намъ сила неверная, неверная некрещеная, семь десять орды и четыре орды, сорокъ цареи и четыре царя. В начале у нихъ идетъ Малай Китъ Фарафонтевичъ»³⁹; «Речеть мать присвятая Богородица Ерусалимская: Охъ ты ои еси Малай Китъ Фарафонтьевичъ! Хочеш ли ты къститися? Хочеш ли ты криститися, владать святымъ Ерусалимамъ градамъ? Какъ возговаритъ Малай Китъ Фарафонтьевичъ: Не то было у Кита задумана, не то было у Малова замышлена...»⁴⁰.

Вероятно, речь идет о римском императоре *Tite* Флавии Веспасиане (79–81 гг.), захватившем и разрушившем в 70 году Иерусалим. В этом случае имя «Малай Кит» может быть прочитано как искаженное «Флавий Тит» либо как «младший Тит», коль скоро он был полным тезкой своему отцу Титу Флавию Веспасиану (император 69–79 гг.), под руководством которого начинал Иудейскую войну⁴¹.

Кроме того, пара Тит / Кит регулярно чередуется либо соотносится в целом ряде жанровых контекстов.

Если в стихе о «Голубиной книге» указанные имена взаимозаменяемы по вариантам (Кит (Тит)-рыба, всем рыбам мати)⁴², то в народной поговорке они сопоставлены: «Тит в горе, что кит в море». Не исключено, что подобное соположение несет заведомо ироничный характер: значение имени Тит — «почет» — снижается образом беспутного водяного чудовища⁴³. Так, Петр Сицилийский писал о павликианском ересиархе Симоне: «Подобно ересиархам, выступившим до него, он, желая приписать себе добрую славу, назвался Титом. Я его назову не Титом, ибо он не был похож на критского епископа, рукоположенного апостолом Павлом, а Китом, потому что он был подобен морскому киту, который скрывается в водах»⁴⁴.

Известная религиозно-философская интерпретация образа Кита (Левиафана) как символа государственной власти поддерживается в отечественной традиции толкованиями псалма 89 «Животной книги» духовоборов «Царь Давид Евсеевич», близко воспроизводящего структуру и топику стиха о «Голубиной книге»: «Кит-рыба — это земные державцы. Они своими узаконениями, насильственным угрозением удерживают народ в темнотном основании»⁴⁵.

Если гипотеза о бытовании рассматриваемого сюжета на Русском Севере в XVII–XVIII веках (и о последующем перенесении его на берега Колымы и Индигирки) верна, то не следует исключать из числа факторов, мотивирующих рождение имени «Малай Кит», и названия двух мысов — Кит и Мал Кит — восточной оконечности острова Междушарского в составе архипелага Новая Земля, хорошо известного поморам.

Что касается отчества героя (Фарафонтьевич), то оно достаточно широко распространено на Русском Севере⁴⁶. В контексте же духовных стихов этот патроним получает многоуровневую мотивировку, прежде всего фонэстетическую, — по созвучию Фарафон / Фавор:

- зачин «Голубиной книги»: «На той земле Сарачинския, / На той горе Фарафонския»⁴⁷;
- ее космологическая сердцевина: «Отцёго же зацялась да всё Офрак-гора»⁴⁸ (с примечанием: «Певца слышала также «Фарафóн»⁴⁹);
- а также финал стиха о Страшном суде: «Илья пророк, Илья Анох! / Возьмите вы ружья со громом великим, / Задвиньте вы Фараон гору каменную»⁵⁰.

Вторая возможная мотивировка — фоносемантическая: Фараон — гонитель еврейского народа, Фарафонтьевич — его сын. В этом случае следует обратить внимание на «водяную» составляющую имени Кита Фарафонтьевича и указать на ряд сюжетов этиологических легенд о водяных демонах — «фараонах», потопленных водами Красного моря во время Исхода⁵¹.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что значительная часть сделанных выводов опирается на типологические соответствия сюжетов и образов и носит характер гипотезы, нуждающейся в дальнейшей проверке и аргументации. «Иерусалимская история» по-прежнему остается белым пятном на карте северно-русской фольклорной и рукописной традиции.

Характеризуя «Иерусалимскую историю» в целом, еще раз подчеркнем ее двуединую природу: как памятника рукописной духовной словесности, насыщенного литературными и историко-культурными реминисценциями, с одной стороны, и как фрагмента северно-русской фольклорной традиции XVIII столетия, обнажающего механизмы интертекстуального взаимодействия эпических жанров, с другой стороны. Вместе с тем, пристальный разбор особенностей эпической топонимики и ономастикона этой редкой версии сюжета о последних временах и гибели богатырей позволяет проследить линии преемственных связей фундаментальных духовных концептов («вера», «гордыня», «покаяние»), базовых поэтических образов, их реализующих («царь Давид», «старец Захария праведный», «богатыри святорусские», басурманин-«фараон»), а также ключевых названий эпического и, шире, ментального и духовного ландшафта Русского Севера («Иерусалим», «Фавор», «Иордан», «Гроб Господень») от XVII столетия и по сей день.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 187. Оп. 2. Ед. хр. 14 (Рукописное собрание ЦГАЛИ. Старые номера дела: на обложке «1580/ № 4», «п. 334»; на л. 1 «N 125/ I.Z.2»). 13 л. Скоропись одного почерка. Пробы пера «Свитокъ», «Сия книга Свитокъ», «радуитесь праведние о Господе» (л. 1).

² Заглавие дано по финальной приписке «Всеи иерусалимъскаи историе конецъ». Текст опубликован, см.: Алпатов С.В. «Иерусалимская история» — духовный стих-былина XVIII века // Живая старина. 2012. № 1. С. 9–10.

³ Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 339–344.

⁴ Каган М.Д. Голубиная книга // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 216–219.

⁵ Азбелев С.Н. Былины об отражении татарского нашествия («Ермак и Калин», «Камское побоище», «Илья и Калин») // Русский фольклор. Л., 1971. Т. 12. С. 162–180.

⁶ Пропп В.Я. Указ. соч. С. 341.

⁷ Там же. С. 342.

⁸ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.; Л., 1960. С. 455–459; Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / сост. Ю.И. Смирнов. Новосибирск, 1991. С. 381; Свод русского фольклора. Былины. СПб., Т. 5. 2006. С. 73–81.

⁹ Алпатов С.В. Указ. соч. С. 9. Обратим внимание на отражение в данных стихах апокрифа «12 Иаковичей». О контекстных связях апокрифа и исторических

нарративов о разорении Иерусалима подробнее см.: Палея толковая / подгот. текста А. Камчатнова, коммент. В. Милькова. М., 2002. С. 574.

¹⁰ Алпатов С.В. Указ. соч. С. 9. Ср.:

«Ише силы-то поганю тотарьскою
Нельзя никак же да всё подумати,
И никак же я тут не мог да сосчитать же всё,
И погана сила всё да подымается
И как вешная грезь да розливается,
И как им никак нельзя да всё подумати» (Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). М.; Л., 1961. С. 280).

¹¹ Ср.: «Постоим-ко-ся мы за веру христианскую, / И за те же храмы за Божии...
И поедем мы в далече чисто поле / На рать силу великую, / Поедем мы все пока-
емся» (Свод русского фольклора. Былины. СПб., 2006. Т. 5. С. 77).

¹² Алпатов С.В. Указ. соч. С. 10.

¹³ Там же.

¹⁴ Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). М.; Л., 1961. С. 462. Ср.:
«А Олешенька с Гаврилом — во чисто полё; / На вострых копьях они скололи-
се» (Марков А.В. Беломорские старины и духовные стихи. СПб., 2002. С. 363).

¹⁵ Параллелью к данному мотиву можно счесть ироническое именование в са-
тирических памфлетах XVII века турецкого султана — «страж Гробу Господ-
ню» (см.: Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном // Би-
блиотека литературы Древней Руси. СПб., 2010. Т. 16. С. 34).

¹⁶ Алпатов С.В. Указ. соч. С. 10.

¹⁷ Обратим попутно внимание на характерные соответствия ряда мотивов «Ие-
русалимской истории» и духовного стиха о Федоре Тироне: царю Константи-
ну Сауиловичу и Святу Константинову граду, угрожает «царь иудейский» со
всей силой «жидовской, басурманской». Нашествие отражает Федор Тирон,
«не пиваючи, не едаючи, / Со добра коня не слезаючи». После битвы мать ге-
роя «завидела коня потного. / Повела поить на синё море... / Обмывати кро-
ви жидовския, / Жидовския, бусурманския» (Народные духовные стихи / сост.
и коммент. Ф.М. Селиванова. М., 2004. С. 106–112).

¹⁸ Алпатов С.В. Указ. соч. С. 10.

¹⁹ Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 23–27.

²⁰ Там же. С. 130–159; ср. также: Фольклор русского Устья / подгот. С.Н. Аз-
белев. Л., 1988. С. 229–236; Шуб Т.А. Былины русских старожилов низовьев
реки Индигирки // Русский фольклор. Исследования и материалы. 1956. Т. 1.
С. 224–226.

²¹ Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 122, 131, 136, 140,
142, 157.

²² Там же. С. 387.

²³ Там же. С. 157.

²⁴ О сходстве в репертуаре сказителей былин о Сухмане и Даниле Игнатьевиче, а также о зачаточных формах циклизации сюжетов с исконно разными богатырями вокруг имени и образа Михаила Даниловича подробнее см.: Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 376, 391.

²⁵ Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 128–130. Ср. также сибирскую версию стиха «Калика читает Голубиную книгу», включающего в ряд восточных царей-мудрецов Кудреванко Кудревановича (имя, изначально закрепленное в былинах о Камском побоище за этническим противником) (Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 171–179, 393–394).

²⁶ Бадаланова Ф., Плюханова М. Средневековая символика власти в *Slavia Orthodoxa* // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». София, 1993. Т. 86: Кн. 2: Литературознaвство. С. 95–163. Ср. «Ильмень-озеро озерам мати. Не тот Илмень, который над Новым градом, Не тот Ильмень, который во Царе-граде, А тот Ильмень, который во Турецкой земле Над начальным градом Иеросалимом... Выпадала с его матушка Иордан-река да всем рекам мати» (Народные духовные стихи. С. 39).

²⁷ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.; Л., 1960. С. 256–259; 272; 288.

²⁸ Пропп В.Я. Указ. соч. С. 341–342.

²⁹ Народные духовные стихи. С. 39.

³⁰ Алпатов С.В. Указ. соч. С. 9.

³¹ Народные духовные стихи. С. 292–294.

³² Алпатов С.В. Указ. соч. С. 9.

³³ Народные духовные стихи. С. 362; Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 341; 440–441.

³⁴ Алпатов С.В. Указ. соч. С. 9.

³⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подгот. А.Е. Евгеньевой, Б.Н. Путилова. М., 1977. С. 201.

³⁶ Алпатов С.В. Указ. соч. С. 9.

³⁷ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. С. 43.

³⁸ Там же. С. 157; ср.: Там же. С. 131; 136; 138; 140; 142; 146; 148.

³⁹ Алпатов С.В. Указ. соч. С. 9.

⁴⁰ Там же. С. 10.

⁴¹ Ср. типичное распределение персонажных ролей эпических противников: в походе на Киев Батыгу сопровождает сын Батыга Батыгович (см.: Гильфердинг А.Н. Онежские былины. М., 1949. Т. 1. № 60).

⁴² Калики перехожие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1862. Вып. 2. № 77–80. Отметим, что и Федор Тирон в поисках унесенной змеем матери переправляется через море по хребту Кит(Тит)-рыбы (см.: Народные духовные стихи. С. 112).

⁴³ Ср. наблюдения В.Н. Топорова по поводу семантики имени Тит (Топоров В.Н. Семантика мифологических представлений о грибах // Топоров В.Н. Исследования в области этимологии и семантики. Т. 1. С. 756–812).

⁴⁴ Петр Сицилийский. «Полезная история» // Византийский временник. М., 1961. Т. 18. С. 343.

⁴⁵ Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / под ред. В.Г. Бонч-Бруевича. СПб., 1909. Т. 2. С. 109.

⁴⁶ Фамилия Фарафонтьев происходит от просторечной формы имени Ферापонт — Фарафон (Убенгаун Б.О. Русские фамилии. М., 1995. С. 51).

⁴⁷ Калики перехожие. Вып. 2. С. 310.

⁴⁸ Марков А.В. Беломорские старины и духовные стихи. СПб., 2002. С. 228.

⁴⁹ Там же. С. 781.

⁵⁰ Калики перехожие. Вып. 5. С. 227.

⁵¹ Белова О.В. «Народная Библия»: восточнославянские этиологические легенды. М., 2004. С. 290–294.

Совхоз «Кенозерский»: поддержание традиционных культурных ландшафтов в 1970–1980-х годах

Изучение данной темы ведется в рамках экспозиционного проекта «Кенозерский ковчег», который должен стать музеем общей памяти, отражающим и далекое, и недавнее прошлое заповедной территории. Воспоминания бывших работников совхоза «Кенозерский», послужившие основой данной статьи, будут использованы во время создания музея, организация которого планируется в здании бывшего совхозного детского сада.

Несмотря на сложности природных условий и постепенно «тающее» сельское население, главной сферой занятий в Кенозерье во второй половине XX века продолжало оставаться сельское хозяйство. Работа в коллективных сельских хозяйствах и ведение личного подсобного хозяйства для большинства кенозер, — прежде всего, образ жизни и дань исторически сложившейся аграрной культуре. Влияние на развитие сельского хозяйства оказал курс на укрупнение хозяйств и ликвидацию мелких колхозов, осуществлявшийся в 1950–1960-х годах. Теоретическим его обоснованием послужило представление о преимуществах крупного производства перед мелким. В то же время была сделана попытка решить не только производственные, но и социальные проблемы деревни, которые казались легче выполнимыми в крупных населенных пунктах.

1 января 1969 года из колхозов «Правда Севера» (Вершинино и окрестные деревни), «Мир» (Майлахта и окрестные деревни) и «Имени Калинина» (Кузьминка и окрестные деревни), ранее уже подвергавшихся укрупнению, был образован совхоз «Кенозерский», который состоял из 7 отделений: в деревнях Майлахте, Горбачихе, Бухалово, Минина, Рыжково, Вершинино. *«В северо-западной части совхоза располагалось второе (Кузьминское) отделение»*¹ (Симанова Галина Борисовна, в 1992–1997 гг. глава Почезерской сельской администрации).

Поддержание культурных ландшафтов, причем ландшафтов, освоенных и измененных человеком, в 1970–1980-х годах происходило естественным образом, в процессе основной сельскохозяйственной деятельности.

В структуру совхоза входили:

1. Пахотные земли, на которых выращивали на корм совхозному скоту зерновые культуры (овес, рожь, ячмень) и горох, где находились сенокосные угодья. *«Раньше полей-то было, где только не сеяли, а трактора на барже за озеро таскали»* (Губин Александр Николаевич, бывший тракторист совхоза «Кенозерский»). В 1970–1980-х годах на кенозерских полях проводился ши-

-
-
- рокий спектр мелиоративных мероприятий, которые повышали плодородие почвы, улучшали ее водный и тепловой режим, регулировали микроклимат в приземном слое воздуха, создавали благоприятные условия для роста и развития растений, получения устойчивых и высоких урожаев, а также способствовали производительному использованию техники.
2. Типовые животноводческие фермы на 200 голов с аппаратами машинного доения и транспортерами, построенные, по свидетельству информантов, в начале 1970-х годов в каждом отделении: в деревнях Шишкина (*«три двора было»*) (Машакова Зинаида Михайловна, главный зоотехник совхоза «Кенозерский»), Ряпусово (*«там два двора было»*) (Машакова З.М.), Косицино, Минино, Рыжково, Усть-Поча (*«маленькая ферма, на 100 голов всего»*) (Машакова З.М., Парфенова Анна Александровна, зоотехник совхоза «Кенозерский»), телятник в Бухалово, *«в Кузьминках был построен коровник на 200 мест и помещение для молодняка. Оба помещения были оборудованы транспортерами для уборки навоза, водопроводом. Корм доставлялся на самоходном шасси. Электродойка позволила увеличить нагрузку на доярку до 33 коров»* (Симанова Г.Б.).
 3. Конюшни (*«лошадей мало было. По коням не было отчетности»*) (Вахрамеева Зинаида Ивановна, диспетчер совхоза «Кенозерский»).
 4. Свинарник в деревне Шишкина.
 5. Сенные сараи на 20 тонн сена в деревнях Косицино и Шишкино (*«в Шишкино сенной сарай стоял на горе, где сейчас обелиск павшим в войне кенозерцам»*) (Коренева Г.А., главный бухгалтер совхоза «Кенозерский»).
 6. Машинно-тракторный парк, который насчитывал около 60 тракторов марок ДТ-54, ДТ-74, ДТ-75, ИМЗ, С-100, Т-150 (ил. 1–3). *«Каждый год новый трактор давали»* (Губин А.Н.). Более 40 единиц другой техники: автобусы и микроавтобусы, легковые автомобили УАЗ-469, ГАЗ-69, грузовые автомобили ГАЗ-53, самоходные комбайны СК-3 и СК-5 «Нива» (*«на каждую бригаду по комбайну было»*) (Юрьев Виктор Алексеевич, тракторист совхоза «Кенозерский»), различная прицепная техника (плуги, сеялки, бороны, кыры для заготовки силоса, косилки для измельчения травы, культиваторы для рыхления земли и окучевания картофеля, копалки и сажалки картофельные, картофелеуборочный комбайн, гусеничный трелевочник для заготовки дров).
 7. Гараж и ремонтные мастерские во всех отделениях совхоза.
 8. Катер КС.
 9. Пилорама.
 10. Подсобное хозяйство.
 11. Жилищно-коммунальное хозяйство. *«В 1970-х годах было построено более 40 типовых четырех-, трех- и двухквартирных дома, где работникам совхоза в порядке очереди предоставлялось жилье»* (Коренева Г.А.).
-
-

-
-
12. Ветеринарные пункты. «В Рыжковском отделении был ветеринарный пункт, в Вершинино Тырловы и Пирогов считались главными ветеринарами, в Ряпуново Фофанова Тамара Николаевна была ветеринаром» (Заляжная Анна Ивановна, ветеринар Рыжковского отделения совхоза «Кенозерский»).
 13. В 1975 году впервые в Вершинино совхозом был построен детский сад, состоявший из двух зданий.
 14. Совхозная столовая в деревне Вершинино.
 15. В конце 1980-х годов (по свидетельству Коренева Г.А.) совхозу был передан Климовский маслозавод, располагавшийся в деревне Вершинино.

«Совхоз, как градообразующее предприятие, решало проблемы общественного характера за свой счет. Лес для строительства заготавливали, пекарню построили, а потом передали сельпо» (Коренева Г.А.). В 1974 году была открыта новая школа. «Школа стояла 10 лет, в 1984 году она сгорела от грозы. Остался один фундамент и хозяйственный корпус: столовая, мастерская, спортзал, фойе. Через два года школу стройотряд отстроил, а пиломатериалы совхоз дал» (Поршнева Николай Михайлович, бывший директор школы). На 1975–1985 годы, по оценке всех информантов, пришелся расцвет совхоза «Кенозерский».

Основным направлением работы совхоза было животноводство. «Триста с чем-то, наверное, коров было в колхозе “Правда Севера”, когда совхоз образовался» (Машакова З.М.), «в колхозе им. Калинина на 1 января 1969 года насчитывалось 258 голов крупного рогатого скота, в том числе 110 коров, и 37 лошадей» (Симанова Г.Б.). Постепенно происходит увеличение поголовья скота. «Поголовье-то росло. Политика какая была? Увеличивать, увеличивать рост поголовья, молодняка чтобы больше растить!» (Машакова З.М.). Уже в начале 1970-х годов в совхозе насчитывалось 300 дойных коров и 400 телят. «А начиная с 1975 года по 1985 год у нас было одних коров тысяча. Тысяча коров! И две с половиной тысячи, две семьсот было крупного рогатого скота. Это и ремонтники и телятки-откормыши. Всего вместе было 2700 голов скота. Можно сказать, что с 1975 года по 1985 год было увеличение поголовья, а потом начался спад» (Машакова З.М.). «В 1980-е годы в молочном стаде насчитывалось 800 голов, а вместе с молодняком, т.е. мясное поголовье, доходило до 1500 голов» (Коренева Г.А.). «В Кузьминском отделении увеличилось поголовье крупного рогатого скота с 258 в 1969 году до 442 голов в 1983 году, т.е. на 71%, в том числе коров со 110 до 210 голов, т.е. на 91%» (Симанова Г.Б.). Увеличение поголовья скота привело к росту производства. «В Кузьминском отделении удои молока выросли на 192,2 т (со 189,3 т в 1968 году до 381,5 т в 1982 году), по мясу — увеличение на 135 ц (со 158 ц в 1968 году до 293 ц в 1982). Рост мясо-молочных показателей объясняется, прежде всего, увеличением поголовья скот» (Симанова Г.Б.).

Смекалка и крестьянская находчивость, попытка приспособить политику государства под местные условия проявилась, прежде всего, в подходе к формированию стада. «Первые 2–3 года мы закупали племенной скот в Холмогорах,

холмогорскую молочную коровку. Но свои доморощенные оказались лучше. У племенных коров желудки разработаны, им надо корма очень много. А наши с детства получают корма мало. И мы потом доказали, что нам экономичней вырастить свою, чем закупить племенную. Племенные — дорогие, но отдачи, как от своей коровки, у них нет. Поэтому мы закупали каждый год по 2–3 холмогорских племенных бычка и скрещивали их со своими коровками. Искусственное осеменение, конечно же, эффективней, но его можно было использовать только там, где доступ был легкий, т.е. в Вершинино. А заозерным коровушкам бычков покупали» (Машакова З.М.).

Пахотные земли и сенокосные угодья, расположенные за озером, обрабатывались тракторами, которые перевозили с помощью катера КС на барже. «С весны, то в Ряпусово, то в Рыжково, то в Ведягино трактор перевозили на барже» (Губин А.Н.).

Расположение большей части пахотных земель и сенокосных угодий по берегам Кенозера сказывалось на уровне и качестве кормовой базы. «Тяжелая очень работа была, размах очень большой. У людей все на сухом пути, а у нас все через воду, через озеро. Держать-то скот здесь на вершининском пятачке негде было. Здесь поля были, сеяли немного. Лето наступает, мы весь скот по участкам развозим. В основном все по островам» (Машакова З.М.). «Мясной скот отвозили на один остров. Молодняк ремонтный, который выращивали на замену старым коровам, — в другое место (ил. 4). Вот остров Медвежий, там в основном у нас все выращивались маленькие, молодые телочки, будущие коровы. А на Мамонове острове всегда были откормачники, нагуливались, там мясо растили. Откормачники — это бычки. А лошадей возили на маленький остров напротив Мамонова острова, остров недалеко от Матеры и туда завозили. Вывозили на острова на барже в мае, а то и в начале июня, как погода, а на фермы возвращали во второй половине сентября. Некоторые коровы становятся настолько грамотные: баржу увидят, сами на нее идут. Осень уже, травы нету, дак они добровольно сами на баржу идут. Не надо и загонять» (Машакова З.М.). На каждом отгонном пастбище, где в летний период находилось молочное стадо (ил. 5), обустраивались электрические механизированные дойки.

Средняя производительность молочного стада, по оценке бывших работников совхоза, была невысокая. «С коровы доили около 1700 кг. Мало, конечно» (Машакова З.М.). «В Кузьминском отделении удой одной фуражной коровы увеличился на 214 кг (с 1613 кг в 1968 году до 1827 кг в 1983 году, т.е. на 13%). По совхозу же в целом удои были и того ниже — 1653 кг» (Симанова Г.Б.). В то время показатели средних удоев молока в СССР равнялись в 1976 и 1981 годах 2100 кг, в 1987 году — 2400 кг.

Низкие количественные показатели молочной продукции объясняются, прежде всего, слабой кормовой базой. «Поголовья-то "выше крыши", а с кормами-то было плохо. Ведь как в зиму просодержишь, такой и результат будет. Если выпу-

стишь животное тощее, оно до осени только нагуливаться будет. Прироста-то нет. Животное только свой вес восстановит» (Машакова З.М.). По свидетельству работников совхоза, сеном, от которого удои были значительно выше, стадо обеспечивали только на 60–70%. Также на корм скоту шли комбикорма, закупленные совхозом в районном центре, турнепс и картофель, выращенные на совхозных полях. В незначительных количествах заготавливался силос — сочный корм, полученный в результате консервирования зеленых растений (в совхозе «Кенозерский» — горох) без доступа воздуха.

Ежегодно совхоз «Кенозерский» в соответствии с планом поставки продукции государству обязан был сдавать 200 тонн мяса и тысячу тонн молока. Мясной скот отвозили на мясокомбинат в районный центр — поселок Плесецк, а для переработки молочной продукции в деревне Вершинино был построен Климовский маслозавод, куда два раза в сутки привозили молоко со всех ферм. Продукция маслозавода поступала на реализацию в Кенозерское сельпо, в село Конёво, а также в поселок Плесецк.

По мнению информантов, в совхозе «Кенозерский» была занята большая часть трудоспособного населения. *«В 1970-е годы говорили, что человек 300 работали, если взять все отделения»* (Юрьев В.А.). *«В 1992 году, когда совхоз акционировали, все работники совхоза стали акционерами, к ним еще добавились пенсионеры, которые на 1 января 1991 года еще работали в совхозе или ушли на пенсию из совхоза. Из-за чего у нас было около 400 акционеров, 200 пенсионеров и столько же работающих. Бывало и 360 человек, в 1980-е годы доходило и до 400 работающих. Все деревни были заняты»* (Коренева Г.А.).

В 1970-х — начале 1980-х годов значительно повысилась заработная плата специалистов сельского хозяйства. *«Средний заработок одного рабочего в год увеличился на 84% (с 1176 руб. в 1968 году до 2160 руб. в 1982 году), а доярки — в 3,8 раза (с 1018 руб. до 3818 руб.), трактористов — в 4 раза (с 652 руб. до 2652 руб.)»* (Симанова Г.Б.)

В совхозе «Кенозерский», как впрочем, и в других централизованных сельхозпредприятиях, существовала собственная диспетчерская служба, основное назначение которой заключалось в своевременном сборе различных показателей. *«Собираем информацию, сводки по молоку (удои каждый день измерялись), по привесу (взвешивали в конце каждого месяца), по мясу, по пахоте, по посеву, по уборке урожая, заготовке кормов, вывозке удобрений. Все эти сводки собираем по всем 7 бригадам, с которыми связь держали по рации, и потом общую передаем каждый день в Плесецкий информационный центр, в управление сельского хозяйства»* (Вахрамеева З.И.).

По свидетельству информантов, при составлении планов поставок молочной и мясной продукции государству не учитывались объективные условия, заключавшиеся в следующем:

1. Периферийное положение Кенозерья (оно не только удалено от железной дороги и крупных автомагистралей, но и расположено в глухом углу, на стыке

Архангельской области с Карелией), значительная удаленность от районного центра.

2. Отсутствие качественного дорожного покрытия (*«от Плесеца еду да еду, а дорога-то какая была. О, Господи! Приехала и заплакала»* (Машакова З.М.). *«Дорога была плохая, поэтому завоз был первые 3 месяца: январь, февраль, март. В эти месяцы завозили все на год вперед: нефтепродукты, удобрения, семена, комбикорма, кирпич, строительные материалы. Бывало машину к трактору прицепляли и он протаскивал. От Вершинино до Першлахты дорога вообще непролазная была»* (Коренева Г.А.).
3. Достаточно сложная конфигурация пахотных земель и сенокосных угодий, сложность в обработке тракторами небольших полей, клочков сенокосов, расположенных среди лесов и вокруг деревень. *«Из 21 484 га Кузьминского отделения сельскохозяйственные угодья занимали лишь 1375 га, т.е. 6,4% всей территории, из которых пашни — 378 га, сенокосы — 400 га и пастбища — 494 га. Остальную территорию занимали леса»* (Симанова Г.Б.). *«Тут пятачки такие, что негде развернуться, не было больших полей. Полянки по 3 га, а обработать надо. Трактор пока на этой полянке крутится, горючее кончается и время идет. Большое поле он бы сразу прошел и все сделал, а на маленьком крутиться надо. А мини-тракторов не было»* (Коренева Г.А.). *«Пахали мы только гусеничными тракторами. И боронили иногда на гусеничном, потому что поля такие, МТЗ (колесный трактор. — А.А.) не тянет. В гору буксует. Поля неровные, а гусеничные справляются. Трактора Т-25 (ил. 6) у нас тоже были, но сначала плохо использовались. Не для наших дорог трактор, с поля на поля не могли переехать. Многие сенокосы вручную или на конях косились»* (Юрьев В.А.).
4. Низкий уровень кормовой базы. *«Из-за нехватки кормов приходилось сокращать поголовье. Ой, были годы, страшно даже вспоминать. Не заготовили кормов. Вот коров и везли на мясокомбинат»* (Машакова З.М.). *«Выращивали зерновые и горох, все на корм скоту шло. На семена себе оставляли, а остальное — на корм скоту для своего совхоза. Излишков у нас никогда не бывало»* (Юрьев В.А.).
5. Миграция трудоспособного населения из маленьких «неперспективных» деревень в крупные населенные пункты и города. *«Людей стали выселять потом, молодежь разъехалась, мало осталось народа»* (Заляжная А.И.).

По свидетельству всех информантов, еще в 1970–1980-х годах все кенозерские деревни, расположенные за озером, имели достаточно высокую плотность населения. Жители заозерных деревень, помимо работы на колхозных и совхозных полях и сенокосах, держали крупный рогатый скот, для которого обкашивались полянки, болотистые участки, труднодоступные для техники места. *«Много народу было в Рыжково, в Минино, даже в Федосово. Людей везде хватало и на подвоз кормов, доярок, сторожей»* (Заляжная А.И.). *«В Тамбич-Лахте, помню, было*

130 человек, а теперь в Лахте вообще никого нету. А в Кривцово? (ил. 7) Тоже много народу было» (Губина Зинаида Дмитриевна, председатель Кенозерского сельпо, продавец). «Сколько народу раньше было в Зехново и Спицыно!» (Капустина Александра Александровна).

Достаточно развитую деревенскую инфраструктуру, выражавшуюся в наличии начальных школ и почтовых отделений, библиотек и клубов (ил. 8), магазинов (ил. 9) и пекарен (ил. 10) в крупных деревнях, ларьков — в маленьких, медпунктов и ветеринарных станций подчеркивают все информанты. «В ларьках и продукты, и промтовары продавали. Были ларьки в Семеново, в Зехново, в Кривцово, в Ершово, откуда потом в Минино перевели. Магазины были в Рыжково, в Майлахте, в Кузьминке, а в Вершинино и магазин, и склад, и контора сельповская. Где центр сельсоветов, там магазин и обязательно пекарня. У нас на Качиковой Горке тоже ларек был, дак у нас закупались жители деревень Кривцово, Тамбич-лахта, Бухалово, Городское и Тыр-Наволоок. С Тыр-Наволока до Качиковой Горки — около 3 км. От Кривцово до Горки — 1 км, рядышком. И другие деревни близко. Раньше дороги были наезжены, дак легко сбегать было, зимой на лошадак, но большие пешком» (Губина З.Д.).

Различные негативные факторы сказывались на итогах сельскохозяйственной деятельности совхоза «Кенозерский». Большая часть информантов оценивает экономическую эффективность совхоза как крайне невысокую. «Животноводство — дело у нас убыточное, а земледелие и подавно. Когда молоко производили, может, и было немножко прибыльно, а привесы всегда были убыточны. Один завоз кормов дорого обходился. Если бы выращивали свои зерновые, тогда может быть» (Коренева Г.А.). «Всегда все было убыточное, только единственное, что тогда никто ничего не считал, был спецсчет, по спесчету покупали биокорма, и был отдельный счет по технике, тракторам, запчастям и т.д. Мне кажется, что этим государство наше себя само съело, лишь бы надой был, а каким образом, рентабельно ли, не важно. Главное — молоко и мясо. Тут получше зажили в 80-х годах, стали нам дотации давать, совхозы получали прибыль, а так не было ее. Еще ведь садики были на балансе и их тянули, столовые, ЖКХ, это все содержалось» (Коренева Г.А.). «Государство обеспечивало электроэнергией, минеральными удобрениями, комбикормами. Были повышены закупочные цены на молоко и мясо» (Симанова Г.Б.)

В 1990-х годах в сельском хозяйстве грянула настоящая катастрофа. Причины и симптомы ее, общие для всей России, усугубила ориентация района на животноводство. На Севере его продукция имеет очень высокую себестоимость и без дотаций существовать не может. Совхоз стал убыточным, заготовкой трав заниматься перестали, поголовье скота резко сократилось. В 1992 году совхоз «Кенозерский» был акционирован и преобразован в ОАО «Кенозерское», просуществовавшее до 2005 года.

Отсутствие работы усилило миграцию трудоспособного населения, начавшуюся еще в 1950–1960-х годах, в более крупные населенные пункты. «За озером

только Спицыны живут, Болоневы, двое Капустинных, двое Семеновых, трое Мелеховых и все. В Спицыно — никого, в Майлахте — никого, в Сысово — никого, в Косицыно — пять человек. На Тырышкиной двое стариков живут, приехали из Санкт-Петербурга. В Горбачихе — два человека. В основном население здесь (в Вершинино. — А.А.), да Поча и Усть-Поча. Поля совхозные зарастают» (Коренева Г.А.). В несколько раз сократилась численность населения и на территории Кузьминского (второго) отделения совхоза «Кенозерский» (МО «Почезерское»): «с 1158 человек в начале 1980-х годов до 32 человек в 2013 году» (Симанова Г.Б.).

Примечание

¹ Здесь и далее воспоминания жителей Кенозерья приводятся по записям, сделанным в рамках реализации программы паспортизации деревень и хранящимся в электронном научном архиве ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

Здравоохранение на территории Кенозерья и Лекшмозерья в первой трети XX века

Земская реформа 1864 года создала органы местного самоуправления, передав в их ведение организацию медицинской помощи сельскому населению. В Олонецкой губернии, куда входили территории Кенозерья и Лекшмозерья, данным вопросом ведало соответственно Олонецкое земство. Однако, по словам губернского врача И.Н. Шифа, организация земской медицины в данной губернии шла очень медленно. Так, Пудожский уезд, в который входило Кенозерье, получил своего земского врача только в 1876 году, а ближайшая к Кенозерью Бережно-Дубровская больница была учреждена лишь в 1887 году¹.

Когда были открыты больница и медицинские пункты на территории Кенозерья и Лекшмозерья, точно не известно. На 1902 год в статистических сведениях по Олонецкой губернии указаны Кенозерский, Почезерский и Лекшмозерский фельдшерские пункты². Больница в «Ведомости о числе больниц и приемных покоев, находящихся в Олонецкой губернии на 1897 год» еще пока не фигурирует³, однако в «Памятной книжке Олонецкой губернии на 1910 год» уже помечен приемный покой в селе Кенозеро⁴. Вместе с тем на «Карте врачебных участков, существующих в Олонецкой губернии на 1912 год» отмечен Вершининский врачебный участок⁵. Первое документальное упоминание о больнице на Кенозерье имеется в Отчетных ведомостях фельдшеров за 1915 год. В данных ведомостях фельдшер Оняков приводит сведения о врачебной деятельности Вершининского участка и Вершининской больницы⁶. Затем деятельность больницы детально прослеживается с 1918 года и более полно — с 1923 год благодаря архивным материалам.

История медицины на Кенозерье и Лекшмозерье — тема, до настоящего времени не выступавшая объектом отдельного исследования. Данная статья на основе накопленного архивного и полевого материала позволяет составить определенную картину развития медицины на этой территории в первой трети XX века.

Вершининская больница. По данным на 1920-е годы, участковая больница на Кенозерье располагалась в деревне Нямяте и именовалась как Вершининская⁷. Здание было «коммунальное, переоборудованное»⁸. В Вершининской больнице имелись: амбулатория, аптека, четыре палаты, клозеты вверху и внизу, кухня, цейхгауз, ванная комната, коридор теплый верхний, коридор теплый нижний и коридор холодный⁹.

Заведующим больницей, по данным на 1923 год, являлся Федор Филиппович Мелехов (1886 г. р.). В 1904 году он окончил Петрозаводскую фельдшерскую школу и в губернском отделе здравоохранения на 15 августа 1923 года числился

как больничный фельдшер, заведующий участковой больницей в Вершинине, Кенозере и Немяте¹⁰. Список всех служащих Вершининской Советской больницы на 12 октября 1923 года выглядел следующим образом: 1) Мелехов Федор Филиппович — фельдшер, заведующий больницей; 2) Нечаев Василий Петрович — фельдшер; 3) Шутько Елизавета Николаевна — акушерка; 4) Тимонина Ксения Николаевна — кухарка; 5) Спицина Александра Кузьминична — сиделка; 6) Шалухин Алексей Павлович — служитель с 5 октября 1923 года (перед этим Шалухин уже служил на данной должности 2,5 года, затем был «уволен в мобилизационные войска»)¹¹.

Акушерка Елизавета Николаевна Шутько (1892 г. р.) в 1908 году окончила Архангельскую повивальную школу¹². В Вершининской больнице на должности акушерки она работала с 9 сентября 1920 года¹³.

По «Требовательной ведомости на выдачу содержания за май 1923 года медперсоналу Вершининской больницы» можно видеть, что служителю Шалухину и сиделке Спицыной предшествовали сторож Фокин и сиделка Мелехова¹⁴.

Согласно месячным и годовому продовольственным отчетам за 1923 год, для содержания больных приобретались следующие продукты и предметы: мука ржаная, мука картофельная, соль, рис, пшено, ячменная крупа, крупа саго, масло коровье, мясо, сущик, картофель, сахарный песок, спички, мыло, керосин, кофе (суррогат)¹⁵. Рацион больных был следующим — порционное требование в день: хлеб — 2 куска, 1-е или 2-е блюдо, молоко — 2 раза, квас — 1 раз; особое назначение — котлета, молочная каша, крошка, кофе, сущик¹⁶.

Снабжение больницы продуктами осуществлялось через Пудожский уездный отдел здравоохранения частью из Пудожского уездного продовольственного комитета, частью из Бережно-Дубровской заготовительной конторы, а частью на месте — из Захаровского вспомогательного пункта¹⁷. Для наглядности можно привести счет Захаровского сельпо от 5 июня 1923 года: «Отпущено Вершининской больнице: мыла — 18 фунта, керосину — 17 ½ фунта, стекла оконного — 2 листа по 35 фунта. Итого — 2 пуда 25 ½ фунта»¹⁸ и счет Захаровского сельпо от 12 июля 1923 года: «18 фунтов мыла, керосин — 17 ½ ф., спичек — 5 ½ ф.»¹⁹. Также обеспечением больницы необходимым скарбом в обмен на продукты занимались местные жители. Это подтверждается расписками заведующему больницей Ф.Ф. Мелехову о полученных продуктах: гражданина деревни Федосовой Захаровской волости Андрея Реброва в том, «что получил от него (Ф.Ф. Мелехова. — М.Г.) 13 фунтов ржи за проданные две платяных корзины для Вершининской Советской Больницы... Примечание: А. Ребров неграмотный, а по его личной просьбе расписался К. Ушаков»²⁰. Далее в деле о Вершининской больнице идет ряд подобных расписок. Так, к примеру, жительница деревни Глубокое Озеро Захаровской волости Анна Артемьева отпустила Вершининской больнице 30 фунтов смолы за 25 фунтов ржи²¹, житель деревни Усть-Поча Захар Михайлович Калитин за 5 пудов ржи сшил новую лодку²², а гражданин Почезерской волости

деревни Янгор Яков Иванович Ушаков обменял пуд сухой рыбы для больницы на два пуда ржи²³. Расписки указывают еще на тот факт, что местные жители предоставляли для больницы разные услуги. Так, житель деревни Немыты Степан Нечаев в феврале и марте провозил продукты от Вершинина до Немыты, за что получил от заведующего больницей 20 фунтов ржи²⁴, а его односельчанин Александр Григорьевич Кренин за один пуд 20 фунтов ржи наполнил ледник при больнице²⁵.

О необходимом для работы инвентаре просьбы адресовались в Каргопольский уездотдел. 22 сентября и 28 декабря 1923 года заведующий больницей Федор Мелехов просит выслать: «регистрационные карты — 600 штук, бумаги писчей, перьев — 15 шт, карандашей — 3 шт., чернильного порошка — 4 пакета, пропускной бумаги — 5 листов»²⁶.

Наиболее ярко жизнь Вершининской больницы можно представить из «Краткого отчета о деятельности Вершининской Советской больницы за время с 1 января по 1 ноября 1922 года»²⁷ заведующего больницей Ф. Мелехова. В нем говорится о том, что «здание больницы хотя и не отвечает всем гигиеническим требованиям, но с производством капитального ремонта, лучшего помещения в Кенозере не подыскать». Далее перечисляются необходимые работы, как то: перекрытие всех зданий больницы, перекладка печей, вставка стекол в рамы, окраска полов, окон и дверей, конопачение стен.

В феврале в больнице произвели сокращение штата за счет фельдшера, завхоза, дезинфектора, амбулаторных сиделок. И если на 1 марта 1921 года в штате было 12 человек: три фельдшера, акушерка, дезинфектор, завхоз, кухарка, прачка, служитель, одна амбулаторная сиделка и две палатных, то на ноябрь 1922 года осталось 8 человек: 3 медработника и 5 человек вспомогательного персонала. Вместо 10 коек осталось 7 (5 общих и 2 родильных).

Снабжение продуктами производилось более-менее удовлетворительно до июля указанного года. С июля продуктов не получали вообще и больных кормили исключительно одним хлебом и житной кашей. Пациентам приходилось получать подкрепление из дома (молоко, хлеб и т.д.). Проблемы возникли и с отоплением больницы («она всегда переживала хронический дровяной кризис, а в настоящий момент — даже острый»), и в снабжении медикаментами («таковые почти совершенно отсутствуют, если не считать те медикаменты, которые лежат уже десятки лет»). Обеспечена больница была лишь в белье и инструментами.

Что касается служащих больницы, то положение их было также довольно сложным. В месяц один служащий получал продовольственный паек в размере пуда зерна. На семью этой нормы не хватало, а на членов семьи работники не получали ни фунта. Получение пайков шло с опозданием на один-два месяца. То же было и с выплатой жалования служащим — зарплату задерживали, а полученные через какое-то время деньги уже теряли свою ценность из-за роста цен на предметы первой необходимости. Однако в заключение заведующий Вер-

шининской Советской больницей лекпом Ф. Мелехов сообщает, что, «несмотря на все перечисленные выше неблагоприятные условия, работа по больнице шла своим чередом, не прерываясь ни на один день», и выражает уверенность, «что быт служащих не сегодня-завтра улучшится». Отчет был составлен 13 ноября 1922 года.

Жизнь больницы была полна событий. Так, в Каргопольский отдел здравоохранения 11 мая 1923 года поступило письмо — жалоба бывшей служащей больницы гражданки Мартыновой на заведующего Вершининской больницей Ф. Мелехова: «он, не зная для какой цели вы отпускаете спирт, по получении такового всегда собирает своих друзей и делает попойку. Ни только что казенный спирт, но даже пьется денатурированный. После такого пьянства компания переходит к мордобитию, и из больницы делается кабак... Паек на служащих больницы в размере 7 пудов был сварен на самогонку под наблюдением брата Мелехова... 6 пудов мяса по обыкновению был заменен негодным телянком и сварен больным... Рис сварили сами, а не больным, 20 фунтов сахара было сварено на пиво и выпито за здоровье больных. Но керосина не пили, а бочка 12 пудов куда-то делась. В 1922 году служащими пилились дрова для больницы с платой в 18 миллионов (?) рублей, которые также были не выданы и присвоены заведующим Мелеховым. О чем и просим Отдел здравоохранения навести полную ревизию Вершининской больницы и проверить все проделки заведующего Мелехова и привлечь такового к полной ответственности как шкуродера. Бывшая служащая больницы — Мартынова». На письме есть резолюция: «Расследовать»²⁸.

Лечебная деятельность Вершининской больницы нашла отражение в годовых врачебных отчетах. Так, согласно ведомостям за сентябрь и октябрь 1915 года, основной контингент посетителей Вершининской больницы и фельдшерского участка — «земледельцы»: 100 человек из 103 пациентов. Основные заболевания (по мере распространенности): болезни органов дыхания, болезни полости рта и зева, желудочно-кишечный катар, мышечный ревматизм, ушибы и разного рода раны и прочие заболевания²⁹.

Спустя 10 лет, в 1925 году, картина лечебной деятельности Вершининской больницы по социальному составу не изменилась — на 228 крестьян приходилось четверо служащих и рабочих³⁰. Однако изменения происходят в характере заболеваний. Так, обширное распространение в кенозерских деревнях получают заразные болезни: грипп, сыпной тиф, туберкулез легких, туберкулез костей и суставов, сифилис I, II и III степени³¹. При больнице в это время существует инфекционный барак³².

В 1925 году деятельность больницы становится более обширной — проводилось оспопрививание 23 человек в четырех населенных пунктах, ревакцинаций — 154, из них неудачных — 90. Делались и разъезды по территории во время эпидемий, для дезинфекций, санитарных осмотров, докладов и лекций, для участия в заседаниях, по различным служебным нуждам. Иногда на лошадях,

но большей частью пешком. Проводились осмотры школ, школьников, торговых лавок. Заседания проходили в ВИКе, комсомольской организации. Лекции проходили на темы социальных болезней (8 часов в год, на них присутствовало 185 слушателей), охраны материнства и младенчества (6 часов, 107 слушателей), общих санитарных вопросов (1 час, 20 слушателей). Аудитория — жители местных деревень, крестьяне и служащие³³.

О результатах акушерской деятельности работников Вершининской больницы можно судить по годовому отчету акушерки Вершининского акушерского пункта Елизаветы Николаевны Шутько. Так, в 1925 году состоялись 21 роды — 20 нормальных и 1 патология. Двое родов было проведено совместно с врачом, 19 — в семье крестьян. Всего родился 21 ребенок, 2 двойни, 1 умер. Было совершено 2 аборта³⁴. Общее число родовспоможений — 20 в 1927 году и 33 в 1928 году. В 1927 году было 7 родов на дому, 1 двойня и 14 детей родились в больнице, 1 мертворожденный; в 1928 году было 18 родов на дому и 12 при больнице, 3 ребенка родились мертворожденными³⁵.

В 1925 году Вершининским врачебным участком заведует Крастынь (?) Эмилия Андреевна (с 6 июля 1925 г.)³⁶, а с 13 ноября 1928 года — Гоголев Александр Илларионович³⁷.

На июнь–июль 1929 года численность штата Вершининской участковой больницы составляла 8 человек: врач, фельдшер, акушерка и прочий персонал — 5 человек, количество коек — 7³⁸. В 1935–1936 годах численность штата больницы остается прежней — 8 человек, в том числе средний медперсонал — 3 человека, младший медперсонал — 3 человека, административно-хозяйственный и обслуживающий персонал — 2 человека. Сохранилась фамилия фельдшера — Нечаев³⁹.

Вершининский медпункт как фельдшерский участок фигурирует по источникам с 1903 года. Место жительства в данный период фельдшера, фамилия, имя которого в документах не указаны, — деревня Вершинино, здесь же числится и повивальная бабка — Наталья Пантелеевна Иванова⁴⁰. В 1902 году данный фельдшерский участок именуется как Кенозерский, а место жительства фельдшера — деревня Шишкино⁴¹. Вершининский медпункт продолжает функционировать и в 1910 году — приблизительное время появления приемного покоя на Кенозере, однако его деятельность не освящена в архивных документах.

Кенозерский медпункт. Кенозерский фельдшерский пункт располагался в селе Ряпусово Кенозерской волости⁴², «здание частное, наемное». В 1925 году деятельность медпункта была распространена на 31 деревню, 2600 человек, 2 сельсовета, 1 кооператив, 1 кожевенный завод⁴³.

По данным на 1923 год, на Кенозерском медпункте трудились фельдшер Федор Иванович Оняков и акушерка Анна Ивановна Виноградова⁴⁴. Ф.И. Оняков (1891 г. р.) в 1912 году окончил Петрозаводскую фельдшерскую школу, работал участковым фельдшером⁴⁵. А.И. Виноградова (1882 г. р.) в 1902 году окончила

Повивальную школу при Санкт-Петербургском родовом заведении, работала на Кенозерском фельдшерско-акушерском участке⁴⁶.

Ф.А. Оняков с 1 июня 1925 года перешел в Ряговский фельдшерский пункт деревни Лазаревской Каргопольской волости из Кенозерского фельдшерского участка⁴⁷, а из Ряговского в Кенозерский фельдшерский участок перешел Василий Петрович Нечаев⁴⁸. С 1 апреля 1927 года лекпом Кенозерского фельдшерского участка — Кузьма Сидоров⁴⁹. В 1935–1936 годах на Кенозерском медпункте численность работников составляла 2 человека, в том числе административно-управленческий персонал в лице одного сотрудника⁵⁰. Фельдшер — Телепнев, акушерка — Виноградова⁵¹.

Согласно месячному врачебному отчету за июль 1919 года, в деревне Тарасовской Климовской волости у одного человека наблюдался сыпной тиф, а в деревне Ряпусовой Кенозерской волости у одного человека — инфлюэнция⁵². Согласно годовому отчету по Кенозерскому фельдшерскому пункту за 1925 год, на Кенозерском участке имели распространение грипп, туберкулез легких, туберкулез костей и суставов, кожный туберкулез, трахома, сифилис III степени⁵³. С 20 декабря 1928 года по 1 января 1929 года наблюдалась вспышка тифа: было 9 человек заболевших, у 5 человек он был под вопросом⁵⁴. По социальному составу больные были преимущественно крестьяне: в 1925 году из 2278 заболевших — 2228⁵⁵.

Общественная работа фельдшерских пунктов в 1925 году заключалась: в оспопрививании (7 деревень, 9 детей) и ревакцинации 85 человек (из этого числа — 56 неудачных случаев); санобследовании 9 школ, 190 школьников, 5 лавок; чтении лекций о социальных болезнях (8 часов, 230 слушателей), об эпидемических заболеваниях (5 часов, 99 слушателей), о профессиональных заболеваниях (1 час, 60 слушателей), об охране здоровья детей и подростков (4 часа, 71 слушатель), на общие санитарные вопросы (1 час, 50 слушателей)⁵⁶.

Почезерский медпункт. По данным статистических документов на 1903 год, фельдшерский пункт значится в деревне Строева Горка, а повивальная бабка (акушерка) проживала в деревне Доронежской. Ею числилась Екатерина Студитова⁵⁷. По отчетной ведомости фельдшеров за 1910 год прослеживается фамилия фельдшера — Сергеев⁵⁸, за 1915 год — Овдин⁵⁹. Фельдшер Овдин вместе с местным милиционером Ушаковым был расстрелян белогвардейской группой Андрея Ефремова в декабре 1919 года⁶⁰. Вот как вспоминают об этом событии местные жители: «Они (белогвардейцы. — М.Г.) той дорогой по сухому пути на лошадях проехали. Вечеринка была у Дьяковых: "Кто коммунисты?". Они сказали — ветеринар был, Овдин, да милиционер этот. А молодежь выскочила в окошки, разбежалась, никого не осталось. Ну и арестовали этого милиционера, да ветеринара вывели ко двору, расстреляли да этим и закончилось» (Привалихина В.П., 1933 г. р., п. Поча). «Белы пришли, зима тоже была... Они взяли милиционера, увезли туды (в район Торосозера. — М.Г.), там и убили. А врача-то расстреляли у дома, теперь миглина тут сохнет... Это на Погосте. — За что врача

расстреляли? — Ак был коммунист или как считается, вот как» (Пименова А.А., 1930 г. р., п. Поча).

В 1920-х годах Почезерский медпункт значился в селе Почезеро Почезерского сельсовета⁶¹, «здание частное, наемное»⁶². На 15 августа 1923 года в нем числился фельдшер Василий Ефимович Федосеев⁶³ и акушерка Анна Александровна Фрязинова⁶⁴. В.Е. Федосеев родился 27 декабря 1892 года в Нижнем Новгороде. В 1915 году окончил Нижегородскую фельдшерско-акушерскую школу по специальности «фельдшер» и в этом же году поступил на военную службу в 16-й гусарский полк на должность фельдшера. В данном полку он находился до 1917 года. С 1918 по 1922 год служил в Красной армии: до 1919 года — в 11-м кавалерийском полку; в 1920–1921 годах — в 18-м стрелковом (?) полку, 1921–1922 годах — в 16-м стрелковом полку войск ГПУ. В 1919 году был взят в плен, находился в Эстонии с апреля по июль (?). В 1922 году начал трудовую деятельность на Почезерском фельдшерском пункте Почезерской волости в должности фельдшера с окладом 14 рублей. Был женат, жена Вера, которой 4 декабря 1924-го было 22 года. Ни земли, ни скота у них не было⁶⁵. Заявлением от 24 июля 1925 года в Каргопольский здравотдел фельдшер Федосеев просит уволить его с занимаемой должности с 1 августа 1925 года⁶⁶. Видимо, просьба была удовлетворена, т.к. в том же 1925 году фельдшером Почезерского участка фигурирует гражданин Родин, который в одной из депеш в Каргопольский уздравотдел просит выслать месячные ведомости для отчета⁶⁷.

А.А. Фрязинова родилась 10 февраля 1867 года (по другим данным, 1870 г.), место рождения — деревня Кенозеро Кенозерской волости Каргопольского уезда Вологодской губернии⁶⁸. В 1900 году окончила повивальную школу Санкт-Петербургского родовспомогательного заведения⁶⁹. Работала в качестве повивальной бабки в Корбозерской и Колодозерской волостях Олонецкой губернии⁷⁰. Трудовую деятельность на Почезерском фельдшерском пункте она начала с 25 марта 1907 года⁷¹. Семьи у Анны Александровны не было, так же как и земли, и скота⁷².

По отчетным ведомостям фельдшеров за 1910 и 1915 годы можно проследить о характерных заболеваниях на территории Почезерья. Самыми распространенными были воспаление дыхательных путей, болезни полости рта и зева, желудочно-кишечный катар. Помимо этого имели место раны от холодного оружия, ушибы, ожоги, костно-мышечный ревматизм, болезни кожи, разные нервные болезни и пр. В 1915 году резко возросла заболеваемость чесоткой и болезнями кожи. Основной контингент посетителей — это земледельцы в возрасте от 30 до 60 лет⁷³. В 1925 году в Филипповской наблюдается вспышка тифа (5 человек заболевших), а также имеет место туберкулез⁷⁴.

Относительно акушерской деятельности известно, что в период с августа по декабрь 1915 года (нет данных за ноябрь) акушеркой А.А. Фрязиновой было принято 5 родов, родилось 6 малышей⁷⁵. В 1925 году ею же за год принято 19 родов,

в ходе которых появилось на свет 10 мальчиков и 9 девочек⁷⁶. В 1928 году по Почезерском фельдшерском пункте на свет появилось только 4 ребенка⁷⁷. В 1928 году акушеркой здесь числится А. Козлова⁷⁸.

По данным на 1925 год, Почезерский фельдшерский пункт функционировал в деревне Кузьминке и обслуживал 9 деревень⁷⁹. Количество общих посещений за этот год — 196, из них первичных — 62, вторичных — 134. Число обращений в Пудожскую больницу — 8. Проведено мероприятий среди населения (лекции, встречи) — 26⁸⁰.

В 1935 и 1936 годах Почезерский медпункт также значится в Кузьминке Приозерного района Северного края. Среднего медперсонала — 1, административно-хозяйственного персонала — 1⁸¹. Фельдшером работал Сидоров⁸².

Лекшмозерский медпункт располагался в деревне Морщихинской (Лекшмозеро) Лекшмозерской волости⁸³. Он располагался в частном арендованном здании и именовался Лекшмозерским фельдшерско-акушерским пунктом⁸⁴. Фельдшером работал Александр Андреевич Солодягин. Из личной карточки медсанработника Александра Андреевича Солодягина, составленной 10 декабря 1924 года: «Солодягин А.А., 1894 г. р., 12 августа. Родом из Вологодской губернии, Каргопольского уезда, Лекшмозерской волости, д. Масельга. Настоящее место жительства — Каргопольский уезд, Лекшмозерская волость, д. Морщихинская. Служит на местном ФАПе медфельдшером с мая 1920 года»⁸⁵. Из личного дела также следует, что Александр Андреевич окончил Петрозаводскую фельдшерско-акушерскую школу в 1914 году по специальности «медфельдшер». Затем до конца 1914 года находился в Богдановском приемном покое в должности фельдшера, а с января 1915 года и до 1917 года включительно находился в рядах армии как фельдшер в Николаевском госпитале и 495-м полевом госпитале и химической команде (?). Данные сведения из личного дела перемежаются с другими источниками, где указано, что с 1 сентября 1914 года А.А. Солодягин являлся фельдшером Федовского участка⁸⁶, там он значится и в 1915 году⁸⁷. С 1918 по декабрь 1919 года Солодягин работает фельдшером в Ново-Красновском фельдшерском пункте. Об этом он 22 марта 1918 года сообщает в медкомиссию при исполкоме: «Я с сего числа вступил в исполнение обязанностей фельдшера Красновского участка. Основание — предписание медкомиссии от 19 марта за № 227 сего года»⁸⁸. С января по июнь 1919 года — снова служба, но уже в рядах Красной армии, в 162-м стрелковом полку фельдшером. После военной службы состоял на учете при Каргопольском уездвоенкомате. Состоял в профсоюзе «Всемирный медсантруд», был беспартийным, по отношению к советской власти считался «вполне сочувствующим». На 10 декабря 1924 года имел семью из 5 человек: жены и четверых детей в возрасте до 10 лет: Анатолий 8 лет (обучался в школе 1 ступени), Валентина 6 лет, Ольга 4 лет и 7-месячная Вера. Помимо этого, на иждивении у Александра Андреевича находилась 78-летняя мать Анна Солодягина⁸⁹. Стоит отметить, что Александр Андреевич

приходился родным братом Макару Андреевичу — председателю Православной общины деревни Масельги⁹⁰.

Будучи уже служащим Лекшмозерского фельдшерско-акушерского пункта, фельдшер Солодягин стал участником инцидента, произошедшего в апреле 1921 года. В справке отдела здравоохранения Каргопольского уездного исполкома сообщается, что «фельдшер Солодягин позволил из выданного ему для участка спирта злоупотребить — выпить часть его, в следствии чего был задержан милицией... апрель 1921 года»⁹¹. 19 апреля 1921 года А.А. Солодягин в объяснительной записке подтверждает: «Мною было выпито ½ бутылки 40% спирта из количества полученного мною для участка в количестве 500 водки и 250–70% спирта, которое имеется в наличии»⁹². Уздравотдел ограничился выговором⁹³.

Причиной этого, возможно, было и то, что Александр Андреевич был очень уважаемым человеком среди местного населения и заслужил славу хорошего фельдшера: «А вот фершалом он был хорошим...», «А кабы фершал был, тот бы вылечил...» (Л.И. Попова, О.В. Ушакова, А.И. Подшивалова)⁹⁴. «Однажды из деревни Думино посылали за ним нарочного, поскольку был ранен ножом молодой парень, и он тут же ехал верхом на лошади 15 километров туда и 15 километров обратно, грамотно извлек нож, залечил рану, а парень тот позже ушел на войну. И таких случаев было много. Многие еще отзывались о нем как о хорошем фельдшере, хорошем специалисте. Умер он по дороге в город Каргополь, там же и похоронен. Причина смерти — неизвестна. После его смерти семья скиталась по разным домам, видимо жилплощадь за ними не сохранилась»⁹⁵.

В 1926 году фельдшер Солодягин просит Каргопольский уездный здравотдел уволить его со службы в связи с переходом на другое место (заявление от 12 апреля 1926 г.)⁹⁶.

Акушеркой на Лекшмозерском медпункте с 14 мая 1921 года служит Екатерина Аверкиевна Меньших⁹⁷. Екатерина Аверкиевна (1889 г. р.) в 1909 году окончила Архангельскую повивальную школу⁹⁸. На данной должности она находилась ориентировочно до 1925 года, а затем ей на смену пришла М.И. Александрова⁹⁹.

По данным на вторую половину 1920 года, на Лекшмозерском участке фигурируют фельдшер В.Я. Александров и акушерка М.Н. Александрова¹⁰⁰.

Врачебная помощь в Лекшмозерском фельдшерско-акушерском пункте в 1925 году была оказана 2769 крестьянам и членам их семей, 226 рабочим и служащим, 113 членам их семей, 6 безработным, 34 пенсионерам (в том числе 5 членам их семей), 6 представителям комсостава и красноармейцам. Всего 3154 пациента. Повторно принято 605 человек, всего принято 3759 человек¹⁰¹. Из болезней в 1919 году распространение получили грипп, оспа, брюшной тиф, дизентерия¹⁰². В 1925 году имели место туберкулез легких, грипп, сыпной тиф, трахома, гонорея, сифилис I, II и III степени¹⁰³.

Общественная работа выражалась в оспопрививании 75 вакцин (53 — детям до 2 лет и 22 — в школах), из них 10 случаев было неудачных; в дезинфекции, са-

нитарных осмотрах, докладах и лекциях, заседаниях, посещениях больных. Лекции читались о социальных болезнях (4 часа в крестьянской избе и школе для крестьян и учителей, 150 слушателей); об эпидемических заболеваниях (3 часа в избе-читальне для членов профсоюза и крестьян, 60 слушателей); на общие санитарные вопросы (о жилище, питании и т.д. — 2 часа в крестьянской избе для крестьян, 53 слушателя)¹⁰⁴.

В 1925 году акушерка Е.А. Меньших (с 14 мая 1921 г.) 53 раза принимала роды: появилось на свет 26 мальчиков и 26 девочек, среди них было 2 двойни, а 2 мальчика оказались мертворожденными¹⁰⁵.

Таким образом, на территории Кенозерья в первой трети XX века нашла отражение деятельность губернского земства по развитию медицины. В 1900–1910-х годах здесь складывается организованная медицинская система — 4 медпункта (3 на Кенозере и 1 на Лекшмозере) и Вершининская участковая больница, а уже в 1920–1930-х годах данная система оказывала квалифицированную медицинскую помощь местному сельскому населению.

Примечания

¹ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год / сост. И. Благовещенский. Петрозаводск: Губ. тип., 1902.

² Там же.

³ Олонецкая губернская земская управа. Отчет Олонецкой губернской земской управы за 1897 год. Петрозаводск: Северная скоропечатня Р.Г. Кац, 1897.

⁴ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 год / сост. И. Благовещенский. Петрозаводск: Олонец. губерн. тип., 1910; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1912 год / сост. И.И. Францишкевич-Яновский. Петрозаводск: Олонец. губ. тип., 1912.

⁵ Врачебно-санитарный обзор Олонецкой губернии. Вып. 1. Петрозаводск: Северная Скоропечатня Р. Г. Кац, 1912.

⁶ Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 236. Оп. 1. Д. 31/377. Отчетные ведомости фельдшеров за 1915 год (с 10 октября по 7 января 1916 г.).

⁷ ГААО. Ф. 3770. Оп. 2. Д. 37. Л. 50.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об. — 3.

⁹ Там же. Д. 129. Л. 6.

¹⁰ Там же. Д. 37. Л. 50.

¹¹ Там же. Д. 129. Л. 12 об. — 13.

¹² Там же. Д. 37. Л. 54 об.

¹³ Там же. Д. 168. Л. 134.

¹⁴ Там же. Оп. 5. Д. 7. Л. 35.

¹⁵ Там же. Л. 88–89.

¹⁶ Там же. Л. 3, 14.

-
-
- ¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 129. Л. 2, 2об., 3.
¹⁸ Там же. Оп. 5. Д. 7. Л. 40.
¹⁹ Там же. Л. 46.
²⁰ Там же. Л. 24.
²¹ Там же. Л. 39.
²² Там же. Л. 45.
²³ Там же. Л. 47.
²⁴ Там же. Л. 21.
²⁵ Там же. Л. 23.
²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 129. Л. 18–19.
²⁷ Там же. Л. 2–3.
²⁸ Там же. Л. 9 — 9 об.
²⁹ НАРК. Ф. 236. Оп. 1. Д. 31/377. Л. 19–20.
³⁰ ГААО. Ф. 3770. Оп. 2. Д. 168. Л. 81 об.
³¹ Там же. Л. 81–81 об.
³² Там же. Л. 78.
³³ Там же. Л. 81 об.
³⁴ Там же. Л. 134.
³⁵ Там же. Д. 220. Л. 25.
³⁶ Там же. Д. 168. Л. 78.
³⁷ Там же. Д. 220. Л. 57.
³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об. — 3.
³⁹ Там же. Ф. 1734. Оп. 1. Д. 373. Л. 22, 37.
⁴⁰ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1903 год / сост. И. Благовещенский. Петрозаводск: Губ. тип., 1903.
⁴¹ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год / сост. И. Благовещенский. Петрозаводск: Губ. тип., 1902.
⁴² ГААО. Ф. 3770. Оп. 2. Д. 168. Л. 82.
⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об. — 3.
⁴⁴ Там же. Оп. 2. Д. 37. Л. 23 об.
⁴⁵ Там же. Л. 50.
⁴⁶ Там же. Л. 53.
⁴⁷ Там же. Д. 168. Л. 48 об.
⁴⁸ Там же. Л. 71, 85 об.
⁴⁹ Там же. Д. 220. Л. 58.
⁵⁰ Там же. Ф. 1734. Оп. 1. Д. 373. Л. 24.
⁵¹ Там же. Л. 49.
⁵² Там же. Ф. 3770. Оп. 5. Д. 2. Л. 13 об.
⁵³ Там же. Оп. 2. Д. 168. Л. 85.
⁵⁴ Там же. Д. 220. Л. 58.
⁵⁵ Там же. Д. 168. Л. 82.

-
-
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1903 год / сост. И. Благовещенский. Петрозаводск: Губ. тип., 1903.
- ⁵⁸ НАРК. Ф. 236. Оп. 1. Д. 10/93.
- ⁵⁹ Там же. Д. 31/377.
- ⁶⁰ Мошников А. В Кузьминке // Строитель коммунизма. 1965. 9 июля; Его же. Их имена вечны // Там же. 11 июля.
- ⁶¹ ГААО. Ф. 3770. Оп. 2. Д. 37. Л. 50 об.
- ⁶² Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об. — 3.
- ⁶³ Там же. Оп. 2. Д. 37. Л. 50 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 54.
- ⁶⁵ Там же. Д. 157. Л. 418.
- ⁶⁶ Там же. Л. 417.
- ⁶⁷ Там же. Д. 168. Л. 135.
- ⁶⁸ Там же. Д. 195. Л. 3.
- ⁶⁹ Там же. Д. 37. Л. 54.
- ⁷⁰ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1903 год / сост. И. Благовещенский. Петрозаводск: Губ. тип., 1903; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1906 год / сост. И. Благовещенский. Петрозаводск: Губ. тип., 1906.
- ⁷¹ ГААО. Ф. 3770. Оп. 2. Д. 168. Л. 136.
- ⁷² Там же. Д. 195. Л. 3.
- ⁷³ НАРК. Ф. 236. Оп. 1. Д. 10/93. Л. 11, 35, 35 об.; Д. 31/377. Л. 5–6, 12–13, 28–29.
- ⁷⁴ ГААО. Ф. 3770. Оп. 2. Д. 168. Л. 78.
- ⁷⁵ НАРК. Ф. 236. Оп. 1. Д. 31/377. Л. 3, 14--5, 28–29, 50–51.
- ⁷⁶ ГААО. Ф. 3770. Оп. 2. Д. 168. Л. 136.
- ⁷⁷ Там же. Д. 220. Л. 26.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура: (очерки, материалы, исследования) / подгот. текста В.Н. Матонина. Архангельск: Правда Севера, 2005. С. 95–96.
- ⁸⁰ Там же. С. 95–96.
- ⁸¹ ГААО. Ф. 1734. Оп. 1. Д. 373. Л. 28; 37.
- ⁸² Там же. Л. 49.
- ⁸³ Там же. Д. 5. Л. 31.
- ⁸⁴ Там же. Д. 2. Л. 2 об. Л. 3.
- ⁸⁵ Там же. Д. 5. Л. 31.
- ⁸⁶ Там же. Л. 10.
- ⁸⁷ Там же. Л. 11–12.
- ⁸⁸ Там же. Л. 19.
- ⁸⁹ Там же. Л. 31.
- ⁹⁰ Там же. Л. 2.

⁹¹ Там же. Л. 33.

⁹² Там же. Л. 24.

⁹³ Там же. Л. 23.

⁹⁴ Воспоминания. Смолко Нина Макаровна // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ ГААО. Ф. 3770. Оп. 1. Д. 5. Л. 33.

⁹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 168. Л. 143.

⁹⁸ Там же. Д. 37. Л. 53 об.

⁹⁹ Там же. Л. 23 об.

¹⁰⁰ Там же. Д. 52. Л. 111, 234 об.

¹⁰¹ Там же. Д. 168. Л. 31.

¹⁰² Там же. Оп. 5. Д. 2. Л. 26 об., 36 об.

¹⁰³ Там же. Оп. 2. Д. 168. Л. 34.

¹⁰⁴ Там же. Л. 31.

¹⁰⁵ Там же. Л. 143.

Ель — объект ландшафтнообразующий и сакральный

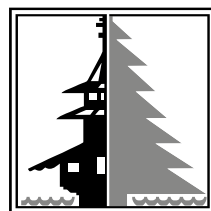
Эмблема Кенозерского национального парка — зеленая ель и часовня, разделенные по вертикали пополам и словно бы слитые воедино (рис. 1). Символика проста и понятна, она воплощает собой соединение прошлого и настоящего, христианского и языческого, верхнего мира и нижнего, смерти и бессмертия, единый корень высокой культуры Севера.

Темно-зелеными островами возвышаются ели над окультуренным ландшафтом или плотной зеленой стеной окружают маленькие деревенские часовни. Часто уже и часовни нет, а ели стоят, пробуждая память о предках, которые здесь жили, с великим трудом отвоевывали у леса землю, выращивали урожаи, строили, воевали, молились, любили...

Странно сознавать, что все это сейчас заброшено, никому не нужно. На стволе одной из могучих елей на пути от деревни Думино к бывшему Макарьевскому монастырю прибит шестиконечный небольшой крест и вырезана на дощечке надпись: «Здесь покоятся наши предки»¹.

Ель — одно из многих вечнозеленых деревьев Центральной и Северной Европы, мифологизация и сакрализация которого началась в глубокой древности. Палеонтологи находят ископаемые остатки ели в отложениях мелового периода (мезозой — 135 млн. лет назад). Еловые леса покрывали огромные пространства и в послеледниковый период. Карелия и Архангельская область расположены в таежной зоне, лесными формациями которой являются ель и сосна². В неолите максимум распространения ели приходится на середину атлантического периода (5500–5000 лет назад)³. В то время елово-сосновые леса были естественной средой обитания человека, чаще всего именно в ельниках и сосняках располагались стоянки древнего человека.

Само слово «ель» восходит к праиндоевропейской языковой общности (едл — колючий) и уходит в глубь палеолита (12–10 тыс. лет до н.э.). Оно созвучно именам древнейшего общеславянского бога Велеса, священным деревом которого была ель, и скандинавской хозяйки мира мертвых (Нифльхейм) — Хели. Согласно академическому «Этимологическому словарю славянских языков»⁴, матерное слово из трех букв «х...» является однокоренным слову «хвоя». По мнению известного слависта Геннадия Ковалева, это слово имеет общеславянский корень *ХŪ, что означало «отросток», «побег»⁵. От этого же корня произошли слова «хвоя», «хвост» и др.

Кенозерский
национальный парк

Рис. 1. Логотип
Кенозерского
Национального
парка

Культура Севера — уникальна и специфична в силу того, что формировалась она в экстремальных условиях. Пространства Севера, выдвинутые на пределы жизни, оказались генераторами и животворными источниками уникальных механизмов выживания, самосохранения, саморегуляции. Это касается всех сторон материальной и духовной культуры: философии жизни, менталитета, характеров, жилища, питания, одежды, орудий труда, праздников, обрядов, верований, отношения к земле, лесу, воде, детям, старикам, предкам, всего того, что составляло глубинную модель жизни на Севере⁶. Вот почему вызывают тревогу активные процессы этнического «освоения» северных территорий носителями иной ментальности — выходцами с Кавказа, из Средней Азии. Это представляет угрозу для экологии северного человека, для хрупкой северной модели жизни, в которой и без того в сейчас происходит ее затухание, нивелирование.

Пристальный интерес ученых к архаическим традициям выявляет истоки современных «новых текстов» — форм поведения, культов, образов в искусстве, отдельных сохранившихся элементов обрядов. Все это в полной мере относится к объекту нашего интереса — ели (как, впрочем, и к другим хвойным). Исследовательница мифологии ели Е.В. Душечкина пишет, что в древности «особое предпочтение обычно отдавалось вечнозеленым растениям: сосне, ели, можжевельнику, кипарису и другим, поскольку, согласно бытовавшим верованиям, наполненность вечной силой проявляется в них в большей степени, чем у опадающих на зиму лиственных»⁷. Этот инстинкт наделять объекты с вечнозеленой окраской некоей жизненной силой, сохраняющейся в зеленых ветвях, жив до сих пор — зеленый цвет в исламе (высокий символ), березовый веник и хвойное помело — материальные символы сниженного характера.

В те далекие времена, ели особенно поражали воображение людей. Ощущение смутного беспокойства, страха, а порой и ужаса еловые леса оставляют и сегодня в душах людей. Не случайно в сказках еловые леса были наполнены чудесами, а уж избушка на курьих ножках была там обязательно⁸.

Русский писатель, этнограф и путешественник С.В. Максимов также обратил внимание на необыкновенные свойства еловых лесов. Вот одно из таких описаний: «В еловых борах, которые по неизбежному закону содержат себя вообще неопратно, мучительно тяготит наблюдателя несообщительность и крайняя неуживчивость этой древесной породы: осыпая твердые и трудно гниющие иглы своей хвоей у самых корней густыми слоями, ель выживает соседей, замедляет рост деревьев лиственных... Только птицам под силу трущобы еловых и сосновых боров, эти темные “сюземы” или раменья, в которые если удалось человеку войти, то не удастся выйти... Всякое движение, кажется, замерло; всякий крик, даже и не такой резкий, как дятла, и хрипящий, как у совы, пугает до дрожи и мурашек в теле. Колебаемые ветром древесные стволы трутся один о другой и скрипят с такой силой и постоянством, что вызывают у наблюдателя острую, ноющую боль под самым сердцем... Здесь чувство тягостного одиночества и не-

победимого ужаса постигает всякого человека, какие бы усилия он над собой ни делал, к каким бы притворствам ни прибегал. Здесь ужасается своего ничтожества и бессилия всякий цивилизованный человек. Здесь осозналась мрачная безнадежная вера дикарей и сложилась в форму шаманства со злыми, сплошь и без исключения немилостивыми богами»⁹.

По своей этнографической сущности ель амбивалентна. Она может быть выражением смерти и одновременно бессмертия, использоваться в похоронной обрядности и в новогодних праздниках, при торжественных встречах победителей и в незамысловатых детских стихах и песенках; это дерево бога и в то же время дерево лешего; она несет в себе заряд сакральности и обыденности, декоративности, торжественности и профанности. Она всегда полисемантическая, на грани жизни и смерти, праздника и скорби, профанного и сакрального... Она — проводник в невербальное пространство. Сквозь ее мохнатые лапы проступают солнечный свет и могильная тьма, радость и горе, загадочный национальный орнамент и древняя ритуальная пляска у костра.

Семантический ряд этого мифологического объекта поистине неисчерпаем. Ель — это дерево и человек, божество и лесной дух, космогонический объект, тотем, предок и леший, оберег, жилище, укрытие и путь на небо (лестница), ось мировая и храм, знак, символ, художественный образ... И все это закодировано в обрядах, ритуалах, фольклоре, производственной деятельности, языке, топонимии, творчестве, искусстве. С одной стороны, ель — это древо жизни и потому используется в торжественных ритуалах. Даже в советский период ель употреблялась в своем древнем значении — как символ вечной жизни: еловые гирлянды с красными лентами использовались на разного рода торжественных мероприятиях, для украшения портретов политических деятелей, для обрамления трибун и т.д.¹⁰ В.В. Похлебкин приводит примеры использования лапника в странах Скандинавии для устилания пути следования официальных правительственных кортежей. Также традиционными были посадки живых елей (чаще — серебристых) как символа почета при правительственных учреждениях.

С другой стороны, ель декларирует вечность и торжество жизни потусторонней: в траурных ритуалах (еловый лапник, венки, гирлянды для тех, кого провожают в вечность). По сути — это жертвенное дерево. Оно стало неременной принадлежностью мест захоронения: у Кремлевской стены, у Мавзолея, на Марсовом Поле.

Философия смерти земледельца, ее энтропийный принцип обязательно упираются в бессмертие, которое зримо и упрямо выражали жальники и святылища, ели и другие породы хвойных. Своей яркой, вечнозеленой кроной они бросали дерзкий вызов смерти. Эстетизация ели и сосны, любовно-торжественное отношение к еловой роще — это точно выверенные шаги на пути к возвышению человека, его бессмертию. «Если нет бессмертия, то весь мир — насмешка над

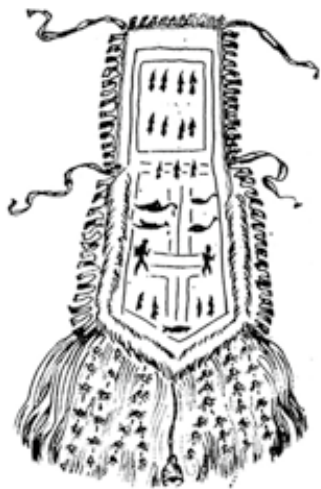

Рис. 2. Ритуальный передник эвенкийского шамана (Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. Новосибирск, 1988. С. 137)

человеком» — так, кажется, говорил один из персонажей Достоевского. Вертикальная ось ели как на острие копья возносит бессмертие человека к светлым высотам Бытия. Уют, теплота и сумрак сельского кладбища, засаженного елями, не оставляют места страху смерти, изгоняют его за пределы сознания. Может быть, в этой крестьянской философии почерпнул философ Н. Федоров навязчивую идею изгнания смерти из мира.

Обширные этнографические материалы, касающиеся самых разных народов, утверждают связь ели с миром предков. В.Я. Пропп, например, рассматривал дерево или даже его зеленую ветку как олицетворение умершего предка¹¹. О ели как родовом (тотемном) дереве финно-угорских народов Сибири пишет известный исследователь изобразительного искусства народов Сибири С.В. Иванов¹². Он публикует изображение шаманского бубна барабинских татар начала XVIII века: в нижней (подземной) части бубна изображены шаман, едущий на коне с луком и стрелой, подземные животные и две елочки¹³.

Вообще, на шаманских бубнах и онгонах, изображения которых публикует С.В. Иванов, нижний мир, как правило, маркируется изображениями ели. В монографии В.В. Евсюкова «Мифы о Вселенной» приводятся рисунки верхнего мира даяков, насыщенного изображениями елей, и ритуального передника эвенкийского шамана (рис. 2), верхний и земной миры которого маркированы хвойными деревьями¹⁴.

Замкнутые елово-сосновые пространства кладбищ и священных рощ подобны сакральным островам в житейском море. Здесь находили последний приют души умерших (древние святилища — Оленьи острова, остров Радколье в Заонежье, Соловецкие острова и Кузова в Белом море, острова на Ладожском озере и т.д.). Грандиозное саамское святилище на Кузовах ведет свое название от прибалтийско-финского названия ели — *kuusi*. Здесь проходит граница профанного и святого, здесь одни и те же маргинальные свойства заповедного пространства, потому сюда, в хвойные чащи, уходят очищаться от скверны «непогребенные мертвецы» — монахи, здесь ставят монастыри, церкви и часовни. Здесь нет смерти¹⁵.

У студеного поморья,
На пустынном берегу,
Сын под елью в темной келье
Поселился навсегда.

(Н. Клюев «Слободская»)¹⁶.

Ель отражала некую высшую реальность, скрытую от повседневной жизни, но ощущаемую «шестым» чувством. Это ощущение приходило каждый раз, когда открывалась дверь «туда», и человек изымался из жизни. Сознание противилось утрате близкого человека, смерти был противопоставлен мир вечный, живой, эпический. Его зримо овеществляли вечнозеленые деревья. Они обязательно должны были вызывать ассоциации с вечной жизнью и бессмертием.

Мифология ели (сосны) является частным случаем мифологизации объектов природы. Общинно-родовые отношения во всей своей полноте, проецируясь на природу, создали широкое полотно взаимодействия космоса и микрокосма, оживотворения того, что мы сейчас называем неживым, включали человеческие признаки и отношения во все сферы жизни природы (антропоморфизация), и, наоборот, «в сферу человеческого бытия вошли многие понятия и образы, взятые из мира природы», в том числе растительная символика и терминология¹⁷.

Новогодняя ель, украшенная игрушками, доставляет радость детям и взрослым¹⁸. И мало кто задумывается, что блистающее шарами и огнями новогоднее дерево у наших предков было мировой осью, вокруг которой медленно вращались звезды-шары; а новогодние подарки детям под елкой — это отголоски жертвы (требы) Велесу, от которого в ответ ждали исполнения желаний. Находясь во власти синкретизма, человек в древности видел мир в единстве всего мироздания. Он был включен в это тождество. И ель, как и другие фрагменты макрокосмоса, была воплощением бога, духа, предка, ипостасью человека, его надеждой и упованием.

Еловые куртины были наглядным образом неземной жизни, ее *абсолютной* реальности. Они демонстрировали всем своим видом, своей жизнью закон вечности. Эти вечно живущие существа породили аналогию «иногo» мира, где нет боли, а есть радость, мира счастливого и гармоничного. Они дали человечеству возможность победить страх смерти, почувствовать тонкую грань между мирами, сняли с души гробовой камень, освободили ее для вечности. Ели породили бесчисленное множество ассоциаций и уподоблений, образы, далеко выходящие за грань обыденности, профанной реальности, подарили сны, подобные туману, легко пересекающие границы миров.

В «колдовском» эпосе коми есть сюжет о состязаниях: два колдуна спорят, кто из них сильнее, и объектом приложения их колдовской силы являются ель и сосна: после заговоров колдунов деревья засыхают, иголки опадают. Выбор колдунами этих деревьев не случаен: осилить «вечно живые» деревья, стоящие на грани земного бытия и инобытия, под силу только могущественному герою¹⁹.

Запредельный мир окрашен в густо-зеленые тона²⁰ хвойных, это антиподный мир, где все наоборот, где деревья растут корнями вверх, где иная погода, иная пища. Это лес-ельник, где есть деревья высокие и маленькие, и они словно бы в шелка одеты, эти елочки²¹. Как Мировое Древо и древо предков, ель была персонификацией сил плодородия Матери-Земли. Считалось, что осо-

Рис. 3. Орнамент трипольского керамического сосуда с елями (Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 195)

бая жизненная сила и энергия этих деревьев может приближать весну, помогать плодородию, обещает благополучие, способствует рождению новой жизни. Это дерево отмечено композиционным и сущностным единством с космосом,

богами и духами. «Дерево, в частности ель, являлось как бы символом домашнего, олицетворяла душу деревянного жилища»²². Ель издавна была связана с божествами жизни и смерти, с легендами, быличками, магическими обрядами, праздниками, ритуалами, она имеет богатое мифологическое и эпическое прошлое. В быличке, например, рассказывается, как заблудившиеся в лесу женщины оказываются в «ином» мире: ели и сосны вдруг становятся длиннее, а путницы попадают на Коверское болото с ламбами и островами. Болото в карельской мифологии — одно из мест пребывания хозяев леса, или «иной» мир.

Эпическое наследие Олонецкого края, известные археологические памятники сохранили отголоски космогонических мифов. Орнаменты трипольских сосудов (IV–III тысячелетия до н.э.) донесли до нас прекрасные изображения елей. Возможно, этот фриз из елей, светил, звезд на керамическом сосуде иллюстрирует миф о рождении мира (рис. 3).

Культово-магическая функция елей не исключает эстетической ценности этих произведений. Искусство было вплетено в жизнь человека в такой же мере, как добывание огня и пропитания, оно имело собственно-художественный смысл, в чем нас убеждают прекрасные памятники древности. Красота ели волновала человека палеолита не меньше, чем нашего современника, и потому

ель была выделена в искусстве в качестве самостоятельного объекта изображения.

Интересный сюжет с елями изображен на керамическом сосуде XII–XIII веков (рис. 4) из чжурчжэнского Ананьинского городища (жилище № 16, Приморье).

Он состоит из трех бегущих оленей и елок: три ели перевернуты, расположены вершинами друг к другу, одна растет на земле²³. Аналогией этому памятнику является вышивка скатерти

Рис. 4. Сосуд со знаками ели из Малаешты (Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 195)

XVI века, описанная И.Я. Богуславской: бегущие олени среди елей²⁴.

Прекрасной иллюстрацией связи ели с космогоническими представлениями древних является современный медальон (рис. 5): в центре круга «горит огнем» камень беломорит, а вокруг него по периметру — 7 елочек больших и 7 малых, между которыми расположены 7 планет. Фактура фона напоминает небо с россыпью звезд, разных по величине.

Неслучайно здесь и число «семь»: оно символизирует небо (тройка) и Землю (четверка). Это таинственное число почиталось в древности как единение духовного и материального, как мистическая природа человека и природы, это число Вселенной, ее полноты и совершенства²⁵.

Изображения елочек, сделанные красной краской на обыкновенной речной гальке, были обнаружены археологами среди других знаков-символов при раскопках в пещере Мас д'Азиль в предгорьях Пиренеев. В качестве у большинства народов существует техника работы, определяемая термином «в елочку», что говорит о древности этой технологии, связанной с образом ели²⁶.

Ель была священным деревом греческих богов: Артемиды, Атисса²⁷, Зевса, Диониса²⁸, Пана; и богов в других религиях: Одина в Скандинавии, у славян Велеса, Кришны в индуизме. В мифах «Упанишад» тоже говорится о хвойных деревьях²⁹. В верованиях удмуртов существовало «еловое» божество Квазю — покровитель воздуха, погоды, и Инмар — сосновое божество — творец мира, демиург. Судя по изображениям на бубнах саамского бога плодородия Веральденольмая, он органично связан с хвойными деревьями: он или держит ель в руках или находится внутри ствола ели³⁰. О древесной сущности саамских духов (богов) говорит и А.П. Косменко, анализируя памятники эпохи энеолита, саамские бубны XVII–XVIII веков и вепские вышивки³¹.

Ель была деревом-тотемом у мордвы, удмуртов, марийцев. Интересный материал в этом отношении содержится в статье М.В. Пеньковой, Д.Ю. Ефремовой, А.П. Конкка. Исследователи в беседах с информантами зафиксировали, что у марийцев были родовые деревья: «У каждой семьи было свое дерево», — сообщает Любовь Янушевна Медведева³². В священных рощах были главные деревья, под которыми совершались моления (береза, липа, чаще сосна или

Рис. 5. Медальон, 1960-е гг. Алюминий, инкрустация, чеканка. Принадлежал Ольге Андреевне Филькиной (1921 г. р.), пос. Вознесенье (Ленинградская обл.). Нашел и описал студент КГПА К. Болдин, 2011 г.

ель). Молились под главным священным деревом, на главное дерево повязывали пояс³³. В деревне Йошкар-Памаш у всех семей священным деревом является ель³⁴.

Сахалинские нивхи и айны верили, что их предками были ели или лиственницы³⁵. У эвенков есть мифы о происхождении человека от дерева, в силу чего умершего хоронили в дупле дерева (т.е. отправляли к предкам). «В их пиктографическом письме человек (эвенк) обозначается елкой, — пишет С.В. Иванов, — что предполагает ель как тотемное дерево»³⁶. В любовной переписке юкагиров (рисунки на бересте — тос) люди изображались в виде закрытого зонтика, а точнее, в виде стреловидных деревьев — елочек, остроголовых человечков³⁷. Человек-дерево... «В схематической фигуре человека — два самостоятельных антропоморфных образа: остроголового человека и человека-дерева», — пишет исследовательница юкагирских пиктограмм Л.И. Жукова³⁸. Остроголовый человек-дерево — это первопредок, хозяин нижнего мира (праотец — энмиэдиэ, т.е. «молодая лиственница»). Его древовидный, остроголовый символ изображался на подолах мужских юкагирских передников. Сакральное отношение к лиственнице сохранялось у юкагиров до конца XIX века. Мужчина в память о своей любви делает из молодой растущей лиственницы «залость» (жалость), т.е. некое подобие человека, который был его вторым «Я». К этому дереву он приходит время от времени повидаться, как со своим родственником³⁹.

Старообрядцы Верхнекамского региона долго сохраняли представления о ели как о божественном дереве и почитали ее. У С. Есенина есть упоминание об этом. В стихотворении «Иисус-младенец» аист уносит маленького голодного Иисуса в свое гнездышко на елку: «И Господь на елочке, / В аистовом гнездышке, / Качался...». В германской легенде рассказывается: как-то, перед Новым Годом семья лесника собралась у очага. Раздается стук в дверь. За дверью стоит совсем озябший мальчик. Его впустили, обогрели, накормили и уложили спать. Утром проснулись от ангельского пения и среди ангелов узнали мальчика в образе Христа. Прощаясь, он отломил от ели ветку, воткнул ее в землю и сказал: «Я принял ваши дары, а это мой подарок — это дерево будет всегда зеленым, и вы будете жить в довольстве и добре».

Карело-финский эпос подтверждает идею ели (сосны) как божественного дерева: она обязана рождением богу, тесно с ним связана:

Из земли не поднималась
Елка, созданная Богом.
И сосна там с божьим сыном...⁴⁰

В «Калевале» Э. Леннрота хвойные были первыми деревьями, посеянными Сампса Пеллервойненом на каменистых равнинах (рис. 6):

На горах он сеет сосны,
На холмах он сеет ели,
На полях он сеет вереск...⁴¹

Руна «Поездка на пир в Пяйвелу» в одном из ее вариантов (33.XI) видит верховного финно-угорского бога Укко на ели: «Укко там на ель взлетает»⁴², так же как и бог неба, воздуха и огня Илмаринен лезет на золотую ель, напетую Вяйнямёйненом⁴³. В перечне информации, которой юный хвостун и забияка Ёукахайнен хочет сразить мудрого Вяйнямёйнена, есть одно интересное для нас утверждение: «Сосны — первые жилища»⁴⁴. Заговор Филатовой Анны Ивановны (1920 г. р.), карелки из деревни Машозеро Беломорского района также начинается с утверждения:

Сосна — божье создание,
Будь добра сучками,
Легка иголками,
Найди масло-мазь...

(Запись автора, 1988 г., архив автора).

Ярким проявлением сакрализации ели в древности было уподобление ели (сосны) храму, что сохранялось почти до наших дней. В Финляндии в культовых целях использовали растущую рядом с домом ель или ставили ель (карсикко) по определенным праздникам и приносили под ней жертвы, например на Пасху, в Иванов день, на Рождество; у норвежских и шведских лопарей — в Рождественский сочельник⁴⁵. В деревне Лошкин Наволок (рядом с Прокколя), где часовни никогда не было, ее заменяла ель, вокруг которой на Успение устраивались игрища, «на которых успевала вдоволь наскакаться и наплясаться вся деревня — и молодежь и старые люди, а также приезжие родичи... потом порванные рубахи развешивали на ели»⁴⁶. Елена Тищенко записала интересное наблюдение — поклонение в поселке Винница еловому пню на кладбище (все, что, видимо, осталось от культовой ели), к которому крестьяне приносили молоко, шерсть, сало, свечи и деньги⁴⁷. Представления о ели как храме или алтаре

сохранялись у карел довольно долго. В деревне Ямка (район Юккогубы, Сегозерье) ель также заменяла часовню. На острове Махошоари стояла священная сосна, к которой приносили заветы⁴⁸. Даже в 1950-х годах после уничтожения часовен вещевые и денежные заветы продолжали привозить на Махошоари и складывали на каменистом берегу под привставшую на узловатых корнях одинокую сосну, заменившую культовые постройки. «Думается, что такой обычай — убедительное подтверждение преемственной связи христианских часовен с древни-

Рис. 6. Куллерво — персонаж карело-финского эпоса «Калевала». Худ. М. Мечев

Рис. 7. Ель как декоративный элемент в наличнике дома

в орнаменты мотив елей (рис. 7), бытовые предметы в изобилии несут на себе еловые символы.

В живописи ель занимает свою особую нишу: в произведениях таких видных художников Карелии как Т. Юфа, Б. Поморцев, В. Авдышева и А. Авдышев, Г. Стронк, С. Юнтунен, М. Мечев, В. Чекмасов и др.

Немыслимо представить издания «Калевалы» без иллюстраций Г. Стронка, М. Мечева, В. Кузьмина, художников школы П. Филонова (Т. Глебовой, А. Порет, М. Цибасова и др.), пронизанных «хвойными» образами. Особенно это относится к графике Тамары Юфы, все творчество которой можно назвать «хвойным». У М. Мечева ели и сосны воссоздают эпический фон, у Т.Г. Юфы — сказочно-лирический, но и в том и другом случае, мотив ели как эхо рунического наследия проявляет себя.

Примечания

¹ Верность старине и вера в чудесное: Путеводитель по Кенозерскому национальному парку / сост. Е. Шатковская. Северодвинск, 2009. С. 125.

² Карельская энциклопедия: в 3 т. Петрозаводск, 2007–2011. Т. 1. С. 26.

³ Саватеев Ю.А. Вечные письма. Петрозаводск, 2007. С. 61.

⁴ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М., 1981. Вып. 8.

⁵ Ковалев Г.Ф. Русский мат — следствие уничтожения табу. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/kovalyov-05.htm>

⁶ Теребихин Н.М. Мифология островной культуры Русского Севера // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1994.

⁷ Душечкина Е.В. Русская елка. СПб., 2012. С. 14.

⁸ См., например: Карельские сказки. Петрозаводск, 1967. С. 86.

⁹ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М.: Терра, 1996. С. 274–275.

¹⁰ Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М., 1995. С. 151.

¹¹ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1961.

¹² Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — нач. XX в // Труды института этнографии. Новая серия. М.; Л., 1954. Т. XX.

¹³ Там же.

¹⁴ Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. Новосибирск: Наука, 1988. С. 137.

¹⁵ Теребихин Н.М. Указ соч. С. 107–114.

¹⁶ У Ивана Бунина есть замечательное стихотворение «Вирь», посвященное скиту в еловом лесу: «Где ельник сумрачный стоит, // В лесу зубчатым темным строем, // Где старый позабытый скит // Манит задумчивым покоем...».

¹⁷ Криничная Н.А. Дерево-человек: к проблеме синкретизма и дифференциации фитоантропоморфного образа (по материалам нарративного фольклора Карелии) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2010. № 4. С. 78).

¹⁸ Так было не всегда. Ель в Новогодние праздники вошла сравнительно недавно, церковь чувствовала здесь «языческий» подтекст и долго противилась этому. Лишь в конце XIX в. елка стала украшать новогодний праздник. В газете «Олонецкие губернские ведомости» начиная с 1870-х гг. публикуется информация о проведении праздников «Елка» в детских учебных заведениях (школах, училищах, приютах), больницах (см.: Кирикова Н.Ю. Указатель статей о праздничной культуре, опубликованных в газете «Олонецкие губернские ведомости» (1838–1917 гг.) // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий. Петрозаводск, 2010. С. 144–148).

¹⁹ Лимеров П.Ф. К проблеме колдовского эпоса: встреча героев // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Петрозаводск, 2010. С. 164–175.

²⁰ Зеленый цвет стал лейтмотивом «иногo» мира, не зря его любили старообрядцы (например, зеленофонные иконы, прялки). Зеленофонная прялка с изображением ели находится в фондах «Музея духовной культуры Севера» (КГПА, № 146).

²¹ Иванова Л.И. Изображение «лесного царства» в карельской мифологической прозе // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Петрозаводск, 2010. С. 207.

²² Соловьев С.А. Жилище крестьян Дмитровского края. Дмитров, 1930. С. 180.

²³ Гусева Л.Н. О сюжетных рисунках на керамике Чжурчженей Приморья // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983. С. 129.

²⁴ Богуславская И.Я. О двух произведениях средневекового народного шитья // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 124. Связь елей с оленями (еленями!) видится неслучайной: у них общее свойство — колючесть: ветвистые рога оленей аналогичны еловым лапам. Однако глубинные истоки единства ели и оленей надо искать в общинно-родовой стадии — мезолитическо-неоли-

тическом охотничьем быте. Олень представлялся небесным, ездовым животным богов, он — посредник между богами и человеком, между небом и землей. Вспомним уникальный Оленеостровский могильник. Кельты изображали своего бога Цернунн с оленьими рогами или стоящим рядом с оленем. Это божество, связанное с умиранием и возрождением. В скандинавской мифологии священные олени пасутся в ветвях Мирового древа Иггдрасиль и символизируют они время, бесконечность и опять-таки смену циклов в природе. Особенно ярко проявляется связь между оленями и еловыми знаками в саамской мифологии (см.: Мифы народов мира. М., 1980. Т. 2. С. 565). Таким образом, символика оленя и ели (посредников) оказалась функционально связана с Землей и Небом, с жизнью и смертью, с плодородием, богатством, изобилием.

²⁵ См.: Полная энциклопедия символов. М., 2006. С. 36–38.

²⁶ Рыбаков Б.А. Древние элементы в русском народном творчестве // Советская этнография. 1948. № 1. С. 187.

²⁷ Древнегреческий миф рассказывает, что Атисс, умирающий от раны, нанесенной кабаном Зевса, был превращен в вечнозеленую ель.

²⁸ Еловая шишка была тирсом (или фаллосом) Диониса и, соответственно, тирс — жезл с наконечником в виде сосновой шишки — был его эмблемой (см.: Тресиддер Д. Словарь символов. М., 1999). Пан — бог плодородия имел сосновый венок (см.: Мифы народов мира. М., 1988. Т. 2. С. 279).

²⁹ См.: Мифы народов мира. Т. 1. С. 396.

³⁰ См.: Там же. С. 565.

³¹ Косменко А.П. Традиционный орнамент финно-угорских народов Северо-Западной России. Петрозаводск, 2002. С. 96.

³² Пенькова М.В., Ефремова Д.Ю., Конкка А.П. Материалы по духовной культуре марийцев (священные места и природные духи) // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Петрозаводск, 2009. С. 384.

³³ См.: Там же. С. 385.

³⁴ См.: Там же. С. 397.

³⁵ Шаповалова Г.Г. Культ дерева в русском свадебном обряде и свадебной лирике // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 185.

³⁶ Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — нач. XX в. // Труды института этнографии. Новая серия. М.; Л., 1954. Т. XX. С. 518.

³⁷ Шаргородский С.М. Об юкагирских письменах // Землеведение. М., 1895. № 2–3. С. 135.

³⁸ Жукова Л.И. Образ человека в пиктографическом письме юкагириков // Язык — миф — культура народов Сибири. Якутск, 1988. Вып. 1. С. 131.

³⁹ Смилянская Е.Б. Микрокосмос верхнекамского старообрядца на исходе XX в. // Старообрядчество русского Севера. Каргополь, 1998. С. 55.

-
-
- ⁴⁰ Карело-финский народный эпос. М., 1994. Кн. 2. С. 26.
- ⁴¹ Калевала / пер. Л. Бельского. Петрозаводск, 1956. Руна 2.
- ⁴² Карело-финский народный эпос. М., 1994. Кн. 2. С. 270.
- ⁴³ Калевала / пер. Л. Бельского. Петрозаводск, 1956. Руна 10.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Конкка А.П. Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 109–110.
- ⁴⁶ Духовная культура Сегозерских карел. Л., 1980. С. 95; Орфинский В.П. Культурное зодчество Сегозерья // Юккогуба и ее округа. Проект В.П. Орфинского. Петрозаводск, 2001. С. 96–97.
- ⁴⁷ Тищенко Е. Представления о деревьях в обрядах и поверьях жителей Карелии // Проблемы археологии и этнографии. Петрозаводск, 2001. Вып. 3. С. 21–27.
- ⁴⁸ Орфинский В.П. Указ. соч. С. 96.
- ⁴⁹ Там же. С. 97.

Научное знание и народное мировосприятие в отношении к русскому пейзажу

Едва появившись в деревне Вершинино, автор этих строк пошел на берег Кенозера, чтобы оттуда взглянуть на деревню: архитектурные стили Архангельского Севера, о которых писал Ю.С. Ушаков, действительно существуют¹. Удивило прочтение древними природного стиля местности — деревня уверенно освоила главную пространственную горизонталь этого места — береговую линию озера, высокую, не затопляемую пойму (первую надпойменную террасу), а на замыкающих озерную «гавань» материковых мысах поставила свои культовые строения. Еще сильнее впечатлили выходящие на озеро окна — деревня всматривается в синий простор, радуется своему месту на земле, но одновременно и пристально наблюдает за этой таинственной далью.

Единение с природой было характерным для всей деревенской цивилизации России. И в Валдайском конечно-моренном поясе «население легло по сухим возвышенным моренам» (как выразился П.П. Семёнов-Тян-Шанский). И на Оке большие села встали по высоким прирусловым валам на грани раздольной реки и разбойных Мещёрских лесов. «Стихийными геоморфологами» назвал геолог Б.Л. Личков основателей Московского государства, выбравших для него место «на высоком берегу Клязьминско-Окского полесья вне досягаемости со стороны степных кочевников»².

Строили ли древние те архитектурные ансамбли, которые здесь, на Архангельской земле, проявили себя особенно впечатляюще? Едва ли. Скорее всего, они сложились сами по себе, постепенно и непреднамеренно, став следствием векового прочтения природных смыслов и следования законам природы. Б.Л. Личков не случайно назвал строителей Московского государства «стихийными геоморфологами». Здесь не было навязывания природе каких-то умозрительных построений. Из века в век присматриваясь к земле, человек давал ей возможность проявить свои качества. Таким образом в архитектуре географического пространства природное и человеческое соединилось и обрело гармоническое единство. В этом, наверное, и состоит притягательная сила не только Архангельских, но и всех других деревенских архитектурных ансамблей.

Для первых засельщиков края было важно не только обустроить выбранное место, но и защитить его как от стихий природы, так и от нежеланных гостей. Особенно здесь, на Севере, древние полагались в этом на помощь святых угодников, в честь которых едва ли не на всех выдающихся «складках местности» устанавливались часовни.

Сопоставляя все прочитанное и увиденное относительно гармоничного расположения русских деревень, как не подумать о том, что та ноосфера, о которой пророчествовал В.И. Вернадский, в нашей истории уже была, что не с дикости и варварства начинали наши далекие пращуры, а с обожествления данного им в ощущениях и наблюдениях мира.

«Когда... человек, которому одна природа служит руководством и вдохновением, создает творение, в котором является и красота, и тайный инстинкт вкуса, — отчего же мы, которых все способности так обширно развились... не производим ничего, проникнутого таким богатством нашего познания? — задумывался еще Н.В. Гоголь и отвечал: дело в том, что «теперь... искусство поставил он выше самой природы»³.

Совершенно невероятными выглядят сегодня утверждения титанов Возрождения и Просвещения о том, что смыслом жизни на Земле является покорение человеком природы. На этом настаивал и В.И. Вернадский: «Человек может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни»⁴.

Если насельники русского пространства сознавали свою вторичность по отношению к природе и молились о сохранении божественного миропорядка, то современная цивилизация стремится эту природу изменить и перестроить. На решение этой задачи была нацелена вся наука. Под воздействием ее «открытий чудных» вместо представлений о «всемогущем Боге появилась вера во всемогущего Человека»⁵ и даже в возможность управления природой. Здесь и лежит главное противоречие между научным, цивилизационным и народным отношением к природе. Видимо, в рамках современной цивилизации это противоречие не может быть преодолено.

И все же мы стоим перед необходимостью соединения науки и народного мироощущения, ибо в противном случае так и будем формировать экологическое сознание, «охранять» природу и рассуждать о ноосфере, не замечая даже малейших признаков ее появления. Все это может так и остаться прикрытием продолжающегося агрессивного переделывания природы, а ноосфера — всего лишь научным, рациональным подобием представлений о «Царствии Небесном». При таком соединении мы должны взять за основу народное мироощущение и мировосприятие — прежде всего потому, что они обладают более глубокой памятью об этом мире, чем у науки.

Мы не знаем землю так, как когда-то деды и прадеды, но у нас есть возможности знать ее лучше. Древние постигали культуру земли вековым опытом и блестяще справились с этой задачей. У нас нет в запасе веков, поэтому мы должны обратиться к тому ценному знанию, которое накоплено науками, изучающими среду обитания человека — земную поверхность.

Мы можем понять те подходы, которыми руководствовались древние. Так, деревни чаще всего размещались на выпуклых, положительных перегибах земной поверхности, т.е. на естественным образом дренируемых территориях (д. Семёново на Кенозере, д. Павловский и Анциферов Бор на правом берегу Большой

Онеги, Горка и Заволочек на Кенозере, Окатовская и Фёдоровская на озере Порженском и многие др.).

Удивительно, что древние обращали внимание не только на особенности конкретного места, но и на всю архитектурно-композиционную осваиваемую ими мира, на связь каждого места с его окружением. При этом выдающиеся, характерные, узловые точки на мысах и водоразделах они использовали для размещения культовых сооружений — церквей, часовен, крестов. А Никольскую часовню в Вершинино, вообще, вознесли к небу — на гору, с которой открывается панорама всего Кенозера, чтобы далеко было видно. Подобно маяку она указывает путь, но более того утверждает и защищает образ места.

В древности не было и не могло появиться так называемых типовых проектов застройки. Наши предки более разносторонне видели природу, чем мы сегодня. Их решения по выбору мест поселений учитывали большое количество факторов и обстоятельств жизни. Это хорошо видно на примере деревни Верховое на берегу реки Малошуйки. Обитатели этих мест не пошли здесь на идеальное по рельефу место к югу от горы Крестовуха, а «упаковали» среднюю и южную части деревни (северная часть деревни стоит «нормально» — на выпуклой поверхности) в котловину, с научной точки зрения неблагоприятную — стягивающую воду. Этим отклонением от правил они защитились от холодных ветров вторым, коренным берегом реки с восточной стороны деревни.

Похожая история и у деревни Погост на Космозере — она тоже разместилась на вогнутой поверхности. При этом на контрастно возвышающемся над этой вмятиной мысу были поставлены церкви (Успенская и Александра Свирского).

Надо сказать, что большие деревни часто с равным успехом осваивали и выпуклую и вогнутую кривизну — для разнообразия, но дороги и улицы прокладывались все-таки по положительным перегибам (деревня Митинская на правом берегу реки Мудьюги).

Из геоморфологии, изучающей рельеф земной поверхности, мы хорошо знаем, что эта поверхность соответствующим образом организована. В ней есть ритм чередования сухих и сырых местоположений, собирающих и сбрасывающих поверхностные воды ложбин и водотоков. Мы знаем, что при развитии эрозионной сети возникает закономерное деление земной поверхности на обособленные и соизмеримые массивы, появляется закономерная система чередования водотоков, водосливных и водоразделительных линий. Все это — не что иное, как естественная мелиоративная сеть, а если сказать более обобщенно, исторически сложившаяся природная культура земли.

Мы можем искать ключи к замыслам древних и находить их, мы можем оценивать обстановку, но при этом за кадром остается главное — у нас нет того взаимоотношения с природой, которое было и прошло.

Сверяя научное и народное, мы заметим упрощенность некоторых научных определений, утрату в потоке слов некоторых первоначальных смыслов.

Об утраченном восприятии красоты и мудрости природы напоминает слово «урочище». Обозначая сегодня этим словом любую часть местности, отличную от окружающих, группу ландшафтных фаций или место исчезнувшего поселения, мы упрощаем его первоначальную суть. В словаре древнерусского языка Н.Н. Срезневского слово «урочище» толкуется как «указание судьбы», в переводе с польского языка оно значит «очаровательный, прелестный, чарующий, обаятельный, пленительный». Глагол «урочить» означает также «околдовать», т.е. очаровать, или «сглазить недобрым, завистливым глазом» (В. Даль). Нет сомнения, что слово «урочище» использовалось предками для обозначения какой-то особой энергетики, благодати земной и небесной, какую ощущал человек в конкретном географическом месте, выбираемом им для поселения.

Примечания

¹ Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера: Пространственная организация композиционные приемы, восприятие. Л., 1982; Его же. Архитектурно-пространственная организация селений западной зоны Русского Севера в XVIII–XIX вв. (по материалам натурного изучения 1958–1974 гг.). Л., 1975.

² Известия ГГИ. 1931. № 36.

³ Гоголь Н.В. Об архитектуре нынешнего времени // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 8. С. 74.

⁴ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / отв. ред. А.Л. Яншин. М., 1991.

⁵ Жутиков М. Проклятие прогресса. М., 2007. С. 54.

Святые места деревни Зехнова в фольклоре и ритуальных практиках

Сакральная география — одна из приметных особенностей культурного ландшафта Кенозерья¹. Ее изучение предполагает выявление и описание совокупности разнообразных сакральных мест (святых и нечистых), их размещения на местности, а также механизма влияния на религиозную и культурную жизнь местного населения². Традиционно они делятся на природные (нерукотворные) и культурные (рукотворные). К первым относятся священные камни, деревья и рощи (последние заметно доминируют на Кенозере: многие информанты, с которыми довелось поработать в ходе летней экспедиции МГУ в 2013 году, говорили, что раньше в каждой деревне была роща).

Наделение роц и деревьев сакральным статусом происходило на разных основаниях. Во-первых, в расчет принимались природные особенности деревьев, в частности большая высота и толщина ствола. Во-вторых, большое значение играло близкое расположение их к рукотворной святыне, которая освящала пространство вокруг себя. Таким образом происходило формирование сакральных комплексов, в состав которых входило сразу несколько культовых объектов. В-третьих, в ходе опроса местных жителей было установлено, что в прежние времена имел место обычай при захоронении не ставить на могиле крест, а сажать дерево. В результате, в местах массовых погребений со временем формировалась священная роща.

При разграничении сакральных объектов по признаку «официальный / неофициальный»³ деревья и рощи, не признаваемые церковью, попадают в ряд неофициальных культовых мест, посещение которых не приветствуется священнослужителями. Многие местные жители отдают себе отчет в том, что ритуальные практики, совершаемые ими в священных рощах, являются реликтом языческой обрядности: *«Ну вот и говорят, что тут... пересечения языческой и православной веры тут у нас, на Кенозере. Сначала язычники были, вот эти поклонения нашим рощам, нашим деревьям, камням»* (АКФ⁴. 2013. Т. 13, № 77). К группе рукотворных официальных святынь относятся кресты, часовни, церкви и монастыри (перечислены нами в порядке повышения их сакрального статуса).

Вышеназванные типы природных и культурных святых мест в разнообразных комбинациях представлены в большинстве деревень Кенозера. Показательна в этом отношении деревня Зехнова, в которой располагается несколько святынь, до сих пор почитаемых жителями селения: придорожный крест, возведенный рядом с остатками священной рощи, и часовня Иоанна Богослова

(XVIII в.). Описание каждого святого места проводилось участниками экспедиции МГУ с учетом его сложной морфологии (см. схему).

В морфологии святынь может быть выделено два слоя: материальный (включает природный локус и возведенный в нем культовый объект) и духовный (формируется ритуальными практиками, топонимами и фольклорными текстами, по совокупности составляющими «устную агиографию» святого места). При этом каждый из фольклорных жанров решает свою задачу: в поверьях формулируются и передаются от поколения к поколению нормы поведения в святом месте и правила отправления ритуальных практик (подобные тексты фиксировались нами от информантов разного возраста вне зависимости от веры в сообщаемую информацию); в нарративных текстах (легендах, преданиях, быличках, бывальщинах) сообщаются конкретные примеры последствий соблюдения или нарушения запретов и предписаний (в наших полевых материалах преобладают легенды о Божьей каре за разрушение святыни); ритуальные тексты (заговоры, молитвы), являющиеся частью обрядовых практик, направлены на установление контакта человека с потусторонним миром.

Крест и священная роща. По признаку «официальный / неофициальный» рощи, деревья и поклонные кресты занимают низшие ступени в сакральной географии Кенозерья. Абсолютное большинство данных типов святынь имело окраинное положение относительно селения и обустроивалось у дорог и на перекрестках: «И на дорогах-то ходили — тоже кресты стояли. Как там они называются? Идет вот, лахта там, заходишь в ворота от дороги, где вот дороги расходились, наверное, на рощанях ставили кресты» (АКФ. 2013. Т. 5, № 44); «У нас они как бы поклонные... у нас на рощанях. Где дороги расходятся, везде кресты были» (АКФ. 2013. Т. 10, № 119); «А у нас в доме в Зихнове <...> поклонный

крест <...> И там на росстанях, короче говоря, дорога туда, дорога сюда, и там сосна, ага... И там туда всегда везли заветы чё-то. Загадаешь, и несут этот платок, там повешают. Кто чё везил. Но в основном были платки» (АКФ. 2013. Т. 12, № 35).

Подобные места в мифологической картине мира воспринимались как трансграничные, т.е. такие, где мир людей сходится с потусторонним миром. Установление крестов с целью нейтрализации опасности переходных мест и защиты от нежелательного вмешательства сил иной реальности определило их двойственный, амбивалентный характер. К своему кресту (ил. 1) и сосне зехновцы ходят не только для того, чтобы пообщаться с Богом («Завет можно, там вот большая сосна есть, можете навязать <...> от души дают и всё... Говорят, надо вообще меньше у Бога просить. Просто надо ему больше говорить спасибо, благодарить» (АКФ. 2013. Т. 4, № 127)), но и с целью «поворожить», обратиться с просьбой о помощи к хозяину леса («Есть тут лешего просят какого-то чё <...> кладуют под корешок, примерно туда запихать со словами с этими и с гостинцами — серебрянками, гостинцами, конфетками, пряничками <...> Сначала молимся, Господа Бога просим, а потом эти палочки кладем да и просим этого <...> хозяина лесного, хозяйку лесную с малыми детушками: “Все выйдите, помогите нам из лесу выгнать” <...> Ну, просто обняла крест...» (АКФ. 2013. Т. 4, № 94)).

«Реальные» истории о помощи лешего в деле отыскания пропавшего человека или скотины неоднократно фиксировались участниками экспедиции в разных кенозерских деревнях, но наиболее красочно и детально они были рассказаны жительницей Зехнова Анной Александровной Семеновой (1928 г. р.): «Чё-то нету парня-то у меня нету долго <...> “Давай пойду-ка я как экстрасенс это применю”. Пошла я к поклонному кресту, у нас там есть под конец дороги... есть поклонный крест. Туда туристы ходят к нему <...> Ну, я и пошла. Взяла две палочки и надо сказать: “Хозяин <...> лесной, хозяйка лесная, я пришла к вам за помощью, я своего туриста в глаза не видала, а вот заблудился у нас московской художник... фотограф, нету двое суток. Что с ним в таком незнакомом лесу? Он может погибнуть. Помогите, отпустите нам его. Мы его не ругали, не проклинали, в общем, всё... <...> И вам не отдавали. Верните нам его”. Это всё прочитала, постояла у поклонна креста <...> Постояла да пошла домой. Только чаю-то попили, нам вон звонят с Вершинино женищина, у которой у нее остановились-то, говорит: “Нашелси, Анна Александровна, нашелси”, — говорит <...> [А Вы говорите, взяли две палочки. Это какие палочки?] А вот взяла вот из этих примерно вот одну дольше, другую короче. Две палочки надо рядом положить и над этим читать вот эти слова: “Хозяин лесной, хозяйка лесная, я вам своего фотографа не отдавала, он у нас тут в гостях, пошел да заблудилсы, помогите ему выйти из лесу. В незнакомом месте, не знает троп, ничё...”. Всё это читала не один... три раза надо, и потом надо взадпят, взадпят идти домой <...> [То есть вот так спиной прямо идти?] Да, да, да, да. Нашелся наш мужичок. Потом жена, она-то

в той деревне останавливалась, она там приходила, благодарила как: “Мужа-то, мужа-то у меня спасли”. В чужом ведь месте, такой лес. Вот помогло <...> Пошла, не разговаривай, если тебе кто встретился, не здоровайси, иди как бы что не знаешь ничё, никого не знашь, ходи на свое дело как вот. И вот там просить надо лес, лесового...» (АКФ. 2013. Т. 4, № 85).

С поклонными крестами исконно связывались и другие распространенные на Кенозере заветные ритуальные практики, построенные по модели обмена⁵. И сегодня, попав в кризисную жизненную ситуацию (болезнь, пропажа и др.), зехновцы несут к кресту или в часовню «заветы» — платки, чулки, платья, рубашки, полотенца и др.: «Мы так положим, да помолимся, да... сами. Кто платок, кто чего. Кто какой-нито материал, лоскуток, вышьет крестик да» (АКФ. 2013. Т. 10, № 160); «Я говорю, раньше как, я помню, как раньше, это просто вот люди болели, платочек вешаешь, а тебе здоровье возвращается» (АКФ. 2013. Т. 8, № 187); «У кого ноги болят, тот чулки ложит, тапочки, кто платочек, у кого голова...» (АКФ. 2013. Т. 8, № 205). По неписанному закону, нельзя присваивать чужие заветы: в противном случае человек может жестоко поплатиться за содеянное: «Мы пацанами бегали, дураками. Эх, пацанье, пацанье! У нас портянки порвались, мы свои портянки бросили, с креста взяли <...> И обули ноги. Зондили — все ноги в дырки. Я матери рассказал, она говорит: “Иди брось! Где взял, туда и положи”. И у меня за неделю всё заросло, как будто ничего не было. Ну, нельзя просто, нельзя с креста снимать» (АКФ. 2013. Т. 8, № 186). Суровая кара ждет и за разрушение святыни: «...в дату Великой Отечественной обшивку сняли с креста... [А чё сняли-то?] Доски надо было, этот навоз вывезить да всё. Как погрузят этот, лошадей запрут так, через неделю, через две лошади гибли. [Потому что с креста сняли?] Да. Нельзя. Навоз вывозили, если даже» (АКФ. 2013. Т. 4, № 132).

Окраинное местоположение поклонного креста (при входе в селение или выходе из него), по-видимому, определило обычай прощания с ним в случае, если человек надолго удалялся за пределы деревни: «Бывало всё оттуда и в армию <...> поклонятся, перекрестят» (АКФ. 2013. Т. 4, № 108); «А раньше на покосы ходили — молились» (АКФ. 2013. Т. 11, № 117).

В настоящее время поклонный крест и сосна утратили свое бывшее высокое положение в системе местной сакральной географии, переадресовав ряд функций (в том числе обетных) часовне Иоанна Богослова (ил. 2).

Главная причина этого кроется в том, что нынешний крест заменил прежний «намоленный» (хранится в музее «Рухлядный амбар» Кенозерского национального парка) и рассматривается как временный: «...тот поклонный крест был обшит, типа часовенки маленькой. Туда вешали платины всяки, у кого какой завет <...> Никита Максимович зацепил его трактором. Он с возом сена ехал. Трактор большой. Зацепил и сбил с места <...> И потом он сделал этот крест, поставил <...> Хотели сделать, как раньше был. А материала пожалели. А это так, вре-

менный <крест>» (АКФ. 2013. Т. 3, № 19); «...это не крест, это, по-русски сказать, туфта... Поклонный крест раньше был это семь с половиной метров от основания до верхов <...> три венца, сруб был на камнях, там камни остались, три венца... Потом стойки стояли, пол был, он посередине стоял, крыша была, потолок был, крыша была и еще... сверху еще крест стоял» (АКФ. 2013. Т. 4, № 131).

Часовня Иоанна Богослова. Часовни по праву считаются «визитной карточкой» сакральной географии Кенозерья. Приходские церкви были немногочисленными и находились в отдалении от большинства кенозерских деревень, необходимость же в совершении христианских религиозных практик остро ощущалась местным населением. В итоге по численности и популярности церковные приходы уступили место часовенным. Одна из самых красивых кенозерских часовен, украшенная «небесами», находится в деревне Зехнова и освящена в честь Иоанна Богослова (соответственно местные престольные праздники — весенний и осенний Богословы: 21 мая и 9 октября). Она располагается на возвышенном месте и является культурной доминантой деревенского сакрального ландшафта (ил. 3–4).

Согласно местной легенде, Иоанн Богослов был любимым учеником Иисуса Христа: «Сто три года жил. Всех эти... все апостолы, все погибли трагически все: кто вниз головой распят был, кто там, кто с колокольни сброшен. Его и жели и в масле раскаленном. Он его любил, Иисус Христос, он был самым любимым у него, и он его... Он, ну, своей смертью умер» (АКФ. 2014. Т. 4, № 128).

Святой и освященная в его честь часовня считаются защитниками и покровителями селения, уберегающими его жителей от пожаров и прочих напастей: «Наверное, у нас он покровитель хороший. Все вот в деревнях-то горели, все деревни горели, одна Зихнова-то тута не горела никогда» (АКФ. 2013. Т. 4, № 126); «Вот наша часовенка, сколько пожаров не было по всем деревням, она нас охраняет <...> Здесь бросали бомбы, в Спицыне две бомбы <...> упало во время войны <...> В деревню ни одна не попала. Говорят, там Иван Богослов охраняет» (АКФ. 2013. Т. 8, № 187).

По поверьям, Иоанн Богослов является покровителем брака и семьи, поэтому после регистрации некоторые супружеские пары приезжают сюда, чтобы помолиться святому: «Свадьбу делали в Вершинино, играли, а приезжали, я окошко открыла, какой народ-то, в свадебных нарядах идет. Оказывается, теплоход привез свадьбу. Ну, что ж, пришлось по своей вере перекрестить да прочитать молитву. Говорит: “Мы это с той идем сюда, что ваша часовенка Иван Богослов — покровитель семьи и брака. Вот нам рекомендовали сюда”. Ну что, дак я чего только тут и не поделаю. Мне покою-то нет, девушки» (АКФ. 2013. Т. 4, № 126).

Из традиционных обрядовых практик, совершаемых в часовне, кроме заветных следует отметить егорьевские и метеорологические: «А весной вот, около часовни, кропили коней и выгоняли в лес, на отдых до пашни» (АКФ. 2013. Т. 8,

№ 182); «Тут мы ходим с крестным ходом» (АКФ. 2013. Т. 4, № 82); «Вот с таким крестом и ходили. [А зачем?] Раньше так ходили. Грозы отмести, грозы <...> Даки они какой-то год 21 мая ходили, я не ходила в прошлый, я только в этот <год>. И в день Победы я не ходила. Вот раза три обойдем... Надо сначала помолиться там в часовне» (АКФ. 2013. Т. 11, № 122).

Макарьевская Хергозерская пустынь. В иерархии святых мест монастыри занимают верхнюю ступень и считаются самой «сильной», авторитетной святыней. В Кенозерье в качестве таковой выступала Макарьевская Хергозерская пустынь (XVII в.), или Макарий, дальний Макарий, как его называют местные жители. Туда ходили, если ближние святыни не помогали. От деревни Вершинино идти нужно было около 17 километров, а придя, оползая озеро на коленях, прося помощи и защиты: «Я помню, это самое, бабушка рассказывала. Дядя Ваня ходил, когда после войны пришел, это самое, погорел, дак, говорят, это самое, у Макария вокруг монастыря на коленях обошел озеро» (АКФ. 2013. Т. 10, № 139). И хотя территориально Макарьевский скит находится далеко за пределами Зехнова, он должен быть включен в систему ее сакральной географии как значимое в ритуальном и культурном отношении святое место.

Примечания

¹ Мелютина М.Н. Священный хронотоп культурного ландшафта Русского Севера: дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2011.

² Терехихин Н.М. Сакральная география Русского Севера: Религиозно-мифологическое пространство северно-русской культуры. Архангельск: ПГУ, 1993; Мороз А.Б. «Святые места» в традиционной культуре. Конструирование сакрального пространства // V Международная Крымская конференция по религиоведению. Культурные памятники в Мировой культуре: Археологический, исторический и философский аспекты: тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2003; Терехихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: Поморский ун-т, 2004; Иванова А.А., Калуцков В.Н., Фадеева Л.В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (Материалы и комментарии). М.: ОГИ, 2009; и др.

³ Подробнее о типологии святых мест см.: Культурный ландшафт Русского Севера / В.Н. Калуцков и др. М.: Изд-во ФМБК, 1998.

⁴ Здесь и далее: АКФ — Архив кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ, год записи, номер тетради и текста в ней.

⁵ Подробнее о ритуальном обмене см.: Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 345–355.

Граница между природными странами Фенноскандия и Русская равнина на территории Кенозерского национально парка

115 лет назад член-корреспондент Российской академии наук финляндский геолог Вильгельм Рамсей, значительную часть своей жизни посвятивший изучению природы Северной Европы, в том числе Кольского полуострова и Карелии, ввел в научный мир термин «Фенноскандия»¹. Это название он присвоил «особому» региону на Европейском субконтиненте по преобладающему историческому расселению на его территории скандинавских и финно-угорских племен в Норвегии, Швеции, Финляндии и западных частях бывших Архангельской и Олонецкой губерний Российской империи.

Преобладающая часть границы Фенноскандии с другими природными странами Европы (ил. 1) проходит по Белому, Баренцеву, Норвежскому, Северному и Балтийскому морям. Протяженность морского контура составляет около 83% от общей длины границы (около 6240 км), а остальные 17% (1085 км) приходятся на континентальную часть территории России².

В данной статье на основе полученных новых достоверных данных по географии, геологии, геоморфологии и гидрографии района Кенозерского национального парка обосновывается географическое положение природной границы между Фенноскандией и Русской равниной на участке между Онежским озером в Карелии и Кенозером в Архангельской области по гидрографическому принципу.

Применяемые принципы выделения границы и краткая история ее исследования. Для Фенноскандии характерными являются выходы на поверхность кристаллических образований докембрия Фенноскандинавского щита (см. ил. 1), поэтому некоторые исследователи³ предлагали «геологический тип» границы между природными странами совместить с контактом вендфанерозойских отложений Восточно-Европейской платформы (ВЕП) и кристаллических пород Балтийского (Фенноскандинавского) щита. Однако последующие геологосъемочные и геологоразведочные (в том числе буровые) работы показали, что этот контакт имеет сложный рисунок. Он обычно перекрыт мощными (до 100 м) четвертичными рыхлыми водноледниковыми осадками и не фиксируется на современной поверхности, что отчетливо отражено на геологических картах масштаба 1: 200 000 Карельской и Плесецкой геологических экспедиций ПГО, соответственно, «Севзапгеология» и «Архангельскгеология». Наиболее представительными из них являются территория Кенозерья и район нижнего течения реки Онеги (ил. 2), где граница кристаллических пород докембрийского фунда-

мента (AR) и вендфанерозойских (V, D, C,) терригенно-карбонатных образований ВЕП на местности не наблюдается. Ее обнаружение и маркировка возможны только при проведении большого объема дорогостоящих буровых работ, поэтому она не может служить определяющим фактором рубежа природной страны, но вполне пригодна как индикатор при выделении зоны перехода между щитом и плитой.

Поиски надежных маркирующих признаков природной границы Фенноскандии⁴ привели к использованию административной границы Республики Карелия с Вологодской и Архангельской областями, которая приблизительно приурочена к водоразделам бассейна Водлы с бассейнами Андомы и Онеги и «промаркирована» пограничными лесными просеками. Однако введение двух типов границы (гидрографического и орографического) для одной природной страны, по-видимому, можно рассматривать лишь как временное явление.

Как уже отмечалось выше, на территории Фенноскандии, кроме ее восточной части, при выделении границы был применен гидрографический принцип, хотя это специально не оговаривалось. Попытка использовать гидрографический принцип на востоке Фенноскандии на Андомской возвышенности в нескольких километрах к юго-западу от Кенозерского национального парка в свое время не увенчалась успехом из-за наличия там бессточных озер⁵, но также не был изучен и ключевой участок границы в самом национальном парке.

Новые данные о ключевом отрезке границы двух природных стран. Полевые исследования на территории Кенозерского национального парка в 2013 году позволили исследовать на местности часть ранее предполагаемой природной границы между Фенноскандией и Русской равниной на участке, который удовлетворял следующим трем условиям:

1. Наименьшее расстояние в его пределах между водными объектами, принадлежащими разным океаническим водосборным бассейнам (Атлантика и Арктика).
2. Расположение его в зоне перехода от кристаллического фундамента щита к плитной части ВЕП.
3. Доступность исследований и посещения для широкого круга любителей природы, студентов и школьников.

В результате предварительного анализа современных материалов по топографии, гидрографии, аэрокосмических и спутниковых съемок, геологических работ Карельской и Плесецкой экспедиций и других сведений о природе Кенозерского национального парка в зоне перехода от щита к плите было выделено 6 особых участков водораздела Атлантика — Арктика, где наиболее сближены пары сточных озер, *расположенных на разных сторонах от водораздельной линии.*

Замеры расстояний между парами этих водных объектов показали следующие величины (с севера на юг):

-
-
- 1) р. Черева в д. Заволочье — оз. Волоцкое (бывший Кенский волок) — 4,5 км⁶;
 - 2) оз. Святозеро — оз. Муйозеро (бывший Кумбасозерский волок) — 2 км;
 - 3) оз. Чашкозеро — оз. Долгое (у д. Татарская Гора) — 1 км;
 - 4) оз. Желгозеро — оз. Новгозеро (у д. Думино) — 2,5 км;
 - 5) оз. Масельгское — оз. Вильно (у д. Масельга) — 0,08 км;
 - 6) оз. Саргозеро — оз. Лекшмозеро (у д. Морщихинская) — 1,5 км.

Наименьшая ширина (около 80 м) водораздела отмечена на пятом участке, который расположен на Масельгской озовой гряде длиной более 5 км и высотой от 3 до 10 м, что в 4,5 км к северу от деревни Морщихинской Каргопольского района Архангельской области. Именно он был избран для дальнейшего изучения, т.к. удовлетворяет вышеуказанным условиям, и здесь же прослежены водотоки от пограничных озер: Вильно на восток (Арктический водоток) и Масельгское на запад (Атлантический водоток) (ил. 3).

Арктический водоток включает озеро Вильно, реку Виленку с озером Черным, реку Порженку с озерами Порженским, Большим и Ведягинским. Общая длина водотока на данном отрезке — 30 км.

Долина Порженки в нижнем течении по степени обнаженности — наиболее привлекательный объект для геологических исследований, т.к. здесь на отрезке от 3 до 5 км южнее деревни Ведягино (оз. Кенозеро) с перерывами прекрасно обнажены породы нижнего карбона, которые отмечались и ранее⁷. В долине реки наблюдаются выходы известняков и доломитов светло-серого, иногда желтоватого цвета с редкими прослоями до 5–10 см красноватых и зеленоватых глин, линз серых и черных кремней. Залегание пород близко к горизонтальному с преобладающим падением слоистости в южном направлении 2–5°. Местами вблизи разломов субмеридионального направления отмечаются деформация слоев, их расщепление и дробление. Фауна хорошей сохранности встречается редко. Впервые для рассматриваемого участка нами найдены колонии кораллов *Chaetetes radians* Fish. (ил. 4) размерами до 35 см в длину и 25 см в ширину. Они являются руководящими для нижнего отдела нижнего карбона.

Ландшафт долины и русла реки с обрывистыми скалистыми берегами высотой до 20 м обусловлен в основном неотектоническими движениями, которые, очевидно, проявлялись по зонам разломов в кристаллическом фундаменте Кенозерского национального парка. В этом случае субмеридиональная система рек Порженка и Виленка рассматривается как отражение этой блоковой тектоники. К ней приурочена граница Фенноскандии и Русской равнины, которая далее в северо-восточном направлении проводится по акватории Кенозера по намечающимся разломам субмеридионального направления: Ведягино — западнее деревни Семеново — между островов Овечьего и Мамонова — Виловатого и Межного — севернее островов Пельчаг, Путние, Березовец — исток реки Кены (см. ил. 2–3). Вблизи острова Межного (на глубине 120 м) под рыхлы-

ми четвертичными образованиями скважины зафиксировали докембрийские кристаллические породы⁸ (см. ил. 2, разрез).

Атлантический водоток включает систему 5 озер (с востока на запад: Масельгское — Пожихерье — Вендозеро — Торосозеро — Левусозеро), ручей Кулгом⁹ (с действующей старинной водяной мельницей), озеро Кулгомозеро (на границе с Республикой Карелия), систему мелких озер и малых рек (Верхняя Корба, Корба, озеро Салмозеро и др.), реку Пизьму и нижнее течение реки Водлы до Онежского озера. Пройденные нами водные маршруты подтвердили наличие протоков между указанными озерами. Общая длина водотока на данном отрезке составляет 171 км.

Уникальная точка «МАСЕЛЬГА». Географическая точка «МАСЕЛЬГА» (N 61°48'45'' и E 38°03'30''), получившая свое имя от одноименной деревни¹⁰, расположенной в 2 км севернее (ил. 5). Визуально она находится на границе двух водосборных бассейнов: Атлантики и Арктики, и одновременно принадлежит границе двух природных стран: Фенноскандии и Русской равнины. Отсюда виден исток реки Виленки (Арктический водоток) и остров Большой в Масельгском озере (Атлантический водоток). Максимальная высота в точке «МАСЕЛЬГА» составляет около 170 м над уровнем моря, и именно здесь нами определяется пересечение двух уникальных границ: водораздела Атлантики и Арктики и водного рубежа между Фенноскандией и Русской равниной. Подобных аналогов этому географическому феномену в других частях Европы и мира нам в настоящее время неизвестно. По своему статусу она сопоставима с такими географическими объектами мирового уровня, как «Центр Азии» в городе Кызыле (Республика Тыва) или «Граница Европы и Азии» в городе Первоуральске (Свердловская обл.), в которых установлены соответствующие обелиски¹¹. Географическая уникальность данного объекта заключается также в том, что это крайняя восточная точка водосборного Атлантического бассейна в Северной Европе.

Итак, можно подвести следующие итоги:

1. Дано обоснование нового положения естественной границы природных стран Фенноскандия и Русская равнина на отрезке оз. Онежское (Карелия) — оз. Кенозеро (Архангельская обл.) на основе новых (или ранее недостаточно проверенных) данных по географии, геологии и гидрографии Кенозерского национального парка. При использовании гидрографического принципа выделения границы она проводится по линиям главных водотоков региона: Атлантического (оз. Масельгское — оз. Онежское) и Арктического (оз. Вильно — оз. Кенозеро), истоки которых разделяются озовой грядой незначительной (80 м) ширины.
2. Водотоки контролируются единой кайнозойской «желобообразной» геологической структурой (предщитовой прогиб), окаймляющей на юго-востоке Фенноскандинавский щит. Эта структура сформировалась в основном под

влиянием Скандинавского ледника (особенно в эпоху его деградации) и последовавшего подъема щита.

3. Выявлена уникальная точка «Масельга», расположенная в 4,5 км севернее озера Лекшмозеро, где сочленяются четыре крупных природных региона Евразии: Русская равнина, Фенноскандия, Арктика и Атлантика. Рекомендуется установить там оригинальный обелиск «Масельга» и соответствующим образом обустроить прилегающую территорию (ил. 6). Тогда Масельга перестанет быть тем местом, о котором говорят, что деревня «жила-была», а будет жить и дальше, жить по-новому.

Примечания

¹ Ramsay W. *Über die geologische Entwicklung der Halbinsel Kola in der Quartarzeit* // *Fennia*. 1898. № 16.

² Sederholm J.J. *On the Geology of Fennoscandia with Special Reference to the Pre-Cambrian, Explanatory Notes to Accompany a general Geological Map of Fennoscandia* // *Bull. Comm. Geol. Finlande*. 1932. № 98; Ерамов Р.В. Фенноскандия // *Большая советская энциклопедия*. М., 1977. Т. 27; Куликов В.С. Где юго-восточная граница Фенноскандии? // *Доклады АН СССР*. 1997. Т. 356, № 4. С. 545–547; *Geological map of the Fennoscandian shield*. 1: 2 000 000. Helsinki, 2001; *Иллюстрированный атлас России*. М., 2005; Зона сочленения Скандинавского щита и Русской плиты — возможный коллектор месторождений полезных ископаемых / В.С. Куликов, В.В. Куликова, А.И. Зудин, П.В. Икконен // *Геология и стратегические полезные ископаемые Кольского региона: Труды IX Всероссийской (с международным участием) Ферсмановской научной сессии, посвященной 60-летию Геологического института КНЦ РАН*. М., 2012. С. 174–178; и др.

³ Ramsay W. *Op. cit.*; Sederholm J.J. *Op. cit.*; Полканов А.А. Краткий очерк дочетвертичной геологии наиболее восточной части Фенноскандии — Карелии и Кольского полуострова // *Ученые записки ЛГУ*. 1939. № 49; и др.

⁴ Kulikov V.S. Where is the southeastern boundary of Fennoscandia? // *Bull. Geol. Soc. Finland* 67. 1995. Part II. P. 73–75; Куликов В.С. *Указ. соч.* С. 545–547.

⁵ Великий Андомский водораздел / под ред. В.С. Куликова. Петрозаводск, 2000.

⁶ Тормосов Д.В. Водораздельный ландшафт как историко-географическая составляющая территории Каргополья // *Кенозерские чтения-2011. Человек и среда: гармония и противоречия: сб. материалов V Международной научно-практической конференции* / сост. М.Н. Мелютин, отв. ред. Е.Ф. Шатковская. Северодвинск, 2012. С. 215–226.

⁷ Бархатова В.П. К геологии бассейнов юго-восточного побережья Онежского озера и верховьев р. Онеги. М.; Л., 1941; Зудин А.И. Геологическое строение территории Кенозерского национального парка // *Кенозерские чтения-2011. Человек и среда: гармония и противоречия: сб. материалов V Международной*

научно-практической конференции / сост. М.Н. Мелютин, отв. ред. Е.Ф. Шатковская. Северодвинск, 2012. С. 95–100, 357; и др.

⁸ Зудин А.И. Указ. соч.

⁹ По устному сообщению И. Муллонен (2014 г.): «Топоним Кулгом (или Кулгома) входит в ряд речных наименований, оформленных формантом *-ма*. Исследования субстратной топонимии Русского Севера свидетельствуют о том, что он, как правило, присоединяется к основе, имеющей довепские и докарельские корни. В данном случае можно предполагать саамскую этимологию, ср. саамское *кулк-* или *кулг-*, имеющее значение 'течь, струиться'. Видимо, название закрепилось вначале за озером (сейчас Кулгомозеро, но первоначально могло быть Кулгозеро), через которое река протекает, т.е. 'проточное озеро'. Затем название могло перейти на реку, впадающую в озеро, и оформиться "речным" суффиксом *-ма*. На следующем этапе уже речное наименование *Кулгома* внесло коррективы в звучание озерного и появилось Кулгомозеро».

¹⁰ Жила-была Масельга / Н. Смолко, С. Бодухина, Л. Блюмина и др. М., 2011.

¹¹ Иллюстрированный атлас России. М., 2005.

**Исторические памятники Кенозерского национального парка
и некоторых особо охраняемых
природных территорий Карело-Кольского региона
как отражение влияния циклической активности Солнца
и тектоно-физико-химических свойств земной коры
на восприятие человеком природы**

Исторические культовые памятники принадлежат культурным ландшафтам, которые в документах ЮНЕСКО понимаются как результат совместного творчества человека и природы (combined works of nature and of man)¹. Человек, являясь представителем одновременно био-, ноо- и инфосфер планеты, резонансно, хотя и подсознательно, зависит в своих действиях от планетарных процессов, подчиняющихся динамике Солнца. Опосредованно это обнаруживается в культурном наследии предков — сказах, легендах, песнях, былинах и зодчестве в виде культовых построек и сооружений².

Анализ разнообразной территории Карело-Кольского региона показал высокую плотность культовых объектов, местоположение которых совпадает как со стремлением человека жить вблизи жизненно важных водоемов, так и, на первый взгляд, с необъяснимой приуроченностью его местообитания к геолого-тектоническим зонам, развивающимся в течение более 3 млрд. лет и относительно активным до настоящего времени.

Солнечная активность — совокупность повышенной энергии Солнца в виде извержения плазмы, многочисленных пятен, протуберанцев, обусловленной нестационарными динамическими явлениями (вспышки, всплывающие магнитные потоки) в солнечной атмосфере³ с переменным периодом — циклом в 11,2–11,8 года. Структура цикла определяется стадиями роста пятен (от минимума до максимума) — 4,6 года и их спада (от минимума до максимума) — 6,7 года. В 2013 году Солнце находилось на пике активности, что обусловило значительные максимумы изменения всех видов излучения (радиоизлучение, корпускулярное, ультрафиолетовое), а также нестабильность в обществе, магнитные бури, тектоническую активность, особенно в пределах низких широт, извержения вулканов⁴.

Для социумов наблюдается определенная сопряженность событий как негативных (войны и конфликты между государствами, отдельными группами населения, революции, бунты и т.д.), так и позитивных, память о которых сохраняется в следах человеческой деятельности (открытия природных явлений, продуктивные путешествия, значимые события в материальной и художественной культуре и т.д.) и природных катаклизмов⁵. Чаше они приурочены к времен-

ному диапазону относительно максимума активности (± 3 года): дестабилизация общества, завершение конфликтов обычно на фоне геологических катастроф — землетрясений в определенных тектонических зонах, извержений вулканов, а также появления комет, падения метеоритов и т.д.

До начала XX века техногенное влияние на психику как отдельных личностей — лидеров, так и больших групп населения было незначительным. Это способствовало вполне объективному восприятию ими комплексной картины окружающего мира в динамике его развития. Возможно, «чистота опыта» при отсутствии информационного шума, позволяла человеку чутко прислушиваться к «дыханию» природы. Эти связи особенно ярко отражены в истории Древнего Рима, где все события практически на 90% увязываются с солнечной активностью⁶. Другими примерами могут служить «волны пассионарности» этносов Л.Н. Гумилева; «экономические» циклы (длинные волны) Н.Д. Кондратьева, состоящие из 8–12-летних классических (промышленные или циклы Жюглара, а также циклы К. Маркса и др.): спад — стагнация — оживление — подъем — пик — спад и т.д.⁷

Особое внимание следует уделить времени появления культовых объектов как главной составляющей в зарождении и развитии культурного ландшафта в Карело-Кольском регионе на фоне геологических процессов, происходивших под влиянием солнечной активности. В целом они расположены в пределах так называемых мезоархейских зеленокаменных поясов (ил. 1), образующих своеобразную связывающую их основу — «сетку». На иллюстрации 1 обозначены: *А* — сейды на горе Нуорунен; *Б* — икона из Соловецкого монастыря, основанного в 1436 (?) (1437)⁸ году Зосимой (1398–†1478), Савватием (†1436) и Германом (†1479)⁹; *В* — герои Калевалы; *Г* — Крестный Ставрос-Кийостровский мужской монастырь, основанный патриархом Никоном (г.р. 1605) в 1656 году (1653)¹⁰; *Д* — Кожозерский Богоявленский монастырь, основанный в 1560 (1557) году монахами Нифонтом и Серапионом¹¹; *Е* — Свято-Троицкий Клеменецкий монастырь, основанный в 1520 г. (1521)¹²; *Ж* — храмы г. Петрозаводска (1. Кафедральный собор Олонецкой и Петрозаводской епархии задуман в 1785 г. Екатериной II (1785), начато строительство — 1860 г., закрыт — 1930 (1929)¹³. 2. Горнозаводская Александро-Невская церковь — 1825 (1821) — 1831 (1832) и 1929 г. — закрыта¹⁴. 3. 1898 — закладка фундамента постоянной римско-католической каплицы и освещение 1-го в Петрозаводске католического костела — 1904 (1905) — освящен¹⁵. 4. Лютеранская церковь Святого духа — 1952 (1953)¹⁶. 3 — Валаамский монастырь основан ранее даты обретения (1163 г.) (1161) и возвращения (1182) (1185) мощей Сергия и Германа на Валаам¹⁷. *И* — церковь Преображения Господня в Кижях — 1714 (1713), 1966 (1965) — создан музей¹⁸. *К* — следы Даниловского мужского монастыря (Выговская пустынь — 1695 г. и женского — 1705 г. (1701), 1855 г. — закрыт (1857)¹⁹. *Л* — Муромский монастырь — 1390(?) — (1389)²⁰; Ильинский погост — 1798 (!?) (1797)²¹. *Врезка* — Корнилие-Палеостровский монастырь — XV в. (?), основанный преподобным Корнилием (†1420) (1425)²².

Здесь и далее рассчитанные пики солнечной активности выделены жирным шрифтом.

Храмы, часовни, поклонные кресты и т.д. обычно наследуют территории древних капищ и захоронений. В большинстве случаев документально время их закладки не зафиксировано. Объединяющими для как будто случайных и разрозненных культовых памятников остаются писцовые книги, грамоты, летописи и прочие письменные свидетельства, но и в них встречаются неточности и некорректные исправления. Легенды, былины, сказы, созданные предками, несут часто не привязанную ко времени информацию о событиях и явлениях, но в них отмечается сохраняющаяся в памяти людей ранжированность (разномасштабность) легендарных личностей. Например, Никон, изменивший структуру вероисповедания Руси (ил. 2–1); Диодор Юрьегорский, своим присутствием духовно объединивший территории современных Кенозерского (КНП) и Водлозерского (ВНП) национальных парков (ил. 2–2); Корнилий, основавший Корнилие-Палеостровский монастырь как место исхода Зосимы Соловецкого и многими нитями объединивший верующих (ил. 2–3).

Многие даты жизни этих легендарных личностей связаны с космическими явлениями (ниже в скобках жирным шрифтом указаны года, когда наблюдалось прохождение комет, рождались сверхновые звезды, появлялись пятна на Солнце, происходили солнечные и лунные затмения, случались землетрясения)²³.

Патриарх Никон родился в 1605 году (**1605**), детство и юность провел в монастырях. В 1639 или 1641 году (**1641**) покинул скит в Соловецком монастыре и в 1643 году стал игуменом Кожозерского монастыря. В 1652 году (1653) Никон был возведен в сан Патриарха всея Руси. В 1656 году²⁴ основал Кийостровский монастырь. В 1666 году (**1665**) Никон лишается патриаршего сана, а в 1676 году (**1677**) его ссылают в Кирилло-Белозерский монастырь (†1681). Как видим, судьба Никона как неординарной личности практически полностью контролируется солнечной активностью.

О Диодоре Юрьегорском информации сохранилось мало. Предполагается, что он родился между 1586 и 1588 годами (**1593**), пострижение в монахи произошло в период 1605–1607 годов (**1605**). Соловки он оставил не позже 1619 года (**1617**), а между 1627 и 1631 годами (**1629**) основал Юрьегорскую обитель²⁵ († 1633).

О преподобном Корнилие Палеостровском сведений, кроме легенды, повествующей о нем как о валаамском монахе, основавшем Рождественский монастырь в 1391 году (**1389**), нет.

Такое природное явление, как землетрясение наиболее доступно для восприятия и отражено в легендах, летописях, народных эпосах. Например, в рунах «Калевалы» рассказано о сейсмических событиях неопределенного времени в Северной Карелии. «Используя выдержки из текста, можно попытаться, с некоторой долей условности, по каждому из приведенных признаков оценить интенсивность сотрясений: "Всколыхнулись озера" — ≥ 4 –5 баллов, "горы медные дрожали" — ≥ 5 баллов, "камни трещали" — ≥ 6 баллов, "скала свалилась" —

≥5–6 баллов, "раздроблялися утесы" — ≥7–8 баллов»²⁶. Задokumentированные сейсмические события (ил. 3) отражены в истории культовых объектов.

В Южной Карелии в памяти предков сохранилось крупное землетрясение на Юрьевой горе у озера, где Диодор Юрьегорский²⁷, построив в 1616–1617 годах (1617) келью, а в 1626 году (1629) — Юрьегорскую Троицкую обитель, принялся за храм «во имя Живоначальной» на месте языческого капища. Возможно, это было космическое явление, поскольку под ногами закачалась земля, шум увеличивался, крики стали раздаваться из озера, затем из леса, который стал с шумом ломаться, и, наконец, все затихло. В том же году землетрясение в Италии унесло 70 тыс. жизней. В 1627 году произошло 8-балльное землетрясение в Белом море (см. ил. 3).

Событие на Юрьевой горе привлекательно возможностью интерполяции космического воздействия на другие объекты. Например, Рождественский Палеостровский монастырь в 1616 году (1617) был razoren, в 1687 году (1689) в нем происходит массовое самосожжение старообрядцев, а в 1764 году (1761) монастырь оказывается и вовсе выведен за штат²⁸.

В географическом и геологическом плане он находится в центре Заонежья, «ядре» (мишени) астроблемы Онего дискуссионного возраста, где нами установлены микрочастицы (микроосколки) минералов из метеоритов²⁹ (ил. 4). Время образования астроблемы неизвестно, но по обилию и плотности культовых объектов она не знает себе равных. Согласно В. Карсакову, на Толвуйском погосте в XVII веке стояли деревянные церкви: Георгиевская, Троицкая и Никольская³⁰. На месте Георгиевской церкви в 1869 году построена каменная. В Челмужах на восточном берегу Онежского озера — деревянная церковь Петра и Павла (1605). О церквях Кижского погоста написано в писцовой книге 1496 года (1497).

Вблизи границ Карелии, Вологодской и Архангельской областей известно множество памятников деревянного зодчества (ил. 5, слева), но кажущееся их равномерное распределение здесь контролируется структурой теплового поля, и большинство культовых объектов приурочено к «границе двух сред» (желтые линии) (ил. 5, справа).

Кенозерский национальный парк является средоточием природных и исторических особенностей, связующим звеном на этой территории в цепи духовных исканий и решений предыдущих поколений на фоне природных явлений. Через него проходит часть границы двух природных стран: Фенноскандии и Русской равнины³¹, которая подчеркивается геолого-геофизическими параметрами³², а культовые объекты располагаются в непосредственной близости от нее (ил. 6).

Хотя из 61 памятника по списку, приведенному на неофициальном сайте Кенозерского национального парка³³, данные по времени заложения есть только у 18, все они построены в годы максимальной солнечной активности или близки к ним: 1630 год (1629) — Хергозерская мужская пустынь в деревне Макарьевской; 1700–1783 годы (1701 и 1785) — храмовый ансамбль Почезерского погоста и церковь Происхождения Честных Древ Христовых в составе Почезерского по-

госта в деревне Филипповской; 1782 год (1785) — церковь Св. Георгия в деревне Федоровской; 1829 год (1821) — церковь Св. Петра и Павла в деревне Морщихинской; после 1842 года (1845) — церковь Успения Богородицы в деревне Вершинино (д. Погост); 1871 год (1869) — церковь Александра Свирского в деревне Масельга; 1873 год (1869) — церковь Св. Живоначальной Троицы в Макарьевской пустыни; 1895 год (1893) — церковь Св. Георгия Победоносца в деревне Казариновской; 1911 год (1905) — церковь Ильи Пророка в деревне Ведягино. Часовни: 1790 год (1785) — Тихвинской Богородицы в деревне Орлово; 1801 год (1797) — Введения Богородицы в деревне Рыжково; 1803 год (1797) — Иоанна Предтечи в деревне Горбачихе; 1804 год (1797) — Пречистой Богородицы деревне Тамбич-Лахте; 1790 год (1797) — Тихвинской иконы Божией Матери в деревне Хвалинской Каргопольского района; 1863 год (1869) — Николая Угодника в деревне Горбачихе; 1880-е годы (1881) — Бессеребренников Космы и Дамиана в деревне Чёлма Плесецкого района; 2003 год (2001) — Богородицы Целительницы в деревне Морщихинской; 2003 год (2001) — Св. Александра Невского в деревне Мызе (или Суетин остров); 2010 год (2013) — Тихвинская в Святой роще в деревне Вершинино (д. Шишкина).

Наиболее ранним для юга территории является Валаамский монастырь, расположенный вблизи тектонически активной усредненной границы — «флексуры Полканова» — природных стран Фенноскандии и Русской равнины (см. ил. 5 и 6). Время основания, заложения или капитальной перестройки поздних относительно него культовых построек близко и к границе, и к пикам солнечной активности. В XVIII веке возникновение этих объектов было наиболее частым, поскольку им принадлежала и просветительская роль, но по мере развития научных знаний они уступили свои позиции и постепенно стали уходить со сцены. По данным общественного движения «Архнадзор», в Архангельской области уже исчезла часть «солнечных» объектов XVII–XVIII веков³⁴. Утрачивая это наследство, общество обедняет свою историю и теряет себя в ней.

Примечания

¹ Определение формата культурного ландшафта (как составная часть работы по формированию Российской сети культурного наследия) / Ю.А. Веденин и др. URL: <http://www.future.museum.ru/part03/030203.htm>

² История Земли в галактических и солнечных циклах / В.В. Куликова, В.С. Куликов, Я.В. Бычкова, А.Ю. Бычков. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005; и др.

³ URL: http://www.kosmofizika.ru/spravka/s_akt.htm; и др.

⁴ URL: <http://www.astronet.ru/db/msg/1224916>.

⁵ История Земли...

⁶ Там же.

⁷ URL: <http://www.be5.biz/ekonomika/e013/92.htm>; <http://www.grandars.ru/student/ekonomicheskaya-teoriya/teorii-ekonomicheskikh-ciklov.html>

⁸ URL: <http://www.panasia.ru/main/oth/rusmonastery/solovky/2.html>

-
-
- ⁹ URL: <http://drevo-info.ru/articles/1427.html>
- ¹⁰ URL: http://www.srcc.msu.su/bib_roc/jmp/02/11-02/08.htm; http://dic.academic.ru/dic.nsf/russian_history
- ¹¹ URL: <http://sobory.ru/article/?object=20875>
- ¹² URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-7/277.html>; <http://eparhia.karelia.ru/0606.htm>
- ¹³ URL: <http://tiina.livejournal.com/2621493.html>; <http://adamovka.ru/sobor/?id=77>
- ¹⁴ URL: http://www.gov.karelia.ru/gov/Power/Archives/sobor_alnev.html
- ¹⁵ URL: <http://archives.karelia.ru/projects/mosaic/viewdoc.phtml?lng=&id=1180>
- ¹⁶ URL: <http://www.gov.karelia.ru/Different/Religion/holyspirit.html>
- ¹⁷ URL: <http://valaam.ru/ru/history/399>
- ¹⁸ URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
- ¹⁹ URL: http://gatchina3000.ru/big/023/23880_brockhaus-efron.htm
- ²⁰ URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
- ²¹ URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
- ²² URL: <http://krotov.info/acts/15/2/paleostr.htm>; <http://eparhia.karelia.ru/paleos.htm>; http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_7191; <http://paleostrov.ru>
- ²³ История Земли...
- ²⁴ URL: <http://www.ferapontovo.ru/objects/mainbrowser-596.pdf>
- ²⁵ Аверьянов К.А. Диодор Юрьегорский. URL: <http://www.kenozerje.17-71.com/diodor.htm>
- ²⁶ Никонов А.А. Сейсмические мотивы в «Калевале» и реальные землетрясения в Карелии // Природа. 2004. № 8. С. 26.
- ²⁷ URL: <http://www.solovki.info/?action=archive&id=289>
- ²⁸ Корецкий В.И. Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958.
- ²⁹ Территория Кенозерского национального парка — перспективный уникальный геологический объект для экологического менеджмента / В.В. Куликова, В.С. Куликов, Я.В. Бычкова, М.Н. Мелютин // Окружающая среда и менеджмент природных ресурсов: тез. докладов III междунар. конф., 6–8 ноября 2012 г. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. С. 122–124.
- ³⁰ См.: URL: <http://olegu.narod.ru/karsakov6.html>.
- ³¹ Куликов В.С., Куликова В.В. Природная страна «Фенноскандия»: к 115-летию выделения на севере Европы // Зеленый лист. 2013. № 3. С. 8–10; и др.
- ³² Зона сочленения Фенноскандинавского щита и Русской плиты — возможный коллектор месторождений полезных ископаемых / В.С. Куликов, В.В. Куликова, А.И. Зудин, П.В. Икконен // Геология и стратегические полезные ископаемые Кольского региона: Труды IX Всероссийской Ферсмановской научной сессии. Апатиты, 2012. С. 174–178.
- ³³ См.: URL: <http://kenozerjelive.ru/ch-list-2.html>.
- ³⁴ См.: URL: <http://www.archnadzor.ru/2011/01/11/russkoe-derevo-4/#more-6155>.
-
-

Монастырская топография Наглимозерского ландшафтного комплекса

В гуманитарной географии понятие «культурный ландшафт» достаточно активно рассматривается в пространственных, временных и антропологических измерениях. Предметом нашего исследования является топография Наглимозерской-Артовой пустыни, умолкнувшей во времени и необитаемой иноческой территории Лекшмозерья. Однако осознание того, что чувство «безмезья» не свойственно этой земле, позволяет размышлять о ландшафте, который способен жить благодаря памяти и привязанности человека к нему. Топография Наглимозерской-Артовой пустыни имеет пересечения монастырских и крестьянских компонентов. Жители окрестных деревень на протяжении XVIII–XIX веков использовали монастырские земли как по обоюдному согласию, так и без него. На территории возникло крестьянское поселение, жители которого имели абсолютную связь с землей.

В традиционной культуре «топофилия» (от греч. *philia* — любовь, склонность, привязанность к месту, автор термина И-Фу Туан) — чувство не только личностное, но и групповое, переживаемое человеком вместе с другими людьми. Глубокую привязанность к местам своего истока имеют сегодня наследники крестьянских первопоселенцев на монастырской земле. Хранителями памяти ландшафта являются жители деревни Морщихинской, для которых топография Наглимозерской-Артовой пустыни связана с сакральными («У нас свои Палестины») и хозяйственными зонами. Духовная связь местного населения с территорией является основой для сохранения, изучения и рекреационного использования ландшафтов.

Наглимозерская-Артова пустынь сберегала пространственную целостность Наглимозерского ландшафтного комплекса, включающего в себя культурный ландшафт крупных озер Наглимозеро, Сяргозеро и лесных территорий вокруг них (ил. 1). Само название пустыни хранит в себе некоторую тайну. На основе изучения известных нам документов по истории обители отметим, что смешение двух наименований — Аглимозерская и Наглимозерская пустынь сопровождают описание ее с XVII до XIX века. По легенде местных жителей, исконным названием пустыни является Аглимозеро: «Его раньше называли Аглимозеро, говорили: "Пошли на Аглимозеро", получилось Наглимозеро»¹.

Доминантой Наглимозерского ландшафтного комплекса является величественное Наглимозеро (ил. 2). Ландшафт озера — это широкие и камерные водные пространства с 15 островами. Озеро относится к бассейну Балтийского моря. Реки Колода и Водла соединяют его с Онежским озером. Сложный рельеф дна озерной

чаши выражается в чередовании отмелей с резкими перепадами глубин от 6–7 до 22 м. Наиболее глубоководной является южная часть озера². Второе по величине озеро комплекса — Сяргозеро (ил. 3). Ровная береговая линия очерчивает овальную форму озера. По сравнению с Наглимозером глубина озерной чаши меньше, составляет от 3 до 8 м. Длина Сяргозера — 2,2 км, наибольшая ширина — 1,2 км³. Название «Сяргозеро» хранит информацию об особенностях его фауны — «Плотичье озеро»⁴. Вероятно, в древние времена этот водоем славился именно плотвой.

Для удобства сообщения между Сяргозером и Наглимозером на месте волока (водно-сухопутных путей, по которым шло освоение территории русскими людьми) был выкопан канал (местные жители называют его «копанец»), служивший для транспортировки лодок (ил. 4). Вероятнее всего, это был естественный ручей, расширенный ручным способом. Самое узкое место между двумя озерами рационально использовалось насельниками и жителями окрестных деревень. О существовании канала в 1745 году свидетельствуют документы: «Подле то же Наглимозере между Сяргозером в переволочке судовой»⁵.

«На пропитание богомольцам» по жалованным грамотам монастырю было отдано не только Наглимо-Артово (Артово — историческое название Лебяжьей лахты озера), но и «озеро с ручьем с Наглимицею, и с островки, и з берегами, и с лесом, и с пашенною землею, и с рыбными ловли, и с сенными покосы, и с Шегмо озерка с ручьем с Шегмицею, и Лагмо озерко и ручей, и по Лебяжьей ручей, и по Лебяжью озерку, и до Костылева озерка с лесом, и с пашенною землею»⁶, а также «Сярго озеро, с ручьями и с островки»⁷. Сенные покосы были у монастыря и на реке Таланге в Колодозерской волости, «по реке Хапонзе до Лахмо ручья, что на болшей дороги с Колодезера к Орлове стороне»⁸.

Наглимозерский ландшафтный комплекс содержит уникальную микро-топонимию, сохраненную в устной истории коренных жителей Лекшмозерья и впервые зафиксированную на карте⁹ (см. ил. 1).

Ценным документом для определения территориальных границ обители, расположения строений и сельскохозяйственных угодий является подлинный план, изготовленный с целью «межевания, учиненнаго в 1783 году» в Аглимозерской пустыни. План, изготовленный на вержированной бумаге в XVIII веке, демонстрирует не только детальность изображения, но и прекрасное художественное оформление в технике акварели¹⁰ (ил. 5). Важнейший документ передан Кенозерскому национальному парку жителем деревни Морщихинской Алексеем Петровичем Вавулинским. Реликвия долгое время хранилась в семье Поповых — Вавулинских (ил. 6). Анастасия Алексеевна Попова (Вавулинская) (1907–1993) была дочерью Алексея Дмитриевича Попова (1870–1937), старосты церкви Св. апостолов Петра и Павла в деревне Морщихинской. Наглимозерские храмы в 1834 году были приписаны к этой церкви, поэтому документы и хранились в этой семье.

Благодаря сохранившейся реликвии мы имеем возможность детального рассмотрения плана монастыря.

Возвышенная местность Большого острова на Наглимозере стала местом для возведения двух деревянных храмов: во имя Неопалимой Купины с приделом Св. Николая (1645 г.) и во имя Трех Святителей Вселенских — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста (1690 г.). Отдельно стояла деревянная шатровая колокольня «осмиугольная».

Примечательно, что археологические артефакты позволяют говорить о более раннем поселении на этом месте. Исследование обнажений культурного слоя позволили выявить здесь наряду со следами средневекового селища и древние культурные остатки (кремневые отщепы коричневого цвета)¹¹.

Храм во имя Неопалимой Купины был воздвигнут основателем пустыни, иноком Тимофеем, основавшим здесь в 1630-х годах Аглимозерскую (Наглимозерскую) пустынь. По опубликованным сведениям известно, что родоначальник пустыни «убогий чернец Тимофеище служил стрельцом в Архангельском городе, воевал с поляками в смутное время, много ранен, и в плену был, и в тюрьме сидел, холод и голод терпел. И от тех ран и болезней постригсе»¹².

Архивные источники сохранили для нас имена и последователей инок Тимофея. Вслед за строителем пустыни упоминается в 1653 году строитель Александр, при правлении которого возведен второй храм — во имя Трех святителей Вселенских¹³. Храм с посвящением Трех Святителям состоял из трех равных по длине частей: сеней, собственно храма, который был намного выше алтаря, вся длина его заключала не более 8,5 метра, ширина — 2,5 м. Крыша была «на два ската; на ней единственная глава высотой 21 м»¹⁴.

На плане «межевания, учиненного в 1783 году» в Аглимозерской пустыни, наряду с указанием на расположение церковей показано место церковного строения. Братия пустынножителей на протяжении всего существования пустыни была немногочисленна. В 1712 году в обители была одна келья для инок, а в ней — «монах Феодосий осмидесяти дву лет, монах Варлам семидесяти девяти лет, монах Иаарон сорока одного лета, да белцов Лекшмозерской волости Анфаловской деревни Иван Никитин пятидесяти пяти лет да Олонецкого уезда крестьянин Колодозерской волости деревни Спирины Григорей Алексеев пятидесяти пяти лет <...> келья поповская пустая»¹⁵. Сохранилось описание кельи 1890 года: «Саженья 80 от Тихвинского храма, на восток, в углу острова, саженья в 10 от берега стоит ветхий деревянный дом — место жительства иереев <...> Дом этот по виду та же крестьянская изба, крыт на два ската, лицевою стороною обращен к храмам; одна боковая стена (южная) и зад — к озеру»¹⁶.

Самостоятельной пустынь была только до 1702 года, позднее ее приписали к Спасо-Преображенскому монастырю города Каргополя (Строкиной пустыни). В 1760-х годах монастырь преобразовали в приходскую церковь. Первым священником церкви был Дмитрий, «который здесь и погребен»¹⁷. Далее служили в храме Иоанн Васильев Арефинский дважды (?–1796), (1819–1821), Стефан Евдокимов дважды: (1797–1806), (1825–1828), Александр Арефинский (1808–1818),

Иван Андреев (1830–1834)¹⁸. Все священники назначались из ближайших обителей или храмов Олонецкой епархии¹⁹.

В истории приходской жизни упраздненной пустыни особое положение занимал Александр Арефинский. В 1811 году на пожертвования благотворителей, собранные в Петербурге, на месте обветшалой деревянной церкви Богоматери Неопалимой Купины трудами и тщанием священника был построен новый каменный храм с посвящением во имя иконы Тихвинской Божия Матери с теплыми приделами на правой стороне — во имя святителя Николая и на левой стороне — иконы Божия Матери Неопалимой Купины²⁰. Одноглавая с восьмигранным куполом каменная церковь с колокольной была построена в «одной связи» с теплыми приделами. Над ними и алтарем также поставлены главки. Колокольная увенчана куполом с иглой. Церковь с колокольной в длину достигала 25 м, в высоту 17 м, высота колокольни с шестью колоколами — 21 м. Главный холодный престол был освящен в 1817 году²¹ (ил. 7).

Иконостас в Наглимозерском храме написал «иконник Максимов Григорий Федоров», ученик и последователь крестьянской иконописной артели И.И. Богданова-Карбатовского²². Многоярусный иконостас церкви Тихвинской Богоматери был изрядно украшен резьбой. Нижний местный ряд декорирован колоннами, капителями и карнизами²³. Для совершения церковной службы из Спасо-Преображенского Каргопольского монастыря приезжал иеромонах. Внутренним убранством, литургической утварью и одеждой священнослужителей храм был весьма обеспечен, о чем свидетельствует опись 1819 года²⁴. В ветхой деревянной церкви Трех Святителей Вселенских в 1890 году, по описанию краеведа К.А. Докучаева-Баскова, «стена, составлявшая иконостас, была еще цела, но образов уже не было; однако "царские двери" имелись: в алтаре св. Престол еще стоял»²⁵. В конце XIX века древний храм доживал свой век.

В 1834 году приход закрыли «за скудость содержания» и приписали к Лекшмозерской Петропавловской церкви. Последний священник прихода Иоанн Андреев был «уволен от должности на пропитание родственников»²⁶.

По рассказам местного жителя Виктора Федоровича Подгорних, стены каменного храма в 1946 году на острове еще были. Церковь разбирали на кирпич для строительства скотного двора и кладки печей. По воспоминаниям старожилов, большие иконы сжигали вблизи монастыря.

Деревянная ветхая «поповская келья» была перестроена на Большом острове Наглимозера в 1915–1916 годах местным жителем Федором Ивановичем Подгорних²⁷. Здание имело три помещения: сени, трапезную и комнату. По фасаду у кельи (со стороны подъема в гору) было четыре окна и одно окно находилось сбоку (со стороны перевоза — «Подгороховище»). Справа от кельи стояла баня (ил. 8). Местные жители до сих пор это место называют «баинька». В 1960-х годах баню разобрали местные жители. В 10–15 м от берега недалеко от храмов до сих бьет святой родник.

Келья была местом уединения иеромонаха Александро-Ошевенского монастыря Василия Алексеевича Лебедева (1861 — предположительно 1940-е гг.)²⁸ (ил. 9). После закрытия монастыря он ушел в затвор и с 1922 по 1932 год проживал в Наглимозерской пустыни. Среди местных жителей до сих сохранился рассказ о том, что на Монастырском острове жительствовавший поп Василий. Уходя из кельи в деревню Морщихинскую, он оставлял записку — «Старца нет». Когда монах не покидал остров, он писал иные слова — «Старец дома»²⁹. Несмотря на то, что на Монастырском острове еще оставался храм Тихвинской Богоматери, на моления монах ходил в Кирило-Челмогорский монастырь, Петропавловскую церковь в деревне Морщихинской и в Хижгорскую церковь. Вероятно, он был свидетелем вандализма, происходящего в Наглимозерском храме. В 1932 году В.А. Лебедев был арестован как участник «контрреволюционной группировки духовенства». Через четыре года после освобождения он проживал в деревне Горке на Кене (вблизи Кенозера). За совершение тайных богослужений в 1938 году был арестован вновь, но через год освобожден в связи с прекращением уголовного дела из-за преклонного возраста. Иеромонаху было в это время уже 78 лет. В 1960-х годах часть кельи разобрали местные жители, в таком состоянии сохранилась она до наших дней (ил. 10).

Наряду с культовыми зонами хозяйственные участки Наглимозерской пустыни также четко указаны на уникальной карте 1783 года. Сопроводительная надпись свидетельствует о величине участка — 2100 саженой в линейной величине, т.е. длина периметра участка составляла примерно 4,5 га. На плане отображена хозяйственная принадлежность угодий: пашни и залесенные территории (мелколесье, кустарник на заболоченных почвах и др.). О занятии иноков и крестьян земледелием свидетельствуют наряду с картой и архивные документы: «Подле Наглимозера у перевозу к Лекшмозеру лесной пашни и пожато и складено в две кущи примером два овина, пахана Лекшмозерской волости Конечезерского десятка деревни Анфаловской крестьяне Козма Трофимов Мяндин да подле той деревни <...> Василей Гаврилов <...> Подле ту же нив посечено лесу к пребудущему году тем же Козмой примером на четверть <...> От лодейной лахты по дороге в боры к монастырским стенам пожато рожь и кучею складено примером полтора овина <...> Подле то же Наглимоозере между Сяргозером в переволочке судовой попахано и ржи в кучу складено примером полтора овина, а пахано то же Анфаловской деревни Иваном Тимофиевым»³⁰.

Монастырь имел ригу для обмолота и сушки зерна: «посещением Божиим в ночь рига загорелась. А хлеба была насажена полна, и хлеб выняли цел, а пламень хлеба не коснулся»³¹. На карте отмечены и сенные покосы пустыни, имевшие 100 десятин на Большом острове Наглимозера. По сведениям священника Михаила Воскресенского, в 1874 году «земли при церкви пашенной и сенокосной 43 десятины, лесные зоны и болота занимают 60 десятин 1540 саженой. Часть земли «по неудобству» пустует»³². В 1890 году севернее монастырской кельи сохранялась «старое, раскрытое гумно»³³.

Леса на территории Наглимозерского ландшафтного комплекса в XVII–XVIII веках были в основном сосновые со значительной примесью сибирской лиственницы. По указу Петра I участки лесов с высокоствольными деревьями лиственницы и сосны выделялись в корабельные рощи с запретом рубки для иных, нежели судостроение, целей. Одна из таких рощ — Наглимозерская — была общей площадью 1778 десятин, или 1942 га. Роща давно вырублена, и сегодня на ее месте вновь сформировались насаждения высокой продуктивности³⁴ (ил. 11).

В истоке ручья Пороги (юго-западное побережье Наглимозера) находилась монастырская мельница «подошвенного» типа, т.е. использующая энергию свободно протекающей снизу колеса воды без плотины. О существовании наглимозерской мельницы, находящейся по колодозерской дороге, свидетельствуют документы XVII–XVIII веков³⁵.

Таких водяных мельниц на территории Лекшмозерья было всего три из 20, когда-то расположенных здесь. Преобладали мельницы наливные — так называемые «верхобойки», их конструкция предполагает подачу воды на колесо сверху. Наглимозерскую мельницу уже не помнят местные жители, хотя ее остатки сохранились на Наглимозере (ил. 12–13). В известных нам документах она фиксируется еще в 1920-х годах³⁶.

В самом узком месте между Большим островом Наглимозера и материком монахами был построен ряжевый мост «подле Наглимозера у перевозу к Лекшмозеру», служивший для сообщения между пустынью и Лекшмозерским приходом. Мост имеет оригинальную ряжевую конструкцию, восходящую к глубокой древности. Основы моста, его опоры — ряжи — имели в плане форму сруба, который заполнялся валунным камнем. Срубы в верхней части имели консольные повалы, на которые клалась повальная часть. Такие конструкции моста оказывали сопротивление ледоходу и весенним паводкам. В середине мост был повыше, чтобы могли пройти неводные лодки — они больше, чем обычные. Остатки этого моста сохранились. В 2004 году мост был восстановлен местными жителями В.В. Боголеповым, А.В. Башкиревым, А.С. Боголеповым под руководством В.А. Нефёдова (ил. 14).

Место, где находился «коровий двор» пустыни, пока обнаружить не удалось. Традиционно такие дворы не располагались на территории монастыря. В документах 1712 года мы нашли подтверждение: «Да за монастырем двор коровей»³⁷, пастухом в котором был «Кенозерской волости деревни Усть Почи Матфей Павлов с женой и коровница той же волости вдова Анна Ивановская»³⁸.

По описанию краеведа К.А. Докучаева-Баскова, обитель имела ограду³⁹. Главные святые ворота располагались с западной стороны, ворота с востока были удобны для сухопутного движения, т.к. пересекая ряжевый мост, дорога с востока на запад шла по Большому острову к пустыни.

Наглимозеро, входящее в состав монастырских и церковных земель, не имело до середины XIX века самостоятельных исторических поселений. Единственным

крестьянским селением в окрестностях Наглимозера является Наглимозерский выселок (хутор), основанный братьями Мяндиными, выходцами из деревни Морщихинской, на западном побережье озера. В 1896 году первый поселенец Федор Лукич Мяндин проживал здесь со своей семьей, состоявшей из 14 человек⁴⁰. В усадьбе находилось два дома, амбар, баня, кузница (ил. 15). Сложенные камни («камеленки») и сегодня являются немymi свидетелями обработки земель под пашню.

Федор Лукич Мяндин (по местному — Кузнецов) и два его сына, Антон и Михаил, на хуторе слыли мастеровыми кузнецами. Сын Михаила, Николай Михайлович, также владел кузницами на Наглимозере и в деревне Морщихинской⁴¹. Мяндины выполняли заказы от крестьян на сельскохозяйственные и промысловые орудия: косы, серпы, капканы, остроги, а также предметы бытового назначения: кочерги, светцы, дверные ручки и др. Наглимозерский выселок был связан дорогами с деревнями Гужово, Пялозеро, Корбозеро, Колодозеро и другими, поэтому править колеса, чинить повозки и телеги, ковать лошадей необходимо было тоже кузнецу. Семья Мяндиных имела торговые связи с Каргополом, где, вероятно, покупался металл. В 5 км от Макарьевской Хергозерской пустыни также было особое место — «Котлы», где выплавляли из болотного торфа железную руду.

Во второй половине XX века в связи с развитием промышленного производства потребность в деревенских кузницах постепенно исчезает и кузнечное семейное ремесло утрачивает свое значение. По подворной книге 1925–1937 годов известно, что на хуторе проживал Александр Михайлович Мяндин (1901 г. р.) с женой Агриппиной Ивановной и Николай Михайлович Мяндин (1884 г. р.) с матерью, женой, четырьмя детьми, невесткой и двумя внучками. В усадьбе находилось два дома, амбар, сарай, хлев, баня и кузница. Хозяйственный уклад был традиционным. Пахотной земли имелось 280 га, сенокосной земли — 300 га. Сеяли овес, ячмень, лен. Побочным семейным заработком была лесная охота⁴². Отдельный дом принадлежал семье Василия Ивановича Кляпинина, имевшего родственные связи с Мяндинами (ил. 16). Занимались хуторяне Мяндины и традиционным промыслом — смолокурением. В окрестностях Наглимозерского выселка сохранились остатки четырех смолокуренных ям. Смола и деготь получали разнообразное применение в крестьянской среде. Они использовались при деревянном судостроении, в сапожном деле, при обработке кожаной сбруи и смазывании тележных колес, а также в рыбной ловле.

Последние жители хутора Николай Михайлович Мяндин с женой Анной Матвеевной (ил. 17–18) были выселены в деревню Морщихинскую перед Великой Отечественной войной. Сегодня в этой деревне проживают их внуки — Надежда Александровна Антuffева и Василий Александрович Попов, которые являются хранителями памяти Наглимозерского выселка.

К памятникам культурного наследия монастырской топографии мы также относим объекты, расположенные на исторической монастырской дороге-тележнице, ведущей от пустыни к деревне Морщихинской. Эти памятники имеют

не только пространственную, но и духовную связь с монастырем. На росстани, разделяющей пути в обитель, в Лебяжью лахту Наглимозера и на озеро Лебяжье, находится Николин крест. Функции и семантика придорожных крестов тесно связаны с образом «пути-дороги». «Ставили кресты, чтобы помолиться по всем дорогам, — говорили лекшмозеры. — Без Бога не до порога».

По дороге-тележнице расположена почитаемая в народе святыня — Николин камень. Во многих культурах мира камень является символом божественной власти. Ритуал излияния на его поверхность божественной влаги на Древнем Востоке привел к осмыслению камня как алтаря. Исследователи трактуют такие камни как жертвенники. У вогнутой чаши святыни, напоминающей след человека, местные жители совершают ритуал крещения: «Вот я и Андрюшеньку, внука своего дак крестила. Святая вода, а я сходила с камушка купила водушку. А туды денежку спустила, на камешок»⁴³.

Каменный валун и крест, сохраняя посвящение святителю Николаю, оберегают еще одну тайну Наглимозерской пустыни. Главная служба в Наглимозерской пустыни совершалась в пустыни в дни святителя — 9 мая и 6 декабря. Сходились богомольцы окрестных волостей, для совершения церковной службы из Спасо-Преображенского Каргопольского монастыря приезжал иеромонах, и устраивалась трапеза⁴⁴. На «зимнего Николу» (6 декабря) в XVIII веке сходились богомольцы окрестных волостей. «Замечательно, — пишет К.А. Докучаев-Басков, — что ни в храмовый праздник — Неопалимая Купины, ни в праздник Тихвинской иконы Божией Матери — богослужение не отправляется <...> Богослужение совершается здесь только дважды в год <...> во дни святителя Николая — 9 мая и 6 декабря»⁴⁵. Придел, посвященный святителю Николаю, был в деревянном соборном храме Неопалимой Купины и каменной церкви Тихвинской иконы Божией Матери. В описании плана межевания земель 1783 года содержатся сведения о «Каргопольскаго уезду Лекшмозерской волости упразненной прежней церкви Николая Чудотворца»⁴⁶. Других подтверждений о расположении в пустыни Никольского храма мы не обнаружили.

Наглимозерский ландшафтный комплекс мы отнесли к категории «умолкнувших» ландшафтов. Утраченные памятники: бывшие монастырские храмы и строения, покинутый Наглимозерский выселок вновь обрели содержание благодаря памяти, устным рассказам локального сообщества и обнаруженным документальным источникам (ил. 20). Научное описание объектов культурного и природного наследия Наглимозерского ландшафтного комплекса мы проводили с целью включения их в маршрут экологической тропы Кенозерского национального парка «Тропа предков»⁴⁷. Информационный центр «Лесное отходничество», расположенный на тропе, посвящен монастырской топографии Наглимозера (ил. 18). Экспозиционные «залы» не только представляют тему, но и служат навигацией для желающих посетить эти объекты в естественном ландшафте. Наглимозерский ландшафтный комплекс не предан забвению, он обретает свою постисторию.

Примечания

¹ Комарова В.А., Алексеевский М.Д., Мороз А.Б. Каргополье: фольклорный путеводитель: Предания, легенды, рассказы, песни и присловья. М., 2009. С. 118.

² Воробьева Т.Я., Климов С.И. Гидрографическая, гидрологическая характеристика озер южной части Кенозерского национального парка. 2013: рукопись // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 299.

³ Там же.

⁴ URL: <http://knk.karelia.ru/2010/12/mullonen.html>

⁵ Старицын А.Н., Пигин А.В. Источники по истории Наглимозерской пустыни Каргопольского уезда // Вестник церковной истории. М., 2010. № 3/4 (19/20). С. 160.

⁶ Там же. С. 164.

⁷ Там же. 159.

⁸ Там же. С. 156.

⁹ Автор благодарит В.Д. Шевелева и Н.А. Неверова за помощь в подготовке материала по топонимии.

¹⁰ Музейный фонд ФГБУ Национальный парк «Кенозерский». КП 247.

¹¹ Едовин А.Г., Абрамовский В.Н. Новые данные о монастырях Кенозерья по археологическим исследованиям 2003–2004 гг. // Свеча-2005. Истоки: Религия и личность в прошлом и настоящем: материалы международной конференции. М.; Владимир, 2005. Т. 13. С. 11–15.

¹² Старицын А.Н., Пигин А.В. К изучению монастырской истории Кенозерья (Наглимозерская Артова пустынь) // Кенозерские чтения — 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: на пересечении гуманитарных и естественных наук: материалы IV Всерос. науч. конф. Архангельск, 2011. С. 389; Их же. Источники по истории Наглимозерской пустыни Каргопольского уезда. С. 164, 149.

¹³ Старицын А.Н., Пигин А.В. Источники по истории Наглимозерской пустыни Каргопольского уезда. С. 162.

¹⁴ Там же. С. 164.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 168. Л. 835.

¹⁶ Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Наглимозерская — Артова пустыня // Христианское чтение. 1895. № 7/8. С. 169.

¹⁷ Старицын А.Н., Пигин А.В. Источники по истории Наглимозерской пустыни Каргопольского уезда. С. 164.

¹⁸ Там же. С. 166; Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 1342. Оп. 2. Д. 192. Л. 27.

¹⁹ ГААО. Ф. 1342. Оп. 2. Д. 192. Л. 27.

²⁰ Там же.

²¹ Старицын А.Н., Пигин А.В. Источники по истории Наглимозерской пустыни Каргопольского уезда. С. 164.

²² Там же.

-
-
- ²³ Докучаев-Басков К.А. Указ. соч. С. 167.
- ²⁴ Государственный архив Новгородской области. Ф. 480. Оп. 5. Ед. хр. 567.
- ²⁵ Докучаев-Басков К.А. Указ. соч. С. 168.
- ²⁶ Старицын А.Н., Пигин А.В. Источники по истории Наглимозерской пустыни Каргопольского уезда. С. 164.
- ²⁷ Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Аглимозеро, электронная запись, информант — Подгорних В.Ф. (1941 г. р., д. Морщихинская). Запись В.Д. Шевелева // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».
- ²⁸ Мелехова Г.Н., Фаркова Л.И. И был Господь убежищем гонимому. М.; Каргополь, 2013. С. 54–57.
- ²⁹ Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Аглимозеро, электронная запись, информант — Антуфьева Н.А. (1958 г. р., д. Морщихинская). Запись М.Н. Мелютиной // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».
- ³⁰ Старицын А.Н., Пигин А.В. Источники по истории Наглимозерской пустыни Каргопольского уезда. С. 160.
- ³¹ Там же. С. 155.
- ³² ГААО. Ф. 1432. Оп. 2. Д. 192. Л. 27.
- ³³ Докучаев-Басков К.А. Указ. соч. С. 169.
- ³⁴ Торхов С.В. Леса и лесоустройство Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения — 2011. Человек и среда: гармония и противоречия: материалы V Всерос. науч. конф. Архангельск, 2012. С. 228 (карта-схема подготовлена Н.А. Неверовым).
- ³⁵ Докучаев-Басков К.А. Указ. соч. С. 139–140; Старицын А.Н., Пигин А.В. Источники по истории Наглимозерской пустыни Каргопольского уезда. С. 161.
- ³⁶ ГААО. Ф. 4687. Оп. 1. Д. 53. Л. 2. 1920 г.; Д. 156. Л. 6. 1922 г.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 168. Л. 835.
- ³⁸ Там же. Л. 835 об.
- ³⁹ ГААО. Ф. 4687. Оп. 1. Д. 156. Л. 6 об., 10. 1922 г.
- ⁴⁰ Подворная книга с. Лекшмозеро. 1925–1939 // Архив МО «Печниковский».
- ⁴¹ Мороз А.Б. Сакральная география Каргополя // Святые и святыни северорусских земель: материалы VII научной региональной конференции / ред.-сост. Н.И. Решетников. Каргополь, 2002. С. 99.
- ⁴⁴ Старицын А.Н., Пигин А.В. Источники по истории Наглимозерской пустыни Каргопольского уезда. С. 151.
- ⁴⁵ Докучаев-Басков К.А. Указ. соч. С. 167–168.
- ⁴⁶ Музейный фонд ФГБУ Национальный парк «Кенозерский». КП 247.
- ⁴⁷ Тормосов Д.В., Козыкин А.В. Проект развития экологического маршрута «Тропа Предков». 2011 г.: рукопись // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 331.
-
-

Макрофиты литорали озер окрестностей деревни Масельги на территории Кенозерского национального парка

В июле 2013 года проводились комплексные геоботанические исследования растительных сообществ литорали озер Масельгского, Белого, Синего, Худого в Кенозерском национальном парке. Фитоценозы описывались в естественных границах, в связи с чем размеры пробных площадок варьировали от 2 до 10 м². Проективное покрытие видов, участвующих в сообществах, определялось по шкале Браун-Бланке. В 1994 году подробные исследования пресноводных водоемов на территории парка проводились Н.В. Веховым¹. Эти водоемы отличаются по гидрологическим и экологическим особенностям, гидроморфологической структуре.

Озеро Масельгское. Самый крупный водоем имеет площадь водного зеркала 344 га. Озеро является проточным водоемом, максимальная глубина которого составляет 18 м². Грунт преимущественно песчаный, на западе озера преобладает ил. Восточный берег приглубый, западный — относительно мелководный. На северо-востоке озера различается крупный глубоководный залив, отделенный от основной акватории проливом, так называемое озеро Пежихерье. Озеро имеет протяженность с запада на восток более 7 км. Береговая линия восточного берега на границе прохождения водораздела между бассейнами Белого и Балтийского морей изрезана слабо, в западные берега вдаются относительно крупные заливы. Насчитывается 7 островов, располагающихся в основном в северной акватории водоема. Динамичность вод (главным образом определяемая ветровым волнением) более развита у восточных открытых берегов. На западе крупные заливы находятся в затишной зоне, защищенной мысами и подводными косами, покрытыми тростником.

Водоем является мезотрофным по статусу продуктивности, однако глубоководная часть зеркала озера — Пежихерье — является олиготрофной. Коренные берега озера покрыты хвойным лесом, к северному берегу подходят кустарники ивы.

Летом 2013 года площадь зарастания озера высшей водной растительностью, по нашим данным, составляла 36,72 га, или 10,7 % от площади водного зеркала.

Озеро Белое. По данным гидрометрических измерений, озеро имеет площадь водного зеркала 20,4 га. Котловина ромбической формы. Водоем достигает длины 0,80 км с запада на восток и ширины 0,30 км с севера на юг. Западный берег на границе прохождения водораздела приглубый, восточный — мелководный. Береговая линия слабо изрезана, на востоке водоема имеется крупный эвтрофированный залив, два небольших залива вдаются в сушу на севере озера. Динамичность вод выражена слабо. Больше подвержены волнению западное

и южное открытое побережье. Грунт на западе представлен мелкозернистым песком, на востоке озера откладывается ил, в заливах местами присутствуют торфянистые донные отложения.

Западный и южный коренные берега покрыты кустарником ивы, выше которых в зоне гигромезофитов произрастает хвойный лес. К восточному и северному берегам подходят низинные болота и остроосочники. По статусу продуктивности водоем следует отнести к мезотрофному.

В настоящее время площадь зарастания водоема макрофитами, по нашим расчетам, составляет 2,93 га, что соответствует 14,4% от общей площади водного зеркала озера и подтверждает мезотрофный статус водоема.

Озеро Синее. Небольшой водоем к северу от деревни Масельги. Согласно проведенным гигрометрическим измерениям, площадь водного зеркала составляет 2,63 га. Со стороны восточного берега в водоем вдается узкий полуостров, разделяющий его на две акватории, северную и южную, которые у восточного берега соединяются узостью, в поперечнике достигающей 30 м. Длина южной акватории на протяжении с запада на восток — 0,3 км, ширина на протяжении с севера на юг — 0,15 км. Длина северной акватории на протяжении с севера на юг — 0,22 км, ширина на протяжении с запада на восток — 0,18 км. Береговая линия изрезана слабо. Прибрежье относительно мелководно.

Небольшие размеры водоема не способствуют развитию волнения. Грунт в основном илистый. Озеро является проточным.

Общая площадь зарастания озера высшими макрофитами в летний период достигает 0,41 га, что составляет 15,6% от общей площади и указывает на эвтрофный статус продуктивности водоема.

Склоны коренных берегов покрыты кустарником ивы, выше которых поднимается хвойный лес.

Озеро Худое. Самый малый водоем района исследований. Согласно гидрографическим измерениям, озеро имеет площадь водного зеркала 0,81 га. Достигает 200 м в длину с севера на юг, максимальная ширина — 80 м с запада на восток.

Берега водоема заболочены. Восточный берег возвышенный, с западной стороны низменный, повышение прослеживается в 20–50 м от уреза воды. На склонах коренных берегов растет хвойный лес. Береговая линия выровненная. Озеро является бессточным, но, кроме питания атмосферными осадками, присутствует грунтовое питание. Незначительное волнение не оказывает существенного влияния на развитие макрофитов литорали.

Литораль слабо выражена. Площадь зарастания акватории высшими макрофитами небольшая и достигает всего 0,06 га, что составляет 7,4% от общей площади водного зеркала. По статусу продуктивности водоем является мезотрофным.

Для биоценозов литоральной зоны большинства больших озер Северо-Запада бывшего СССР определяющими факторами среды являются динамичность водной массы и характер донных отложений³. В нашем случае динамичность

водной массы является одним из первостепенных факторов для развития макрофитов в озере Масельгском. Поскольку озера Белое, Синее и Худое имеют небольшую площадь водного зеркала (менее 1 га), динамичность водной массы здесь выполняет незначительную роль в развитии макрофитов. В этом процессе определяющим фактором становится характер донных отложений. В донных отложениях основное значение для всех озер имеют механический состав (ил, глина, пески, торф) и содержание биогенов (главным образом соединений азота, фосфора и калия). Развитие макрофитов зависит от прозрачности вод и их насыщенности биогенами. Значительное место в образовании литорали и развитии макрофитов отводится рельефу дна и береговой линии, глубине и гидрометрическим параметрам водоемов.

Высшие водные растения выполняют значительную роль в экосистемах пресных водоемов. Они закрепляют грунты, гасят энергию ветровых волн, продуцируют органические вещества, являются специфическим биотопом для размножения и развития представителей ихтиофауны, бентосных организмов и планктона. Макрофиты являются поставщиками биогенов и сами способствуют их поглощению, в том числе и поглощению загрязняющих веществ, выполняя значение индикаторов трофического статуса водоемов.

По 4-й экологической классификации водных растений, разработанной Г.С. Гигевич, Б.П. Власовым, Г.В. Вынаевым⁴, в озерах можно выделить три зоны макрофитов:

1. Прибрежная зона гелофитов или аэрогидрофитов, содержащая воздушно-водные растения, нижняя часть органов которых погружена в воду.
2. Зона плейстофитов (нимфеидов), которой присущи растения с плавающими листьями, располагающимися глубже зоны гелофитов.
3. Зона гидатофитов с полностью погруженными в воду растениями, располагающимися глубже плейстофитов.

В некоторых участках озер на литораль проникают представители группы эугигрофитов, занимающих зону уреза воды у берегового склона и прибрежных низинных болот, которые периодически подвергаются затоплению в весенний период.

В исследованных водоемах в составе высших макрофитов преобладают представители семейств: злаки (*Poaceae*), осоковые (*Cyperaceae*), хвощовые (*Equisetaceae*), нимфейные (*Nymphaeaceae*), рдестовые (*Potamogetonaceae*).

В Масельгском озере доминантом растительных сообществ зоны гелофитов является тростник обыкновенный (*Phragmites australis*). Этот вид образует обширные заросли с проективным покрытием до 80% по берегам заливов мелководной затишной акватории на западе озера. На подводных косах, отходящих от мысов, тростник вдаётся вглубь акватории. На востоке озера у приглубого берега — заросли разреженные с проективным покрытием до 50%, лишь на подводных косах их густота возрастает.

С хвощом приречным (*Equisetum fluviatile*) *P. australis* образует преобладающий тип сообществ озера. Часто тростник встречается в сообществах с камышом озерным (*Scirpus lacustris*). В вершинах заливов на западе озера, произрастающая около уреза воды, он может образовывать сообщества с кубышкой желтой (*Nuphar lutea*), проникающей на прибрежные мелководья (ил. 1).

E. fluviatile доминирует на юге залива «озеро Пежихерье», где реже встречается *P. australis*. Образует самостоятельный пояс в сообществах гелофитов вершин заливов глубже пояса тростника на глубине до 1,2 м и глубже пояса осоки острой (*Carex acuta*) в куте озера Масельгского. Является характерным видом сообществ гелофитов всех исследуемых озер. Кроме *P. australis* образует сообщества с *N. lutea*, проникающей на мелководья берегов озер Белого и Синего. В куте озера Масельгского образует сообщества с *C. acuta*. В зоне гелофитов северной части озера Худого вид встречается с осокой водной (*Carex aquatilis*).

Характерной особенностью вида является способность образовывать переходные пояса между сообществами зон гелофитов и плейстофитов.

Другой доминант — камыш озерный (*Scirpus lacustris*) — произрастает в зоне гелофитов литорали озера Масельгского. Кроме сообществ с *P. australis* на севере озера может образовывать сообщества с примесью *E. fluviatile*. Тяготеет к урезу берегов вершин заливов, где соседствует с *P. australis* на глубине до 0,5 м и занимает площадь проективного покрытия до 60%.

Из других гелофитов следует отметить широко распространенную у берегов на глубине до 20 см во всех водоемах района исследований вахту трехлистную (*Myriophyllum trifoliatum*). На севере и у восточных берегов озера Масельгского в фитоценозах с хвощом и тростником часто встречается лобелия Дортмана (*Lobelia dortmanii*). Этот вид в настоящее время внесен в Красную книгу Российской Федерации (статус 3). В озере Синем встречаются осока вздутая (*Carex rostrata*) и рогоз широколистный (*Typha latifolia*). На севере озера Худого встречается цикута ядовитая (*Cicuta virosa*).

На литораль водоемов со стороны низинных болот и остроосочников проникает *C. acuta*, относящаяся к группе эугигрофитов. На глубине до 20 см мелководнее пояса хвоща этот вид образует почти сплошные заросли в вершине кута озера Масельгского. Родственный *C. acuta* вид *C. aquatilis* довольно часто встречается на мелководьях литорали в заливах восточной части озера Масельгского и зоне гелофитов озера Худого.

Глубже зоны гелофитов располагаются растительные сообщества зоны плейстофитов (нимфеидов). Эти виды в основном характерны для затишных зон, где в вершинах эвтрофированных заливов озера Масельгского их общее проективное покрытие в сообществах достигает 80%. Здесь основными доминантами, характерными для всех озер, являются кубышка желтая (*Nuphar lutea*) и кувшинка чисто-белая (*Nymphaea candida*).

Однако *N. lutea* больше тяготеет к берегам, *N. candida* чаще встречается в приглубых участках, что показательно в отношении разделения экологических ниш родственных видов. В озерах *N. lutea* сменяет пояс хвоща приречного, который, образуя переходный пояс от гелофитов, проникает в зону плейстофитов. Эти виды часто встречаются в проливах между островами. *N. lutea* на севере и востоке озера Масельского сменяет *P. australis* и *S. lacustris*.

N. candida является основным доминантом растительных сообществ плейстофитов озера Белого, где на глубине более 2 м в заливах образует почти чистые заросли. В этом отношении особенно показателен эвтрофированный залив на востоке озера. В озере Худом *N. candida* встречается лишь как примесь в сообществе гелофитов из *E. fluviatile* и *C. aquatilis*.

На глубине более 2 м в вершинах эвтрофированных заливов *N. candida* соседствует с рдестом плавающим (*Potamogeton natans*) (ил. 2). На литорали озера Худого *P. natans* приобретает характер доминанта и образует сообщества с *N. lutea*. В озере Синем *P. natans* встречается у южного берега.

Для озер Масельского и Белого в вершинах заливов характерен горец водяной (*Polygonum amphibium*). Вид, как правило, соседствует с *N. lutea*.

Довольно часто в озере Масельском встречается ежеголовник злаколистный (*Sparganium gramineum*), растущий в основном на глубинах от 1,5 до 2,5 м. По окраинным берегам заливов он сменяет пояс тростника, в вершинах заливов сменяет пояс кубышки в зоне плейстофитов. Как правило, растет относительно изолированно от других видов, которые не проникают на глубину его произрастания.

В микрозаливах на севере озера Белого встречается ряска малая (*Lemna minor*).

В озерах Масельском и Синем можно увидеть ежеголовник всплывающий (*Sparganium emersum*).

Гидатофиты произрастают на глубинах от 0,5 м и более. Проникают в зоны плейстофитов и гелофитов, глубже плейстофитов образуют самостоятельный пояс (зону) нижнего участка литорали на глубине более 1,5 м. В озере Масельском в составе этой группы преобладает рдест блестящий (*Potamogeton luceus*), который, проникая в зону плейстофитов, образует сообщества с *N. lutea*.

Для озер Масельского, Белого и Синего в затишных зонах типична уруть колосистая (*Myriophyllum spicatum*). В устьи, разделяющей северную и южную акватории озера Синего, в одном местообитании с *P. luceus*, *N. lutea*, *E. fluviatile*, встречается рдест пронзеннолистный (*Potamogeton perfoliatus*).

Ряд гидатофитов распространяется представителями авиафауны либо антропогенным переносом. Таковы элодея канадская (*Elodea canadensis*), растущая в озере Белом в местообитаниях с частым использованием воды в хозяйственных целях, и роголистник погруженный (*Ceratophyllum demersum*), в озере Худом растущий в тех же местообитаниях.

На севере Масельского на глубине более 1,0 м встречается полушник озерный (*Isoëtes lacustris*) — вид, внесенный в Красную книгу РФ (статус 3).

Как показано выше, важным фактором в развитии макрофитов является механический состав донных отложений. Сами же фитоценозы макрофитов способствуют накоплению (седиментации) взвешенных наносов озер и формированию механического состава донных отложений (см. таблицу).

**Распределение растительных сообществ макрофитов озер
в окрестностях деревни Масельга по отношению
к механическому составу донных отложений**

Состав растительных сообществ по доминантным видам	Местоположение в водоеме	Механический состав донных отложений
<i>Carex acuta</i> , <i>Equisetum fluviatile</i>	Кут озера Масельского, краевые зоны низинных болот, остроосочников и берегов озер Белого, Синего, Худого, где виды растений, составляющих сообщество, проникают на литораль	В озере Масельском — ил, в озерах Белом, Синем, Худом характерны торфы
<i>Carex acuta</i>	Вершина кута озера Масельского на глубине до 20 см	Ил, местами торфы
<i>Equisetum fluviatile</i> , <i>Nuphar lutea</i>	Типичное сообщество зоны гелофитов озер Белого и Синего. Характерно для вершин заливов озера Масельского и юга его крупного залива — «озера Пежихерье». Образует переходные пояса от гелофитов к плейстофитам	На юге и севере озера Белого преобладает ил, на западе в пределах фитоценоза характерен мелкозернистый песок, глубже переходящий в ил. В озере Синем и на юге Пежихерья — ил и илистый песок
<i>Equisetum fluviatile</i> , <i>Carex aquatilis</i>	Северная часть озера Худого в зоне гелофитов	Ил
<i>Nimphaea candida</i> , <i>Potamogeton natans</i>	Сообщество характерно для вершин некоторых эвтрофированных заливов на западе озера Масельского	Ил
<i>Nuphar lutea</i> , <i>Nimphaea candida</i>	Типичное сообщество зоны плейстофитов в озерах Масельском и Белом, больше характерное для заливов и межостровных проливов	Преобладает ил, местами мелкозернистый песок
<i>Nuphar lutea</i> , <i>Potamogeton lucens</i>	Сообщество характерно для медиалей (срединных зон) заливов озера Масельского на границе перехода от зоны плейстофитов к гидатофитам	Ил

Окончание таблицы

Состав растительных сообществ по доминантным видам	Местоположение в водоеме	Механический состав донных отложений
Phragmites australis (чистые заросли)	Макрофит сообщества распространяется вглубь озера Масельского на подводных косах и образует разреженные заросли на мелководьях его открытой акватории	Мелкозернистый песок
Phragmites australis, Equisetum fluviatile	Преобладающий тип фитоценоза в озере Масельском. Занимает окраинные зоны побережий заливов, на подводных косах выдвигается вглубь озера. Встречается в вершинах заливов у берегов	Преобладает мелкозернистый песок, в восточной части озера — песок нередко с галькой
Phragmites australis, Scirpus lacustris	Сообщество характерно для вершин и окраинных прибрежий зоны гелофитов в заливах, чаще встречается на востоке и севере озера Масельского	Преобладает мелкозернистый песок, местами откладывается илистый песок, ил
Phragmites australis, Nuphar lutea	Встречается в некоторых участках вершин эвтрофированных заливов	Ил
Potamogeton natans, Nuphar lutea	Преобладающий тип сообщества озера Худого, характерный для всей зоны плейстофитов литорали	Ил
Scirpus lacustris, Equisetum fluviatile	Сообщество типично в зоне гелофитов у северного берега озера Масельского	Мелкозернистый песок, местами откладывается ил

В большинстве водоемов видовой состав макрофитов имеет определенные сходства и различия. Всего, по нашим данным, в исследованных озерах окрестности деревни Масельги насчитывается 25 видов высших макрофитов и эуцигрофитов, проникающих на литораль. Во всех озерах распространение получают *Carex acuta*, *Carex aquatilis*, *Comarum palustre*, *Equisetum fluviatile*, *Nimpha candida*, *Nuphar lutea*, *Potamogeton natans*, *Myriophyllum trifoliatum*. По три вида встречается в озерах Масельском, Белом и Синем: *Potamogeton lucens*, *Myriophyllum spicatum*, *Polygonum amphibium*. *Carex rostrata* встречается в озерах Масельском и Синем. Только для озера Масельского характерны *Alisma plantago-aquatica*, *Isoëtas lacustris*, *Lobelia dortmanii*, *Phragmites australis*, *Scirpus lacustris*, для обитания которых экотопы соседних малых озер, по-видимому, не подходят. В озере Белое встречается *Elodea canadensis*. В озере Синем — *Potamogeton perfoliatus*, *Thipha latifolia*. В озере Худом — *Ceratophyllum demersum*, *Cicuta virosa*.

Таким образом, растительные сообщества макрофитов в озерах окрестностей деревни Масельги имеют определенные отличия в структуре и видовом составе ввиду неодинаковой абиотической среды обитания. В данном случае имеет

место существенная разница в гидрологических условиях водоемов, для которых характерна неоднородность донных отложений, включая их химический состав, прозрачность воды, глубины, рельеф дна и береговой линии.

Изучение высшей водной растительности имеет не только описательное значение, макрофиты являются важным средообразующим биотическим фактором. С практической точки зрения, высшие макрофиты могут использоваться для создания искусственных биоплато по очистке воды от загрязняющих веществ и микроорганизмов.

Важное значение в настоящее время получает геоботаническое (гидроботаническое) картирование литорали озер. В настоящее время разработаны карты растительных сообществ макрофитов литорали исследованных озер Кенозерского национального парка.

Примечания

¹ Вехов Н.В. Макрофиты озер северной части национального парка «Кенозерский» и прилегающих территорий // География и природные ресурсы. 1994. № 4. С. 95–103.

² Гидролого-гидрохимические исследования озер Масельгское и Вильно / Т.Я. Воробьева и др. // Проблемы региональной экологии. 2009. № 6. С. 72–77.

³ Распопов И.М. Высшая водная растительность больших озер Северо-Запада СССР / под ред. В.М. Катанской. Л.: Наука, 1985. С. 200.

⁴ Гигевич Г.С., Власов Б.П., Вынаев Г.В. Высшие водные растения Беларуси: эколого-биологическая характеристика, использование и охрана. Минск: Издат. центр БГУ, 2001.

Древесина хвойных в Кенозерском национальном парке

Леса Кенозерского национального парка разнообразны: здесь можно встретить все древесные породы, растущие в среднетаежной зоне. Обобщенный для всех лесов парка породный состав выражается формулой: $3С\ 3Е\ 3Б\ 1Ос+Ол(с)\ ед.$ *Ив, Л, Чр, Р* (где *С* — сосна, *Е* — ель, *Б* — береза, *Ос* — осина, *Ол(с)* — ольха серая, *Ив* — ива древовидная, *Л* — лиственница, *Чр* — черемуха, *Р* — рябина).

Сложная формула свидетельствует о сложном породном составе большинства древостоев. Почвенные и климатические условия парка благоприятны для произрастания многих таежных древесных пород. На плодородных почвах под пологом светолюбивых сосен или берез прекрасно развивается, постепенно выходя в первый ярус, теневыносливая ель. Обилие и мозаичное расположение открытых ландшафтов — озер, сельскохозяйственных угодий, деревень — способствует успешному совместному произрастанию таких близких по требованию к световому режиму пород, как сосна и береза.

Смешанные древостои по сравнению с чистыми насаждениями более производительны, т.к. в силу различных биологических особенностей древесных пород используют плодородие почвы на всех ее горизонтах. Кроме того, осадки не уносятся поверхностным стоком, а перехватываются деревьями нижнего яруса и наконец в них более полно используется энергия несущего тепло и свет солнца. Вот почему они более устойчивы к неблагоприятным воздействиям, в том числе и к рекреационным нагрузкам.

Сложность породного состава во многом обусловлена сравнительно небольшим возрастом лесов национального парка. Известно, что наиболее сложным составом обладают средневозрастные древостои и только с течением времени, когда перестойные древостои достигают кульминационной точки развития, состав значительно упрощается. Примечательно, что почти половина всех древостоев национального парка имеет возраст от 71 до 90 лет. Среди сосняков этот пласт возрастного ряда составляет 61,7%, среди березняков — 47,0%, среди осинников — 49,8%. Из 2,8 га лиственничников 2,1 га имеет возраст 80 лет.

Такая возрастная структура древостоев парка не может быть объяснена только хозяйственной деятельностью человека — развитием лесозаготовок и подсечного земледелия в начале XX века. И то и другое, безусловно, имело место, но главной причиной, вероятнее всего, были исключительно сильные лесные пожары, не затронувшие только заболоченные сосняки и ельники.

Следы от лесных пожаров встречаются почти повсеместно. Пожары в те годы тушили редко, предоставляя природе самой справляться со стихийным бедствием, поэтому и распространялись они на большой площади. Вероятно, пожары нередко возникали вследствие огневой очистки местности при подсечном земледелии. Со слов очевидцев, оно практиковалось до конца 40-х годов XX века.

В результате сочетания этих факторов сформировались леса парка, которые характеризуются как высокопродуктивные, сложные по составу, высокополнотные, средневозрастные с преобладанием сосны. Они значительно превосходят леса окружающих территорий по темпам прироста древесного запаса, по среднему запасу как хвойных, так и лиственных насаждений, а также по классу бонитета (табл. 1)¹.

Физико-механические свойства древесины являются основными показателями качества, определяющими область ее применения. Эти показатели в отличие от фенотипических признаков являются ненормированными. Встречающиеся в литературе данные часто противоречивы и не дают однозначного ответа на вопрос о влиянии природных и антропогенных факторов на изменения качественных показателей древесины. Именно поэтому определение физико-механических свойств древесины представляет особый интерес и может быть практически использовано при разработке стандартов, нормативных материалов и сертификации лесной продукции.

Таблица 1. Сравнение таксационных показателей лесов парка с лесами окружающих территорий

Показатель	Кенозерский национальный парк	Каргопольский лесхоз	Каргопольский сельский лесхоз	Приозерный лесхоз	Плесецкий сельский лесхоз	Лесной фонд Архангельской области
Средний запас всех хвойных насаждений, м ³ /га	246	127	169	157	208	116
Средний запас всех мягколиственных насаждений, м ³ /га	212	84	119	80	161	64
Средний запас спелых и перестойных хвойных насаждений, м ³ /га	153	146	175	164	211	138
Средний запас спелых и перестойных мягколиственных насаждений, м ³ /га	277	169	160	152	201	161
Среднее изменение запаса, м ³ /га	2,7	1,2	2,3	1,4	3,0	1,1
Средний класс бонитета	2,7	4,5	3,3	4,3	2,9	4,8

Объектом исследования были выбраны древесина ели и сосны.

Полевые работы проводили в естественных древостоях путем их предварительного обследования по материалам лесоустройства с последующей закладкой временных пробных площадей.

Закладка пробных площадей осуществлялась в наиболее характерных по составу, полноте и микрорельефу участках древостоев в соответствии ГОСТом 16483.6-80². Схема размещения пробных площадей представлена на иллюстрации.

Тип леса определялся с учетом основных положений учения о лесной типологии, разработанного В.Н. Сукачевым, по преобладающей породе и основному представителю живого напочвенного покрова.

Для определения возраста и изучения макростроения и физических свойств древесины отбирались керны древесины с помощью возрастного бурава. На пробных площадях отбирались керны у деревьев примерно одного возраста, произрастающих в одном выделе, на высоте 1,3 м от корневой шейки в строго ориентированном направлении юг — север, у прямоствольных деревьев, не подвергавшихся механическим воздействиям. Сверление производилось в направлении, перпендикулярном оси ствола.

Было заложено три пробных площади для ели и одна для сосны. Показатели средних диаметров и высот на пробных площадях взяты из материалов лесоустройства. Отобрано 50 кернов древесины хвойных пород. Произведено около 6000 измерений ранней и поздней древесины у 3000 годичных слоев. Статистическая обработка результатов выполнена с использованием статистических программ MS Excel.

Изучение изменчивости макростроения и плотности древесины хвойных пород проводились в черничном и брусничном типах леса. Основные показатели макростроения и плотности древесины приведены в таблице 2.

Таблица 2. Характеристика древостоя на пробных площадях

Пробная площадь	Состав древостоя	Средний возраст, лет	Средний диаметр, см	Полнота древостоя	Средняя высота, м	Бонитет
П.П.1. Сосняк брусничник	10С	65	30	0,7	18	III
П.П.2. Ельник черничник	7ЕЗБ+С	78	27	0,7	19	III
П.П.3. Ельник черничник	5ЕЗС2Б	68	25	0,7	19	III
П.П.4. Ельник черничник	6ЕЗС1Б	73	26	0,7	18	III

Характеристика макростроения древесины ели приведена комплексно для всех трех пробных площадей, т.к. они имеют единообразные таксационные характеристики (табл. 3).

Таблица 3. Характеристика макростроения древесины ели и сосны на пробных площадях

Порода	Доля поздней древесины, %	Количество годовичных колец в 1 см	Ширина годовичного кольца, мм	Плотность ρ_{12}' , кг/м ³
Сосна	25±0,7	4,53±0,21	2,28±0,11	506,9±10,4
Ель	15±0,76	5,73±0,19	1,77±0,06	440,6±8,4

Как легко наблюдаемый признак средняя ширина годовичных колец часто используется в практике для предварительного ориентировочного суждения о качестве древесины. Наиболее плотная древесина сосны формируется при ширине годовичного кольца 1,0–1,2 мм³. В стандартах на высококачественную древесину требуется, чтобы число годовичных слоев в 1 см для древесины сосны было не менее 3 и не более 25⁴, для древесины сосны — не менее 3 и не более 20⁵.

В древесине ели средняя ширина годовичного слоя у большинства исследуемых деревьев колеблется в пределах 1,4–2 мм, а количество годовичных колец варьирует от 4,4 до 8 в 1 см, т.е. изучаемая древесина ели на всех пробных площадях имеет высокое качество. Лишь отдельные экземпляры имеют среднюю ширину годовичного слоя более 2,5 см и менее 3 годовичных слоев в 1 см.

У сосны средняя ширина годовичного слоя колеблется в пределах 1,4–3 мм, а количество годовичных слоев варьирует от 3 до 7 в 1 см.

Следует отметить, что макростроение древесины хвойных, произрастающих в Кенозерском национальном парке, значительно отличается от средних показателей по Архангельской области (табл. 4).

Таблица 4. Показатели макростроения хвойных в Архангельской области

Показатель	Сосна		Ель ⁶
	Сосняки средней подзоны тайги	Сосняк брусничный	Ельник черничник
Количество годовичных слоев в 1 см	6,8±0,2	10,1±0,2	13,2
Ширина годовичных слоев, мм	1,6±0,04	1±0,02	–
Доля поздней древесины, %	29,5±0,3	23,5±1,6	20
Плотность при влажности 12%, кг/м ³	490±10,5	491±0,02	480

Ель и сосна Кенозерского национального парка обладают большей скоростью роста (в 2 раза), но меньшей долей поздней древесины (до 30%) по сравнению со средними показателями по Архангельской области. Тем не менее древесину сосны и ели, произрастающих в Кенозерском национальном парке, можно считать качественной.

Примечания

¹ Проект организации и ведения лесного хозяйства Кенозерского национального парка. Т. I. Архангельск, 1997 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 321.

² ГОСТ 16483.6-80. Метод отбора модельных деревьев и кряжей для определения физико-механических свойств насаждений. М., 1980.

³ Полубояринов О.И. Плотность древесины. М.: Лесная промышленность, 1976.

⁴ Мелехов В.И., Бабич Н.А., Корчагов С.А. Качество древесины сосны в культурах. Архангельск: Изд-во АГТУ, 2003.

⁵ Перельгин Л.М. Строение древесины. М.: АН СССР, 1954.

⁶ Вихров В.Е., Лобасенок А.К. Технические свойства древесины в связи с типами леса. Минск, 1963.

Памятники деревянной резной пластики в сакральном пространстве Нижней Печоры

Летом 2012 года состоялась совместная экспедиция сотрудников Национальной галереи Республики Коми (Н.Е. Плаксина, О.В. Орлова) и Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (кандидат исторических наук Т.И. Дронова), задачей которой было комплексное исследование старо-обрядческой иконы Нижней Печоры¹. Экспедиция дала обширный материал, касающийся различных сторон происхождения и бытования иконы в этом ареале². Были получены новые материалы о памятниках деревянной резной пластики — крестах и резных иконах с изображением Голгофского креста, до сих пор бытующих у нижнепечорских старообрядцев.

Известно, насколько важное место занимает крест в сакральной топографии северных ландшафтов³. Не является исключением и Нижняя Печора, где выделяются три религиозных центра, каждый из которых обладает чертами своеобразия: непосредственно Усть-Цилемский, Цилемский и Пижемский. Особенно интересен Пижемский центр, своеобразие которого обусловлено деятельностью основанного в начале XVIII века Великопоженского скита, имевшего тесные связи с Выголексинским общежитием и обладавшего авторитетом религиозного и культурного центра Нижней Печоры. Особо памятной страницей истории скита стало самосожжение его насельников в 1743 году. Датой ликвидации скита считается 1854 год, но и позднее здесь отмечалась активная жизнедеятельность скитников. На месте скита впоследствии возникла деревня Скитская, существующая поныне.

Деревня Скитская до сих пор сохраняет отголоски особого сакрального статуса, некогда присущего этой территории. Ее жизненный уклад был подчинен памяти о духовном подвиге основателей Великопоженского скита, почитаемых здесь как первопредков-демиургов, положивших начало жизни на Пижме, памяти о самосожженцах — мучениках за старую веру⁴. Еще в начале прошлого века в деревне Скитской запрещалось устраивать развлечения, петь и плясать во время праздников, даже рожать в летнее время уходили в соседнюю деревню Замогильное⁵.

Вопросы сакральной топографии Пижемского края освещены в трудах этнографа Т.И. Дроновой, которая выделяет здесь три почитаемых места⁶. Все они связаны с памятью о Великопоженском ските и отмечены мемориальными крестами. Одно из них — в центре села на берегу реки Пижмы, на месте сгоревшего скита. Здесь после трагического события 1743 года была возведена часовня, закрытая в 1920-х годах и спустя 10 лет сгоревшая. Часовня была

вновь восстановлена уже в 1990-х, а в 2005 году рядом установлен трехметровый восьмиконечный резной крест. Ежегодно на Троицу и на Иванов день к поклонному месту съезжаются староверы района и совершают службы по усопшим скитникам⁷.

Еще один крест установлен рядом с природным объектом — Еленским камнем, или Еленским стражем, в верховьях Пижмы. О происхождении топонима существуют разные легенды, так или иначе связанные с самосожжением 1743 года. По мнению Т.И. Дроновой, и сам камень и место его расположения «по праву можно отнести к числу сакральных объектов Пижмы, основанием чему служит непростое отношение к нему местного населения. О том же говорит и его пограничная функция в верховьях Пижмы: камень как бы разделяет "свою" и "чужую" (антихристову) территории»⁸.

Два больших креста одинаковой иконографии — один полуразрушенный, другой еще крепкий — находятся на территории кладбища деревни Скитской (ил. 1), носящего название Могильник (Могильное). Это место представляет собой темный мрачный ельник, ассоциирующийся в представлениях нижепечорских староверов с потусторонним миром⁹. Кладбище служит своего рода границей сакрального и профанного миров. По преданию, здесь были захоронены останки погибших в «гари». Место захоронения отмечено домовиной, рядом с которой стоит трехметровый крест¹⁰. Другой такой же крест, сильно обветшавший, прислонен к стволу ели. Материалом для крестов, скорее всего, послужила лиственница. Древние лиственницы, произрастающие по берегам печорской Пижмы, составляют особенность природного ландшафта этих мест. Лиственница широко использовалась в хозяйстве и медицинской практике¹¹. Из лиственницы вырезали могильные столбы, в чем, возможно, была не только практическая составляющая (это устойчивый к гниению и долговечный материал), но и особый сакральный статус дерева¹².

Оба креста, по данным Т.И. Дроновой, были установлены в конце XIX века¹³. Кем они выполнены, не сообщается. Исследователями отмечается мастерство исполнения крестов¹⁴. Они вырезаны из четырехгранных брусьев, обладают гармоничными пропорциями. Судя по пазу в оглавии, ранее кресты были увенчаны крышей-полотенцем. Иконография крестов наиболее близка к иконографии креста из деревни Семжи Мезенского района, созданного в 1877 году¹⁵. На концах всех трех перекладин в кругах вырезаны титла Ц(А)РЪ С(ЛА)ВЫ, средней — ІС ХС, нижней — М(есто)Л(обно) Р(ай)Б(ысть). На средней перекладине — «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим». Справа и слева от орудий страстей вырезаны буквы НИ КА. В основании креста вырезан череп Адама, хорошо видный на снимке 1970-х годов, опубликованном в книге Г.П. Гунна (сейчас основание врыто в землю)¹⁶. Буквы выполнены в высоком рельефе. Еще в 1970-х годах сохранялась окраска креста, которая к настоящему времени утрачена. Присутствие на Печоре

традиции окрашивания резных надгробных сооружений (столбов) отмечала в 1960-х годах Н.В. Тарановская¹⁷.

К сожалению, в настоящее время старые надгробные сооружения (столбы и голубцы) не сохранились не только в деревне Скитской, но и на других кладбищах Пижемского куста. Это затрудняет изучение еще одной разновидности деревянной резной пластики — резных досок или икон с изображением Голгофского креста, представлявших собой неотъемлемую часть типичного для старообрядцев-беспоповцев поморского согласия комплекса обрядовых предметов, традиционно связываемых с погребальной обрядностью.

Во время экспедиции в музейных собраниях и личных домовладениях по Пижме и в Усть-Цильме была зафиксирована группа резных икон (6 ед.) с изображением Голгофского креста, отличающихся рядом общих признаков. Все иконы изготовлены из цельных досок плотной древесины, предположительно сосны¹⁸. На обороте — следы обработки топором. Доски, вытесанные из ядра, практически не подвержены короблению и деформации. Размеры досок варьируются. Самая маленькая имеет размеры 23,5×19 см, самая большая 33×24 см. Толщина доски 2–3 см. На лицевой стороне изображение заключено в профилированную рамку-киот с выпукло-вогнутыми полями, обрамленными высоким плоским бортиком. Изображение вырезано в разновысотном рельефе: в наиболее высоком рельефе выполнены крест и гора, чуть ниже высота рельефа орнаментальных мотивов, копыя и трости, а также надписей. Буквы Г Г (Гора Голгофа) часто вырезаны вровень с поверхностью доски.

Основу иконографии составляет изображение восьмиконечного креста на горе Голгофе (ил. 2–4). Гора имеет криволинейные очертания в виде волнистой или зигзагообразной линии, часто декорирована треугольными выемками. Внутри горы в сегменте пещеры — глава Адама, развернутая под небольшим углом вправо. По сторонам от нее — буквы Г А (Глава Адама). На горе справа и слева от креста под небольшим углом — копыя и трость. Наконечники орудий страстей имеют устойчивую форму в виде граненого треугольника или ромба с рядом перемычек в основании (копыя) и четырехконечного креста с выемками внутри лопастей (трость). Изображение града Иерусалима отсутствует. Надписи расположены вокруг креста в определенной последовательности. Вверху по сторонам от оглавия надпись — ЦРЬ СЛВЫ. Над верхней перекладиной или по сторонам от нее — ІС ХС. Под верхней перекладиной первые буквы текста молитвы кресту — КТ ПВ ІВ ТС (Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Воскресение Твое славим). В середине в одну линию: К НИ КА Т. У основания креста в одну линию — МЛ Г Г РБ. По сторонам от черепа — Г А. Буква Х в монограмме имени Христа имеет характерную особенность в виде горизонтальной перемычки. По сторонам от горы или в верхних углах над аркой присутствует орнаментальный мотив в виде стилизованного крина или трилистника, который также является отличительной особенностью всех икон этого круга.

На всех иконах имеются следы раскраски в четыре цвета — красно-оранжевый, белый, черный, сине-зеленый.

К группе резных деревянных икон примыкают и выявленные в ходе экспедиции резные четырехконечные кресты (2 ед.). Для них характерны аналогичные пропорции и приемы декорирования креста цветом с выделением перекладин обводкой, сходство в изображении горы, в очертаниях букв, в приемах изображения наконечников копья и трости.

Все памятники так или иначе связаны с Пижмой — или концентрируются на территории Пижемского куста (д. Замежная, Скитская, Верховская) или же были вывезены оттуда¹⁹. Это заставляет соотносить их изготовление с Великопоженским скитом. Информация о том, что в Великопоженском скиту создавались резные иконы, содержится в трудах Ю.В. Гагарина, обследовавшего район в 1960–1970-х годах²⁰. В пользу местного происхождения резных досок свидетельствует один существенный фактор. В их окраске доминирует красно-оранжевый цвет, часто встречающийся в декоре предметов бытового назначения, происходящих с Пижмы (ложки, ружейные ложа и пр.). Аналогичный цвет присутствует в составе палитры пижемских мастеров-ложечников, экспонируемой в Пижемском историко-краеведческом музее.

Еще в 1920-х годах жители деревни Скитской артельным способом добывали охры в местечке Красный ручей на горе Кокур в двух километрах от деревни. Местные охры обладают такими качествами, как однородность и мелкодисперсность. Красно-оранжевая краска на резных досках однородна по своей структуре, в отличие от белил и сине-зеленой краски, содержащих крупные частицы. Белые и сине-зеленые пигменты также могли изготавливаться на основе местных цветных глин, залегающих недалеко от деревни Скитской и использовавшихся местными жителями для бытовых нужд еще в недавнем прошлом.

Вопрос о назначении подобных памятников является дискуссионным. Авторы склоняются к многофункциональности резных икон²¹, хотя одной из первичных функций по-прежнему считается сопровождение поминально-погребальной обрядности. В отличие от северно-русской традиции бастейнов Мезени, Пинеги, Выга, где резные памятники такой тематики изготавливались для надмогильных строений (столбов), на Нижней Печоре они, скорее всего, выполняли иную функцию, пока до конца не выясненную, но не связанную с их установкой на надмогильных памятниках. В традиции устьцилёмов в погребальный крест (столб) всегда врезали небольшую меднолитую икону: для женщин — богородичной тематики, для мужчин — с образами прочих святых или нательный крест²². Не известно ни одного случая установки досок на кладбище. В то же время, по данным этнографа В.Э. Шарапова, на старообрядческих кладбищах Средней Печоры (современный Троицко-Печорский район Республики Коми) еще в начале 1990-х годов можно было уви-

деть намогильные памятники начала XX века с пазами для икон высотой до 30–40 см²³.

У удорских и верхнепечорских коми старообрядцев резные иконы («пу богъяс») не считались домашними, их не держали в доме²⁴. Аналогичная традиция была характерна и для поморских (выговских) старообрядцев, размещавших такие иконы в нежилых помещениях и там, куда могли заходить иноверцы — в сараях, амбарах, помещениях для возчиков и пр.²⁵ Современные усть-цилемские старообрядцы называют резные иконы так же, как живописные, «древенными» (деревянными) и размещают их на домашних божницах (ил. 5). Довольно хорошая сохранность большинства пижемских «Голгоф» говорит о том, что они практически не подвергались негативным природным воздействиям. Так или иначе, в вопросах назначения и бытования резных икон на Нижней Печоре остается много неясного, и необходимо продолжить их изучение.

Судя по довольно значительному числу дошедших до нашего времени резных икон с изображением Голгофского креста, они являлись в прошлом неотъемлемой составляющей сакрального пространства Нижней Печоры, были важным элементом ритуальной практики нижнепечорских (пижемских) старообрядцев. Традиции их изготовления, без сомнения, восходят к деятельности Великопоженского скита. Продолжение начатой работы по выявлению и картографированию аналогичных памятников в музейных и частных собраниях позволит определить ареал их распространения, а работа с информантами и поиск дополнительных источников поможет уяснить их назначение и первоначальное бытование.

Примечания

¹ Экспедиция осуществлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-14-11600) и Республики Коми в рамках совместного регионального конкурса научных проектов «Русский Север: история, современность, перспективы».

² Одной из задач экспедиции был сбор материалов о существовании иконописной мастерской в данном регионе. В качестве консультанта был привлечен автор гипотезы о «великопоженской иконе» коллекционер-исследователь из Москвы Ю.И. Афанасьев.

³ Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство северно-русской культуры). Архангельск, 1993. С. 55–71.

⁴ Дронова Т.И. Легенды и предания о местночтимых святынях в поклонных местах Пижемского края (по материалам исследований нижнепечорских староверов-беспоповцев) // Рябининские чтения — 2007 / отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск, 2007. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/334.html>.

⁵ Ее же. «Историческая память» устьцилёмов // Научные доклады УрО Российской академии наук. Сыктывкар, 2000. Вып. 430. С. 7–8.

⁶ Ее же. Легенды и предания о местночтимых святых...

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Ее же. Земное бытие как подготовка к загробной жизни (по этнографическим материалам Усть-Цильмы) // Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции / науч. ред. и сост. Н.И. Решетников. М., 2002. С. 187.

¹⁰ Гунн Г.П. По Нижней Печоре. М.: Искусство, 1979. С. 99.

¹¹ Местные жители признают целебные свойства смолы лиственницы (так называемая «тающая сера»), которой до сих пор лечат, в частности, грыжу. В недавнем прошлом «тающую серу» использовали пижемские мастера-ложечники в качестве связующего красочных пигментов.

¹² В связи с этим интересно наблюдение этнографа О.И. Уляшова, согласно которому в мифологических представлениях пермских и обскоугорских народов лиственница обладала сакральными свойствами, являлась оберегом, средством спасения и обозначала границу между мирами. См.: Уляшов О.И. Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обскоугорских народов. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. С. 164–166.

¹³ Дронова Т.И. «Историческая память» устьцилёмов... С. 7–8.

¹⁴ Гунн Г.П. Указ. соч. С. 99–101.

¹⁵ Овсянников О.В., Ясинский М. О деревянных крестах Русского Севера // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера: материалы конференции 13–17 июня 1995 г. Архангельск, 1995. С. 61; Пермиловская А.Б. Деревянные кресты Русского Севера // Ставрографический сборник. М.: Древлехранилище, 2001. Кн. 1. С. 246–247.

¹⁶ Гунн Г.П. Указ. соч. С. 100.

¹⁷ Тарановская Н.В. Росписи на Мезени и Печоре (о формировании местных художественных стилей) // Русское народное искусство Севера: сб. ст. Л.: Советский художник, 1968. С. 54.

¹⁸ Автор благодарит старшего научного сотрудника Национального Кенозерского парка кандидата сельскохозяйственных наук Николая Александровича Неверова за консультации и помощь в определении породы дерева.

¹⁹ Другим направлением экспедиции были села по реке Цильме, где подобные резные иконы не были нами выявлены.

²⁰ Гагарин Ю.В. Старообрядцы. Сыктывкар, 1973. С. 18–19. В личной коллекции Ю.В. Гагарина, переданной его супругой Э.М. Гагариной в Национальную галерею Республики Коми, имелись две аналогичные резные иконы, обладающие описанными признаками. См.: Иконопись, деревянная резная пластика, медное художественное литье XVII — начала XX века из собрания Национальной

галереи Республики Коми: каталог / авт.-сост. Н.Е. Плаксина. Сыктывкар, 2008. С. 31. Кат. 3, 4.

²¹ Лучшева З.А., Ченская Г.А. Голгофский крест в памятниках мелкой пластики из дерева: каталог. СПб., 2009. С. 13.

²² Бабилова Т.И. Погребально-поминальный обряд «устыцилёмов». Сыктывкар, 1998. С. 16–17; Шургин И.Н. От лесной избушки до церкви дивной. Деревянная архитектура коми. М., 2009. С. 82–83.

²³ Шарапов В.Э. О традиции изготовления резных деревянных икон и нательных крестов у коми-старообрядцев-беспоповцев // Музеи и краеведение. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2001. С. 191. Одна из зафиксированных исследователем в селе Даниловка намогильных резных досок обладает признаками нижнепечорских резных икон и вполне могла быть привезена старообрядцами с Нижней Печоры.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Музыка в музее: из опыта работы по созданию фольклорного ансамбля в музее-заповеднике А.С. Пушкина «Михайловское»

Важнейшей составляющей культурного ландшафта является звук, в особенности музыкальный. В сравнении с объектами материальной культуры он обладает большими возможностями в создании атмосферы места, времени и эпохи. Информационная насыщенность звукового кода, усиливающая зрительные впечатления, опора на эмоционально-образное восприятие действительности, чувственный опыт человека делают музыкальный компонент незаменимым в формировании, поддержании и развитии музейной среды.

В последние два десятилетия в развитии музейного дела устойчиво прослеживается тенденция обращения к музыке при моделировании пространства культуры. Первопроходцами в данном вопросе можно считать музеи деревянного зодчества, ведь знакомство посетителей с традициями деревенской и культовой архитектуры, предметами декоративно-прикладного искусства, социально-общественной и бытовой жизнью крестьянина практически невозможно представить без обращения к музыкальному фольклору.

Музеи под открытым небом, сконцентрировавшие на своей территории памятники народной архитектуры определенного региона России, остро нуждались в согласовании разнородных элементов, в гармонизации нового культурного ландшафта, что и было достигнуто проведением календарных праздников и семейных торжеств с фольклорным компонентом. С этой целью на базе Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижы», Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», Музея народного деревянного зодчества «Витославицы» Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, Архитектурно-этнографического музея Вологодской области «Семёново» и других музеев в разные годы были созданы фольклорные коллективы.

Каждый из музеев пошел своим путем в решении вопроса о формах и способах обеспечения своей деятельности по воссозданию форм народной музыкальной культуры. Некоторые организации привлекли к сотрудничеству этнографические коллективы из числа носителей традиции или молодежные ансамбли, владеющие местным репертуаром и певческим стилем, другие обратились за помощью к профессионалам, взяв на работу выпускников профильных вузов (консерваторий, институтов искусств и др.). В результате на экспозициях стал регулярно звучать аутентичный фольклор, представленный не в виде му-

зейной реликвии (архивной аудио- или видеозаписи), а в живом исполнении.

Музыка, «искусство интонируемого смысла» (по Б.В. Асафьеву), связала прошлое и настоящее, оказалась близка и понятна большинству посетителей, актуализировав память поколений, повысила эффективность образовательных и просветительских программ для детей и молодежи. Выяснилось, что запрос «на погружение в традицию» путем участия в мероприятиях фольклорного профиля неизменно растет, в обществе сформировался устойчивый интерес к этой стороне музейной деятельности.

Довольно скоро инициатива этнографических музеев была подхвачена другими категориями учреждений подобного типа. Первыми откликнулись мемориальные музеи-усадьбы композиторов, расположенные в российской провинции. В родовых поместьях юных музыканты получали первые музыкальные впечатления от песенного творчества народа, впоследствии именно здесь во время летнего отдыха или уединения на природе композиторами были созданы выдающиеся произведения, основанные на фольклорных источниках.

Музеи русских композиторов оказались тесно вписаны в ландшафт традиционной народной культуры определенного региона, а народная музыка заняла почетное место в программах деятельности мемориальных усадеб. Выступления фольклорных коллективов стали традиционным компонентом празднования памятных дат в мемориальном музее-усадьбе М.И. Глинки в Новоспасском, доме-музее Н.А. Римского-Корсакова в Тихвине, двух усадьбах Псковского государственного объединенного историко-культурного и художественного музея-заповедника — Н.А. Римского-Корсакова (имения Любенск и Вечаша в Плюсском районе) и М.П. Мусоргского (село Наумово в Куньинском районе). И это только те музеи, где автору этих строк посчастливилось участвовать в концертах народной музыки в составе фольклорного ансамбля Санкт-Петербургской консерватории и самостоятельно.

На сегодняшний день практически каждый мемориальный музей русских писателей, поэтов, драматургов, художников, деятелей культуры, науки, образования не обходится без этнографической или краеведческой экспозиции, в контексте которой звучит народная музыка. На территории Смоленской области, богатой музыкальным фольклором, этнографические ансамбли-спутники поддерживают деятельность Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» (Вяземский район), историко-художественного заповедника, музея-усадьбы Тенишевых «Флёново-Талашкино» (Смоленский район), музея-усадьбы А.С. Твардовского (Починковский район) и др.

В Брянской области, где сильны традиции народной музыкальной культуры, развивается другая инициатива: расположенные здесь мемориальные усадьбы ежегодно принимают межрегиональный фольклорный фестиваль «Деснянский хоровод». Как на съезжий праздник, собираются на Брянщину местные этнографические ансамбли и молодежные группы из различных областей России, Украины и Белоруссии. В 2011 году выступления фольклорных коллективов состоялись в литературно-мемориальном музее-усадьбе А.К. Толстого в селе Красный

Рог Почепского района, в 2012 году праздник пришелся на Троицу и был включен в программу 45-го Всероссийского праздника поэзии «Северная лира» в музее-усадьбе Ф.И. Тютчева «Овстуг» в Жуковском районе.

В центральной части Псковской области на территории Пушкиногорского района располагается Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина, объединивший несколько усадеб: родовое поместье матери Пушкина в Михайловском, вотчину предков поэта Ганнибалов в Петровском, имение Осиповых-Вульф в Тригорском, где часто бывал молодой вольнодумец, сосланный в деревню из столицы. В течение нескольких лет на Всероссийском пушкинском празднике поэзии в «Михайловском» организуется фольклорная площадка с участием коллективов из Псковской области, на базе музея проходят два крупных проекта всероссийского статуса — фольклорный фестиваль «Псковские жемчужины» и фестиваль любительских театров и фольклорных программ «Затея сельской остроты».

Однако инициатива Пушкинского заповедника не ограничилась привлечением фольклорных коллективов для участия в знаковых мероприятиях. В 2007 году после масштабной реконструкции в деревне Бугрово открылась и начала работу действующая водяная мельница, там же был создан новый музейный объект — крестьянское подворье «Пушкинская деревня». Концепция деятельности музейного комплекса в Бугрово была связана с воссозданием форм хозяйственной и культурной жизни псковской деревни первой трети XIX века, а также с отражением быта русских крестьян в творчестве Пушкина.

Интерактивные и театрализованные экскурсии по экспозиции, фольклорные программы заповедника строятся по принципу погружения посетителей в мир русского фольклора. Названия многих из них звучат как цитаты из произведений Пушкина: «Настали Святки! То-то радость», «У них на Масленице жирной...», «Сороки» — закликание весны», «Егорий вешний», «Семик — Троица», «Три Спаса», «Овины дымные (День Феклы-заревницы)» и др.

В 2010–2013 годах на основе текстов свадебных песен, записанных Пушкиным в годы ссылки «со слов народа», велась работа по подготовке театрализованного представления «Традиционная свадьба». По замыслу организаторов, идея проживания важнейшего события своей жизни в русских традициях, освященных именем великого поэта, может быть весьма привлекательной для туристов.

Реализация данного проекта потребовала от работников заповедника новых форм работы, например, составление сценария, основанного на тщательной проработке пушкинского наследия и этнографически достоверных источников по народной культуре Псковщины, учитывающего регламент музейной работы и законы театрально-сценической подачи материала. Однако самой сложной и, вместе с тем, необходимой задачей для музейщиков стало освоение традиций псковской народной музыки, ибо без качественного результата в сфере фольклорного исполнительства рассчитывать на успех проекта было невозможно.

Игра на музыкальных инструментах и певческое дело относится к числу специализированных знаний и умений, требующих музыкальных данных, значительного времени, достаточно высокой мотивации и т.д. Очевидно, что в одночасье научить людей играть или петь в традиционной манере невозможно, тем более, что все они не имеют музыкального образования, а в Пушкинских Горах нет музыковеда-фольклориста, который мог бы осуществить поставленную задачу. В связи с этим администрация Пушкинского заповедника пригласила к сотрудничеству специалистов из Санкт-Петербурга. Начиная с 2010 года сначала разово, а затем регулярно, трижды в год, я приезжаю в Пушкинский заповедник как преподаватель и провожу занятия по фольклорному пению с работниками музеев «Пушкинская деревня» и «Водяная мельница» в Бутрово. С 2012 года обучение игре на псковских традиционных музыкальных инструментах (гусли, балалайка, гармоника) осуществляет А.А. Мехнецов.

Одним из результатов проведенной работы является формирование в деревне Бутрово фольклорного ансамбля. Сегодня в репертуаре коллектива более 30 свадебных, календарно-обрядовых, плясовых и хороводных песен из различных районов Псковской области.

Одной из определяющих особенностей деятельности ансамбля являются выступления без руководителя, что, с одной стороны, развивает вариантную природу фольклорного исполнительства, с другой — провоцирует «забалтывание» песен. В работе с коллективом большое внимание уделяется самостоятельной и индивидуальной работе с ансамблистами, ведь при отсутствии педагога-наставника на выступлениях многократно повышается роль лидеров группы — тех, кто может запеть песню в нужной тональности и характере, способен контролировать музыкальное движение, активизировать его с помощью традиционной пластики и жестикуляции, уметь сымпровизировать в непредвиденных обстоятельствах и т. д.

В портфолио фольклорного ансамбля есть и выездные выступления, хотя для этого коллектива органичнее выступления на родной земле. 29 июня 2013 года программа «Деревенский Пушкин» была представлена в Государственном музее-заповеднике С.А. Есенина в селе Константиново Рязанской области, а всего несколько дней спустя 3–6 июля фрагмент «Традиционной свадьбы» был продемонстрирован на фестивале традиционных знаний в Каргопольском секторе Кенозерского национального парка.

Фольклорный коллектив Пушкинского заповедника находится в самом начале пути, ему предстоит большая работа по практическому освоению народной музыкальной культуры Псковской области. В перспективе на основе небольшой инициативной группы музейщиков, которые не побоялись нового дела, научились петь народные песни и постоянно пополняют репертуар и совершенствуются в исполнительском мастерстве, может быть сформирован театр среды, который в полной мере реализует задачи возрождения на Псковщине традиционного культурного ландшафта пушкинского времени. Надеюсь, что это время не за горами!

Болота Кенозерского парка: типологический состав и ботанико-географическая специфика

Проведенные нами исследования болот Кенозерского парка (2002; 2006–2011 гг.), продолженные (2011–2013 гг.) к югу от его границ, вплоть до северного берега озера Воже, позволяют выявить на этой территории тенденцию, проявляющуюся в изменении типов болот и их растительности в зональном и меридиональном направлении; составить представление о ботанико-географическом положении болот парка; оценить репрезентативность редких и эталонных типов болот и произрастающих на них растительных сообществ, представленных на территории парка.

Кенозерский парк находится в подзоне средней тайги, где зональными типами болот являются олиготрофные выпуклые грядово-мочажинные и минеротрофные грядово-мочажинные (аапа) болота. Оба эти типа, как и все типы болот, свойственные таежному региону, представлены на территории парка. Ботанико-географическую специфику болотам парка придает положение вблизи проходящей в меридиональном направлении границы Балтийского кристаллического щита (Фенноскандия) и Русской равнины. Типологическому разнообразию болот парка способствуют расчлененный рельеф и близкое залегание к поверхности известковых пород с водоносными горизонтами, содержащими высокоминерализованные воды. Во многих местах происходит их выход на поверхность, как в виде диффузного потока, так и в виде ключей.

Наибольшую площадь болота занимают в южной части парка, где располагаются крупные массивы верховых олиготрофных болот, в основном к северу от озера Лекшмозеро. В юго-западной части парка, вдоль границы с Карелией, в условиях расчлененного рельефа болота разнообразнее, хотя в большинстве своем не велики по размеру. Здесь много евтрофных болот богатого грунтового питания. Встречаются и аапа-болота своеобразного облика, по ряду признаков похожие на карельский подтип этих болот. К сожалению, за пределами парка оказалась наиболее крупная болотная система района Лекшмох, находящаяся восточнее озера Лекшмозеро, с востока примыкающая к границам парка.

Верховые выпуклые грядово-мочажинные болота встречаются в разных частях парка и соответствуют признакам болот этого типа среднетаежной подзоны. Гряды покрыты кустарничково-пушицево-сфагновыми сообществами с доминированием сфагнума бурого (*Sphagnum fuscum*), а мочажины — шейцерицево-сфагновыми сообществами (*Scheuchzeria palustris*, *Sphagnum balticum*, *S. majus*). Свообразие растительности гряд верховых болот парка проявилось

в отсутствии водяники (*Empetrum nigrum*). В мочажинах же часто доминировал восточноевропейско-сибирский вид сфагнового мха *Sphagnum jensenii*. Очень редко встречался на верховых болотах парка очеретник белый (*Rhynchospora alba*), свойственный верховым болотам побережья Балтики и отсутствующий на верховых болотах восточнее Северной Двины¹.

В ходе дальнейших исследований выяснилось, что водяника отсутствует на грядах верховых болот на площади, значительно превышающей территорию парка. Водяники нет и на большей части верховых болот Воже-Лачской низменности. Она отмечена лишь вблизи северного берега озера Воже, на болоте Большая Чисть к западу от истоков реки Свиди. Отсутствие водяники на открытых верховых болотах — особенность обширного района на юго-западе Архангельской области².

К югу от границ парка меняется видовой состав сообществ верховых болот. Если болотам национального парка свойственно совместное произрастание на грядах голубики (*Vaccinium uliginosum*) и карликовой березки (*Betula nana*), что очень характерно для болот средней тайги, то к югу от его границ эти виды встречаются нерегулярно и ни разу не были отмечены вместе. На болотах северного побережья озера Воже карликовая березка отсутствует, меняя свою экологическую приуроченность, произрастая на минеротрофных болотах. Верховые же болота по видовому составу растительности начинают соответствовать признакам подзоны южной тайги, чему противоречит частая встречаемость северного вида сфагнового мха — *Sphagnum lindbergii*. В мочажинах по всему региону доминирует шейхцерия, очеретник встречается нечасто, хоть и образует густые заросли вокруг озерков и в мочажинах с деградирующим сфагновым покровом³. В таких местообитаниях встречается и другой западный вид — *Sphagnum rubellum*. Редкость очеретника на верховых болотах парка объясняется отсутствием на большинстве из них озеркового комплекса⁴. Наряду с открытыми грядово-мочажинными верховыми болотами в парке встречаются и лесные сосново-кустарничково-сфагновые болота, как в виде отдельных, обычно небольших массивов, так и в виде отдельных участков, окаймляющих по периферии грядово-мочажинные болота.

Переходных болот, как в пределах парка, так и на прилегающих территориях, обнаружено мало. Обычно они располагаются вокруг небольших озер. На них произрастают однообразные по всей таежной зоне осоково-сфагновые сообщества.

Низинные (травяно-осоковые евтрофные⁵) приозерные и приречные осоковые и осоково-гипновые болота с доминированием осок *Carex diandra* и *C. lasiocarpa* встречаются редко. В границах парка они отмечены у озера Разлив и в долине ручья к востоку от деревни Труфановской⁶. За пределами парка низинным болотом является южная часть болота Монастырского. Крупные низинные болота, питаемые не только речными, но и напорными грунтовыми водами,

бьющими из многочисленных ключей, располагаются вдоль русла левого притока Онеги — реки Чучексы, к северу от Каргополя. На них значительные площади занимают сообщества с доминированием редкого вида осоки — *Carex buxbaumii*.

Евтрофных болот (травяно-моховые евтрофные⁷) богатого напорного водного питания на территории парка много. Среди них наибольшая площадь приходится на долю лесных болот с разреженным древесным ярусом из сосны с примесью березы и ели, с сомкнутым травяным ярусом из вахты трехлистной (*Menyanthes trifoliata*). Моховой ярус в их сообществах образует *Sphagnum warnstorffii*, а в травяном ярусе постоянно присутствуют *Carex diandra*, *C. dioica*, *Bistorta major*, *Rumex acetosa*, *Poa pratensis*. Часто и обильно произрастают березки *Betula nana* и *Betula humilis*. Таких болот много к западу от озера Лекшмозеро⁸. Они располагаются не только в понижениях, но и на террасированных поверхностях с заметным уклоном. Евтрофные лесные болота с сосной широко распространены на юго-западе Архангельской области и в Карельском Заонежье. Они занимают большие площади, на ряде участков широкой полосой протягиваясь вдоль русел рек Лекшмы, Пежмы, Тихманги. Эти болота уходят на юг за пределы Архангельской области, обширные их массивы располагаются к западу от озера Воже. Судя по космическим снимкам, есть они и к востоку от него. Видовой состав этих болот довольно стабилен по всей таежной зоне, тем не менее региональная специфика прослеживается. На территории парка и к югу от его границ в составе этих сообществ регулярно встречаются *Ligularia sibirica* (ил. 1) и *Pedicularis sceptrum-carolinum*, становящиеся редкими в более южных областях.

Почти сразу после пересечения южной границы парка обращает на себя внимание и появление в составе этих сообществ болотного папоротника *Thelypteris palustris*, наоборот, свойственного болотам южных областей и считающегося редким для Архангельской области⁹. На территории парка отмечено лишь несколько мест его произрастания¹⁰, на болотах же, тянувшихся вдоль среднего течения Лекшмы и к западу от озера Воже, он встречается постоянно и вместе с вахтой трехлистной образует сомкнутый травяной ярус.

Лесные евтрофные болота, прилегающие с запада к реке Лекшме, характеризуются сомкнутым ярусом из тростника (*Phragmites australis*) и хвоща топяного (*Equisetum fluviatile*), что в других местах встречалось довольно редко. Открытые осоково-гипновые болота напорного грунтового питания занимают значительно меньшую площадь, невелики по размерам. На территории парка они встречаются довольно часто, но неравномерно. Несколько таких болот есть в западной части парка вблизи Гужовской мельницы¹¹ и к западу и северу от нее, вдоль границы с Карелией¹². Большая часть из них безымянна, наиболее крупные имеют названия «Теплое», «Кобылье». На многих из них есть выходы ключей (ил. 2), дающие начало ручьям. Кроме видов, перечисленных при характеристике лесных болот, здесь постоянно и иногда обильно встречаются *Caltha palustris*, *Epipactis palustris*, *Stellaria crassifolia*, *Saxifraga hirculus*, гипновые мхи —

Calliergonella cuspidata, *Plagiomnium ellipticum*, *Helodium blandowii*, *Paludella squarrosa* и *Helodium blandowii*. Здесь произрастает пушица широколистная (*Eriophorum latifolium*), в Европейской России редко выходящая на открытые болота. Открытые ключевые болота встречаются в старом русле реки Поржинки и на юго-западном берегу озера Кенозера, вблизи устья Поржинки и по берегу залива между деревнями Горбачихой и Тырышкино (ил. 3).

Болота по берегам Кенозера отличаются сильным уклоном поверхности в сторону озера, они топкие, залиты глубоким слоем стекающей по ним в озеро воды. В травяном ярусе доминирует хвощ топяной. На них же есть заросли редко встречающегося на болотах манника (*Glyceria maxima*). По берегам Кенозера можно наблюдать и начальные стадии образования ключевых болот. На болотах ключевого питания парка мне впервые довелось увидеть сообщества с сомкнутым ярусом осоки топяной (*Carex limosa*), вида, обычно встречающегося на болотах бедного питания. В дальнейшем такие же сообщества встретились и на болотах вблизи реки Лекшмы за пределами парка. Вне границ парка открытые осоково-гипновые болота богатого ключевого питания удалось обнаружить в очень небольшом количестве. По берегам Лекшмы, к сожалению вне границ парка, значительную площадь занимают кустарниковые евтрофные болота¹³ с сомкнутым кустарниковым ярусом из березы приземистой (*Betula humilis*). В пределы парка попадает лишь два таких болота небольшой площади по берегу Монастырского озера.

Опять-таки, к сожалению, далеко за пределами парка, на северном берегу озера Воже по обе стороны от истоков реки Свиди в 2012–2013 годах обнаружены евтрофные болота, питаемые сероводородными водами с уникальной растительностью¹⁴. Здесь впервые для Архангельской области обнаружен вид центральноевропейских болот схенус ржавый (*Schoenus ferrugineus*) (ил. 4). Также впервые для Архангельской области обнаружен редкий вид — орхидея *Ophrys insectifera*. На них повсеместно произрастает редкий вид *Scirpus tabernaemontani*, для южной части области ранее неизвестный и болотам не свойственный. К числу редких видов относятся произрастающие на этих болотах *Carex panicea*, *Carex serotina*, *Utricularia minor*, ранее отмеченные на территории Архангельской области лишь в 3–4 местах¹⁵.

Чрезвычайно интересны по своему составу сообщества, покрывающие гряды и кочки этих болот. В моховом ярусе доминирует свойственный бедным олиготрофным болотам сфагнум бурый (*Sphagnum fuscum*), но видовой состав верхних ярусов не имеет аналогов среди известных типов образуемых этим видом сообществ, в том числе свойственных грядам минеротрофных аапа-болот. Здесь произрастают виды разных экологических шкал, разброс которых шире, чем в сообществах гряд аапа-болот. Здесь совместно и обильно произрастают такие виды, как олиготрофные кустарнички водяника (*Empetrum nigrum*) и вереск (*Calluna vulgaris*), мезоевтрофные и евтрофные травы сабельник (*Comarum*

palustre), телиптерис (*Thelypteris palustris*), дремлик болотный (*Epipactis palustris*), раковая шейка (*Bistorta major*), осока просяная (*Carex panicea*)¹⁶. Чрезвычайно интересен сам факт обильного и постоянного произрастания здесь вереска, отсутствующего на верховых болотах в этой части Европейской России. Восточная граница распространения вереска на болотах этих широт проходит в Карелии по Онежскому озеру и реке Выг. Ранее подобных болот встречать нигде не доводилось, также как и информацию о них в литературе.

Наиболее существенные географические изменения в пределах парка и на близлежащих территориях происходят с **аапа-болотами — грядово-мочажинными минеротрофными болотами**. На территории парка они встречаются в разных частях. Чаще в северной¹⁷, но имеются и в южной. У южной границы парка они располагаются в холмистой юго-западной части, где соседствуют с евтрофными болотами ключевого питания и часто образуют массивы, имеющие признаки обоих этих типов болот¹⁸. Здесь они отвечают ряду признаков аапа-болот карельского типа, отличаясь от них отсутствием вереска (*Calluna vulgaris*), молинии голубой (*Molinia caerulea*) на грядах и осоки сизо-зеленой (*Carex livida*) в мочажинах, а также постоянным и обильным участием очеретника (*Rhynchospora alba*) в сложении сообществ мочажин. К юго-восточной границе парка примыкает обширная болотная система Лекшмох, основные массивы которой соответствуют основным признакам онежско-печорского типа аапа-болот (ил. 5). Региональной особенностью, отличающей их от описанных в литературе классических примеров, является присутствие и доминирование на грядах пухоноса альпийского (*Trichophorum alpinum*) и частое присутствие очеретника¹⁹.

Исследования, предпринятые на территории, лежащей к югу от границ парка, не обнаружили ни одного болота аапа-типа, хотя обширные болотные участки с минеротрофным грядово-мочажинным комплексом часто встречаются среди крупных болотных массивов (систем) верхового типа вплоть до северного берега озера Воже²⁰. Такие участки с аапа-комплексом располагаются в формирующихся на болотах проточных транзитных топях, иногда характеризующихся густой сеткой хорошо выраженных ручьевых русел. Они обнаружены на болотах Ягремском, Нешлахта, Свидская Чистка, Долгая Чисть, на безымянном болоте к северу от озера Воже, где зарождаются многочисленные ручьи, формирующие исток реки Селешки.

По характеру растительности эти аапа-комплексы соответствуют восточному онежско-печорскому подтипу этих болот. К числу специфических особенностей этих болотных участков, тяготеющих к южному краю распространения, следует отнести преобладание в моховом покрове гряд *Sphagnum magellanicum*, а в травяном ярусе — мочажин очеретника и шейхцерии (*Scheuchzeria palustris*). К числу локальных особенностей относится доминирование на обоих элементах комплекса тростника (*Phragmites australis*) (Долгая Чисть), произрастание в мочажинах шейхцериево-гипновых сообществ мочажин (*Scheuchzeria*

palustris — *Warnstorfia fluitans*). Последние образуют комплекс с покрывающими гряды олиготрофными кустарничково-сфагновыми сообществами ассоциации *Chamaedaphne-Sphagnetum magellanicum*, отличающимися от произрастающих на кочках верховых болот (где гряды покрыты сфагнумом бурым) лишь обильным присутствием карликовой березки. *Betula nana* вблизи северного берега озера Воже перестает встречаться на верховых болотах, обильно произрастая на грядах аапа-болот. Ее появление в этом районе на верховом болоте четко индицирует вхождение в пределы экотонной полосы, отделяющей его участки от аапа-комплекса²¹. В мезотрофных и мезоевтрофных мочажинах почти всех обнаруженных в пределах Воже-Лачской низменности участков аапа-комплекса встречается, и местами обильно, ситник стигийский (*Juncus stygius*), тогда как во «Флоре Архангельской области»²² указано лишь два его местонахождения. На грядах исследованных участков аапа-болот часто можно увидеть *Hammarbia paludosa*, для области считающийся крайне редко и рассеянно встречающимся видом²³. В аапа-комплексе посреди болота Долгая Чисть обнаружен *Drosera intermedia*, вид лишь однажды обнаруженный на территории Архангельской области на Беломорско-Кулойском плато²⁴. Отдельных же болотных массивов аапа-типа к югу от границ парка не встречено, поэтому можно считать, что она совпадает с южной границей распространения аапа-болот на юго-западе Архангельской области. И приходится сожалеть, что в границы парка не входит болотная система Лекшмох.

Нельзя не отметить еще ряд особенностей болот парка. На них отмечены редкие комплексы болотной растительности — коврово-мочажинный и коврово-озерковый. Широко распространен грядово-мочажинный комплекс, но с совершенно нетипичным для него сочетанием растительных сообществ. Такие комплексы занимают значительную площадь на болоте Паломох, являющемся сложной болотной системой. Большая часть площади массива занята коврово-мочажинным комплексом с коврами, покрытыми либо осоково-сфагновыми сообществами (*Carex rostrata*, *Sphagnum papillosum*), либо (обычно в центральной части) пушицево и шейхцерицево-сфагновыми (*Eriophorum vaginatum*, *Scheuchzeria palustris*, *Sphagnum papillosum*).

В мочажинах и озерах располагаются шейхцерицево-сфагновые, осоково-сфагновые или осоковые (*Carex limosa*) сообщества. Ближе к центру находятся участки олиготрофного грядово-мочажинного комплекса с типичными для него шейхцерицево-сфагновыми сообществами в мочажинах и нетипичными, почти лишенными кустарничков пушицево-сфагновыми сообществами на грядах. Моховой ярус образуют сфагнумы магелланский (*Sphagnum magellanicum*) и узколистный (*S. angustifolium*), тогда как обычный для гряд сфагнум бурый отмечен в очень небольшом количестве. И на грядах и в мочажинах постоянно встречается не свойственная олиготрофным болотам *Carex rostrata*. Центр болота занят коврово-мочажинно-озерковым комплексом (ил. 6).

В периферийной части болота Соколя Гладь, входящего в состав болотной системы Лекшмох, также отмечены пушицево-сфагновые гряды, почти лишенные кустарничков, хотя моховой покров образует типичный для них сфагнум бурый. Гряды рыхлые, не скреплены корнями, продавливаются ногой человека.

В условиях расчлененного рельефа сложной конфигурации, свойственного западной части парка, встречаются болота с лоскутным и резким чередованием участков разительно отличающейся растительности. Обусловлено это проявлением гидрогеологического фактора и быстрой олиготрофизацией растительности болот, происходящей по мере нарастания торфяной залежи и отрыва корнеобитающего слоя от источника минерального питания. Типичным примером такого болота может служить болото Котечное, находящееся к западу от озера Кенозеро. Для таких болот трудно определить типологическую принадлежность.

На ряде евтрофных болот окрестностей Гужовской мельницы есть небольшие участки с олиготрофной растительностью, бурение торфяной залежи под которыми показало недавнее ее появление²⁵. Процессы динамики болотных экосистем, лучшим индикатором которых служит растительный покров, на ряде болот весьма заметны, в частности на болотах, входящих в систему Лекшмох. На нескольких болотах вблизи рек Лекшмы и Свиди доводилось встречать сообщества верхового, олиготрофного болота, в составе которых были резко контрастирующие с остальным набором виды — реликты, свидетельствующие о быстрой смене сообществ евтрофной растительности олиготрофными. Резкими границами между сообществами евтрофной и олиготрофной болотной растительности отличаются и болота северного побережья озера Воже, входящие в состав сложных болотных систем, где экотонная полоса растительности переходного болота во многих местах отсутствует. Граничащий с евтрофным болотом участок верхового болота отличается от остальных лишь присутствием вереска, заходящего за пределы евтрофного болота на 100–150 метров. Эта специфика болот региона делает их очень интересными для изучения динамики растительности.

Таким образом, на территории Кенозерского национального парка представлены все типы болот подзоны средней тайги Русской равнины. Верховые болота парка отвечают всем признакам подзоны, тогда как болота, расположенные к югу от его границ, ряд из них утрачивают. Локальными особенностями, проявляющимися на обширной территории юго-запада Архангельской области, является отсутствие водяники (шикши) на открытых участках верховых болот. Евтрофные болота, на которых произрастают редкие виды растений и типы растительных сообществ, встречаются в разных частях парка, наиболее часто — в западной части. По характеру растительности они типичны для Русской равнины. Уникальные болота, питаемые сероводородными водами, обнаружены далеко за пределами парка. На территории Кенозерского национального парка представлены массивы минеротрофных грядово-мочажинных (аапа) болот онежско-печорского типа, в западной части парка имею-

щие ряд признаков карельского типа. За пределами парка отдельных массивов аапа-болот не встречено и южную границу распространения болот этого типа на юго-западе Архангельской области можно считать приблизительно совпадающей с южной границей парка.

Примечания

¹ Смагин В.А. Болота и болотная растительность района, прилегающего к озеру Лекшмозеро (Кенозерский национальный парк) // Заповедное дело. М., 2008. Вып. 13. С. 41–53.

² Растительность болот среднего течения реки Свидь / В.А. Смагин, О.В. Галанина, Д.А. Филиппов, М.Г. Носкова // Изучение, охрана и рациональное использование растительного покрова Арктики и сопредельных территорий: Материалы XII Перфильевских научных чтений, посвященных 130-летию со дня рождения Ивана Александровича Перфильева. Архангельск, 2012. С. 175–178.

³ Смагин В.А. Сравнительный очерк растительности низинных болот по рекам Нища (Псковская область) и Лекшма (Архангельская область) // Труды национального парка «Себежский». Себеж, 2011. Вып. 1. С. 303–306.

⁴ Антипин В.К., Кузнецов О.Л. Разнообразие болот национального парка «Кенозерский» // X Перфильевские чтения. Растительность и растительные ресурсы Европейского Севера России: материалы конференции. Архангельск, 2003. С. 6–8; Антипин В.К., Бойчук М.А., Кузнецов О.Л. Болота Национального парка «Кенозерский» // Кенозерские чтения: материалы 1-й Всероссийской научной конференции. Архангельск, 2004. С. 8–15.

⁵ Там же.

⁶ Смагин В.А. Болота и болотная растительность района... С. 41–53.

⁷ Антипин В.К., Кузнецов О.Л. Указ. соч. С. 6–8; Антипин В.К., Бойчук М.А., Кузнецов О.Л. Указ. соч. С. 8–15.

⁸ Смагин В.А. Болота и болотная растительность района... С. 41–53.

⁹ Шмидт В.М. Флора Архангельской области. СПб., 2005.

¹⁰ Болота существующих и проектируемых особо охраняемых территорий западной части Архангельской области / В.К. Антипин, М.А. Бойчук, Т.Ю. Дьячкова, О.Л. Кузнецов // Поморье в Баренц-регионе на рубеже веков: экология, экономика, культура: материалы международной конференции. Архангельск, 2000. С. 12–13; Разумовская А.В., Кучеров И.Б., Пучнина Л.В. Сосудистые растения национального парка «Кенозерский» (аннотированный список видов). Архангельск, 2012.

¹¹ Смагин В.А., Галанина О.В., Денисенков В.П. Евтрофные болота окрестностей Гужовской мельницы и история развития их растительности // Кенозерские чтения — 2009. Архангельск, 2011. С. 241–253.

¹² Смагин В.А. Болота и болотная растительность района... С. 41–53.

¹³ Его же. Сравнительный очерк растительности... С. 303–306.

-
-
- ¹⁴ Смагин В.А., Денисенков В.П. Евтрофные болота северного побережья озера Воже // Ботанический журнал. 2013. Т. 98, № 7. С. 867–885.
- ¹⁵ Шмидт В.М. Указ. соч.
- ¹⁶ Смагин В.А., Денисенков В.П. Указ. соч. С. 867–885.
- ¹⁷ Антипин В.К., Кузнецов О.Л. Указ. соч. С. 6–8; Антипин В.К., Бойчук М.А., Кузнецов О.Л. Указ. соч. С. 8–15.
- ¹⁸ Смагин В.А. Болота и болотная растительность района... С. 41–53.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Смагин В.А., Денисенков В.П. Нахождение аапа болот в Архангельской области // Ботанический журнал. 2013. Т. 98, № 9. С. 1095–1108.
- ²¹ Там же.
- ²² Шмидт В.М. Указ. соч.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Смагин В.А., Галанина О.В., Денисенков В.П. Указ. соч. С. 241–253.

Олень, прибежавший на заклятие, — 2

Есть только миф между прошлым и будущим,
И этот миф и есть наша жизнь!

Припев из «Основного мифа осьмийотиков»

Ученые люди, для своего исследования старающиеся привлечь как можно больше материала, охотно признают, что предельная выборка материала обычно оказывается недостижимой. Возможных источников порой даже слишком много, а по названию источника обычно нельзя догадаться о том, что в нем содержится искомый текст. Существующие указатели материала, как правило, неполны, отчего возможные источники надлежало бы просматривать все подряд и непрерывно целые месяцы, а то и годы. Время для извлечения материала чиновничьими предписаниями не предусмотрено. Но и для независимой, вольной работы времени на поиск всегда будет не хватать. Отсюда неизбежными становятся упущения. И не удивительно, когда после выхода работы обнаруживаются неизвестные ранее факты.

Приготавливая свою работу об олени, прибежавшем на заклятие¹, я знал, что опираюсь на скромный набор источников. Увеличить число источников я был не в силах. Я не мог поехать (и теперь тоже) на Балканы, дабы на месте пополнить болгарские, греческие и, может быть, еще какие-то тексты. Я также не мог (и теперь тоже) рассматривать подряд все возможные русские и иные источники. Тем не менее, я посчитал доказательными уже собранные факты, свидетельствующие о зависимости русских текстов от балканских, и решил публикацией сообщить об этом тому ограниченному кругу просвещенных людей, которые настойчиво фантазируют по поводу оленя, прибежавшего на заклятие. Насколько я сумел заметить, кое-кто перестал фантазировать. Смею надеяться, что сугубо личные, чужие или свои измышления на эту тему (увы, лишь на эту тему!) все же исчезнут.

Опубликовав работу, я продолжал исподволь подбирать ранее не учтенные тексты об олени. Они попадались редко. Все же постепенно накопилось несколько текстов, о которых можно сообщить здесь отдельной статьей. Сводки текстов, конечно, доказательнее отдельных образцов, какими исстари пользовались и пользуются исследователи для провозглашения своих теорий. Но получение более или менее полной сводки записей легенд об олени еще надолго останется насущным занятием.

Болгарский ареал. На протяжении последних 20 лет мне, к великому сожалению, почти совсем не удалось знакомиться с новейшими изданиями болгарских

фольклорных текстов, зато я заново просмотрел множество предшествующих изданий. Просмотр занял очень много времени по вполне простой причине — указатели часто отсутствовали. В результате прибавилось всего лишь два фольклорных факта.

Один из них — это фиксация легенды еще в начале XX века в Кюстендилском крае, близ границы с Сербией². Насколько известно, фиксация отнюдь не побудила никого сделать точную запись легенды, да не одну, а несколько от жителей разного возраста и в разных концах села. Этой легендой жители села Горна Лисина объясняли перемену названия села. Некогда, без каких-либо исчислений, село находилось в другом месте и называлось Еленковци. Перемещению села или жителей со старого, неизвестно почему оставленного места на новое, поныне существующее в источнике, не уделено внимания. Истинные причины перемещения остались не раскрытыми. Краевед удовольствовался наспех подхваченной легендой вместо того, чтобы добиться рассказов о подлинных причинах перемещения. Его фиксация легенды об олене погрузилась в забвение. О ней напомнила студентка спустя 72 года: «<...> каждый год на Ильин день в село сам приходил олень, кого люди приносили в жертву. Однажды олень немного припозднился, а крестьяне не дали ему отдохнуть, и сразу же зарезали его. С тех пор он перестал приходить, и село изменило свое название»³. Поскольку студентка ничего не написала о своих собирательских подвигах, она, наверное, ограничилась пересказом старой фиксации и даже не попыталась подыскать иные случаи прикрепления легенды в других местах.

Другой случай фиксации легенды об олене относится к числу многих результатов фольклорных экспедиций, совершавшихся на протяжении нескольких лет (увы, точно не приведенных) по селам юго-восточной Болгарии. Там, видимо, по преимуществу на северных и южных склонах Сакар-планины легенда получила свое прикрепление: «Одни из самых распространенных легенд — это об *еленчето*, которое приходит само для того, чтобы быть принесенным в жертву. Обычно места, где появлялось *еленчето*, — это холмы, близ которых имеется по несколько селений. На Ильин день жители сел выходили на холм в ожидании *еленчето*. Широкое распространение этих легенд вероятно обусловлено сохранявшейся до недавнего времени верой в силу принесенной жертвы»⁴.

Мельком предложив свое объяснение бытованию легенды, Е. Мицева почему-то уклонилась от того, чтобы прежде объяснения назвать число записанных вариантов и привести список мест записи. Оставалось ждать еще какой-то публикации. И вот наконец появился ее сборник «Фольклор Сакара»⁵. Сборник приготовлен по всем академическим правилам. Он поражает обилием сюжетов несказочной прозы, но легенды об олене в нем нет. Можно допустить, что у Е. Мицевой есть какая-то другая работа, где легенде уделено достаточно внимания, поэтому нет необходимости спешить с какими-то суждениями по поводу ее толкования легенды и отсутствия ее в сборнике.

Скудость сведений делает картину распространения легенды об олене довольно нелепой⁶. За исключением крайнего северо-запада, получается, что легенду не находили нигде в Северной Болгарии, к северу от Старой Планины. В центре Болгарии по широте между Старой Планиной и Средней Горой, в узкой ленте долины, почти опоясывающей страну, легенда попала лишь один раз, почти в середине долины. На западе Болгарии легенду обнаружили тоже один раз — в Кюстендилском округе, к юго-западу от Софии, о чем уже говорилось выше. Нет сведений о распространении легенды на юго-западе Болгарии, в Пиринском крае, и, конечно же, в Родобах, среди болгар-мусульман. Несомненно, по случаю заметили бытование легенды в двух местах близ Пазарджика, примерно на полпути между Софией и Пловдивом. А далее на юго-востоке страны наконец вырисовывается ареал бытования, частью уходивший в Турцию и простиравшийся почти до стен Стамбула, а, возможно, также уходивший на крайний северо-восток Греции. Складывается впечатление, что из ареала на юго-востоке Болгарии легенда об олене выносилась в другие места и там иногда получала местную привязку.

Фиксации легенды отличаются друг от друга, естественно, разными объяснениями ее привязки именно к определенному месту, а в основе они содержат одну и ту же исходную версию — о единственном олене, припозднившемся от усталости. Носители легенды, очевидно, не испытывали нужды измышлять какие-либо подробности, уводящие от исходной версии к какой-то новой, сугубо местной. У них, наверное, не было и времени на создание таких версий, какие были бы приняты в качестве сугубо подлинных и своих, и оттого передавались бы из поколения в поколение. Бытование одной и той же версии в удаленных друг от друга местах означает, что исходным источником была какая-то очень определенная среда, откуда легенда распространялась отнюдь не с давних времен.

Из просвещенных болгар, услышавших легенду и как-нибудь изложивших ее на бумаге, никто не расспрашивал рассказчиков о внешнем виде оленя — о его величине, масти, рогах и пр. Никого не заинтересовало, куда после очередного заклания и поедания девались кости, голова и шкура оленя. Поздние собиратели, уже знающие о разных местных привязках легенды, имели возможность знакомить носителей с этими своими вопросами и побуждать их к каким-нибудь соображениям об этом, — сведений о таких собирательских опытах не имеется.

Олень или лось на Водлозере. Любой фольклорный факт становится известным науке только после письменной фиксации. Однако не каждая письменная фиксация тотчас попадает в научный оборот. Иные письменные фиксации очень уж долго лежат под спудом. Рано или поздно до них все же добиваются дотошные люди, и тогда происходит открытие пусть и маленького, но незаменимого звена в цепи наших познаний. Вот и в отношении легенды об олене, прибегавшем на заклание, неожиданно открылась письменная фиксация 1832 года, по вре-

мени самая ранняя из известных: «...крестьяне заверяют, что якобы издревле на Ильин день прибегал на погост в каждый год из леса олень и его в честь и память пр[орока] Илии убивали и приготавливали из него гостям обед. Но как в один год до самой обедни не явился олень, то вздумали крестьяне на место оленя убить на общий счет быка. По убиении онаго прибежал и олень, но, увидев, что уже варят быка, тотчас олень убежал и больше никогда не бывал. С того времени и поднесь прихожане в тот день варят на общий счет быка»⁷.

Неизвестно, где писались эти строки, но вероятнее всего их писали не на самом Водлозере (ныне Пудожский район Карелии). Всякий, кто там бывал, знает, что Ильинский погост находится на небольшом острове в северной части озера. По воде олень, разумеется, не бегаёт. Если бы назначенный свыше олень был наделен свойством бегать по водам Водлозера, это писцам поневоле пришлось бы отметить в записи. Однако бег оленя по воде остался не предусмотренным автором записи. Отсюда следует, что автор не знал, что Ильинский погост находится на острове. По наущению каких-то людей или по своему хотению он легенду об олене просто прикрепил к этому погосту.

Прошло более 100 лет, и, если довериться К.К. Логинову, кто-то из водлозёров невесть когда заменил оленя лосем: «По преданиям водлозёров, во времена легендарные (!) вместо быка (!) на острове приносили в жертву лося, который сам приплывал (!) к людям с о. Гольяницы»⁸. К.К. Логинов не сопроводил эту фразу сведениями о времени, месте и имени рассказчика. Он, скорее всего, и не делал подлинной записи, а удовлетворился пересказом услышанного рассказа в своей лаконичной манере. Вряд ли автора обуревало желание узнать, сколь многие водлозёры знают версию о лосе, сколь различны их рассказы об этом.

Сравнивая содержание записи 1832 года с фразой, брошенной Логиновым, нетрудно заметить, что олень заменен лосем, который уже не бежит, а плывет на заклятие. Плывет же он почему-то с другого островка — с Гольяниц, находящихся к северо-западу от Ильинского погоста, поближе к материку. Логинов, очевидно, не поинтересовался у водлозёров, отчего это лось находился на Гольяницах, как и зачем он туда попал, почему лося направили с северо-запада, а не с востока, где суша была ближе к Ильинскому погосту.

Удивительнее, однако, то, что на Гольяницах стояла деревушка. Мне довелось побывать в ней в 1957 году, после чего деревушка продолжала существовать еще несколько лет. Логинов должен был знать о ней, и потому ему следовало спрашивать, как его рассказчик увязывает водоплавающего лося с деревней Гольяницы. Фраза Логинова о лосе, приплывавшем с Гольяниц, заставляет считать, что тот человек, который ему об этом сказал, не знал, что на Гольяницах была деревня. Он, видимо, принадлежал к водлозёрам, родившимся уже после исчезновения Гольяниц, или вовсе не был водлозёром по происхождению.

Бросив фразу о водоплавающем лосе, Логинов сразу же кинулся объяснять читателям, что появление лося не поздняя выдумка. Оказывается, лось «у досла-

вянского населения края <...> связан с солнечным божеством»⁹. Логинов не подкрепил это утверждение хотя бы какими-нибудь водлозерскими сведениями. Он просто высказал его походя и помчался дальше делать такие же «открытия». А утверждение — не просто его лихая выдумка, это уже зародыш псевдомифа, каких и без него несть числа в писаниях «просвещенных лиц», обращающихся к фольклору.

Прошло немного времени, и Логинов вдруг забыл о наскоро засеянном зародыше. Явно по чьей-то подсказке он узнал о работе Г.Г. Шаповаловой и решительно объявил о ее доказательности¹⁰. К фразе об этом он тут же добавил слегка измененную фразу о водоплавающем лосе или олене, опять же без каких-либо сведений о времени, месте и имени рассказчика.

Тут он, видимо, сам ощутил недостаточность или неубедительность сведений, поскольку далее, в следующем абзаце несколько подробнее пересказал легенду о лосе, сославшись на «сообщение» просвещенной особы из руководства Водлозерского национального парка¹¹. Получается, что именно от нее Логинов и усвоил легенду о лосе с острова Гольяницы. Без проверки и без непременных поисков подтверждения Логинов подхватил это «сообщение» и склонился к тому, чтобы видеть в легенде отголосок местных «дославянских» ритуалов.

Остается признать, что в писаниях Логинова нет никакой достоверной записи легенды о водоплавающем лосе, нет и подтверждений в виде некоторого убедительного числа вариантов от людей, рассказавших текст независимо друг от друга. «Сообщение» просвещенной особы, наверно, постоянно передается в публичных выступлениях местным жителям. Теперь оно уже подверглось фольклоризации и, конечно, успешно вытеснило подлинные местные формы. Кроме пересказов «сообщения», теперь на Водлозере ничего иного записать не удастся.

Теоретически допустимо признать, что и кому-то из коренных водлозёров могла придти в голову мысль о замене оленя лосем. С севера там набегают северные олени. Их крупные следы четко отличаются от изящных лосиных. Оленей видели на моховых болотах, — мне самому нередко доводилось видеть следы северного оленя, раза два его самого у берега Илексы, с севера впадающей в Водлозеро. Местные жители, разумеется, знали существенную разницу по весу между оленем и лосем. И кто-то из водлозёров, быть может, посчитал, что оленя не хватит для общественного пира, и он смело подменил оленя лосем, куда более увесистым.

Читая скороспелые суждения Логинова, я вспоминаю об отношении его предшественников к легенде об олене. На мои попытки заполучить какой-нибудь внятный ответ болгарские этнографы и фольклористы отмалчивались. Они предпочитали уходить от ответа, но не занимались мифологизацией легенды. Можно, конечно, предполагать, что они знали нечто о происхождении легенды,

однако это не имеет никакого значения, ибо за предположением тут следует одна неопределенность.

В свое время я, улучшив возможность поговорить с глазу на глаз, поведал Г.Г. Шаповаловой о совпадении болгарских и русских текстов легенды об олене. Она, подобно болгарам, молча выслушала, вдруг взмахнула рукой и побежала прочь.

А ведь она действительно старалась, правда, не имея нужной подготовки. Она увидела, что в качестве фольклорного персонажа олень выступает в разных сюжетах и в разных этнических традициях. Казалось бы, надо порознь изучать произведения об олене, чтобы на следующем этапе попытаться обнаружить, чем же еще, кроме именованного персонажа оленем, перекликаются эти разные произведения из разных этнических традиций, и совсем не обязательно, что какие-то переклички повсюду можно обнаружить. Вместо этого Шаповалова попыталась соединить несоединимое — создать свой мифический гибрид из этих произведений и отождествить свой гибрид с легендой об олене, прибегающем на заклятие. Решительным истолкованием текста заменен сколько-нибудь простейший его анализ. Так происходит мифологизация текста. Ее совершают истолкователи, а не настоящие носители фольклорной традиции. Шаповалова, увы, была отнюдь не первой и не последней в бесконечной череде истолкователей. Писания Логинова тоже занимают свое место в этом ряду.

Судя по упоминавшимся выше работам А.В. Пигина, Ильинский погост на Водлозере на рубеже XVII и XVIII веков поновлялся трудами известного каргопольского купца и, очевидно, его работников. Это порождает предположение о том, что легенду об олене они могли принести с Каргопольщины.

Олень на Каргопольщине. Бытование легенды об олене, прибегавшем на заклятие, не единожды обнаруживали на Каргопольщине. О нескольких случаях фиксации рассказывалось в предыдущей статье. Внимание читателей, в частности, обращалось на переложение легенды в книгах А.Л. Никитина, археолога, историка и писателя (мир праху его!). Приведя легенду с привязкой к Каргополю, Никитин попытался соединить ее содержание с изображением на гербе города («в голубом поле лежащий на дровах баран») и таким образом объяснить заложенный в герб смысл. Никитину этого показалось мало. Он попробовал объяснить и смысл самой легенды, для чего привлек к себе в помощники Гелиоса, Перуна и тому подобных персонажей. Иначе говоря, он стал мифологизировать легенду. Превращая свое толкование легенды в миф, методически Никитин повторил все тот же псевдонаучный прием, к какому на другом материале прибегают разные просвещенные люди, почему-либо заинтересовавшиеся фольклором.

Книги Никитина выходили приличными тиражами и, конечно, доходили до Каргополя. Там заметили связку описания каргопольского герба и легенды об олене. Ее приняли близко к сердцу. Ее стали передавать устно, по-видимому, даже без ссылки на Никитина. Наверное, чаще всего это делали учителя

и сотрудники краеведческого музея, а слушателями оказывались школьники. Что-то из прослушанного школьники запоминали и удерживали в памяти. Доказательством этого служат две самозаписи, полученные в 1999 году фольклористкой Н.В. Дранниковой от каргополок, студенток Поморского университета (Архангельск).

Один из этих текстов, написанный Л.В. Кабринской, гласит: «На гербе города Каргополя изображен костер, а на нем баран. Говорят, давным-давно в Егорьев день был первый выгон скота, и жители приносили в жертву Илье пророку оленя, который выбегал из леса. Однажды олень долго не выбегал, и жители закололи в жертву барана. Когда же олень появился, он увидел, что уже не нужен. Поэтому он убежал обратно в лес. С тех пор в каргопольских лесах больше не видели оленей. А на гербе стали изображать принесенного в жертву барана».

Студентка не различала старинные праздники, поэтому у нее в Егорьев день приносили жертву Илье пророку.

В другом тексте день жертвоприношения остался без названия: «На гербе Каргополя — баран в огне. Это из легенды: раньше язычники в нашем городе приносили раз в год в один и тот же день жертву из леса — оленя. Эта жертва искупала грехи жителей, и боги охраняли город от врагов. Но однажды олень в назначенное время не прибежал. Все испугались, стали кликать добровольцев на жертвоприношение. Тут и выбежал баран. Его и принесли в жертву. Этим он спас город. Еще на гербе есть изображение святых Бориса и Глеба на фоне горящего Каргополя. По легенде, они явились и разбудили людей, когда начался пожар. В то время город был полностью деревянным и мог дотла выгореть. Святые Борис и Глеб спасли город».

Написавшая этот текст Е.А. Окулова, возможно, сама придумала «добровольцев на жертвоприношение». У нее затем прибавлено краткое изложение другой легенды о святых Борисе и Глебе, разбудивших людей, которые не почувствовали пожар в городе. Удивительно, как она смогла разглядеть содержание этой легенды на каргопольском гербе.

Как видно, каргополки усваивали связку отнюдь не механистично. Каждая из них постаралась добросовестно и по-своему изложить текст, не преминув дополнить его какими-то подробностями. Насколько известно, в самом Каргополе такие опыты организации самозаписи не проводились, а между тем они важны не только для фольклористов. Учителям и сотрудникам музея, наверное, следовало бы знать, что и как воспринимает молодежь, которой они стараются рассказывать о каргопольском гербе и не только о нем.

Мне пришлось откликнуться на мифологизирование Никитина¹². Я сделал это скрепя сердце, потому что стараюсь не задевать в печати людей, к которым расположен. С Никитиным мы порой встречались и наедине предавались обмену суждениями на разные темы из археологии, истории и прочих наук. Его поездки археолога и мои поездки фольклориста иногда пересекались, что позво-

ляло сопоставлять результаты. Наши суждения о каком-либо предмете чаще не совпадали, но это не мешало нам внимательно выслушивать друг друга. Никто не понуждал соглашаться с чужим мнением. По мне, мы оба искали в суждениях доказательства или доводы против того мнения, которое у каждого из нас созревало или уже сложилось. Важно знать чужие возражения и заранее подготовиться к их появлению в печати. Для науки такой обмен суждениями гораздо полезнее сонма конференций, где деловое обсуждение какой-либо темы превращено в запретный плод.

После опубликования статьи об олене мне отнюдь не вскоре посчастливилось встретиться с Никитиным. Я высказал ему свое мнение о его мифологизировании, и он, похоже, принял его.

Писатели обычно не называют источники своих фольклорных познаний, из-за чего нельзя определить цену этим познаниям. Вот и Никитин написал о бытовании легенды в Каргополе, не посчитав нужным назвать источник. Я же тогда предположил, что писатель услышал легенду в Каргополе «вероятнее всего от кого-то из служителей местного музея, — иными словами... из вторых рук». Во время встречи я, естественно, спросил Никитина об источнике. Он оказался мне хорошо известным. Больше того, он есть в моей библиотеке, и стоило мне взять его в руки, как я обнаружил закладку там, где автор излагал легенду, — я забыл выписать текст еще для предыдущей статьи об олене.

Никитин действительно получил текст из «вторых рук», только источником оказался не современник Никитина — служитель музея, а давний писатель-народник С.А. Приклонский, который, подобно другим авторам, не догадывался о том, что даже переложение фольклорного текста необходимо сопровождать сведениями о времени, месте и имени рассказчика.

Зависимость Никитина от Приклонского подтверждается тем, что это Приклонский сначала принялся утверждать о связи каргопольского герба с легендой, а потом уже перешел к изложению легенды. Памятуя о малой доступности источника, привожу его изложение полностью:

«Каргопольская легенда рассказывает, что в старое, незапамятное людям время, каждый год в Ильин день прибежал олень. Миряне, привыкшие к появлению оленя, всегда ждали его в Ильин день и, поймав, приносили в жертву "Великому Пророку", а мясо съедали на общем, мирском обеде.

Однажды, к общему удивлению, прибежали не один, а два оленя. Между тем, народу на этот раз собралось более обыкновенного. Миряне пожадничали и закололи в жертву обоих оленей, думая, что одного будет недостаточно на обед для всех собравшихся на праздник.

Илья пророк прогневался на таковое неуважение к древнему обычаю и с того времени перестал присылать жертвенного оленя.

Другие рассказывают, будто раз олень почему-то замедлил прибежать на праздник. Миряне долго ждали его и, наконец наскучив ждать, порешили прине-

сти в жертву быка. Но едва бык был убит, как прибежал олень и, видя, что он более не нужен, убежал назад и с того времени больше не являлся. Теперь каргополы каждый год приносят в жертву Илье пророку уже не оленей, а быков и баранов.

Илья пророк считается в Каргопольщине покровителем скота, хранителем его от дикого зверя и всяких других напастей, а Ильин день — великим праздником, от которого круглый год ведется отсчет времени»¹³.

Как видно, Приклонский пересказал даже две версии легенды. Он явно не осознал важности сведений о месте фиксации текстов, и потому ничего не написал об этом. Что касается времени, когда Приклонский слышал легенды на Каргопольщине, то, наверное, надо говорить о 70-х годах XIX века, если судить по его предисловию к книге.

В первой версии легенды, изложенной Приклонским, говорится о неожиданном появлении не одного, как постоянно было ранее в этом месте, а сразу двух оленей. Этим версия переключается с версией о лани, каждый год на заклятие приводившей своего детеныша. След происхождения этой каргопольской версии тянется с Белозерского края, где рассказывали о двух ланях или двух оленях, прибегавших в Ильин день.

Кому-то из каргополов захотелось выделить исключительность появления сразу двух оленей. Благодаря этому миряне восприняли это как добрый знак свыше. Они не из жадности, а из желания накормить собравшихся закололи обоих оленей. И только потом и невесть как миряне узнали, что их поступок вызвал гнев самого Ильи пророка, ибо по этой версии именно он посылал людям оленя. Создатели этой версии, по-видимому, изобразили события как проверку Ильей пророком неукоснительной приверженности мирян «древнему обычаю». В иных источниках версия с ведущей ролью Ильи пророка обнаруживалась очень редко и притом в удаленных друг от друга местах.

Другая версия, изложенная Приклонским, получила некоторое распространение — по преимуществу в верховье реки Ваги, левого притока Северной Двины, и в районе Большого Мошенского озера. В этой версии опоздавший олень сам решает, «что он более не нужен», и перестает прибегать на заклятие. Тут сам олень выступает воплощением высших сил. Эта версия вполне созвучна болгарской версии об усталом олене.

Олень на Моше. Бытование легенды на Моше несколько раз подтверждали заезжие люди. Под Мошей подразумевались деревни по берегам и островам Большого Мошенского озера, в 120 верстах к востоку от Каргополя. В 1887 году там насчитывалось 77 деревень с 630 дворами. В южной части озера, как и в северной на Водлозере, тоже имеется островок, называемый Ильинским, некогда с небольшой деревней Ковколой и с церковью Ильи пророка. На Ильин день здесь собирались люди со всей Моши.

А. Воронов довольно подробно описал, как в 80-х годах XIX века справляли на Моше Ильин день. Он опрашивал крестьян и потому вдруг узнал: «Не очень дав-

но существовал обычай отрезывать кончик уха от убитого животного и класть за икону Ильи пророка. Так делалось лет 10 тому назад до построения церкви на Ильинском острове. Раньше там была часовня, около которой совершался тот же обряд. Когда эта часовня сгорела, то вместе с тем в ней сгорело множество ушей, в числе которых, по словам стариков, было много оленьих»¹⁴.

Неизвестно, добежали ли до Моши северные олени. Неизвестно также, интересовался ли этим Воронов. Если настоящие олени появлялись близ Моши, то на них, наверное, охотились и от убитых животных почему-либо могли отрезать кончики ушей. Воронов не довел расспросы стариков до прояснения. Можно, разумеется, думать, что кончики оленьих ушей служили наглядным доказательством истинности рассказа об олене, ежегодно прибегавшем на заклание. Но, наверное, могут быть предложены и другие мнения.

Написав об оленьих ушах то, что здесь процитировано, Воронов тотчас сжато передал легенду: «От стариков же я слышал предание, что в старину в этот день резали оленя, прибегавшего из лесу; в один год олень запоздал, и зарезали быка; олень прибежал, но, увидев зарезанного быка, повернул обратно в лес и с тех пор более не прибегал»¹⁵.

Чтобы подтвердить традиционность празднования Ильина дня на Моше, Воронов обратился к сообщениям, помещавшимся в «Олонецких губернских ведомостях», и перечислил несколько из них. Он убедился в традиционности, заметив, что Ильин день похоже справляли от Канакши, в 20 верстах к юго-востоку от Моши, до Таржеполя, примерно в 50 верстах к юго-западу от Петрозаводска, и даже на островке, находящемся в северном углу Ладожского озера.

Опираясь на собранные сведения, Воронов заключил в конце своей статьи: «Почти везде, где держится этот обычай, существует и приведенное мною предание об олене, прибегавшем из лесу для заклания. В этой легенде видно указание на более древнее время, когда действительно (!) в жертву приносился олень. Духовенству удалось во многих местах или совсем прекратить, или видоизменить этот обряд, превратить его в обед, на котором в числе блюд фигурирует благославленное мясо»¹⁶.

Воронов не разделял собственно обряд принесения жертвы и народное обоснование обряда. И ему мнилось, что легенда об олене создавалась одновременно с обрядом жертвоприношения. Такого же мнения придерживались в XX веке лица, почему-либо интересовавшиеся празднованием Ильина дня на Русском Севере. Между тем, судя по фиксациям, жертвоприношение и совместное поедание жертвенного мяса на Ильин день в большинстве деревень не сопровождалось обоснованием в виде легенды об олене, прибегавшем на заклание.

Через 20 лет после публикации статьи Воронова появилась еще статья, посвященная описанию Ильина дня на Моше. Ее автор укрывся за подписью в виде одной большой буквы П. Он был на Ильинском острове и заметил, что рядом с церковью Ильи пророка «находится очень ветхая часовенка или вернее деревянный крест и несколько икон, обшитый (так!) по столбам досками»¹⁷.

Вкратце П. подтвердил виденное Вороновым, а в конце статьи вспомнил и о легенде: «В старину, когда это празднество совершалось при вышеупомянутой часовенке, сюда ежегодно, как гласит местное народное предание, в Ильин день прибегал из леса олень, останавливался, добровольно отдавался в руки крестьян, они его резали, варили и ели. Но в один год крестьяне опоздали вовремя взять оленя, и с тех пор олени уже не прибегают тут, а крестьяне оленей стали заменять быками. Утверждают, что в часовне хранились и уши одного (!) жертвенного оленя, и даже в настоящее время в церковной паперти находится шкура с оленьих ног, которая невнимательным любопытным выдается за оленьи уши. Этот полуязыческий обычай варения и хватания мяса только в недавнее время (1898 г.) уничтожен к большому прискорбию и сетованию ковколян (местных жителей. — Ю.С.), благодаря распоряжениям епархиального начальства и отошел в область народных преданий»¹⁸.

Только у П. дано утверждение, что «крестьяне опоздали вовремя взять оленя». Оно не раскрыто и потому остается недолимым для понимания. Им заменено традиционное и для Моши объяснение: олень почему-то опоздал прибегать к обеду.

Спустя 20 лет П. подтвердил сообщение Воронова об оленьих ушах, но сделал это своеобразно. П. сам не видел, он лишь слышал, что в часовне некогда «хранились и уши одного (всего лишь! — Ю.С.) жертвенного оленя». П. прямо не выразил сомнения. Вместо этого он сухо упомянул о «шкуре с оленьих ног», которую местные жители выдают за оленьи уши. Это выглядит намеком на то, что местные жители для подтверждения легенды заботились подкладывать кусочки «шкуры с оленьих ног». Кроме Воронова и П., более не нашлось никого, кто бы обратил внимание на сохранение оленьих ушей. Прояснения этого скорее всего не произойдет.

Кроме Моши и ее окрестностей, бытование на Каргопольщине легенды об олене не имеет привязки к точно названным поселениям. Приклонский прямо не назвал места, где он слышал две разные версии легенды: в самом ли Каргополе, в подгородных ли деревнях или где-то еще. Не удалось обнаружить сведения о бытовании легенды в деревнях на реке Онеге и к западу от реки, до самой Пудогги, где изолированным очагом выступает одно Водлозеро. Неизвестно, искал ли там кто-нибудь легенду об олене, поэтому нет оснований полагать, будто легенда там нигде не бытовала.

Два оленя или два лося южнее озера Лаче. Несомненно случайно бытование легенды было обнаружено в Шильде, деревне, находящейся чуть западнее почтового тракта, который шел из Белозерья на Каргополь. В пору фиксации легенды Шильда относилась к Вытегорскому уезду, хотя от нее до уездного города было в несколько раз дальше, чем до Каргополя, что в пределах одного дневного перехода на север от деревни. Позже и поныне Шильда включалась в Каргопольский район Архангельской области.

Жителем одной из каргопольских деревень был и В. Нименский, в Ильин день побывавший в Шильде. Он написал в своей статье: «Вот что узнал я из разговоров с крестьянами, толпившимися около котлов с ильинским мясом, во время между утренею и литургиею. "Давно ведется у нас этот праздник, — сказал один крестьянин, — испоконь веку здесь и церковь святому пророку Илие построена. Прежде, должно быть, пророк Илия больше любил наше место и наш народ, потому двух оленей посылал, а теперь этого уже нет". — "Почему же нет? — спросил я одного старика, — не знаешь, давно ли и почему перестали бегать олени?" — "Давно перестали бегать, — ответил старик, — и батюшко мой, покойник, так говорил. Говорят, когда прежде прибежали олени, прихожане одного убивали в жертву пророку, а прочих отпускали обратно. Ну, вестимо на такой случай народу собиралось много и всегда, а однажды собралось столько, что старики вместо одного убили двух оленей, и после того уж более олени не прибежали. Не угодно, значит, великому пророку было, — прибавил старик, — что наши старики пожадничали. Ну да теперь уже старого не воротить; что было, то прошло. С тех пор вот убиваем мы быков и баранов"»¹⁹.

Очевидно, версия с ведущей ролью Ильи пророка существовала, помимо Каргополя, и в Шильде. По этим двум фиксациям определить место ее возникновения, разумеется, невозможно. Несомненно, однако, что эта версия сложилась поздно, позже, чем версии без какого-либо участия Ильи пророка.

Перекликаясь с каргопольским рассказом о роли Ильи пророка, версия Шильды вместе с тем еще сохраняла мотив появления двух оленей, сближающей ее с текстами, замеченными в Белозерье. Благодаря ее записи становится явственнее пусть редкая, но вполне определенная цепочка фиксации легенды от Белозерья до Каргополя.

Прошло много больше 100 лет, когда, если не ошибаюсь, летом 1997 года в деревне Чурилово, в нескольких километрах к северу от Шильды и чуть южнее озера Лаче, студентам попала старушка родом из деревни, находившейся между Шильдой и Чуриловом. Старушка поведала студентам, что на Ильин день «...ну там в Шильде у нас церковь раньше была, дак всё говорили, что приходил вроде лось из болота ли, из леса ли откуда. Ну и их приходило двое, одново били, и там волость была, волость была большая, дак котел был, клали яво... там забьют и мясо делят, очистят все и варили щи. Всё их звали ильинские щи [их варили всей волостью в Ильин день]. Вот одного забьют, а другой уходит, а потом, говорили, что пришло их два, и они обоих забили, и больше после того не стали сходить»²⁰.

Ранее здесь рассказывалось о текстах легенды, опубликованных в изложении просвещенных людей. Эти люди скорее всего и не знали, что текст нужно записывать с естественного рассказа и по возможности точно. Они и не умели записывать, — техникой ручной записи, как правило, не владеют и люди, считающие себя фольклористами. В их изложениях повествование ужималось и обычно

сводилось к передаче того, что признавалось сутью легенды. Кое-кто из них поддельвался под народную речь, и тогда их изложение походило на устный рассказ.

В отличие от изложений, представленных нами выше, текст из Чурилова — настоящая запись легенды, к сожалению, сугубо механическая. Нужно было добиваться более складного рассказа и делать повторные записи. Следовало узнавать, от кого, где и когда старушка усвоила легенду. Требовалось выяснить, кто еще, кроме старушки, знает эту легенду и в силах передать ее на запись. Надлежало расспрашивать, отчего это лоси приходили в Ильин день и что побудило людей убить сразу обоих лосей. Время вспять не повернуть, ошибки не исправить. Теперь в Чурилове, наверное, и не найти человека, который рассказал бы эту легенду.

Чуриловская запись — несомненное доказательство распространения легенды не только в Шильде, но и в соседних деревнях. А чем больше на протяжении столетия становилось знатоков легенды, тем шире она могла распространиться и за пределами этих деревень. Учитывая это, приходится признать невозможность отыскать место и время замены оленей лосями.

В этих местах об оленях, как о реалии, разве что слыховали, зато все знали, что такое лось, и имели возможность хотя бы порой вкусить лосиное мясо; поэтому замена невиданной реалии на реалию хорошо известную, по-видимому, была неизбежной.

Белый олень на Ладожском озере. На противоположном от Каргопольщины краю Олонецкой губернии тоже бытовала версия легенды с ведущей ролью Ильи пророка. О ней я могу судить пока что по «обобщенным данным», представленным А.П. Конккой²¹. К ним автор статьи не отнес сведения о времени и местах записи легенды, о числе и степени точности записей, о различиях в передаче легенды. Легенда изложена довольно красочно²², но неизвестно, что из красок наложено автором, что принадлежит использованному источнику, а что принадлежало одному или даже нескольким рассказчикам.

Бытование легенды привязывается по преимуществу к острову Мантсиисари, который находится близ северного побережья Ладожского озера и восточнее Валаамского архипелага, почти на той же широте. В передаче Конкки местная версия выглядит следующим образом: «...в старые времена св. Ильи каждый год на свой праздник к закланию для торжественной трапезы отправлял белого оленя. Старейшины в день св. Ильи еще до восхода солнца собирались на берегу Ладожского озера напротив дер. Тюёмпийнен встречать посланца св. Ильи. На восходе солнца белый олень появлялся в водах озера плывущим к берегу Тюёмпийнен и отдавался старейшинам для жертвоприношения.

Однажды то ли св. Илья задумал проверить на прочность веру салминцев, то ли попы своими наветами сглазили погоду (церковь боролась с языческим по происхождению праздником), но в одно тихое ильинское утро вдруг разразилась невиданная ранее буря с громом и молниями <...> белого оленя не было

видно <...> [старейшины] решили вместо оленя заколоть трех годовалого выхолощенного быка (олень был того же возраста). Найдя решение и приведя быка из Орихсельги (одна из деревень о. Мантсиисаари), который оказался самым откормленным из всех имеющихся, они произнесли молитву, повернувшись в сторону часовни Ильи, благодаря его за то, что он направил их на путь истинный.

В момент жертвоприношения буря на Ладоге унялась так же скоро, как и началась <...> И тут старейшины увидели плывущего в водах озера белого оленя. Он поднялся на берег, подошел к месту жертвоприношения, принялся к мясу быка и, посмотрев на старейшин, мотнул несколько раз головой, как бы одобряя их действия. После этого он сошел к берегу и, бросившись в воду озера, поплыл, исчезнув из глаз старейшин <...> После этого белого оленя уже никто не видел. С тех пор стали приносить в жертву св. Илье трех годовалых выхолощенных быков»²³.

По «обобщенным данным» Конкки, эта карельская версия легенды выглядит как авторское, хорошо оформленное литературное произведение, о котором, не имея контрольного материала, фольклорист может сказать очень мало. По ведущей роли Ильи пророка версия тождественна тем рассказам, какие были услышаны на Каргопольщине. А дважды и независимо друг от друга одну и ту же версию придумать нельзя. Очевидно, произошло заимствование этой, несомненно поздней версии легенды. По фиксациям среди русских прослеживается эволюция легенды: двух ланей сменяют два оленя (позже и иногда два лося), их сменяет один олень (позже и изредка лось). И именно одинокого оленя, плывущего к острову с храмом, посвященным Илье пророку, в некоторых русских местах считали животным, которого сам Илья посылает людям для жертвоприношения. У ладожских карел более ранних версий, чем эта, не обнаружено, поэтому остается полагать, что они позаимствовали ее у русских и приспособили к своим условиям, украсив легенду художественными добавлениями.

Для карел источником легенды могли быть не одни простолюдины. Судя по приведенной выше записи, легенду знали в Олонецкой епархии по меньшей мере с 1832 года, и кто-то из священников мог передать ее карельской пастве. Среди карел были и читатели «Олонецких губернских ведомостей», и кому-то из них версия с ведущей ролью Ильи пророка могла понравиться настолько, что он принялся распространять ее среди земляков.

Не все ладожские карелы одинаково воспринимали и передавали легенду об олене. Среди них имела хождение и примечательная антитеза: «Однажды крестьянин, давший обет привести быка на праздник, не привел его. Других желающих тоже не оказалось — нависла угроза [проведения] праздника без жертвоприношения. И тут люди заметили в роще дикого северного оленя, который оказался таким ручным, что его удалось поймать. Его забили и мясо сварили. Илья не остался без "быка"»²⁴. Так изложен рассказ, услышанный в 1910 году. Его рассказывал человек, совершенно уверенный в изначальной традиционности

заклания быка, непрерывность которой лишь однажды была прервана. Заклание оленя им понято как возмещение в разовом случае. Он, возможно, мог бы сказать что-то о том, как олень очутился в роще, отчего он дался в руки людям, водились ли северные олени в родных местах рассказчика и т.п., — ответы на подобные вопросы в статье отсутствуют.

Легенда об олене, прибежавшем на заклание, не была тут единственным обоснованием жертвоприношения, посвященного Илье пророку. Местные жители знали и другие обоснования. И здесь прежде всего уместно привести такие скупые переложения рассказов: «...когда, как вспоминали старики, некоторое время уже не проводили жертвоприношений быков, медведь приплыл на остров и начал резать скот, после чего жертвоприношения опять возобновились <...> однажды случилось так, что никто не пожертвовал быка на праздник, то следствием было проникновение волка на остров, где он зарезал много крестьянско-го скота»²⁵.

Эти переложения народных рассказов перекликаются с приведенным выше изложением рассказа об олене, кстати очутившемся в роще и отдавшемся на заклание. И в них отмечено изначально принесение в жертву быков, а не оленей. Но, вместе с тем, прекращение жертвоприношений тут расценивается как непременно наказуемое, тогда как в версии с внезапно очутившимся оленем чувствуется милосердие, проявленное, надо думать, свыше: в эволюционном плане возмездие за нарушение установленного порядка как причина — более раннее, чем милосердие или хотя бы снисхождение.

Версии с хищниками не имеют каких-либо чужеродных вкраплений, между тем версия с неожиданным оленем представляет собой слияние элементов текста с версией о хищнике и легенды об олене, отдающемся на заклание. В эволюционном плане любая контаминация — более поздний продукт, нежели тексты, привлеченные для сложения контаминаций.

Остается заключить, что версии с хищниками в этом случае — более ранние, чем версия с оленем, и, что не менее важно, они местные.

Местный характер этих версий подтверждается и изложением такого рассказа, содержащего обоснование жертвоприношений: «Объясняли даже само происхождение праздника тем, что однажды волк или медведь появился на острове и целое лето резал скот, никакие средства не помогали, и наконец крестьяне обратились к св. Илье с молитвой избавить их от зверя, пообещав ему в награду жертву — быка из стада. Хищник исчез, и с тех пор стали проводить обряд жертвоприношения»²⁶.

Очевидно, среди карел бытовало некоторое множество местных форм, в которых обосновывалась обязательность жертвоприношений. Тем не менее кто-то из карел воспринял легенду об олене и способствовал ее распространению. Легенду стали принимать. Ее пытались соединить с какой-либо местной формой, ее передавали и в виде самостоятельного произведения. Теоретически легенда

должна была постепенно вытеснять местные формы из бытования. В начале XX века этого еще не произошло, а о том, что происходило позже, у меня сведений не имеется.

Распространение легенды об олене на Русском Севере. С целью обнаружения бытования легенды сплошного обследования деревень, конечно же, не велось. Как и другие фольклорные тексты, легенду чаще всего находили, слышали и письменно излагали люди, как правило, далекие от науки. Поиск легенды не был их целью. Их, просвещенных любителей, интересовали разные проявления народной культуры, и если при этом им доводилось попутно услышать легенду, они затем с разной степенью старательности могли воспроизвести ее на бумаге.

Фиксация текста по случаю, наверное, не позволяет увидеть всю ширь его распространения. Вместе с тем частота фиксации по случаю в одних и тех же местах заставляет говорить о совершенно не случайном бытовании текста в этих местах. Распространение легенды, разумеется, не выявлено с надлежащей полнотой. Хорошее знание легенды обнаружено в Белозерском крае, откуда, надо думать, ее переносили по пути до Каргополя с закреплением в отдельных деревнях. Заметным очагом бытования выделяются деревни на Большом Мошенском озере и прилегающей с юго-востока Канакше. Сравнительно недалеко от них еще в XIX веке открылся очаг деревень в верховье реки Ваги, где несколько раз слышали легенду. Ее однажды услышали в приходе, находящемся к западу от Белозерска на расстоянии 100 километров. Далее в западном же направлении легенду нашли даже в Будогоще Тихвинского уезда. На Пудогге легенду заметили только на Водлозере. К западу от Онежского озера легенда бытовала примерно на полпути между Петрозаводском и Свирью. Еще дальше к западу, на одном из островов, прилегающих к северному побережью Ладожского озера, карелы по-своему приспособили легенду к традиционным обрядовым действиям.

Именно на Вологодчине, в пределах бывших Белозерского и Кирилловского уездов, нашли версию легенды с двумя ланями, позже с двумя оленями, прибегавшими к людям. За пределами Белозерского края обнаруживали только версию об одном запоздавшем олене. Версия с двумя ланями прямо восходит к первоисточнику, производная от нее версия с двумя оленями представляет собой местную переделку. Дальше от первоисточника стоят версии об одном запоздавшем олене. Поэтому, наверное, следует заключить, что в своем бытовании легенда поначалу утвердилась в Белозерском крае.

Пошехонье граничит с этим краем. В пошехонских деревнях, прежде всего в тех, которые как-то были связаны с Белозерьем, легенда об олене, вероятно, тоже бытовала, однако охотников ее искать не оказалось.

Северный олень не был диковинкой во многих местах восточной части Русского Севера, от Северной Двины до Печоры. Наличие реалии несомненно могло

способствовать активному бытованию легенды, о чем свидетельствует традиция Моши, где в подкрепление легенды хранили «кончики оленьих ушей». Однако в восточной части Русского Севера, справляя Ильин день так же, как и где-то много западнее, не обосновывали легендой необходимость жертвоприношения. Не знали такого обоснования и люди, во множестве переселявшиеся из восточной части Русского Севера в Сибирь, — нигде за Уралом легенды об олене явно не знали. Будь это иначе, в рассказах сибиряков о праздновании Ильина дня легенда об олене непременно где-нибудь прозвучала бы, а собиратели ее бы услышали. Отсутствие легенды в восточной части Русского Севера и в Сибири побуждает полагать, что легенда об олене получила бытование, действительно, в Белозерье и довольно поздно, уже после того, как выходцы из восточной части Русского Севера превратились в сибиряков.

Святитель Афиноген и его лань. Когда я написал об Афиногене в своей первой статье, не существовало «Православной энциклопедии» и других источников, где бы излагалось житие Афиногена, не имелось Интернета с его Википедией и другими ресурсами. Теперь житие Афиногена в разной, старой и современной передаче стало доступным. Интересующимся лицам с ним нетрудно познакомиться и самостоятельно сравнить с болгарскими и русскими легендами. Отсылая за подробными сведениями к доступным источникам, здесь ограничусь кратким изложением некоторых фактов.

Афиноген подвизался не позже начала IV века, в пору правления императора Диоклетиана, запечатленного в русской фольклорной традиции в духовном стихе «Муки Егория». Афиноген устроил христианскую обитель неподалеку от города Севастия (ныне Сивас) в Малой Азии. В обители было всего десять учеников. Память об Афиногене и его учениках приходится на 16 июля по старому стилю (29 июля н. ст.). Этот день памяти у армян и грузин выделен как праздник, чего у русских, по-видимому, никогда не было. В Константинополе близ императорского дворца стояла часовня, посвященная Афиногену, поэтому можно быть уверенными в том, что в Византии, прежде всего в ее столице с округой, греки почитали Афиногена и таким образом поддерживали фольклорное бытование легенды о лани святителя.

Они же сложили не менее трех различающихся текстов жития Афиногена, из коих самый ранний датируется IX веком. В греческих житиях неизменно персонажем выступает лань, вскормленная и прирученная Афиногеном. В согласии с фольклорной традицией, лань разговаривает по-человечески и умеет утешать. Она встречает Афиногена, которого ведут к месту казни, и остается рядом с ним, пока не выслушивает его предсмертного наказа, — палачи явно либо совсем не замечали лань, либо благодушно отнеслись к ее присутствию. Исполняя наказ, лань в день казни Афиногена ежегодно приводила своего детеныша на заклание, — при этом не говорится, как долго это продолжалось, ибо авторы житий не осмеливались уверять в бессмертии лани.

Житийные мотивы о лани несомненно идут от греческой фольклорной традиции, в составе которой бытовало множество сходных параллельных форм, судя по письменным источникам, создававшимся еще до нашей эры. О некоторых параллельных формах говорилось в моей первой статье. Ими перечень не исчерпывается, но вряд ли удастся дожидаться составления достаточно полного набора греческих и зависимых от них русских параллельных форм, рассеянных по самым разным письменным источникам.

Авторы житий, скорее всего, искренно верили в правдивость участия лани в событиях, связанных с именем Афиногена. За отсутствием сведений нельзя сказать, подкреплялась ли их вера активным бытованием параллельных форм о животном, приходившем на заклятие. В разных местах расселения греков угасание бытования подобных сюжетов, конечно, происходило неумолимо, но с разной протяженностью во времени. К XX веку житие Афиногена, вероятно, не находило среди греков трепетных слушателей и охотных пересказчиков. Это замечается опосредованно, например, через славян Эгейской и Вардарской частей Македонии, где, как и в Болгарии, церковные требы исполнялись на греческом языке всю первую половину XIX века. Общение славян с греками в Македонии было достаточно тесным для усвоения некоторых фольклорных или житийных сюжетов. Македонские славяне, в частности, усваивали житийные сюжеты о святом Георгии и об Алексее человеке божьем, но вот житие Афиногена они почему-то не восприняли. Записи его фольклорных воспроизведений славянами не обнаруживаются, при том что среди македонских славян уже во второй половине XIX века записывали много произведений народной прозы. Отсутствие в Македонии записей легенды об олени косвенным образом подтверждает мысль о том, что исходным ареалом бытования легенды были места, с запада прилегающие к Стамбулу, где вперемешку жили греки и болгары.

Теоретически можно допустить, что в этих краях легенда об олени имела своим предшественником не житие Афиногена, а некое другое фольклорное произведение, параллельную форму, близкую к житийному рассказу о ланях. Записи такого произведения среди греков и болгар остаются неизвестными. Его, разумеется, никто и не пытался когда-либо искать, а ныне, в условиях необратимого отмирания фольклорной традиции и при отсутствии подготовленных собирателей, очень тяжело извлечь из носителей традиции вообще что-либо, действительно заслуживающее внимание.

Но и при допущении существования параллельной формы надобно признать эволюционное отношение между бесспорно зафиксированными формами, между греческим житийным рассказом о ланях и болгарской легендой об олени. Житийный рассказ — несомненно более ранний в эволюционном плане, чем легенда. При этом очевиден резкий переход от одной формы к другой, если полагать, что легенда своим непосредственным источником имела житийный рассказ, а не какую-то из эволюционных форм, промежуточных

между житийным рассказом и легендой в том виде, в каком ее нашли собиратели. Это можно объяснить по меньшей мере тем, что легенду создавали так давно, что она за время своего бытования успела приобрести иные, отнюдь не житийные очертания.

Резкий переход от одной формы к другой выразился прежде всего в замене персонажей. За отсутствием сведений нельзя объяснить, отчего вдруг кто-то из носителей решил заменить пунктуальную лань и ее детеныша одиноким запоздавшим оленем. Сама по себе замена не удивительна. И на русской почве в разных фольклорных произведениях подобных замен персонажей происходило довольно много. Самой замены, однако, недостаточно для того, чтобы стать традиционной. Нужно было, чтобы замену восприняли люди из ближайшего окружения новатора и таким образом положили начало передаче и распространению новообразования из поколения в поколение.

Замена персонажей понадобилась тому человеку, кто почему-то пожелал выделиться сюжет о жертвенном животном из жития Афиногена. Превращая выделенную часть в самостоятельное произведение, в легенду, этот новатор напрочь отказался даже от такой, поистине главной фигуры жития, как Афиноген. Так побуждают думать болгарские записи легенды. Ни в одной из них нет хотя бы упоминания имени Афиногена. Нет ни единого прикрепления легенды ко дню памяти этого страстотерпца. На смену Афиногену привлечены жители того поселения, которые согласились прикрепить легенду к родному месту: во всех болгарских записях отмечено прикрепление легенды к совершенно определенному месту, где по легенде закалывали оленя.

Отринув Афиногена и произведя замену персонажей, новатор освободил себя от необходимости привязывать легенду именно ко дню чествования Афиногена (16 июля ст. ст. или 29 июля н. ст.). Произошло смещение привязки легенды по времени. В большинстве болгарских записей ее прикрепили к 20 июля по старому стилю (2 августа н. ст.), иначе говоря, к Ильину дню. В этом смещении свою роль, наверное, сыграло предпочтение. Люди, очевидно, ставили Илью пророка выше Афиногена. Всеобщее во Христе, каким мнился Илья пророк, представлялось более значимым, нежели частное, сугубо местное, чьим олицетворением виделся Афиноген. Но, в отличие от житийного Афиногена, Илья пророк не был превращен в действующий персонаж легенды.

Присутствие Ильи подразумевается хотя бы потому, что легенда приурочена ко дню его чествования. Однако Илья оставлен невидимым для людей. Он не вмешивается в случившееся и не понуждает людей как-то исправить положение. Можно предполагать, что Илья пророк нарочно устроил опоздание оленя, дабы проверить людей, насколько они искренне привержены к почитанию. Но в болгарских записях не прослеживаются даже слабые намеки, должны подтвердить такое предположение, а собиратели ни о чем не расспрашивали знатоков легенды и ограничивались одним прослушиванием текста.

Помимо привязывания к Ильину дню, среди болгар были замечены и другие прикрепления: два случая — ко дню Константина и Елены (3 июня н. ст.); один случай — к Иванову дню (20 января н. ст.). В этих случаях привязка обуславливалась тем, что эти дни были местными престольными праздниками.

Житие Афиногена на Руси. На Руси перевод греческого краткого жития Афиногена появился, как полагают, в первой половине XII века, а самые ранние из сохранившихся списки его относят к первой половине XIV века. По старому уверению церковников, частицы мощей Афиногена имеются в кресте новгородского происхождения, изготовленном приблизительно на рубеже XII и XIII веков. Ныне крест обретается в музее Московского Кремля. Культу Афиногена, наверное, уделялось столько внимания, сколько того требовала служебная необходимость соблюдения церковного календаря. История бытования на русской почве культа Афиногена еще не написана.

В народном календаре, в отличие от церковного, с этим культом давно не связывают сколько-нибудь важные приурочивания каких-то хозяйственных работ, примет и гаданий.

Некогда было иначе, если заглянуть в популярные описания народного календаря. В виде книжек разного объема таких описаний вышло великое множество. Одни и те же приметы, гадания, предвестья и хозяйственные советы зачастую переносятся из одного описания в другое без каких-либо отсылок, и пока не удастся выяснить, когда же впервые была опубликована какая-либо примета и т.п. Это тем более затруднено из-за отсутствия сведений о времени и месте записи соответствующего текста.

В нашей стране, широко раскинувшейся в разных направлениях, никакая примета или иное календарное утверждение не может иметь всеобщий характер. Каждая примета или иное из народного календаря рождалось в определенных природных условиях и в связи с повторяемостью каких-то явлений, побуждавших обобщать наблюдения в форме приметы или чего-то иного.

Из популярных описаний природного календаря легче всего извлечь утверждение: «На Афиногена пташки задумываются», — иначе говоря, подумывают о предстоящем отлете на зимовку. Кроме птиц, из животного мира на Афиногенов день вроде бы никого не отмечали.

Афиногенов день настойчиво связывался с жатвой. Где-то полагали: «Начало жатвы — Финогеновы зажинки». В других местах считали, что этот день — «второй срок» для начала жатвы; поэтому искренне желали ясного дня: «На Финогена молись солнышку — проси Бога о ведрышке»; «Придет Финогей с теплом да со светом, уберешься загодя со жнитвом»; «Финогей с дождем — копногной, хлеб в снопе прорастет»; «Финогенов день к Илье пророку навстречу идет — жнитво солнышко блюдет». Время жатвы где-то жестко ограничивалось: «Первый колосок Финогею, последний — Илье на бороду». Как видно, в народе жатвой соединяли Афиногенов и Ильин дни. С этим, вероятно, каким-то ассоциативным

образом и связано выделение из жития Афиногена сюжета об олене, его оформление в самостоятельную легенду и прикрепление к Ильину дню. О культуре Афиногена в нашей стране какие-то сведения, возможно, еще откроются, например, в ходе архивных разысканий.

Пока что поневоле приходится ограничиваться рассмотрением переложения жития Афиногена, совершенного в петровскую эпоху. Оно принадлежит известному церковному деятелю той эпохи Димитрию Ростовскому (1651–1709). В 1705 году он издал четвертую книгу своих Четьих-Миней, куда вошло и «Страдание святого священномученика Афиногена и десяти учеников его». Во второй половине XVIII века в Москве эта часть Четьих-Миней несколько раз переиздавалась, в частности, в 1759, 1767, 1782, 1789, 1796 годах. Внимание к Четьям-Минеям несомненно поддерживалось. О Четьях-Минеях Димитрия Ростовского известны и весьма благосклонные отзывы Пушкина, Толстого и Достоевского. Ими, наверное, зачитывались многие люди. Поэтому не удивительно, что рассказы из Четьих-Миней передавались также устно и приобретали характер народных легенд.

Здесь «Страдание» привлекается по тексту из киевского и московского изданий Четьих-Миней в 1764 года: издания отличаются друг от друга только шрифтом, впрочем, в обоих случаях довольно скверным. Оно передается в моем переводе или пересказе, поскольку современный русский перевод, предложенный в электронной сети, нуждается в исправлениях. Тут прежде всего интерес вызывают те части текста, которые перекликаются с народной легендой об олене.

Житие Афиногена в изложении Димитрия Ростовского. Итак, в пору правления римского императора Диоклетиана (IV в.) христиан продолжали жестоко преследовать и в Малой Азии. Там, на северо-востоке полуострова, близ города Севастея ютился монастырь, где жило всего десять монахов. Их возглавлял Афиноген. В его отсутствие целый отряд воинов захватил монахов и увел их на муки в Севастею. Вернувшись в монастырь, Афиноген не сразу узнал о причине исчезновения учеников.

«И был святой в печали многой, и вышел вон, ходил вокруг монастыря, удивлялся и недоумевал, куда ушли братия. И тут притекла к нему Еленица, кою он недавно своими руками воскормил, да ласкалась к нему, лобызала руки его».

Димитрий Ростовский, разумеется, знал, что в наших краях лани не водятся. Ему, наверное, не хотелось, чтобы читатели отвлекались на раздумья о незнакомых реалиях. Он заменил малоазийскую реалию нашей отечественной, но тут сразу возник вопрос о поле животного. В греческом житии речь шла о лани-самке. С заменой лани в русском переводе появлялся олень-самец, что противоречило деталям последующего повествования. Димитрий Ростовский знал русское слово «еленица», обозначающее самку оленя, слово, теперь почти никому неизвестное, — вместо него в обыденной речи очень редко можно услышать слова «олениха» или «важенка». Чтобы подчеркнуть,

что речь идет именно о самке оленя, Дмитрий Ростовский употребил слово «еленица», производное от старославянского слова «еленъ/елень», т.е. олень. Этим словом пользовались задолго до Дмитрия Ростовского. В частности, оно обнаруживается в первом русском переводе басен Эзопа, осуществленном в 1607 году, по существу за 100 лет до того, как Дмитрий Ростовский опубликовал свое изложение жития Афиногена²⁷. Подобранный им слово несомненно удачно. По смыслу оно легко принимается как синоним слов в значении «самка оленя».

Дмитрий Ростовский не довольствовался одним подбором слова. Он еще написал его с большой буквы. Так стало возможным воспринимать слово «Еленица» как собственное имя животного, совершенно исключительного и действующего только в пределах излагаемого повествования.

В отличие от фольклорных произведений и от греческого жития в тексте Дмитрия Ростовского Еленица не наделена даром человеческой речи. Ей дано проявлять человеческие чувства, ей позволено вполне понимать человеческую речь, но не говорить самой, — Дмитрий Ростовский не хотел полностью воспроизводить фольклорные качества персонажа или, иначе, совсем его очеловечивать.

Лишив Еленицу речи, Дмитрий Ростовский должен был препоручить какому-то другому персонажу роль вестноносца. У него Еленица еще «лобызала руки» Афиногену, как вдруг у монастыря случился «некий знакомый человек», который и сообщил Афиногену о судьбе его учеников. Афиноген обрадовался и поблагодарил Господа Иисуса Христа за то, что «изрядных рабов» своих позвал он «в Небесное царство». После чего «Еленицу отослав в пустыню, сам пошел с тщанием во град Севастею к ученикам своим». Под «пустыней» тут разумеются безлюдные места. Еленица не нужна для событий в Севастее и, пока эти события длятся, она не появится возле своего воспитателя.

В Севастее Афиноген корит и бранит управителя, вдохновляет своих учеников и видит, каким мукам их подвергают и как их казнят. Потом мучители принялись за Афиногена. Его били, а он восклицал: «Слава Тебе, Боже, яко сподобил меня за Имя Твое страдати!» Его продолжали жестоко бить, а он взывал: «На Тебя, Господи, уповал, спаси меня в милости Твоей!»

И опять вдруг — «И был к нему Божественный глас, свыше глаголющий: "Дерзай, избранник Мой, Я с тобою, сохраняющий тебя Бог Твой!". Тот глас не токмо святому, но и слугам, мучающим его, слышен был, и тотчас страхом объята были слуги, и не могли более мучить человека Божия: руки их оцепенели».

Один из друзей управителя объяснил происшедшее тем, что «христиане — волхвы суть», и посоветовал поскорее убить Афиногена. Управитель тотчас осудил мученика «на вечное усекновение» и тут же внял просьбе осужденного, согласившись отрубить ему голову в монастыре, — там, где он подвизался. Не будь этого согласия, текст не имел бы продолжения, где безмолвным персонажем снова выступила Еленица.

По приближении к монастырю Еленица «встретила святого и склонилась к ногам его. И сказал ей святой: "Лишилась ты братии, се лишишься и того, кто тебя воскормил. Бог же вовеки не предаст тебя и семени твоего ловитву ловящим, но да будет племя твое приводить плод свой сюда в память нашу, на заклание и поедание во славу Божию тем, кто будет приходить в празднование памяти нашей!". Еленица источала из очей слезы, припадала к ногам святого. Он же, осенев ее крестным знамением, сказал: "Иди с миром в пустынные недра».

Где были в это время палачи, Димитрий Ростовский не написал, и потому осталось неизвестным их отношение к закланию Афиногена и к его питомице.

Простившись с Еленицей, Афиноген вошел в монастырь и принялся горячо молиться. И опять вдруг — «Был глас с небес говоривший: "Днесь со Мною и с учениками твоими будешь в раю, и все твои прошения исполнятся". Мученик же, услышав глас этот, великой радости исполнился и с веселием преклонил выю свою. И усеченной головы скончался во Господе».

Кто держал в руках меч, кто отрубил мученику голову, что затем делали мучители и т.д., Димитрий Ростовский не написал. Вполне возможно, что его эти обстоятельства ничуть не интересовали. Житие, подобно легенде или сказке, непременно выдвигает на передний план добрые поступки и добрых людей, но, в отличие от фольклорных произведений, житие не считает нужным изображать зло обязательно наказуемым. В этом отношении Димитрий Ростовский оставался верным житийному канону.

Концовку своего текста он дописывал согласно греческому источнику: «Честное же его [Афиногена] тело на том же месте погребли верные [люди, т.е. христиане], и собирающиеся каждое лето в день кончины его торжественно память ему совершали. Бывало же чудо дивное (!): Еленица та, кою святой воскормил и благословил, и в пустыню отпустил, приходила по заповеди его на праздник и приводила рожденное от нее, да оставивши исчадие свое, уходила в пустыню, никем же тут не удерживаемыми. Сие же творила все годы, на праздник приходя и приводя рождение свое, кое закалаемо и снедаемо бывало в память и честь святого мученика Афиногена епископа и десяти учеников его, во славу же Христа Бога Нашего, со Отцем, со Святым Духом славимого ныне, присно и во веки веков, Аминь».

Приход Еленицы с детенышем в день памяти Афиногена Димитрий расценил как «чудо дивное». Он, по-видимому, чувствовал, что в этом выразилось нечто, не совсем соответствующее христианским установлениям. Вместе с тем, он не мог отказаться от столь сильной концовки хотя бы потому, что она имела в первоисточнике.

Димитрий почему-то прибегнул к выражениям «рожденное от нее» и «исчадие свое» вместо того, чтобы написать просто и ясно: олененок; детеныш. Он должен был знать эти слова, а, поскольку он знал слово «еленица», то должен был знать из письменности и слово «еленец»²⁸. Вместо этого Димитрий предпочел

собственные синонимичные выражения, свидетельствующие о его увлечении возвышенным стилем.

Походя Дмитрий Ростовский уверял читателя в том, что Еленица свой приход «творила все годы», но не попытался раскрыть свои представления о числе лет, предоставив читателю самому гадать о том, как долго длилось такое поминовение Афиногена. Люди несомненно не могли бы поверить в то, что это продолжалось из века в век вплоть до дней, когда кому-то из них случилось прочесть рассказ об Афиногене. «Чудо дивное» не может продолжаться до бесконечности.

Загадки и вопросы. Сопоставляя рассказ Дмитрия Ростовского с северно-русскими записями легенды, легко заметить, что рассказ о двух ланях явно не имеет отношения к тексту Дмитрия. Он определенно идет от какого-то иного, раннего перевода греческого жития Афиногена, однако раскрыть его характер вряд ли возможно, поскольку просвещенные люди, слышавшие легенду о двух ланях, передавали ее в печати очень кратко.

Судя по этим печатным изложениям, рассказ о двух ланях слышали в Белозерском крае и даже к западу от него значительно реже, чем легенду о двух оленях, что, впрочем, можно объяснить и обыкновенным равнодушием тех людей, кто был в силах пересказать его затем на бумаге.

Там же, где слышали рассказ о двух ланях, значительно чаще попадалась легенда о двух оленях, и ее оформление произошло, наверное, не без влияния текста Дмитрия Ростовского. В частности, опираясь на авторитет такого церковного деятеля, можно было уверенно заменить иноземных ланей на оленей, о которых все были по крайней мере наслышаны.

Версия о двух оленях, прибегавших на заклатие, судя по известным записям, в своем бытовании не вышла за пределы Белозерского края, и это обстоятельство остается загадкой.

В тексте Дмитрия Ростовского нет ни единого напоминания об Илье пророке или о его дне. Мысль о перенесении легенды с Афиногенова дня на Ильин, следовательно, возникла независимо от этого текста. Перенесение легенды отмечено прикреплением к Ильину дню уже в версии о двух ланях. Когда именно свершилось перенесение, узнать не удастся за отсутствием сведений, подводящих к какой-либо эпохе.

Наблюдается эволюционный переход от версии о двух оленях к версии об одном олене. Первая из них старше другой. Стадиально это так. Но, вместе с тем, нельзя не видеть удивительное совпадение северно-русских и болгарских записей легенды об одном олене. Сюжет этого рода нельзя придумать дважды, в удаленных друг от друга местах, поэтому вполне естественно рождается заключение о том, что версия об одном олене, болгарская или даже греческая, каким-то образом попала на Русский Север.

Вопросы и загадки только нарастают по мере углубления в разыскания. Так было всегда при исследовании любого предмета. Так будет и с легендой об

олене. Но уже теперь видно, что история возникновения и бытования легенды об олене, прибежавшем на заклание, — живая, густо насыщенная фактами и отнюдь не мифологизированная. А самое главное: легенда принадлежит творчеству нескольких народов, греков и болгар на юге, русских, вепсов и карел на севере.

Примечания

¹ Смирнов Ю.И. Олень, прибежавший на заклание // Русская народная культура и ее этнические истоки. М., 1999.

² Захариев Й. Кюстендилско Краище // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1918. Кн. 32. С. 301.

³ Събева А. Името на българското село — обект на словесно табу // Български фолклор. София, 1990. Кн. 3. С. 70.

⁴ Мицева Е. Наблюдения върху съвременното състояние на разказната традиция в Сакарския край // Български фолклор. София, 1984. Кн. 2. С. 79.

⁵ Ее же. Фолклор от Сакар. Ч. I: Разказен фолклор // Сборник за народни умотворения. София, 2002. Кн. 62.

⁶ Подробнее о распространении болгарских вариантов легенды см.: Смирнов Ю.И. Указ. соч. С. 94–95.

⁷ См.: Пигин А.В. Новые факты из истории церкви Ильи пророка на Водлозере (материалы к биографии каргопольского купца И.А. Попова) // Уездные города России: историко-культурные процессы и современные тенденции: материалы X Каргопольской научной конференции / сост. И.В. Онучина. Каргополь, 2009. С. 39. Эта же работа под слегка измененным названием помещена и в другом издании: Пигин А.В. Неизвестные факты из истории Ильинской церкви на Водлозере // Ильинский Водлозерский погост: материалы научной конференции «Водлозерские чтения: Ильинский погост» (6–10 августа 2007 г.) / под ред. А.В. Пигина. Петрозаводск, 2009. С. 37.

⁸ Логинов К.К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006. С. 63.

⁹ Там же.

¹⁰ Его же. Ильинский погост глазами этнографа // Ильинский Водлозерский погост: материалы научной конференции «Водлозерские чтения: Ильинский погост» (6–10 августа 2007 г.) / под ред. А.В. Пигина. Петрозаводск, 2009. С. 129; о работе Г.Г. Шаповаловой см. также: Смирнов Ю.И. Указ. соч. С. 98.

¹¹ Логинов К.К. Ильинский погост глазами этнографа. С. 129–130.

¹² Смирнов Ю.И. Указ. соч. С. 89.

¹³ Приклонский С.А. Народная жизнь на севере. М., 1884. С. 291–292.

¹⁴ Воронов А. Древний народный обычай // Олонецкие губернские ведомости. 1887. № 95. С. 885–886.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ П. Мошинский приход Каргопольского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 3. С. 78.

¹⁸ Там же. С. 79.

¹⁹ Нименский В. Ильин день в Шильде // Олонецкие губернские ведомости. 1873. № 64. С. 745–746.

²⁰ Трофимов А.А. Материалы Каргопольской экспедиции РГГУ // Живая старина. 1999. № 2. С. 49. Текст приведен в самом конце статьи, похоже впопыхах.

²¹ Конкка А.П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда) // Обряды и верования народов Карелии / науч. ред. А.П. Конкка, Э.В. Киуру. Петрозаводск, 1988. С. 77–95. Опубликованные в Финляндии источники остаются недоступными.

²² Там же. С. 86–87.

²³ Там же. Слова, приведенные в сокращении, так даны в цитируемом источнике.

²⁴ Там же. С. 95.

²⁵ Там же. С. 90.

²⁶ Там же.

²⁷ Древнерусская притча / сост. Н.И. Прокофьева, Л.И. Алёхиной. М., 1991. С. 178. См. басню «О еленице» под № 59. Наряду с этим применено двойное написание «елень» и «олень» — см. № 60, 61.

²⁸ Ср.: Там же. С. 176, № 52 «О еленьце малом».

Культурный ландшафт Кенозерья как объект информационного поиска

Интерес к научному изучению Кенозерья возрастает с каждым годом. В эту деятельность вовлекаются и опытные, и начинающие специалисты. Они стремятся найти свою, уникальную, никем не исследованную тему и развивать ее дальше. Многогранное Кенозерье всем предоставляет такую возможность, и материалы сборников «Кенозерских чтений» — яркий тому пример.

В определенный момент перед любым специалистом встает проблема информационной обеспеченности. Это вполне нормальное явление, которое позволяет расширить собственные познания по необходимой тематике, а также приобрести навык навигации в современном информационном пространстве, которое стремительно расширяется. Появляются новые формы информации, новые технологии, новые возможности, впрочем, и от старых, традиционных тоже нельзя отказываться.

Самые распространенные виды поиска тематической научной информации начинаются в архивах и библиотеках. Есть вариант что-то найти в книжных магазинах или в электронных сетях, но для этого надо владеть хорошими навыками поиска и интуицией. В развитии темы могут помочь собственные наработки, которые есть у каждого исследователя, или случайные находки.

Архивный поиск — наиболее трудоемкий, затратный по времени, но если правильно вычислена опись, внимательно просмотрены все заказанные дела, то наградой может стать найденный документ, который поставит необходимую точку или, наоборот, откроет новое видение темы. Модернизация архивного поиска коснулась пока лишь перевода в электронный формат описей и возможности дистанционного заказа дел в некоторых крупных архивах.

Библиотеки, в отличие от архивов, последние 20–25 лет активно занимаются внедрением новых форм обработки, хранения, поиска информации. Библиотечный поиск может помочь при любом сложном запросе, если использовать все возможности библиотеки.

Хорошо организованная библиотека должна иметь развитую систему карточных каталогов и картотек. Их постепенно переводят в электронный формат, но это дорогостоящий и долговременный процесс, поэтому традиционные каталоги и картотеки крупных библиотек еще долгое время будут обеспечивать информацией историю любого вопроса. Значение карточных каталогов и картотек не уменьшилось, они — хранители (причем структурированные) исторической информации по темам. Скажем, «культурный ландшафт» — термин современ-

ный, в традиционных каталогах может не быть такого разделителя; но все разделы, включающие это понятие, — география, культура, религия, этнография, история, природа и др. — могут содержать информацию о литературе, изданной давно, но касающейся нужной территории и ее особенностей.

Продолжить поиск надо по электронным каталогам, где достаточно ввести необходимый запрос в поисковое поле. Электронные каталоги отражают информацию об изданиях последних лет, но постепенно наполняются и более ранней информацией. Многие библиотеки приступили к ретроконверсии, т.е. к переводу карточных каталогов в электронные. Это делают способом сканирования старой карточки или вводом основных элементов библиографической записи в нужные поля. Оба способа несовершенны, но в итоге такой каталог помогает найти информацию даже вне стен библиотеки, если к нему открыт доступ. Как и в карточном каталоге, информация в нем представлена самая общая. При ретроконверсии нет возможности подробно заполнять тематические поля.

Качество электронного каталога зависит от квалификации его создателей. Можно просто внести основные сведения, а можно подробно раскрыть содержание с помощью ключевых слов, персоналий, тематических рубрик и т.п. При этом категорически нельзя делать опечаток, даже лишних пробелов.

Современный электронный каталог может иметь доступ к полному тексту, но это пока не очень распространено. В крупных библиотеках это трудно сделать из-за обилия информации, но крупные библиотеки активно создают электронные полнотекстовые базы, прежде всего из редких изданий. Собственные сайты есть у многих периодических изданий, на некоторых выложены их полнотекстовые архивы.

Дополнить и расширить поиск можно, если познакомиться с реферативными публикациями, которые издают крупнейшие информационные центры ИНИОН и ВИНТИ. Например, среди изданий ИНИОН есть «Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения: научно-информационный сборник», «Культура. Культурология: реферативно-библиографическая информация», «Культурология, XX век: дайджест» и др. Полный список всех изданий ИНИОН можно найти на сайте по адресу: http://lib.volsu.ru/site/NBO/rg_INION.html. Областные библиотеки должны выписывать серии этих изданий. Библиографические отделы этих библиотек могут иметь какие-либо библиографические пособия по необходимой тематике, но, к сожалению, их немного, навык работы с подобными изданиями у исследователей тоже невелик. Привычнее для многих посмотреть профильные журналы или сборники научных конференций.

Каждый исследователь имеет свой навык информационного поиска, и это правильно. Если бы все находили информацию только по общим правилам, идя в своем поиске одинаковыми путями, то ничего нового обнаружить было бы невозможно. И все-таки хотелось бы назвать особенности современного поиска по

нескольким крупным книгохранилищам, где есть информация о Кенозерском национальном парке, в том числе и о его культурных ландшафтах.

В Кенозерском парке есть собственная библиотека, небольшая, но отражающая все направления его деятельности. Некоторые публикации можно найти только здесь. К сожалению, библиотека не имеет поискового аппарата. При постоянном приросте изданий это приведет к проблемам, ведь остановить прирост нельзя. Научные сотрудники парка пока ориентируются в этом фонде, помогая отыскивать нужный источник.

Архангельская областная научная библиотека имени Н.А. Добролюбова является старейшей на Севере, имеет хорошие фонды и разнообразный поисковый аппарат, активно внедряет новые технологии. Ее сайт расположен по адресу: www.aonb.ru.

Электронный каталог библиотеки позволяет найти любую книгу, имеющуюся в библиотеке, т.к. в нем регистрируется и литература старых лет издания. Созданы отдельные базы на нотные, нормативные документы и периодические издания, имеющиеся в библиотеке. Наиболее интересен отдел краеведческой литературы «Русский Север», имеющий собственные ресурсы — и традиционные, и электронные. Получая с 1996 года обязательный экземпляр, отдел имеет полный фонд местной печати (изданий Архангельской области). Электронный каталог ведется с середины 1990-х годов, но дистанционно можно работать лишь с массивом 2000-х в программе IRBIS. Более ранние записи постепенно вливаются в него, хотя плохо редактируются — встречаются опечатки, недостаточное заполнение полей в конвертируемых записях, отсутствуют авторитетные файлы. Это приводит к затруднениям при поиске, но все-таки поиск можно вести. Достоинством этого каталога является одновременное предоставление информации по всем базам (книги, статьи из сборников, периодика, включая районную). Простой поиск можно вести по четырем позициям: ключевые слова, автор, заглавие, год издания. Есть возможность копирования всей записи, что важно при составлении любых списков литературы, включая пристатейные. К сожалению, сейчас нет дистанционного доступа к сканированному карточному каталогу. Однако есть доступ к полнотекстовой электронной краеведческой базе, где зарегистрированные в библиотеке читатели могут дистанционно прочитать редкие издания. Список изданий постоянно пополняется, сейчас он включает и дореволюционную периодику. Новые поступления составляют отдельную базу региональной книжной палаты, доступ в нее — с титульной страницы сайта (<http://www.aonb.ru/depарт/novinki>).

Частично дублирует фонды областной библиотеки научная библиотека САФУ имени М.В. Ломоносова. Ее сайт расположен по адресу: www.library.narfu.ru. Попасть на Информационный портал научной библиотеки САФУ можно и с титульной страницы сайта университета. Библиотека также работает в программе IRBIS. САФУ издает несколько научных журналов («Вестник САФУ», «Лесной

журнал», «Арктика и Север»), где печатают статьи профессора и аспиранты со всей страны, есть материалы и о Кенозерском национальном парке.

В других библиотеках Архангельска тоже можно найти сведения о Кенозерье, но основная литература собрана в этих трех.

Дополнить архангельские фонды могут Национальная библиотека Республики Карелия (www.library.karelia.ru) и Вологодская областная универсальная научная библиотека (www.booksite.ru). НБ РК работает в программе «Фолиант», а ВОУНБ — в OPAC-Global. Обе дают возможность копировать карточку. Кенозерье в дореволюционное время административно принадлежало этим территориям. Если в Архангельске собран наиболее полный книжный фонд по Кенозерскому национальному парку, то дореволюционную периодику надо искать именно в Петрозаводске и Вологде. Обе библиотеки имеют электронные базы губернских газет, журналов. «Олонецкие губернские ведомости» представлены с удобным поисковым аппаратом, что позволяет не только найти нужное заглавие, но и прочитать текст.

Богатейшие фонды имеют главные библиотеки нашей страны — Российская государственная библиотека в Москве (www.rsl.ru) и Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге (www.nlr.ru). Они раскрываются для исследователей с разных сторон. Так, в РНБ доступен для дистанционного поиска сканированный генеральный каталог, что позволяет найти информацию о многих изданиях, которых уже нет в Архангельске. Поиск в нем не совсем удобен, приходится «перебирать» виртуальные карточки, как в обычном каталоге. Карточку нельзя скопировать, необходимо текст с нее переписывать, при этом надо учитывать современные правила библиографического описания. Есть трудности при поиске авторов с распространенными фамилиями при незнании их имен, что бывает достаточно часто, но зато можно найти информацию, не выезжая в Санкт-Петербург, а это стоит того, чтобы потратить чуть больше времени на поиск. Издания, поступившие в библиотеку после 1998 года, находятся в обычном электронном каталоге, созданном в системе OPAC-Global, где можно не только найти запись, но и скопировать ее по всем правилам библиографического описания.

В Российской государственной библиотеке большинство изданий, даже дореволюционных, переведены в электронный каталог. Поиск можно вести одновременно по всем базам или выделить какую-то одну. Карточку можно скопировать, но при этом нужно учесть маленький нюанс — при копировании лучше не захватывать фамилию автора, вынесенную отдельно, ее лучше написать вручную. На сайте РГБ есть интересный ресурс: «ЭК Информкультура — Книги и статьи о культуре и искусстве», где в обычном поиске находится тематическая информация и представлена она в виде библиографической записи с аннотацией. Частично тексты научных статей можно найти в базе «КиберЛенинка: свободный доступ к науке». Доступ в нее осуществляется с титульной страницы РГБ.

Электронные возможности российских библиотек постоянно расширяются, что помогает исследователям, но библиотека не может собрать абсолютно всю литературу. Новые издания не могут оперативно быть внесены в электронные каталоги крупных библиотек. В этих ситуациях выручает электронная книготорговая информация. Книжные новинки попадают в магазины и рекламируются через собственные сайты. На сайтах можно увидеть внешний облик издания, иногда посмотреть содержание, «полистать» страницы, можно заказать книгу, и она поступит к читателю через несколько дней, гораздо раньше, чем в библиотеку. Система книжной интернет-торговли развивается очень быстро, крупные сети открывают свои представительства в разных городах, могут доставить книгу по любому адресу. Существуют специальные поисковые сайты, которые разыщут необходимое издание. Можно оставить заказ, если книги нет в наличии в конкретный момент, можно найти книгу букинистическую или раритетную, а можно просто выписать нужные сведения о книге (библиографическое описание), чтобы саму ее потом посмотреть в библиотеке.

И в завершение хотелось бы назвать библиографический указатель «Кенозерье», который появился в 2012 году. Как многие современные издания, он существует только в электронном виде на сайте Кенозерского национального парка (www.kenozero.ru), в разделе «Специалистам». Указатель включает 1700 библиографических записей, раскрывающих всю деятельность Кенозерского парка, его природного, исторического, культурного наследия, современную жизнь территории, где находится Кенозерский национальный парк, и многое другое. Подробности о нем можно найти в сборнике «Кенозерские чтения — 2011»¹.

Примечание

¹ Смирнова М.А. Научная библиография о Кенозерье: достижения, проблемы и перспективы // Кенозерские чтения — 2011. Человек и среда: гармония и противоречия: сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф. Архангельск, 2012. С. 194–199.

Культура донского казачества: традиции и современность

Современное гуманитарное знание в большей степени уделяет внимание философско-культурологической разработке проблемы взаимодействия человека и природной среды в целом и в меньшей степени — частным аспектам, связанным с формированием особых пространств, соединяющих природное и историческое достояние, а также сознание и поведение человека. В связи с этим большие исследовательские перспективы сулит определение содержания концепта «культурный ландшафт» и выявление особенностей его репрезентации в разных областях культуры. Топос входит в содержание репрезентативной культуры не только в ходе преобразовательной деятельности, но во многом благодаря человеческому восприятию, которое характеризуется эмоциональной напряженностью и образной насыщенностью. Понятие культурного ландшафта наполнено экзистенциальными и эстетическими смыслами, поэтому столь важно, например, изучение репрезентаций культурного ландшафта в искусстве.

Огромные просторы нашей страны не могут не поражать разнообразием культурных ландшафтов. Однако в России осталось исключительно мало территорий, где культурное и природное наследие сохранилось бы наиболее полно и многогранно. Одной из таких территорий бесспорно является Кенозерский национальный парк, бережно сохраняющий художественные и культурные традиции Русского Севера, его особый жизненный уклад.

Переместившись с севера страны на юг, нельзя не обратиться к другому культурному ландшафту — ландшафту связанному с историей казачества, проживавшего на территории донских степей. Казачество представляло собой традиционную локальную культуру с особыми образом жизни (военная служба) и укладом хозяйства, обрядами и праздниками, танцевальным и песенным фольклором. История казаков протекала в тех землях, которые были ими завоеваны и хозяйственно освоены, поэтому изучать традиции культуры донского казачества следует в тесной связи с культурным ландшафтом Дона. Однако, как уже отмечалось, само понятие «культурный ландшафт» пока еще не заняло в отечественной культурологии достойного места.

В Ростовской области действует государственное природоохранное учреждение «Природный парк «Донской», которое осуществляет организацию рационального использования территории природного парка, охрану природных комплексов и объектов, находящихся на ней, имеющих значительную экологическую и эстетическую ценность и предназначенных для использова-

ния в природоохранных, просветительских, научных, культурных, рекреационных и хозяйственных целях. Природные условия дельты Дона отличаются обилием пресной воды, достатком тепла и плодородными почвами. Продолжительные исследования степного ландшафта современной Ростовской области были выполнены еще великим ученым-почвоведом России В.В. Докучаевым, который во второй половине XIX века первым охарактеризовал особенности донских степей в историческом и экологическом аспектах, провел системный анализ экологической ситуации, сложившейся в этой зоне под действием деятельности человека. Ученый указал на необходимость создания в донских степях заповедника.

Наиболее активное селитебное и сельскохозяйственное освоение дельты Дона началось в конце XVIII века, и именно с ним связано формирование уникального казачьего ландшафта. В хуторах на территории парка сохраняются памятники истории и архитектуры (церкви и дома казаков) досоветского периода. Объекты историко-культурного наследия на территории природного парка представлены как археологические памятники, историко-архитектурные объекты (планировка поселений, памятники церковной и гражданской архитектуры, традиционные сельские дома, старые кладбища, инженерные сооружения) и военно-исторические объекты (фортификационные сооружения различных эпох, памятные знаки в честь погибших в различных военных конфликтах). По своему природно-историческому значению и богатству достойных охраны объектов территория Нижнего Дона и дельты Дона вполне соответствует статусу территории природного и культурного наследия международного уровня.

Координационным центром, объединившим ученых, занимающихся исследованием традиционной культуры донских казаков, стал Южный научный центр РАН (г. Ростов-на-Дону), где регулярно издаются сборники «Казачество России: прошлое и настоящее», «Очерки истории и культуры казачества Юга России». По данным переписи 2010 года, численность казаков в России составляет более 67 тысяч человек. В последние десятилетия особое внимание научного сообщества уделяется в первую очередь истории донских казаков, точное происхождение которых все еще является предметом дискуссий.

Казачество формировалось с конца XV столетия в восточных и юго-восточных пограничных регионах польско-литовского государства и России, в переходных степных зонах, а также на больших реках, которые и дали различным группам казаков свои названия — донские, днепровские, терские, яицкие. Вначале казаки не занимались сельским хозяйством, а совершали военные походы, нередко промышленляли и набегами на торговые караваны, называя товары проезжих купцов «казачьим хлебом». Значительный прирост этих первоначально эгалитарных по своему характеру братств и объединений обеспечивали бежавшие от крепостной зависимости украинские и российские крестьяне, которые затем перенимали обычаи и навыки степных народов и кавказцев.

Русское государство установило связи с донским казачеством со времен Ивана Грозного, привлекая их на службу постоянным жалованьем. В XVI–XVII веках казаки активно участвовали в войнах, которые вела Россия. Особую роль в истории сыграл донской казак Ермак Тимофеевич, разгромивший войска сибирского хана Кучума и способствовавший завоеванию Сибири. Именно казаки присоединяли к России земли Сибири и Дальнего Востока. Однако на всем протяжении XVI–XVII веков служба государству сочеталась с набегами на степные города и торговые караваны. Казаки принимали участие во всех народных восстаниях (достаточно вспомнить легендарного Степана Разина).

Донские казаки присягнули царю Алексею Михайловичу, а в 1721 году войско было подчинено Санкт-Петербургской Военной коллегии. Правительство использовало казаков для колонизации вновь завоеванных земель и охраны государственных границ, преимущественно южной и восточной.

Сохраняя достаточно независимое положение, казачеству довольно долго удавалось сберечь и развивать вечерую систему самоорганизации. Данная особенность казачьего управления иногда даже рассматривается в качестве социокультурной инверсии в развитии России¹. Все важнейшие дела обсуждал общий сход казаков («круг»), решение принималось большинством голосов. На сходе выбирался атаман — глава местного казачьего войска. Правосознание было корпоративным: преступлением считалось то, что наносило вред только самим казакам. Свою свободу и самоуправление казаки ценили превыше всего. Знаменитое выражение «С Дона выдачи нет» отражает существовавшее тогда правило для беглых крепостных, которые пополняли казачье войско. Вокруг казачьих идеалов вольности и уравнительности объединялись крестьянские движения. Казаки были открыты для культурного диалога с представителями других религий и вероисповеданий — как с католиками и протестантами, так и с мусульманами, проявляя религиозную терпимость.

В XVIII веке казаки полностью перешли к регулярной воинской службе. Казачьи кавалерийские формирования помогли царице Екатерине II в войне против турок и внесли свой вклад в разгром наполеоновских войск. В войне 1812 года принимало участие более 50 полков донских казаков, которые дошли до Парижа под предводительством атамана Платова. Казаки были основной силой и партизанской войны. Они также сыграли важную роль в завоевании Кавказа.

В начале XIX века атаманы, боровшиеся за казачьи вольности, были сняты со своих постов. Николай I назначил войсковым атаманом Войска Донского наследника престола, и эта традиция сохранялась во время правления Романовых. В Первую мировую войну донские казаки выставили более 100 тысяч шашек и штыков. После отречения царя в феврале 1917 года на Дону после двухвекового перерыва собрался Войсковой круг, было избрано правительство во главе с атаманом А.М. Калединым, а затем провозглашена независимая Донская республика. В ходе Гражданской войны казачьи области стали важной опорой Белого дви-

жения, а впоследствии часть казачества эмигрировала. Хотя многие казаки были на стороне большевиков, тем не менее, казачьи области подвергались гонениям до середины 1930-х.

К концу 30-х годов начинает происходить изменение в отношении к казачеству в русле политики укрепления государственности и возрождения исторических русских традиций. В ходе Второй мировой войны казаки воевали на стороне как СССР, так и нацистской Германии. Движение за казачье возрождение началось с середины 80-х годов прошлого века и оказалось весьма противоречивым. В 2005 году был принят федеральный закон, носящий название «О государственной службе российского казачества». В соответствии с этим законом казаки получили различные права, которые обычно монополизирует государство, например право охранять порядок на территории России и проводить военную подготовку. Такая служба, говорится в законе, финансируется из государственных средств.

Исследователи современного казачества отмечают, что «с одной стороны, казачье движение можно определить как сугубо мужское и социальное, направленное на возрождение прежнего (по сути сословного) статуса казаков, включающего такие понятия, как "государственная служба", военные казачьи формирования, ряд привилегий и преференций. С другой стороны, оно изначально включало в себя и требования "этнической реабилитации", сопровождались мощным ростом интереса к собственной этнической культуре»².

По мнению исследователей, противоречивость казачьего возрождения усугублялась как политикой федеральных и местных властей, так и самими лидерами движения. Казаки не нашли своего места в социальной структуре современного российского общества, хотя путь «государственного служения» поддержала их значительная часть. При этом современные казачьи общества мало интересуются традиционной культурой казачества, остаются в стороне от мероприятий, которые проводятся фольклорно-этнографическими коллективами или учеными-казачеоведами. Социологические опросы показывают, что большинство казачьей молодежи не знает казачьего песенного фольклора и не владеет навыками его исполнения. Молодежь мало знает о казачьих праздниках и не отмечает их.

Задачи исследования и сохранения основ культурного наследия донского казачества должны быть приоритетными не только для научного сообщества, но и для самих казаков. Участниками такого процесса могут стать казачьи организации, семьи и школа, культурно-просветительские учреждения, творческие коллективы.

Исследователи отмечают, что в настоящее время активнейшими участниками возрождения традиционной казачьей культуры являются в первую очередь научные сообщества (историки, фольклористы, этнографы, музейные работники) и творческие коллективы, в особенности певческие. Таким образом, с одной стороны, существуют научные разработки и популярная и учебная литература об истории донского казачества, а с другой стороны, создано очень мало серьезных

трудов по традиционной культуре. Невелик их тираж, издаются такие работы часто за пределами территории проживания донских казаков и они не адаптированы для просветительской деятельности. Мало достоверных описаний традиционных казачьих обрядов и обычаев, одежды, жилищ, народной кухни. В то же время много издается популярной литературы, в которой представлены скорее мифы о донских казаках, нежели реальные факты. Отмечают исследователи и разрыв между деятельностью певческих коллективов (как профессиональных, так и самодеятельных) и самим казачьим населением. Казачьи песни звучат на фольклорных праздниках, но не в повседневной жизни казаков.

Бесспорно, сложная ситуация с возрождением традиционной культуры связана с огромным перерывом в традиции изучения казачества. Началось оно в середине XIX века, а затем было свернуто в годы советской власти (исключением была лишь песенная традиция казачьего Дона). В Ростовской области не сложилась традиция проведения регулярных научно-практических конференций по проблемам традиционной культуры донских казаков, нет единого координационного центра, который бы объединял ученых (интересно, например, что на Кубани изучение казачества концентрируется вокруг Научно-исследовательского центра традиционной культуры государственного бюджетного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор»). На Дону в станице Старочеркасской и городе Новочеркасске, главных исторических местах проживания казаков, таких центров не сложилось. Сыграло свою роль и территориальное разделение (места традиционного проживания донских казаков относятся к двум областям — Ростовской и Волгоградской). Официальные органы концентрируют свои усилия в основном на продвижении идеи «государственной службы» казаков или на организации песенных фестивалей. В то же время за последние 30 лет накоплен интересный материал, поскольку велась активная архивная и экспедиционная деятельность. Много уже сделано. Так, например, усилиями местных этнолингвистов исследован казачий говор Волгоградской и Ростовской областей (так называемый «донской гутар»).

Очевидно, что воинское служение всегда выступало в качестве доминанты исторического развития казачества и было закреплено во всех элементах традиционной культуры: семейном укладе, воспитании детей, праздниках и обрядах, отношениях между мужчинами и женщинами, представителями разных поколений и т.д. Исследователи считают, что анализ традиционной казачьей культуры позволяет отметить наличие в ней бинарных качественных характеристик. С одной стороны, для нее характерно превалирование военизированных, героических традиций, норм, ценностей, а с другой стороны, она отличается высокой способностью к восприятию инокультурных влияний, культурной и конфессиональной толерантностью³.

Наиболее ярко специфика традиционной культуры казачества отражена в его фольклоре. Преобладающее число смысловых значений в песнях, сказках,

пословицах связано с понятиями «Россия», «Дон», «служба», «честь». Они охватывают основные ориентиры мировосприятия казаков. В то же время понятия дома, семьи, быта играли в фольклоре донских казаков второстепенную роль.

Отмечается, что особенностью песенной традиции донских казаков является то, что в течение длительного времени она была исключительно мужской привилегией. Мужская протяжная песня является центральным жанром, наиболее ярко воплотившим особенности стиля музыкально-песенного фольклора Дона. Она представляет оригинальную часть донского наследия, в то время как походные, строевые, полковые, плясовые песни являются, как правило, казачьими интерпретациями русских песен. Исследования казачьего песенного фольклора были начаты в XIX веке и продолжены в советские и постперестроечные годы⁴.

Еще в самом начале XX века было отдано распоряжение об организации записи песен по всем донским войскам, в том числе и на Дону. Было обследовано 99 населенных пунктов 6 казачьих округов. Уже тогда было понятно, что песенные традиции уходят (например, вместо протяжных песен исполнители обращались к ритмичным солдатским). Участники экспедиции старались записать походные казачьи песни (около сотни из них было записано с помощью фонографа). Всего же собрали тогда более 100 самостоятельных напевов и текстов, около половины из которых составляли обрядовые и праздничные песни, более 200 — исторические, военные и военно-бытовые.

И хотя любовь казачества к пению известна всем, уже тогда было отмечено падение интереса молодых казаков к старым напевам. В эпоху почти непрерывных войн песня зарождалась в полку, из которого часто выходили герои, ею воспетые. Являясь выражением пережитого и увиденного, сложенная казаками песня была народной по форме и по духу. Александр Михайлович Листопадов, учитель, записывавший песни, сам был казаком, уроженцем станицы Екатеринославской. Собирателю казачьей песни опасался, что произойдет неизбежное вымирание и забвение старинной казачьей песни — во многом из-за отсутствия хоровых или песенных обществ⁵.

Одним из самых известных русских хоров в мире стал хор донских казаков Сергея Жарова, руководившего хором в течение 60 лет. Было дано более 10 тысяч концертов как в странах Западной Европы, так и в США. Сегодня в России о Донском казачьем хоре Сергея Алексеевича Жарова знают лишь немногие. Парадоксально, но факт — не только люди далекие от музыки, но и подавляющее большинство любителей хорового пения в России, к сожалению, зачастую даже не слышали о существовании самого известного в мире русского хора.

Знаменитый хор был создан казаками уже в эмиграции в тяжелейших условиях военного лагеря в Турции в 1921 году. Ставший легендарным, хор за почти шестидесятилетнюю историю своего существования объехал весь мир, выступал на самых знаменитых концертных площадках и неизменно пользовался огромным и заслуженным успехом. Высокую оценку исполнительскому мастер-

ству хора давали не только русские эмигранты, для которых чудесное пение хора служило напоминанием о безвозвратно потерянной родине и было отдушиной в их нелегкой жизни, но и маститые музыкальные критики и корифеи хорового искусства. Выдающийся русский композитор С.В. Рахманинов очень любил хор и неоднократно поддерживал С.А. Жарова в его новаторских аранжировках и неожиданных прочтениях известных произведений. Ф.И. Шаляпин, будучи сам великолепным знатоком и исполнителем русской песни, отдавал должное певческому мастерству казаков. Специально для хора делали аранжировки и писали произведения такие корифеи музыкального искусства, как К.Н. Шведов, А.Т. Гречанинов и другие известные композиторы.

Пессимистические выводы этнографов начала прошлого века не сбылись. Казачья песня жива и бережно сохраняется современными хоровыми коллективами, самым знаменитым из которых является хор Сретенского монастыря.

Следует отметить, что прошлое, настоящее и будущее культуры донского казачества интересует не только российских, но и западных исследователей. Иностранцы издаются такими заголовками, как «Россия возрождает казачьи традиции», «Казачья сабля против кавказского кинжала», «Казаки возвращаются». Издаются и серьезные монографии, такие, например, как книга Андреаса Каппелера⁶. Австрийский исследователь, специалист по истории Восточной Европы Андреас Каппелер в своей работе, посвященной легендам вокруг казачества и его реальной истории, показывает, каким образом происходит «возрождение казачества», называя современных казаков «неоказаками» и отмечая, что свое сообщество «защитников отечества» они считают основанным скорее на образе мыслей, чем на происхождении.

Хотя возрождение казачества таким, каким оно было в начале века, в настоящий момент вряд ли можно считать возможным, исследования традиционной культуры казачества, безусловно, будут способствовать сохранению культурного разнообразия, тому процессу, который получил название глокализации.

Примечания

¹ Ионов И.Н. Российская цивилизация и истоки ее кризиса IX–XX вв. М., 1994. С. 157–162.

² Рыблова М.А. Проблемы научного исследования и популяризации традиционной культуры донских казаков // Казарла. 2013. № 1 (21). С. 38.

³ См.: Бахвалова В.А. Традиционная культура донского казачества (по материалам фольклора): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Волгоград, 2009.

⁴ См.: Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д., 1998.

⁵ Стрелянов П. Казачья песня в начале XX века (по материалам Донской песенной экспедиции А.М. Листопадава) // Станица. 2010. №1 (54). С. 46–47.

⁶ Kappeler A. Die Kosaken. Geschichte und Legenden. München, 2013.

Изучение урожайности, запасов и микроэлементного состава черники и брусники в Кенозерском национальном парке*

Национальный парк «Кенозерский» расположен на стыке Плесецкого и Каргопольского административных районов Архангельской области и Пудожского района Республики Карелия. Леса парка занимают 75,6% его территории. Преобладают сложные по составу древостои, но основной лесообразующей породой на территории парка является сосна обыкновенная (44%). Еловые древостои произрастают на 25% покрытой лесом площади. Флора парка насчитывает более 900 видов растений, в том числе гербарными сборами подтверждено наличие 638 видов высших сосудистых растений, 119 видов мхов, 131 вида лишайников, 163 видов грибов¹.

Флора Кенозерского национального парка типична для подзоны средней тайги. По флористическому районированию это Двинско-Печерский подрайон Северного флористического района. В более влажных местообитаниях развиты ельники: в травяном покрове доминируют кустарнички рода *Vaccinium* и зеленые мхи. В более сухих местообитаниях доминируют сосняки².

Встречаемость черники детально рассматривается в аннотированном списке видов А.В. Разумовской, И.Б. Кучерова, Л.В. Пучниной³. Черника (*Vaccinium myrtillus* L.) встречается по всему парку, очень часто в лесах черничного, кисличного, лесноейничкового и хвощово-сфагнового типа; ельниках чернично-сфагновые; сосняках брусничных и багульниковых. Брусника (*Vaccinium vitis-idaea* L.) встречается по всему парку, очень часто в сосняках брусничных, черничных зеленомошных и багульничково-черничных сфагново-зеленомошных; ельниках черничных зеленомошных и сфагновых; лесах кисличного, лесноейничкового и хвощово-сфагнового, вахтового и багульничкового типов.

В соответствии с установленным режимом национального парка, на его территории в границах зоны⁴ охраны культурных ландшафтов и рекреационной зоны допускается осуществление различных видов природопользования, в том числе традиционных видов, как важнейшей составляющей историко-культурной среды. Сбор ягод и лекарственных растений — важная составляющая традиционного природопользования на Севере. Изучение и постоянное обновление информации важно для развития экономического потенциала, особенно для территории, на которую оказывается минимальное антропогенное воздействие.

© Старицын В.В., Дурынин С.Н., 2015

* Исследование осуществлено при поддержке Гранта РФФИ № 11-04-98802 а «Влияние тектонических структур и аномалий барического поля севера Русской плиты (на примере Архангельской области) на растительные ресурсы» (№ гос. регистрации — 102290054777).

На протяжении трех полевых сезонов 2011–2013 годов нами изучалась урожайность, химический и витаминный состав черники и брусники на территории Кенозерского парка как в Плесецком, так и в Каргопольском секторе. Для оценки продуктивности использовались классические ресурсоведческие методики — как общие⁵, так и региональные⁶. За три года было заложено 12 пробных площадей в сосняках-черничниках, сосняках-брусничниках, а в 2013 году — дополнительно в ельниках-черничниках. Проводилось геоботаническое описание по стандартным методикам⁷, на 25 учетных площадках собирались плоды для определения урожайности. Плоды взвешивались на электронных весах (JV-1, Корея) с точностью до 0,1 грамма.

При проведении исследований отбирались пробы для химического анализа, которые замораживались при хранении. В дальнейшем они сушились при температуре 60 °С в сушильном шкафу (ES 4620) и подвергались рентгено-флуоресцентному анализу⁸ на волнодисперсионном рентгено-флуоресцентном спектрометре (XRF-1800) (анализы выполнены на оборудовании ЦКП НО «Арктика» Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова при финансовой поддержке Минобрнауки России).

Расчет запасов на территории парка проводился на типологической основе. По лесоустроительным материалам определена площадь сосняков-черничников и сосняков-брусничников. Урожайность (кг/га) рассчитывалась непосредственно по результатам экспедиционных обследований Кенозерского национального парка (табл. 1).

При расчете доступных для сбора запасов необходимо учитывать несколько факторов, прежде всего то, что ежегодно плодоносит не весь ягодник, а только его часть. Кроме того, сбор ягод зависит от транспортной сети (5 км вдоль дорог), т.е. от доступности угодий. В данной работе не учитывается функциональное зонирование (сбор ягод запрещен в особо охраняемой зоне).

По результатам полевых работ урожайность черники составила 130,98 кг/га в сосняке-черничнике, брусники — 98,1 кг/га в сосняке-брусничнике (см. табл. 1). Показатели совпадают со средними по Архангельской области⁹.

В 2013 году были начаты исследования запасов листьев брусники как ценного лекарственного сырья. Урожайность листьев была определена в 502,3 кг/га, что незначительно меньше средней урожайности по области.

Запасы плодов черники в сосняках-черничниках составляют 913 тонн, доступны для сбора 228 т. Запасы плодов брусники в сосняках-брусничниках — 40 тонн, из которых доступны для сбора 10 тонн (табл. 2). Общий запас листьев брусники — 203 тонны, включая доступные для сбора (51 тонна).

Растения способны поглощать из окружающей среды практически все элементы. Однако для нормальной жизнедеятельности растительному организму необходимо лишь 19 питательных элементов. Среди них углерод (45% сухой массы тканей), кислород (42%), водород (6,5%) и азот (1,5%) называют органогенами.

Оставшиеся 5% приходятся на зольные элементы, которые остаются в золе после сжигания растения. Содержание минеральных элементов обычно выражают в процентах от массы сухого вещества¹⁰.

Таблица 1. Урожайность плодов и листьев черники и брусники на территории Кенозерского национального парка в 2011–2013 годах

Тип леса	Площадь в Кенозерском секторе, га	Площадь в Лекшмозерском секторе, га	Общая площадь, га	Средняя урожайность по Архангельской области	Средняя урожайность по экспедиционным обследованиям за 2011–2013, кг/га
Плоды черники (<i>V. myrtillus L.</i>)					
Сосняк-черничник	29 653	20 159,2	49 812,9	100	130,98
Плоды брусники (<i>V. vitis-idaea L.</i>)					
Сосняк-брусничник	1369,1	317	1686,1	200	98,1
Листья брусники (<i>V. vitis-idaea L.</i>)					
Сосняк-брусничник	1369,1	317	1686,1	530	502,3

Таблица 2. Запасы плодов и листьев черники и брусники на территории Кенозерского национального парка без учета функционального зонирования в 2011–2013 годах

Тип леса	Продуцирующая площадь,		Общие запасы сырья, т	Доступность угодий, %	Доступные для сбора запасы, т
	%	га			
Плоды черники (<i>V. myrtillus L.</i>)					
Сосняк-черничник	14	6973,8	913	25	228
Плоды брусники (<i>V. vitis-idaea L.</i>)					
Сосняк-брусничник	24	404,7	40	25	10
Листья брусники (<i>V. vitis-idaea L.</i>)					
Сосняк-брусничник	100	404,7	203	25	51

Все элементы в зависимости от их количественного содержания в растении принято делить на макроэлементы — N, P, S, K, Ca, Mg (десятки — сотые доли процента, т.е. содержание — более 0,01%), микроэлементы — Fe, Mn, Cu, Zn, B, Mo (содержание — менее 0,01 %). Необходимы также Co, Na, Si, Cl¹¹.

Результаты исследований минерального состава дикорастущей черники представлены на диаграммах (рис. 1, 2).

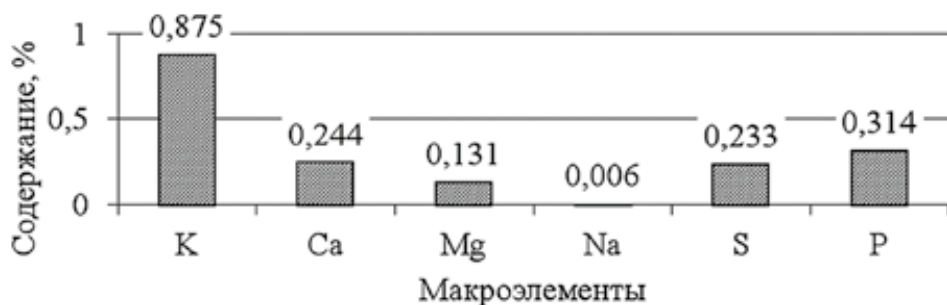

Рис. 1. Содержание макроэлементов, %

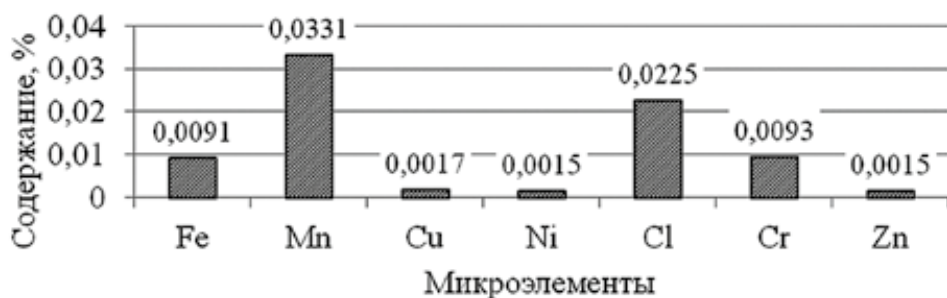

Рис. 2. Содержание микроэлементов, %

Согласно СанПиН 2.3.2.1078-01, плоды черники являются безопасными по содержанию меди и цинка.

Итак, черника и брусника — доминанты травяно-кустарничкового яруса, являющиеся важнейшими пищевыми и лекарственными растениями. При проведении исследований на территории Кенозерского национального парка нами оценивалась урожайность, запасы и химический состав плодов и листьев черники и брусники. За изучаемый период определена средняя урожайность плодов черники в сосняках-черничниках (130,98 кг/га), брусники в сосняках-брусничниках (98,1 кг/га). В 2013 году урожайность листьев брусники составила 502,3 кг/га. Рассчитаны запасы плодов и листьев в изучаемых типах леса. Определен микроэлементный состав плодов черники, который свидетельствует об экологической чистоте. Полученные сведения позволяют дополнить и уточнить научные данные, собранные другими исследователями на территории национального парка,

и могут быть использованы при организации сборов изучаемых видов недревесного сырья местным населением.

Примечания

¹ Состояние и охрана окружающей среды Архангельской области за 2012 год. Архангельск, 2013. С. 135–137.

² Природное и культурное наследие Кенозерского национального парка: сборник научных статей / сост. Е.Ф. Шатковская, С.В. Торхов, Д.В. Тормосов и др. Петрозаводск: ПетроПресс, 2002. С. 79.

³ Разумовская А.В., Кучеров И.Б., Пучнина Л.В. Сосудистые растения национального парка «Кенозерский»: аннотированный список видов / под ред. Г.Ю. Конечной, О.Л. Кузнецова. Северодвинск, 2012. С. 113–114.

⁴ Козыкин А.В. Оценка возможности рыночного использования недревесных продуктов леса на территории Кенозерского национального парка // Устойчивое использование недревесных продуктов леса — существующая практика и рекомендации: сборник статей / сост. А. Белякова, Н. Шматков. М., 2007. С. 17–33.

⁵ Руководство по учету и оценке второстепенных лесных ресурсов и продуктов побочного лесопользования. Пушкино: ВНИИЛМ, 2003.

⁶ Рекомендации по учету, прогнозированию и сбору недревесной продукции леса / сост. И.Н. Лукин, В.Г. Чертовской. Архангельск, 1977.

⁷ Там же.

⁸ Химический анализ лекарственных растений: учеб. пособие для фармацевтических вузов / Е.Я. Ладыгина и др.; под ред. Н.И. Гринкевич, Л.Н. Сафронович. М.: Высш. школа, 1983.

⁹ Повышение продуктивности лесов Европейского Севера. Архангельск, 1974. С. 211–219.

¹⁰ Медведев С.С. Физиология растений: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004.

¹¹ Каюмов М.К. Физиология и биохимия сельскохозяйственных растений: учебное пособие. М., 2004.

С.В. Третьяков, С.В. Коптев,
Н.С. Новикова, Н.А. Неверов
(г. Архангельск)

Формирование, сохранение и устойчивое управление культурными ландшафтами в Кенозерском национальном парке

Кенозерский национальный парк как инициатор сохранения культурных ландшафтов. Одной из особенностей Кенозерского национального парка является наличие значительного количества исторически сформировавшихся культурных ландшафтов. Их сохранение является важным и приоритетным направлением его деятельности. Сами культурные ландшафты не остаются неизменными и постоянно меняются под воздействием внешних факторов. При этом происходит это с определенными закономерностями, которые свойственны для развития естественных лесных экосистем, а также для измененных человеческой деятельностью насаждений.

Процессы, происходящие в экосистемах, сложны и требуют постоянного мониторинга. Утрата определенных культурных ландшафтов существенно обеднит саму структуру природных объектов парка. Многие комплексы формировались в течение веков. Однако отдельные фрагменты подвергались воздействию человека на протяжении небольшого временного промежутка. Например, так называемые новины, которые выделялись в лесу для сельскохозяйственного использования семье крестьян при рождении ребенка. Деревья на участке срубали и использовали, порубочные остатки сжигали. Эти земли использовали для ведения сельского хозяйства в течение 3–5 лет. Выращивали ячмень (жито) или репу (репища). Пахали такие участки сохой. Камни, которые мешали обработке почвы, собирали и выносили на край поля. Гряды камней по краям полей сохранились до настоящего времени. Многие из таких участков в дальнейшем использовались под сенокосы или пастбища. На новинах, где пасли скот, росли знаменитые каргопольские грибы рыжики.

Для обеспечения разнообразия естественных и культурных ландшафтов необходимо осуществлять их планирование и формирование, т.к. происходит постоянное их изменение. Как правило, для поддержания и сохранения культурных ландшафтов требуется меньше материальных и денежных затрат, чем для восстановления утраченных ввиду изменения социально-экономических условий жизни сельского населения. Для сохранения ландшафтов важно их изучение, оценка динамики их развития, оценка возможностей сохранения среды и формирования новых интересных туристических маршрутов. Проведение ландшафтных рубок с целью формирования единого историко-культурного и природного ландшафта позволит существенно повысить ценность

и привлекательность территории. Назревает необходимость принятия срочных мер по сохранению открытых ландшафтов, которые окружают деревни, т.к. происходит интенсивное зарастание бывших сельскохозяйственных угодий кустарником.

Проблемы поддержания культурных ландшафтов и практические результаты. Понятие культурного ландшафта включает в себя участок местности, на которой человек длительное время существовал в гармонии с природой. В результате этого сосуществования появились ландшафты, которые включают в себя:

- участки леса, не затронутые хозяйственной деятельностью, развитие которых идет естественным путем;
- участки леса, которые подвергались воздействию (рубки), но развитие их в дальнейшем происходило без вмешательства человека;
- участки леса, на которых ведется интенсивное лесное хозяйство (рубки ухода, уборка захламленности, ландшафтные рубки);
- участки леса, сформировавшиеся на месте бывших сельскохозяйственных угодий (бывшие пашни, сенокосы);
- участки современных сельскохозяйственных земель;
- населенные пункты, дороги и тропы;
- иные земли, не представляющие хозяйственного интереса, но эстетически привлекательные (поляны, пустоши, берега рек и озер, другие территории).

Развитие культурных ландшафтов происходит во времени и пространстве, поэтому необходимо рассматривать каждый конкретный объект комплексно и в динамике.

Исследуя изменения, происходящие на территории парка, следует определить перспективы использования отдельных участков, а также выработать единый подход к оценке изменений и критерии этой оценки, чтобы лучше и с большим пониманием участвовать в восстановлении и охране наиболее ценных фрагментов культурных ландшафтов.

Для характеристики культурных ландшафтов необходимо проведение специальных исследований, которые получили название ландшафтная таксация¹. Этот метод инвентаризации лесного фонда рассматривает насаждение как часть географического ландшафта, элементы которого находятся в определенной системе взаимосвязей и взаимодействия. При этом используются методы лесной таксации на лесотипологической основе, сбор материалов о рельефе, о сети дорог и троп, учет фауны и различные другие изыскания.

Для характеристики культурных ландшафтов использовались материалы агроклиматических исследований², материалы лесоустройства 1997 года³, очередного лесоустройства, полевые работы которого проводились в 2013 году, Архангельского областного архива (фрагмент карты 1848 г., ил. 1)⁴, информа-

ция из архива Кенозерского национального парка, материалы ранее проведенных исследований и зонирования территории, исследования специалистов Северного (Арктического) федерального университета (ранее АЛТИ-АГТУ), разработки авторов.

Принадлежность насаждений к той или иной категории устанавливали по косвенным признакам и по материалам лесоустройства, а также и при полевых исследованиях. Для детального обследования выбирали участки сельскохозяйственных (освоенных или безлесных) земель, которые явно просматривались на картах и космических снимках высокого разрешения как открытые пространства. Уточнялась таксационная характеристика участков. Делались почвенные разрезы для установления структуры почвенного профиля и выявления нарушенных почвенных горизонтов. Следы воздействия сохраняются в почве длительное время (до 50 лет). Для уточнения возраста насаждений и установления возраста, когда эти участки вышли из сельскохозяйственного использования, а также в насаждениях, процесс формирования которых на открытых пространствах еще не закончился, у шейки корня средних по размерам деревьев подсчитывали число годичных слоев, проводили анализ роста срубленных модельных деревьев.

Ценность культурных ландшафтов Европейского Севера России заключается не только в том, что они связаны с культурными корнями русского народа и поэтому представляют интереснейший объект туризма, но и в том, что они показывают достойный пример постоянного, неистощительного и гармоничного природопользования.

Изменение культурных ландшафтов может происходить достаточно быстро. За 30 лет открытый ландшафт может превратиться в закрытый. На иллюстрации 2 виден открытый холм Хижгора с часовней. В настоящее время просматриваемость здесь полностью отсутствует.

В деревнях Масельге и Гужово дома строились с учетом явно выраженного рельефа, большого количества озер и протоков⁵. На исследуемой территории присутствуют сенокосы, сельхозугодья, болота, озера и другие нелесные земли. К сельскохозяйственным участкам прокладывались дороги, строились мосты через реки и протоки.

Сельскохозяйственные угодья и сенокосы сохранились частично и в настоящее время. Они все еще представляют собой открытые ландшафты, характерные для мест традиционного земледелия. Однако в настоящее время многие ландшафты в результате того, что они длительное время не используются как сельскохозяйственные земли, постепенно зарастают древесной растительностью.

Результатом выделения ландшафтов может быть районирование древостоев в связи с вопросами ведения лесного хозяйства по особенностям их типологической структуры, производительности, интенсивности смены пород⁶.

Изучение динамики лесных территорий является важной и актуальной современной задачей⁷. Большое влияние на динамику насаждений оказывали лесные пожары⁸.

На территории современного национального парка вплоть до 40-х годов прошлого века существовало подсечно-огневое земледелие. Участки, которые временно использовались как сельскохозяйственные земли, вновь зарастали лесом. Таких территорий было немало, особенно в местах, где сельскохозяйственное пользование продолжалось длительное время. Здесь остались следы, по которым можно отнести эти участки к старопахотным (сельскохозяйственным) землям. Они включают в себя также старинные дороги, тропы, мозаику небольших сельскохозяйственных угодий среди лесов и озер, деревни с традиционной для Русского Севера планировкой, священные рощи, каналы и водяные мельницы. Все это стало неповторимой естественной средой для 11 церквей и 38 часовен, расположенных на территории Кенозерского национального парка.

Фрагментация и мозаичность лесных и нелесных участков способствовали высокому биоразнообразию. Такие ландшафты на Европейском Севере сохранялись столетиями. Развиваясь и изменяясь, они не теряли своего неповторимого облика. Однако сегодня не только в Архангельской области, но даже на территории национального парка они могут быть утрачены. Изъятые из хозяйственной эксплуатации сельскохозяйственные угодья быстро зарастают древесными породами. Дороги и тропы, которыми не пользуются работники парка и туристы, постепенно теряются в лесах.

По оценкам специалистов Архангельской лесостроительной экспедиции (сейчас Архангельский филиал ФГУП «Рослесинфорг»), 56,5% площади рекреационной зоны Кенозерского национального парка причислено к 1 классу эстетической оценки. К ним относятся повышенные с разнообразным рельефом участки на хорошо дренированных местоположениях с хорошей обзорностью и проходимостью. В составе насаждений преобладают хвойные и лиственные породы, характеризующиеся высокими декоративными качествами. Подлесок и подрост отмечены почти повсеместно, они имеют среднюю густоту и хорошее состояние. Много опушек, полей, лугов с красивым рельефом и в хорошем эстетическом состоянии. Часто встречаются красивые береговые ландшафты, примыкающие к большим и малым водоемам (рекам, озерам и ручьям).

32,8% площади относится ко 2 классу эстетической оценки. Эти участки располагаются на свежих и влажных почвах. Пониженная проходимость, монотонность окраски и структуры насаждений делает их менее привлекательными.

К 3 классу эстетической оценки отнесено 10,7% участков, которые представляют собой заболоченные насаждения и располагаются, как правило, в пониженных участках рельефа.

Непосредственное нахождение человека на территории Кенозерского национального парка формирует обитаемое пространство. Сохранение самобытности каждого участка является важнейшим условием при превращении его в обитаемое пространство. Основная эстетическая ценность ландшафтов — это способность привлекать и оказывать благотворное эмоциональное воздействие на человека. Основными признаками лесного ландшафта, способного оказывать такое воздействие, являются красочность отдельных деревьев (групп деревьев), архитектурная расчлененность ландшафта в пространстве и рельеф⁹.

Ландшафты имеют ограниченное практическое применение и используются в основном в научно-исследовательских работах по разработке рекомендаций для ведения хозяйства и проектировании систем особо охраняемых природных территорий на локальном и региональном уровнях¹⁰. Леса национальных парков относятся к наиболее ценным природным объектам, в том числе рекреационным. Ценность естественных и измененных человеческой деятельностью ландшафтов многократно увеличивается при использовании их как объектов туризма.

Исторические культурные ландшафты парка и Каргопольского района давно привлекали внимание исследователей. На протяжении длительного времени краеведами изучались отдельные компоненты культурного ландшафта. Охватить все многообразие и дать объективную оценку этому явлению не так просто вследствие многофакторности и ускоряющейся динамики ландшафтов. Результаты оценки аспектов сохранения исторических культурных ландшафтов, которые могут внести существенный вклад в развитие экономики региона, приведены на иллюстрации 3.

Проблемы сохранения и поддержания исторических культурных ландшафтов по их характеру можно разделить на внешние и внутренние.

Внешние

1. Отток населения из сельских районов.
2. Отсутствие специальных программ финансирования.
3. Отсутствие профильных специалистов по развитию экологического туризма на территории национальных парков.
4. Общий спад сельскохозяйственного производства и уровня ведения лесного хозяйства.

Внутренние

1. Слабая поддержка сотрудничества исследовательского, академического и бизнес сообщества.
2. Недостаточное развитие информационных систем.
3. Отсутствие подобных практик в Архангельской области и на Северо-Западе России.
4. Отсутствие системы прикладных исследований туристического потенциала.

Практика выращивания лесных насаждений через фазу сельскохозяйственного использования земли (подсечно-огневое земледелие) была широко распространена в данной местности и сохранялась вплоть до 40-х годов XX века. Вырубка участков леса, сжигание деревьев, обработка почвы и выращивание сельскохозяйственных культур существенно изменяют почвенные условия. Подсечное земледелие предусматривает кратковременное использование под пашню лесных участков, в дальнейшем их используют под сенокосы или забрасывают. Земли, вовлеченные в «подсеку» меняют в целом свою структуру, но после окончания сельскохозяйственного использования идет процесс восстановления их первоначального состояния при зарастании древесной растительностью. На старых пашнях формируются, как правило, высокопродуктивные насаждения I или даже Ia класса бонитета¹¹. Кратковременное изъятие лесных земель для сельскохозяйственного пользования (на 1–3 года), с потерей нескольких лет из оборота лесовыращивания, полностью компенсируется повышенной производительностью древостоев, которые формируются на окультуренных подсечно-огневым земледелием почвах.

Сенокос, постепенно утрачивающий свое значение, ранее расположенный в непосредственной близости от деревни, использовался как пашня. По периметру он постепенно зарастает древесной растительностью. В центральной части участка зарастание идет довольно интенсивно, что связано с тем, что там проходила дорога, и она была длительное время более минерализована и доступна для прорастания семян древесных растений.

Можно предположить, что хозяйственное освоение данной территории происходило от центра (деревни) к периферии. По мере развития села в хозяйственный оборот вовлекались все новые участки. Лесные насаждения использовались в первую очередь с целью заготовки леса для строительства и отопления. Затем производилась расчистка территории под пашни, сенокосы и пастбища. Участки, расположенные в непосредственной близости от деревни, а также наиболее продуктивные земли, расположенные на некотором удалении, постепенно превращались в постоянные сельскохозяйственные угодья, которые удобрялись и длительное время находились в обработке. В таких местах верхние почвенные горизонты окультуривались, и их структура уже длительное время сохраняет следы воздействия человека. Кроме того, есть косвенные признаки, по которым можно узнать, что данные территории были в прошлом пашнями. К таким признакам можно отнести:

- груды камней по краю участка, которые убирались с поля;
- характерный вал по границе таксационного выдела, в котором также встречается большое количество камней (ил. 4);
- высокая продуктивность насаждений, превосходящая обычную для данной местности;
- изменившийся напочвенный покров.

Для успешного возобновления сосны на заброшенных пашнях возможно оставление отдельных крупных деревьев. Заращение идет довольно интенсивно в местах минерализации почвы (дорога). В целом условия являются благоприятными для роста всех древесных пород. Количество древесных растений достигает на отдельных участках 18 тыс. на 1 га.

Участки с подсечным земледелием представляют интерес как реликтовые ландшафты для туристических, познавательных целей и как опыт выращивания очень продуктивных насаждений по старым пашням.

Анализируя имеющиеся на данной территории картографические материалы, можно отметить, что основные сельскохозяйственные участки располагаются на расстоянии не более 2–3 км от деревень. На расстоянии более 2 км сельскохозяйственное пользование носило фрагментарный характер. За пределами этой зоны участки со следами сельскохозяйственного использования встречаются или крайне редко и занимают незначительную площадь или тяготеют к другим населенным пунктам.

Сельскохозяйственные угодья и сенокосы сохранились частично и в настоящее время. Они все еще представляют собой открытые ландшафты, характерные для мест традиционного земледелия. Однако в настоящее время многие ландшафты в результате того, что они длительное время не используются как сельскохозяйственные земли, постепенно зарастают древесной растительностью. Заращение открытых ландшафтов происходит неравномерно. Это связано со спецификой почвенных условий на конкретном месте произрастания и множеством других случайных факторов, которые оказывают влияние на перемещение и прорастание семян древесной растительности. Снижение количества древесных растений у стены леса объясняется влиянием затенения (ил. 5–6). В возрасте 7–9 лет диаметр ствола ольхи и березы у шейки корня составляет около 6 см. Таким образом, в течение 10 лет открытые пространства могут превратиться в покрытую лесом территорию. Для поддержания и сохранения открытых ландшафтов необходимо периодически убирать эту растительность или осуществлять ежегодное выкашивание травы. От периодичности проведения работ напрямую зависит применяемая технология и затраты на выполнение работ.

Рекомендации по развитию культурных ландшафтов. Целью проводимых мероприятий является воссоздание на части территории национального парка утрачиваемых культурных ландшафтов. Эти мероприятия планируются в листовенных малоценных молодняках, возникших на старопахотных землях в последние годы. Реконструкция ландшафтов проводится путем сплошной рубки древостоя. Полученная при этом древесина может быть использована для нужд местного населения, для обеспечения дровами туристических стоянок и домиков. Порубочные остатки сжигаются на месте заготовки. Дальнейшее использование этих площадей возможно для сенокосения.

Отсутствие хозяйственного использования участков, отнесенных в прошлом к землям сельскохозяйственного назначения, приводит к тому, что на них успешно поселяется и быстрыми темпами растет древесная растительность. Сохранение культурных ландшафтов и поддержание их в современном состоянии, привлекательном для организованного экологического туризма, — одна из важнейших современных задач Кенозерского национального парка. Проведенные в парке полевые исследования процессов зарастания открытых пространств показывают, что достаточно 8–10 лет для формирования закрытых лесных ландшафтов. При отсутствии планомерной работы открытые ландшафты будут безвозвратно утрачены, что существенно обеднит ландшафтное разнообразие парка. Анализ размещения культурных ландшафтов показывает, что часть их необходимо восстанавливать и поддерживать для обеспечения гармоничного и привлекательного пейзажного комплекса. Масельско-Гужовский культурно-ландшафтный комплекс претерпел в историческом плане значительные изменения своего ландшафта, однако дальнейшее сокращение площади с открытыми ландшафтами необходимо остановить. Расчистка участков под небольшие (2–3 га) поля-новины в непосредственной близости к дорогам и тропам позволит организовать дополнительные привлекательные объекты для экологического туризма. Разнообразие растений, экосистем, ландшафтов необходимо более полно вовлекать в программу туристической деятельности и сделать объектами постоянного экспонирования, проложить к ним дороги и тропы, кое-где восстановить старые. Следует собирать, систематизировать и публиковать информацию о типах леса, характерных для условий средней тайги, о редких и распространенных видах древесных, кустарниковых и травяных растений, грибов и лишайников. Это богатство северной природы, наряду с историческими памятниками, памятниками природы, является визитной карточкой Кенозерского национального парка для людей, приезжающих из других регионов России или из-за границы.

Примечания

¹ Ландшафтная таксация и формирование насаждений пригородных зон. Л.: Стройиздат, 1977.

² Агроклиматические ресурсы Архангельской области. М.: Гидрометеиздат, 1971.

³ Проект организации и ведения лесного хозяйства Кенозерского национального парка. Т. I. Архангельск, 1997 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 321.

⁴ Карта Каргопольского уезда Олонецкой губернии 1848 года // ГААО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 38.

⁵ Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие). Л.: Стройиздат, 1982.

⁶ Громцев А.Н. Динамические аспекты ландшафтной специфики типов леса // Проблемы динамической типологии леса: тезисы докладов Всероссийского рабочего совещания. Архангельск, 1995. С. 10–12.

⁷ Динамика и перспективы лесопользования в Архангельской области / Д.В. Трубин и др. Архангельск: Изд-во АГТУ, 2000.

⁸ Мелехов И.С. Влияние пожаров на лес. М.; Л., 1948.

⁹ Атрохин В.Г., Курамшин В.Я. Ландшафтное лесоводство. М.: Экология, 1991.

¹⁰ Леса Ленинградской области: современное состояние и пути их возможного развития / А.В. Любимов и др. СПб., 1998.

¹¹ Неволин О.А., Шишкин Н.А., Фирсонов Н.А. Опыт лесоустройства колхозных лесов Севера. М.: Гослесбумиздат, 1963; Соколов Н.Н. Рост и продуктивность сосновых древостоев по старым пашням // Изв. высш. учеб. завед. Лесной журнал. 1978. № 4. С. 22–25.

Военная легенда Кенозерья. «Рассказ о немце» А.А. Семёновой как пример народной мифологии

Анна Александровна Семёнова (ил. 4) — одна из хранительниц фольклорных традиций Кенозерья, жительница деревни Зехнова Плесецкого района Архангельской области, вошедшей в 1991 году в состав образованного на этой территории Кенозерского национального парка. Она родилась в 1928 году в селе Конёво, где закончила местную восьмилетнюю школу, и в 1954 году переехала на Кенозеро. Здесь в 1955 году Анна Александровна вышла замуж за местного колхозника Ивана Николаевича Семёнова, известного в деревне под прозвищем Пошехонов (его дед был родом из Ярославской области, видимо, с Пошехонья). Работала секретарем, зоотехником, а последние 23 года до выхода на пенсию — на молокозаводе.

Находящаяся в отдалении от исторического и административного центра территории Вершинино, деревня Зехнова известна своими фольклорными традициями. В 1927 году здесь, в частности, работала экспедиция Б.М. и Ю.М. Соколовых. Характерно, что свекровь Анны Александровны, Евдокия Егоровна Болознева, знала множество былин и была родственницей Авдотье Григорьевне Болозневой, от которой московские братья-фольклористы записали весьма популярную здесь былинку «Добрыня и Алеша». С самой А.А. Семёновой также не раз работали собиратели фольклора. В частности, в 2002 году Н.М. Ведерникова записала от нее прозаический пересказ былинки о Добрыне¹. Однако «легенда о немце» не только не вошла в посвященную кенозерским преданиям и быличкам книгу собирательницы, но и, как сообщила Наталья Михайловна нам лично, осталась для нее совершенно неизвестной.

Анна Александровна буквально срослась душой с местом, где живет многие годы, считает его родным. «*И там вон мой дом, дети, семья, внуки*», — указывая на свою деревню, рассказывает Анна Александровна, стоя возле деревянной часовни Иоанна Богослова XVIII века (ил. 2), смотрительницей которой является на протяжении последних лет, и которая сыграла важную роль в её любимой истории о родной деревне.

«Легенда о немце», как ее часто здесь называют, благодаря А.А. Семёновой сегодня достаточно широко известна в Кенозерье. Анна Александровна любит рассказывать ее приезжим гостям наравне с пересказами местных былин. В наши задачи входит не только введение этого интересного фольклорного текста в научный оборот, но и анализ отражения в нем картины мира конкретного носителя «народного православия». На основе данного текста мы попытаемся

проследить мифологические корни этой легенды, а также наглядные механизмы ее генезиса в сознании жителей данной территории, включившие исторически реальное, судя по всему, событие, ставшее основой этой легенды, в целостную картину мира местных жителей, отражающую глубинные общерусские и даже более широкие христианские мифологемы.

Приводим текст этой легенды, события которой относятся ко временам Великой Отечественной войны и которая была записана нами от А.А. Семёновой 29 мая 2013 года в деревне Зехнова (ил. 3).

Ну вот было у нас дело такое. Немец был, настоящий немец. Я, говорит... Не говорит, что я немец, а... Потом-то мы поняли, на другой-то день, мы поняли все, что он, что за птица-то. Ходит все, икона в руки, да... Христа ради, подайте Христа ради! Все люди-то кучками собираются, на обед как раз пришли, дак. Дома народ-то. Он кланяетце: подайте Христа ради! Кушать нечево! Ну, все женщины собрались, ну что, несут кто чего. Ему надавали, в кошелку он наклал взади, и пошел. Пошел в Спицыно, вот соседняя-то деревня. Надо быть, так, немножко кругом. Пришел туда, а та-а-ам женщины!... Такие, его как приняли, говорит: какой ты нищий? Мы, у нас сами дети-то голодуют, говорит, война! Мужья на фронте, дети в школу ходят, нечем кормить, а ты еще нищий просишь милостыню! Не подали. Одна даже ба..., женщина дак, Клавой звали, на матюги его взяла. Ну, он, все, видно, заподозрил, девушки. Походил там по деревне, никто-то ему ниче-то не дал, ни кусочка, ниче. И пошел, ушел. А вить хто его знает, куда он ушел? Мы вить народ-от... Мужиков тогда не было в деревне, все женщины. Ну, ушел. На другой день летит самолет! И летит над нашим Иваном Богословом, часовенкой, прямо, как он только не задел эту верхушку-ту! Вот так. Летит низко, летит, и через это озерко, и прямо на Спицыно. Вот ту деревню, где бабушка, женщина, не подала ему ниче. Вот. Прилетел, начал бомбить. Тако поле было пять гектаров пшеницы, голод ведь, хлеба-то надо фронт снабжать, хлебом-то, оой!... Все разбомбил, и людем-то ести-то нече. Ну походил, никто ниче не подал, походил... А оказывается, он был с корель... корельский-то фронт тут у нас недалеко. Вот фильм «А зори здесь тихие»... Вот там как раз снимался. И вот этот дядька был оттуда. Потом-то мы узнали, он не только там, туда прошел по Кенозеру, кенским краем. Там он много пожег дер... и домов! Но нас-то не задел. Нас, видно, выручил хлебушко! Покормили его ли, надо ему ли не надо... Или с целью с такой он пришел, чтобы аха, давай-ко!... Тут, узнам, что люди-то, чем дышут... Вот так, девушки. Много там, часовенку разбомбил в этой Спицыной. Вот этой тетки дом, как будто он знал, что он ее... Три дома и хлеба спалил целый... И улетел. Улетел туда, прямо в Карелию. Были там, эти, ходили... Диверсанты с Корельского фронта. Много было их. Трудно мы тут пережили всякое...

В приведенном тексте нас заинтересовало прежде всего отражение скрытого религиозного сознания рассказчицы, которое не только во многом определило оценку событий, но и, по нашей мысли, сформировало структуру составля-

ющих логику нарратива элементов. Далее мы увидим, что в своей композиции эта легенда полностью соответствует распространенному в христианской культуре всего мира сюжетному мотиву «наказание за непочитание», испытания людского милосердия, по результату которого выносится решение о дальнейшей судьбе прошедших это испытание людей. В своей работе мы опираемся на мысль, что миф есть некая матрица сознания, которая формирует взгляд его носителей на окружающие их события в момент их совершения, а спустя время определяет их этическое осмысление. По словам К. Леви-Стросса, «миф объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее и будущее»². Попробуем разгадать истинный, неосознанный самим рассказчиком смысл этой легенды или, в более широком смысле этого слова, мифа, который вполне может иметь и более обобщенные, дохристианские истоки. Впрочем, анализ их в данном случае представляется уходом в сферу столь распространенных сегодня спекуляций на «языческой» теме.

Каким образом происходит мифотворчество, актуализация мифологического архетипа применительно к реальности? Когда именно текст от пересказа событий недавней реальности переходит в сакральное измерение? Или даже более того: когда рассказ о непосредственно зафиксированных событиях начинает вращаться в структуру одного из распространенных вариантов общерусского мифа?

Прежде всего, стоит определиться с терминологией. Со строго научной точки зрения, рассказ о «зехновском немце» сложно однозначно отнести либо к преданиям, либо к легендам. Напомним, в первом случае речь идет о распространенном в данной местности и передающемся из поколения в поколение рассказе об историческом событии с реальными персонажами, во втором — о произведении, «фантастически осмысляющем (на основе распространенных в народной среде религиозных, исторических, социально-утопических, этических воззрений) события, относящиеся... к миру людей, племен, народов и отдельных личностей, сверхъестественных существ (Бог, святые, ангелы, нечистые духи)»³. Христианское мировосприятие является неперменным жанровым признаком легенды, а стремление объяснить то или иное явление в ней, как правило, обращившись религиозным морализаторством, а порой и наставительностью. При этом назвать рассказ Семёновой в прямом смысле меморатом («рассказ-воспоминание с тенденцией к фольклоризации»⁴) нельзя по той простой причине, что, несмотря на установку на достоверность и даже на представление рассказчицей своего предания как части личной истории, описываемые в нем события происходят задолго до ее переселения в Зехнове. От кого она узнала эту историю, Анна Александровна в своем рассказе не упоминает.

Хотя анализировать историческую основу описанных в легенде событий не является нашей задачей, отметим, что они почти наверняка имели место. От местных жителей записаны воспоминания о случаях полета над территорией

Кенозерья и соседнего Лекшмозерья немецко-фашистских самолетов (такие записи, частности, сделаны в д. Морщихинской) и бомбежках местных деревень⁵.

Описанный же в «легенде о немце» случай находит подтверждение у еще одной жительницы деревни Зехнова Александры Александровны Капустиной (родилась в 1928 г. в Зехнове. «В Спицыной во время войны самолёт бросил зажигалки. Сгорело три дома да часовня (часовня святого великомученика Георгия Победоносца). Хлеба много повредило, а вот от Зехново отнесло. И вот потом говорили, что видели, летели зажигалки. На саму середину деревни было брошено, а в озеро отнесло и не загорелось. Иоанна Богослова у нас почитали, он и защитил деревню-то»⁶. Можно предположить, что, возможно, именно А.А. Капустина пересказала А.А. Семёновой этот случай после ее переселения в деревню. При этом в рассказе упоминается факт бомбардировки, пусть и безрезультатной, самой деревни Зехнова (ил. 4), опущенный в рассказе Семёновой.

В народной мифологии, как пишет С.Ю. Неклюдов, по мере удаления от самих событий повествование все более фабулизируется, обрастает новыми подробностями и соответствующими мотивами. «В мифе все может быть; кажется, что последовательность событий в нем не подчиняется правилам логики и нарушает закон причинности. Любой субъект здесь может иметь любой предикат, любые мыслимые связи возможны»⁷. Этим свойством мифологического сознания объясняется и то, что А.А. Семёнова, которая физически не могла быть в Зехнове во время описываемых событий, рассказывает о них как очевидец.

По мысли того же К. Леви-Стросса, мифологическое мышление столь глубоко, что, по сути, даже не является человеческим качеством. Не человек мыслит мифами, а мифы мыслят людьми, и, вступая в сложные взаимоотношения, «мифы мыслят друг друга». Изучение же мифов являет собой выявление их трансформации, при этом каждый из мифов воспроизводит некие привычные, архетипические пути мышления вне зависимости от того, знают об этом их создатели или же нет. Именно гений отца структурной антропологии вновь и вновь сподвигает нас искать структуру даже в самых тонких духовных явлениях, вычленять скрытый жесткий скелет в эфирных сферах идей и значений.

Попробуем разгадать истинный, неосознанный самим рассказчиком смысл этой легенды методом структурного анализа и сравнения кенозерской легенды с текстами того же ряда, осмыслить миф «как совокупность всех его вариантов»⁸. Для этого приведем несколько наиболее типичных легенд, объединенных мотивом «испытания людского милосердия», как определяет его в предисловии к своему, давно ставшему классическим, сборнику русских легенд А.Н. Афанасьев⁹, или, в более широком смысле, «испытания верности» (последнее слово мы используем в его евангельском значении). Из всего значительного количества записанных в России, Германии и Сербии фольклорных текстов, объединенных этим сюжетом, мы приведем для сравнения четыре наиболее типичные, широко известные в фольклористике благодаря публикациям легенды.

В легенде «Чудо на мельнице»¹⁰ Христос под видом нищего безрезультатно просит милостыню у мельника. После этого он обращается с той же просьбой к мужику, который привез на мельницу небольшой мешок ржи. Тот жалеет просителя и насыпает ему три меры зерна. Мельник удивляется поведению мужика: «*Вот дурак! Сколько отдал, да я еще за помол возьму; что ж ему-то останется?*» Однако когда он начинает молотить остатки зерна мужика, то из нее выходит столько муки, что крестьянин не знает, куда ее всю и класть.

В немецкой легенде странствующие Христос и святой Петр приходят в деревню и просят на постой. В богатом доме Петру в ночлеге отказали, и тогда, по настоянию Христа, они стучатся в бедный дом, где хозяйка, стыдясь своей нищеты, кормит гостей супом, в котором плавают лишь несколько десятков «глазок» — капель масла. После этого Христос отсчитывает хозяйке в награду столько же золотых, сколько «глазок» плавало в супе. На следующий день женщина рассказывает о своих гостях богатой и жадной соседке. Последняя приглашает Христа и Петра к себе, и кормит их очень жирным супом, надеясь на богатую награду. Христос также просит Петра сосчитать «глазки» жира, но «суп так хорош, что жир в нем слился в один глаз», после чего Христос оставляет ей лишь один золотой. На вопрос Петра о различной награде для накормивших их женщин Христос отвечает, что «*не в величине достоинство дара, а в той внутренней цели, с какою он дается*»¹¹.

В легенде «Шел Александр Ошевенский»¹², которая является одним из наиболее полных вариантов распространенных на Русском Севере народных преданий об этом святом, рассказывается, что в поисках места для поселения инок селится в деревне Холуй. Местные жители, однако, недовольные его внешним видом («*риповытый, грязной, схимник какой-то*»), выгоняют его, не разрешая ставить в этом месте монастырь. Рассерженный святой уходит, ткнув при этом «*батожком*» в землю, после чего местная река уходит под землю. В следующей деревне Низ его также не пустили. «*Ладно, живите ни серо, ни бело*», — звучит приговор бродячего монаха. После этого он селится в лесу под Ошевенском, за что благодарит местных жителей, закливав, по их просьбе, змей. «*И больше в этом месте Ошевенском, в окружность километров десять, змей нет. А подальше валом змей там*», — подводит итог рассказчик.

Структурный анализ морфологического строения приведенных легенд позволяет прийти к выводу, что их элементы (или, следуя терминологии В.Я. Проппа, функции действующего лица) в них совпадают. Схематично обозначить их можно следующим образом:

1. *Явление «испытующего».* Субъект «испытания» называется рассказчиком по имени, однако его имя и статус неизвестен тем, кого можно назвать объектами «испытания», тем, кто проходит нравственный экзамен.
2. *Формулировка потребности «испытующего».* Непременный атрибут «испытующего» — реальная или кажущаяся нужда. Часто она подчеркивается внешними деталями (бедная одежда, атрибуты нищенства).

-
-
3. *Контакт с «праведным испытуемым».* Как правило, подчеркивается бедность праведника, отсутствие у него объективных возможностей оказать помощь. Особо отметим, что в многочисленных легендах на тему «испытания милосердия» праведником обычно является именно первый из «испытуемых», хотя порядок их «испытаний» может меняться.
 4. *Реализация «правильного поведения» и награда за него.* Воздаяние «испытующего» за совершенную милость в разы превосходит размер пожертвованного им самим.
 5. *Контакт с «неправедным испытуемым».* Особо подчеркивается материальное благополучие «испытываемого», контраст с бедностью «праведного».
 6. *Реализация «неправильного» поведения и наказание.* Кара может реализоваться в двух направлениях и выразиться либо в потере не прошедшим «испытание» человеком атрибутов внешнего благополучия, здоровья или даже жизни, либо в моральных муках (жадный мельник в легенде «Чудо на мельнице» формально наказан лишь зрелищем неожиданного богатства бедного мужика, один вид которого для первого, безусловно, представляет из себя душевную муку).

Таким образом, кенозерская «Легенда о немце» полностью совпадает по структурному строению текста с рассмотренными выше легендами, объединенными единым мифологическим архетипом. Бросается, однако, в глаза, что во всех известных нам вариантах мифа об «испытании человеческого милосердия» его субъектами являются высшие силы: либо сам Иисус Христос, либо «уполномоченные» им на это персоны — апостолы и святые. Это важнейший элемент мифа — ведь решать судьбу, вопросы жизни или смерти, счастливой или несчастной дальнейшей жизни, иными словами, воздаяния за поступки может лишь тот, кто облечен соответствующей властью. Или, говоря словами героя романа «Мастер и Маргарита», *«перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто его подвесил».* Кенозерская легенда, во всех своих структурных элементах совпадающая с мифом об испытании, отличается удивительной деталью: героем, решающим судьбу жителей двух деревень, является немец — диверсант, как предполагает А.А. Семёнова в конце рассказа. Правда, этот немец, представитель вражеской армии, весьма странен. Во-первых, он просит «Христа ради», а в руках у него иконка, что уже является определенным маркером, намекающим на его связь с вышними силами (представитель «бесовского сословия», понятно, от освященного изображения бежит так же, как и от ладана). Во-вторых, этот самый «немец», т.е., как подразумевается, солдат германской армии, вдруг ни с того, ни с сего решает облагодетельствовать жителей деревни, в которой его, несмотря на тяжелые времена, накормили, и наказать тех, кто не дал подаяния, хотя имел на это все возможности (в качестве кары самолет сбрасывает бомбу на хлебное поле). Третий знак особой миссии неведомого гостя — финальный пролет самолета над самой зехновской часовенкой. Это и очередной намек на хри-

стианскую сакральность события, и явный знак того, что наказание было вполне возможно, однако местные жители заслужили милость *свыше*, как в прямом, так и в переносном смысле.

Показательно, что именно на территории соседствующего с Кенозерьем Каргополья широко распространены легенды об «испытании святостью» — вариант сюжета «наказание за непочитание», связанный, прежде всего, с именем уже упомянутого Александра Ошевенского. Н.В. Дранникова в своей монографии «Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера» подробно рассматривает прозвища (присловья), которыми награждаются жители не прошедших подобное испытание деревень. По преданию, например, жители деревни Поздышевской Нифантьевской волости были известны среди соседей под прозвищем «неблагословенные» за то, что не дали святому земли под строительство обители (вариант — не дали напиться воды). По преданию, Александр Ошевенский, уходя, говорит крестьянам: *«Живите вы ни серо, ни бело, у озер — да без рыбы»*¹³. Подобную же историю рассказывают про жителей деревни Холуй, которые были обречены за непочтение к святому *«жить у реки, а без воды»* — одноименная река ушла под землю. Эта же легенда имеет активное хождение среди жителей Ошевенска и Каргополя. Причем в одном из вариантов главным героем легенды, с сохранением всех прочих подробностей, становится сам Иисус Христос¹⁴.

Еще один схожий с кенозерской легендой сюжет распространен в селе Труфаново Каргопольского района Архангельской области — в ней, однако, фигурирует уже святой Пантелеймон. *«Путник [шел], никто ночевать не пустил в деревне и он — у нас тут была большая елка, тут вот часовенка есть, поставлена — старая, та-то, развалилась, разрушена была, тут построили недавно. Ну и он там ночевал, а потом утром ушел, и вся деревня сгорела. Поставили потом часовню и вот, знаешь, в честь этого святого Пантелеймона»*¹⁵. Помимо этих святых, функции наказания за непочитание в народном сознании исполняют святые Кирилл Челмогорский, Антоний Сийский и Стефан Пермский¹⁶.

Встречаются в местных легендах и противоположные случаи благодарности святого. В том же Труфаново в 1998 году была записана легенда о святом Егории: *«У нас вот змей нету, у нас, гоуорят, змей нету потому, что вот тожо шёл странник, и тожо вот гоуворят, были змеи, а вот шел странник, он шел откуда-то издалека, и вот где он шел, его не пускали ночевать, а вот у нас в деревне пустили, и вот он в это, в ольховые щипцы, поймал змею в ольховые щипцы, и повесил, и все змеи ушли. Куда делись?»*¹⁷.

На Кенозере известен вариант сюжетного типа «наказание за непочитание», легенда «Как икона просилась», которая близка по своему строению к рассмотренным нами выше текстам, и которую также не лишним будет здесь привести.

«В деревне Еписово (недалеко от деревни Кузьминской — там Еписово) на Почозере старушка пришла за водой на берег. Видит, дощечка плывет к берегу.

Она взялась уловить. Она взяла палку, дощечку поймала на дрова, склонилась, взяла, обмыла, а там иконка деревянная, значитя Иисуса Христа, распятые его. Видала такую? Приколочен на гвозди. — "Ой, не надо тогда мне тебя, не буду я тебя сжигать, плыви куда хочешь. Откуда приплыла, туда и плыви". Отпихнула от берега. И той же ночью легла спать. И ей приснилось уже под утро: "Ты меня отпихнула, бабка, и живите вы свой век ни сирю, ни бело. Будете всю жизнь в лаптях ходить". Так и вышло. С тех пор у них нищета..." (записано в 2002 г. от Марии Васильевны Капустиной, д. Кузьминка)¹⁸.

Таким образом, рассказ о реальных событиях в легенде Анны Семёновой облекается в форму определенного мифологического канона, широко известного в округе и воспринимаемого рассказчицей как естественный. При этом её текст обретает моральное наполнение, свойственное легенде. На наш взгляд, происходит та самая трансформация мифологической модели и применения ее к реальным событиям, о которых писал А. Афанасьев применительно именно к сюжету о нравственном испытании: «Для своих эпических произведений народ, как известно, берет содержание из преданий своего прошлого, вносит в них свои собственные верования и нравственные убеждения... По народным сказаниям, Спаситель с апостолами и теперь, как некогда — во время земной своей жизни, ходит по земле, принимая на себя страннический вид убогого; испытывая людское милосердие, он наказует жестокосердных, жадных и скупых и награждает сострадательных и добрых»¹⁹. Особенно, как считалось, такие встречи возможны в дни от Пасхи до Вознесения. Сознание рассказчицы из Зехнова при этом остается глубоко мифологическим и наполненным христианскими архетипами, даже несмотря на то, что сформировано оно в советское время.

Ее легенду вполне можно назвать прихрамовой — в рассказе Анны Семёновой не последнюю роль играет часовня Иоанна Богослова, хранительницей которой она является и которая справедливо считается подлинной архитектурной доминантой деревенского ландшафта (ил. 1), главной достопримечательностью Зехнова. Именно данная среда является носителем христианской мифологии, которая формирует взгляд на мир, влияет на оценку происходящих в нем событий, облекая их в евангельские понятия. Носитель христианских мифологем воспринимает нищенство и подаяние («подать в окно», т.е. помочь нуждающимся, нищим или «каликам переходим», которые, как правило, не решались заходить в дом) как явления, имеющие высшее, сакральное значение. Об этом горит множество общерусских пословиц, например: «В окно подать — Богу подать», «Поддай в окно — Бог подаст в подворотню»²⁰; «За голодного Бог заплатит», «Просит убогий, а подаешь Богу»²¹.

Война, являющаяся ситуацией, в которой разворачивается действие зехновской «легенды о немце», — это особое время, когда человеческие достоинства и недостатки становятся более явными, обостряется необходимость совершения нравственного выбора. В христианском богословии — равно как и в народном

православном сознании — беды и несчастья человеческой жизни понимаются двойственно. С одной стороны, это неотвратимое Божье наказание человеку или народу за его грехи, с другой — испытание, которое посылается «верным» для укрепления их в собственных моральных убеждениях или даже как повод к совершению духовного подвига. К войне, которая издавна понимается русским народом как величайшее горе, сказанное относится вдвойне. Особенно хорошо эта диалектика прослеживается в русских духовных стихах, в которых великие лишения рассматриваются именно как акт высшей воли.

«По грехам нашим, на нашу страну / Попустил Бог такову беду...», — так начинается записанный в XIX веке от русских старообрядцев-поморцев и поражающий своей эпической мощью и вселенским масштабом рисуемой духовной катастрофы «Стих преболезненного воспоминания о озлоблении кафоликов»²². Богословское понятие «Божье попустительство» как наказание за грехи осмысливается в тексте в качестве причины пришедших в мир испытаний (далее следует их перечисление). А в варианте одного из излюбленных на Русском Севере и широко известных в Кенозерье духовных стихов «Егорий и Олисафия» распространенное в мировой мифологии олицетворение вселенского зла и смерти Змей понимается как серьезное испытание, но и скрытое благо, повод для будущего проявления духовной доблести и героизма воина Господня, и, в конечном счете, манифестации славы Божьей.

*Напустил Господь да милость Божию,
Милость Божию, да страсть великую,
Страсть великую да змею лютую,
Змею лютую да смерть проклятую*²³.

Второй мотив, то самое «испытание верности», имеет прямой евангельский источник, оно напрямую завещано Христом в 25-й главе Евангелия от Матфея. В ней говорится о неизбежном уже в этой земной жизни суде над людьми и народами, к которым Христос приходит для их испытания под различными ликами — в том числе и безвестным странником²⁴. При этом в народных представлениях эти функции «проверяющего» часто как бы делегируются Спасителем общехристианским или местночтимым святым.

Современные исследователи мифологии выделяют проблему нескольких уровней мифологизации человеческого сознания, наложения современных мифов и личного опыта человека на архаические, общесоциальные мифологические пласты. И если фундаментальным уровнем сознания рассказчицы зехновской легенды являются христианские архетипы, то другим, более «свежим» пластом выступает масштабная мифология Великой Отечественной войны. Не случайно Анна Семёнова вспоминает необыкновенно популярный в России художественный фильм «А зори здесь тихие», авторы которого, к слову, при его создании явно черпали вдохновение в русской эпической традиции.

Повторимся, сознание Анны Семёновой и ее восприятие мира можно в полной мере назвать традиционно мифологическим. Более того, она находится «внутри мифологии»²⁵, пусть и в остаточном виде, но продолжает оставаться носителем той же мифотворческой парадигмы, которая на протяжении веков была свойственна жителям Кенозерья, в том виде, в котором она зафиксирована в текстах, записанных здесь еще П.Н. Рыбниковым и А.А. Гильфердингом. Реальность мифа, «старины», является в ее сознании безусловной. В границах этой мифологии стираются рамки между «вчера», «сегодня» и «всегда», былинные богатыри и герои новейшей истории становятся обитателями единого мифического пространства, коллегами и соратниками. А недавние события гиперболизируются, обрастают мифологизированными элементами и в конечном счете вполне гармонично получают свое законное место в общем хронотопе местной и мировой истории.

Это в полной мере отражается даже в обычной беседе с Анной Александровной. Так, отвечая на дежурный вопрос, следит ли она за новостями по телевизору, она, оживляясь, отвечает: «Все знаю! Выбрали, видишь, теперь Шойгу губернатором (Московской области. — А.Ш.). До этого Громов был — *девять* сроков!» (курсив мой. — А.Ш.). На самом деле, губернатор Подмосковья Борис Всеволодович Громов действительно правил своим регионом достаточно долго, но, конечно, не девять, а три срока. Однако в сознании рассказчицы значение «много» облекается в излюбленное фольклорно-мифологическое числительное «девять». А рассказывая слушателям другую «старину», изрядно редуцированную прозаическую версию былины о Добрыне и Алеше, Анна Семёнова говорит о возвращающемся с войны богатыре как о персоне с характерной походкой — «сразу видно, военный человек» — и сравнивает его по стати и выправке с маршалом СССР Георгием Жуковым²⁷.

Мифологизация того или иного события стоит уже за самим фактом поиска в нем «морали», скрытой цели, действия Провидения. Особо интонационно выделяемая фраза А.А. Семёновой в финале ее рассказа («Нас, видно, выручил хлебушко!..») — та самая «мораль» легенды о «зехновском немце», в которой рассказчица сама формулирует этическое содержание данного нарратива. Рассказываемая история приводит ее к неизбежности строго сложившегося этического канона, который полностью укладывается в традиционный христианский миф.

Сам акт мифотворчества, как нам представляется, проходит на примере рассказа Анны Семёновой четыре последовательные стадии:

1. Исторические события (рассказчик постоянно ссылается на их реальность, почти верит, что это произошло с ним самим).
2. Облачение реальной истории в форму традиционной мифологии (подгонка фактических подробностей под определенный мировоззренческий канон).
3. Установление и однозначная трактовка причинно-следственных связей между деянием и воздаянием.
4. Этическое осмысление (история обретает нравственный смысл).

Таким образом, история, рассказанная А.А. Семёновой, — это законченная и осмысленная модель мира, в которой за реальными событиями стоят незыблемые законы нравственного космоса. А главное действующее лицо предстает как неизвестный «испытатель» нравственного состояния общества, облеченный высшим правом судить, награждать и казнить. Как любой мифологический рассказ, он повествует совсем не о том, о чем кажется на первый взгляд, оперирует высшими смыслами и подчиняется жесткой (а порой и жестокой) духовной логике. Подобное осмысление истории — черта народного эпоса, для которого материальная реальность есть лишь отправная точка для реализации реальности истинной, «горней». Как пишет С.Ю. Неклюдов, *«устное эпическое повествование — не совершенная фиксация исторических событий, не дурной способ хранения информации, а конструирование из исторических воспоминаний своего — эпического — мира, "эпической модели истории"». В этом смысле "типология" господствует над "историей"»²⁸.*

Французский философ Ролан Барт в своей книге очерков «Мифологии» рассматривает самые неожиданные аспекты современного мира с точки зрения мифотворчества, пропитывающего жизнь каждого — будь то религиозный человек, политик или фанат «Формулы-1». Используя основные постулаты семиологии и теории знака, он утверждает, что миф одновременно есть и смысл, и форма, а его функция — трансформация истории в природу, т. е. произвольного и зависимого от множества факторов в логичное, целостное и имеющее системные свойства. *«Миф — это слово. Миф представляет собой коммуникативную систему, некоторое сообщение. Отсюда явствует, что это не может быть ни вещь, ни понятие или идея; это форма, способ обозначения. Далее нам придется заключить эту форму в исторические рамки, определить условие ее применения, вновь наполнить ее социальным содержанием»²⁹.*

Таким образом, основное качество мифологии, создаваемой на наших глазах, — противопоставление ее принципу случайности событий (истории) и формирование живого, одухотворенного, наполненного смыслом пространства. Представшее перед нами в «Легенде о немце» чудо есть чудо справедливости высшего промысла, реализация закона воздаяния, но не чудо случайных совпадений, случающихся, по теории вероятности, крайне редко — и чудесных исключительно поэтому. Мифология в отношении к реальной истории всегда означает наделение последней высшим смыслом, невидимым простому смертному — или видимым, но гораздо позже. Деревня с добрыми жителями оказывается оценена выше и спасена, деревня с жадными людьми — наказана. Испытание пройдено, нравственный тест военного времени разделит на верных высшему преданию и обычной человечности, и «неверных», наказанных, — и обретших через это мотив для своего исправления. Таким образом, факт остается фактом: история имеет смысл лишь в ее осмыслении людьми верующими, или, по крайней мере, углубленными в любую другую мифологию, — будь это даже, скажем, вера в социальный прогресс.

Примечания

- ¹ Ведерникова Н.М. Кенозерские сказки, предания, былички. М.: Институт наследия, 2003. С. 107.
- ² Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: АСТ, 2011. С. 242.
- ³ Бараг Л.Г. Легенда // Восточнославянский фольклор: свод научной и народной терминологии. Минск, 1993.
- ⁴ Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. М.: Индрик, 2001.
- ⁵ Анциферова А.И. Кенозерье в годы Великой Отечественной войны в исторической памяти населения // Кенозерские чтения-2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук: материалы научно-практической конференции. Архангельск, 2011.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Неклюдов С.Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov27.htm>
- ⁸ Леви-Стросс К. Указ. соч. С. 252.
- ⁹ Народные русские легенды, собранные А.Н. Афанасьевым. М., 1859. С. V.
- ¹⁰ Там же. С. 5.
- ¹¹ Там же. С. XX.
- ¹² Легенды. Предания. Бывальщины / сост., подгот. текстов, вст. ст. и прим. Н.А. Криничной. М.: Современник, 1989. С. 261.
- ¹³ Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Архангельск: Изд-во ПГУ, 2004. С. 230.
- ¹⁴ Мороз А.Б. Святые Русского Севера. Народная агиография. М.: ОГИ, 2009.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Мороз А.Б. Житие преп. Кирилла Челмогорского и устная традиция Лекшмозерья. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/moroz6.htm>
- ¹⁷ Каргополье: фольклорный путеводитель. Предания, легенды, рассказы, песни и присловья / под ред. А.Б. Мороза. М.: ОГИ, 2009.
- ¹⁸ Ведерникова Н.М. Указ. соч. С. 112.
- ¹⁹ Народные русские легенды, собранные А.Н. Афанасьевым. С. V.
- ²⁰ Максимов С.В. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Бродячая Русь Христа-ради. М.: Книжный клуб «Книговек», 2010.
- ²¹ Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в трех томах. М.: Русская книга, 1994. Т. 3.
- ²² Сборник русских духовных стихов / сост. В. Варенцов. СПб., 1860. С. 179.
- ²³ Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых 1926–1928. М.: Наука, 2007. Записано в 1926 году в д. Комлево (Кижы) экспедицией братьев Соколовых.
- ²⁴ *«Наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы*

дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? Или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? Или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25: 34–40).

²⁵ Топорков А.Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm>

²⁶ Видео-интервью с Анной Семёновой, ГТРК «Поморье», зима 2011 г., рабочие записи // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

²⁷ Там же.

²⁸ Неклюдов С.Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov27.htm>

²⁹ Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2010. С. 265.

Сведения об авторах

Абрамова Анна Артемовна — студентка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Алпатов Сергей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Анциферова Анна Ивановна — главный хранитель музейного фонда ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» (Архангельская обл.).

Васильева Елена Владимировна — специалист ФГБУК «Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (Псковская обл.).

Веденин Юрий Александрович — доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (г. Москва).

Ведерникова Наталья Михайловна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела комплексных региональных программ сохранения и использования культурного и природного наследия РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (г. Москва).

Воронина Юлия Николаевна — специалист сектора по имущественному и земельному отношениям отдела охраны, восстановления природного ландшафта и мемориальных объектов ГАУК «Государственный музей-заповедник С.А. Есенина» (Рязанская обл.).

Гудима Тамара Михайловна — кандидат философских наук, профессор Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Гурина Татьяна Валерьевна — студентка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Гусева Марина Сергеевна — старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» (Архангельская обл.).

Данилина Наталья Романовна — директор ЭкоЦентра «Заповедники» (г. Москва).

Дурынин Сергей Николаевич — аспирант лаборатории глубинного геологического строения и динамики литосферы Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Ершов Виктор Петрович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Карельского государственного педагогического университета (г. Петрозаводск).

Желамский Александр Гаврилович — кандидат географических наук, директор Музея пейзажного наследия «Окоём» (Псковская обл.).

Иванова Анна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Иванова Дарья Владимировна — старший научный сотрудник ФГБУК «Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (Псковская обл.).

Карачевцев Игорь Евгеньевич — научный сотрудник отдела сохранения исторического ландшафта ФГБУК «Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (Тульская обл.).

Карпова Валентина Петровна — помощник директора по биосферному резервату ЮНЕСКО, главный специалист ФГБУ «Национальный парк «Угра» (Калужская обл.).

Клос Элизабет (Close Elizabeth) — магистр, директор по охраняемым территориям и рекреации в четырех штатах (Айдахо, Невада, Юта и Вайоминг) Лесной службы США.

Кодолова Татьяна Алексеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск).

Кондратьева Мария Вадимовна — студентка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Коптев Сергей Викторович — кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры лесной таксации и лесоустройства САФУ им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

Кулешова Марина Евгеньевна — кандидат географических наук, заведующая сектором управления культурными ландшафтами РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (г. Москва).

Куликов Вячеслав Степанович — доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Института геологии Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск).

Куликова Виктория Владимировна — доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института геологии Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск).

Лаптева Галина Яковлевна — эксперт министерства культуры Архангельской области (г. Архангельск).

Мелютина Марина Николаевна — кандидат философских наук, заместитель директора по научной работе ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» (Архангельская обл.).

Мосеев Дмитрий Сергеевич — старший научный сотрудник НИЦ «Викинг» (г. Архангельск).

Муляр Александр Евгеньевич — старший научный сотрудник отдела сохранения исторического ландшафта ФГБУК «Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (Тульская обл.).

Неверов Николай Александрович — кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» (Ар-

хангельская обл.), научный сотрудник лаборатории глубинного геологического строения и динамики литосферы Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Новиков Валерий Петрович — кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный парк «Угра» (Калужская обл.).

Новикова Надежда Сергеевна — аспирантка кафедры лесной таксации и лесоустройства САФУ им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

Орлова Ольга Владимировна — заведующая отделом музейно-исследовательской работы ГБУ РК «Национальная галерея Республики Коми» (г. Сыктывкар).

Плаксина Наталья Евгеньевна — заместитель директора по научной работе ГБУ РК «Национальная галерея Республики Коми» (г. Сыктывкар).

Попова Ирина Степановна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры этномузыкалогии Санкт-Петербургской государственной консерватории (академии) им. Н.А. Римского-Корсакова (г. Санкт-Петербург).

Севан Ольга Георгиевна — кандидат архитектуры, президент Российского комитета по селам и малым городам — ЕКОВАСТ, заведующая сектором проблем культурной среды поселений Российского института культурологии (г. Москва).

Силаева Виктория Александровна — студентка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Смагин Виктор Алексеевич — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Ботанического института РАН им. В.Л. Комарова (г. Санкт-Петербург).

Смирнов Юрий Иванович — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН (г. Москва).

Смирнова Марина Александровна — кандидат исторических наук, ведущий редактор редакции гуманитарных и естественнонаучных изданий научно-организационного управления САФУ им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

Сороковикова Валентина Ивановна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Академии хорового искусства им. В.С. Попова (г. Москва).

Старицын Владимир Владимирович — кандидат сельскохозяйственных наук, научный сотрудник лаборатории глубинного геологического строения и динамики литосферы Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Третьяков Сергей Васильевич — доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры лесной таксации и лесоустройства САФУ им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

Шептунов Алексей Михайлович — начальник отдела информационных и проектных технологий ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» (Архангельская обл.).

Шишкин Анатолий Иванович — доктор технических наук, главный научный сотрудник Института экономики Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск).

Иллюстрации

Иллюстрации к статье И.Е. Карачевцев, А.Е. Муляра

Ил. 1. Карта-схема музея-заповедника «Ясная Поляна»

Ил. 2. Купальня на реке Воронке, 1900-е гг.

Ил. 3. С.А. Толстая с дочерьми и знакомыми около купальни на реке Воронке, 1896 г.

Ил. 4. Композиция «Купальня на реке Воронке» в Михайловском саду Санкт-Петербурга, 2012 г.

Иллюстрации к статье В.П. Карповой, В.П. Новикова

Ил. 1. Памятник Великому стоянию на Угре

Ил. 2. Свято-Тихонова пустынь

Ил. 3. Спасо-Воротынский монастырь

Ил. 4. Лестница
на городище

Ил. 5. Смотровая площадка на поле генерального сражения

Ил. 6. Посадка зеленой изгороди памятного места

Ил. 7. Будущая зеленая изгородь

Ил. 8. День памяти Великого стояния на Угре 1480 года

Ил. 9. Памятный камень
на поле генерального
сражения

Иллюстрации к статье Т.А. Кодоловой, А.И. Шишкина

Ил. 1. Кижский погост.
Конец XIX в.

Ил. 2. Кижский погост. 2011 г.

Ил. 3. Серия семинаров «SWOT-анализ выявления и оценки проблем и угроз для ОВН «Кижский погост» Института экономики Карельского научного центра РАН (ноябрь — декабрь 2011 г.)

Рис. 4. Примеры планировки локальных туристских центров Заонежья, 2007 г.

Иллюстрации к статье О.В. Орловой

Ил. 1. Рисунок «Это наша страна». Худ. А. Денисова

Ил. 2. Анжела Разманова

Ил. 3. Ландшафтная инсталляция «Возвращение назад». Худ. А. Разманова

Ил. 5. Рисунок «Свадьба».
Худ. А. Разманова

Ил. 4. Рисунок «Лестница
в небо». Худ. А. Разманова

Ил. 6. Участники пленэра

Ил. 7. Храм Рождества
Пресвятой Богородицы
первой четверти XIX века.
Онежье

Иллюстрации к статье А.И. Анциферовой

Ил. 1. Трактор ДТ-54

Ил. 2. Укладка сена
в копну погрузчиком-
стогометателем.
Трактор МТЗ-52

Ил. 3. Перевозка гусеничным
трактором ДТ-75 на санях
конной косилки и топлива.
Колесный трактор МТЗ-50.
Деревня Косицына,
1970–1980-е гг.
Из архива А.Д. Капустиной

Ил. 4. «Ремонтное стадо» на отгонном пастбище. Фото И.Л. Коваленко. 1976 г.
Из архива Т.П. Калитиной

Ил. 5. Молочное стадо
Кузьминского отделения
на отгонном пастбище
в д. Филипповской.
1970–1980-е гг.

Ил. 6. Трактор Т-25,
тракторист —
Иван Егорович Спицын.
Деревня Спицыно,
1950-е гг.
Из архива И.Е. Спицына

Ил. 7. Деревня Кривцово,
1960-е гг.
Из архива
Н.Ф. Дружинина

Ил. 8. Здание школы
и библиотеки
в Рыжково, 1967 г.
Из архив Н.Ф. Филипповой

Ил. 9. Магазин в д. Майлахте,
1960-е гг.
Из архива В.А. Фофановой

Ил. 10. Пекарня в д. Майлахте, 1970-е гг. Пекарь Нина Александровна Капустина.
Из архива А.А. Капустиной

**Иллюстрации к статье А.А. Ивановой, Т.В. Гуриной,
М.В. Кондратьевой**

Ил. 1. Поклонный крест и остатки святой рощи у д. Зехнова. 2013 г.

Ил. 2. «Заветы» в часовне Иоанна Богослова, д. Зехнова. 2013 г.

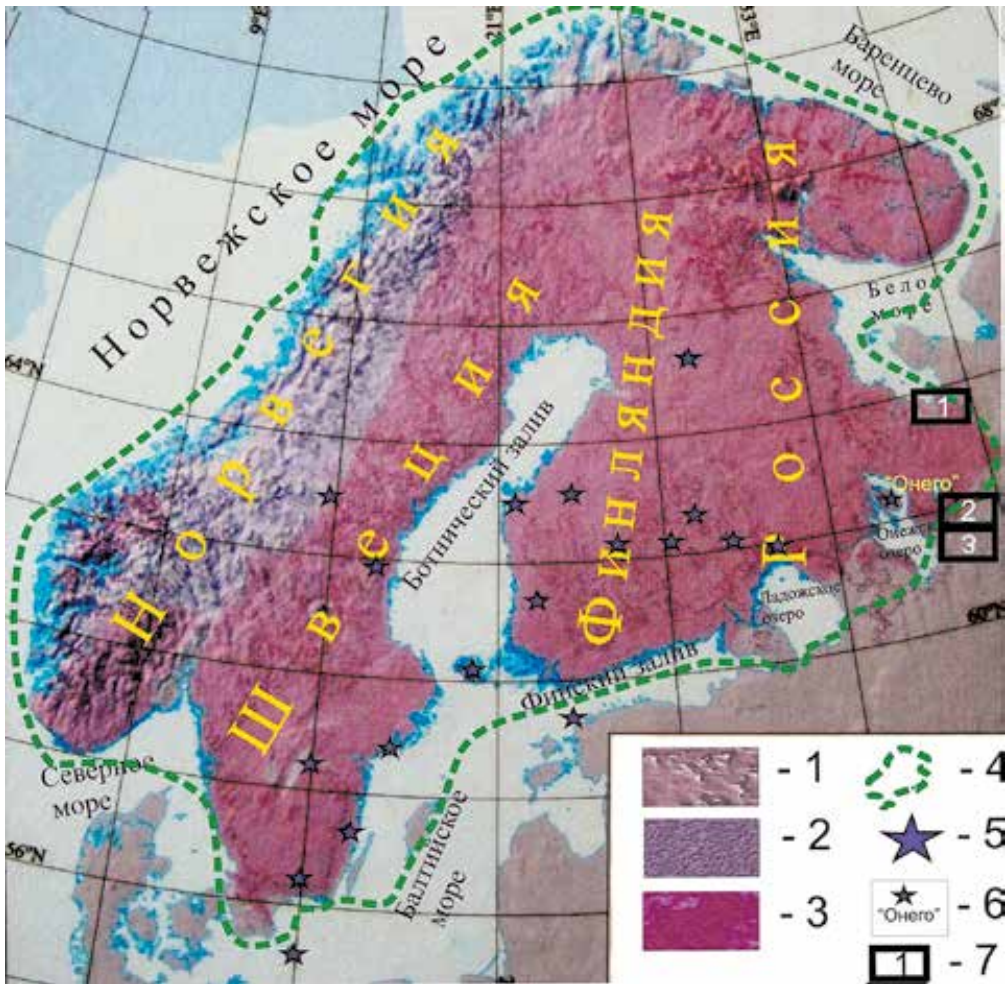

Ил. 3. Доминанта сакрального ландшафта д. Зехнова — часовня Иоанна Богослова. 2013 г.

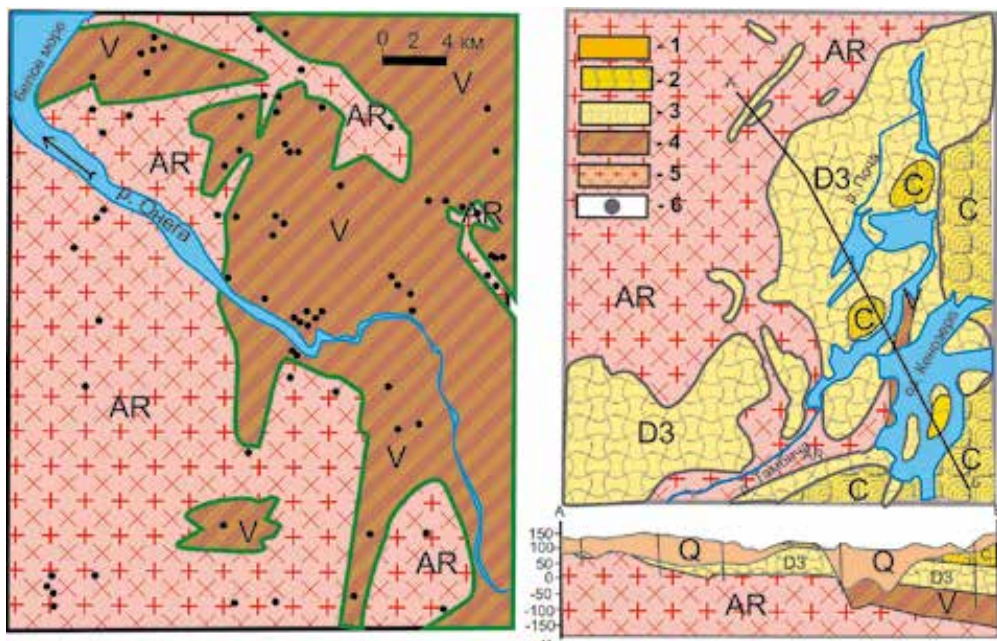

Ил. 4. Часовня
Иоанна Богослова,
д. Зехнова. 2013 г.

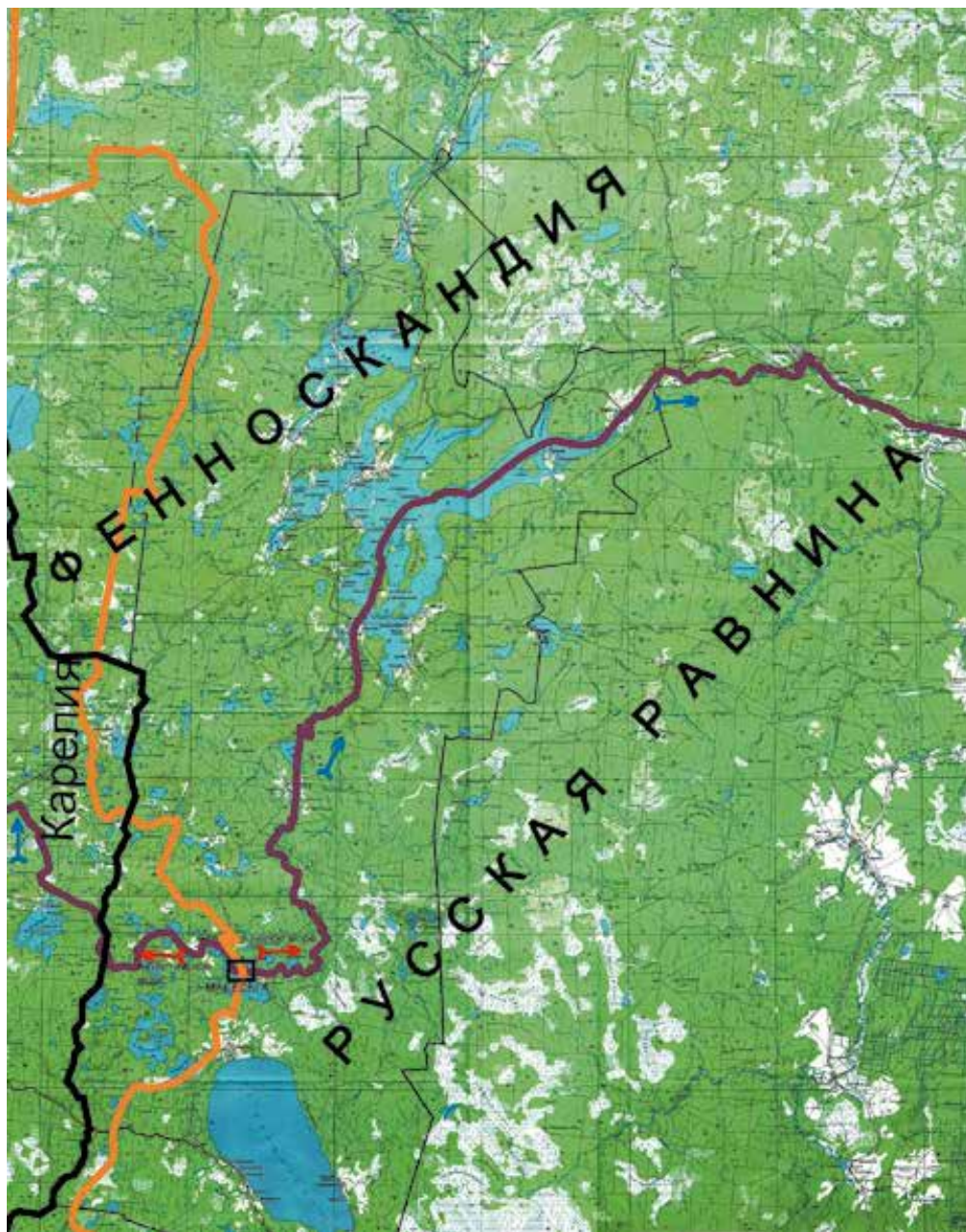
Иллюстрации к статье В.С. Куликова

Ил. 1. Схема морских и сухопутных границ природной страны Фенноскандия [по Geological map..., 2001 с дополнениями авторов]: 1 — осадочный чехол ВЕП. 2 — складчатые образования венда и фанерозоя (каледониды), 3 — Фенноскандинавский докембрийский кристаллический щит, 4 — контур Фенноскандии, по В. Рамсею с изменениями и уточнениями авторов на территории России, 5 — метеоритные (?) импактные породы, 6 — астроблема Онега [История Земли..., 2005]. 7 — районы исследований: 1 — нижнее течение р. Онеги, 2 — оз. Кенозеро, 3 — Водла — Масельга

Ил. 2. Геологическое строение территорий нижнего течения р. Онеги (слева) и оз. Кенезеро (справа) по данным Плесецкой экспедиции. 1 — квартал (Q) — морены, озерно-ледниковые, аллювиальные, озерно-болотные и др. образования (только на разрезе). Плитный чехол. 2 — карбон (C) — известняки, доломиты, алевролиты, глины, песчаники. 3 — верхний девон (D3) — пестроцветные глины, алевролиты, песчаники. 4 — венд (V) — аргиллиты, алевролиты, песчаники, конгломераты. Кристаллический фундамент. 5 — архей (AR) — гранодиориты, гранитогнейсы, трондьемиты, граниты, пегматиты, комагитовые базальты, метавулканы, интрузивы основных и ультраосновных пород, долериты, дайки разного состава. 6 — буровые скважины

Ил. 3. Положение административных (черная), водораздельных (оранжевая) и гидрографических (фиолетовая) границ на участке оз. Онежское — оз. Кенозеро (по карте Кенозерья, 2008 г.)

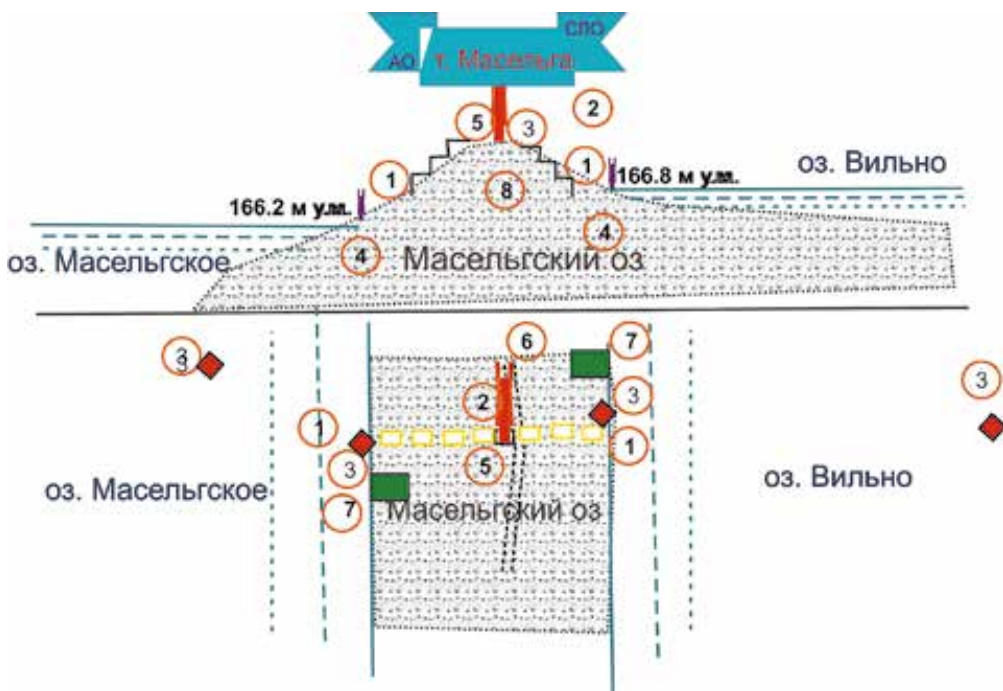
Ил. 4. Колонии кораллов *Chaetetes radians* Fish. на р. Порженке

Ил. 5. Водный туристический маршрут в Кенозерском национальном парке по «Пятиозерью» — границе Русской равнины и Фенноскандии

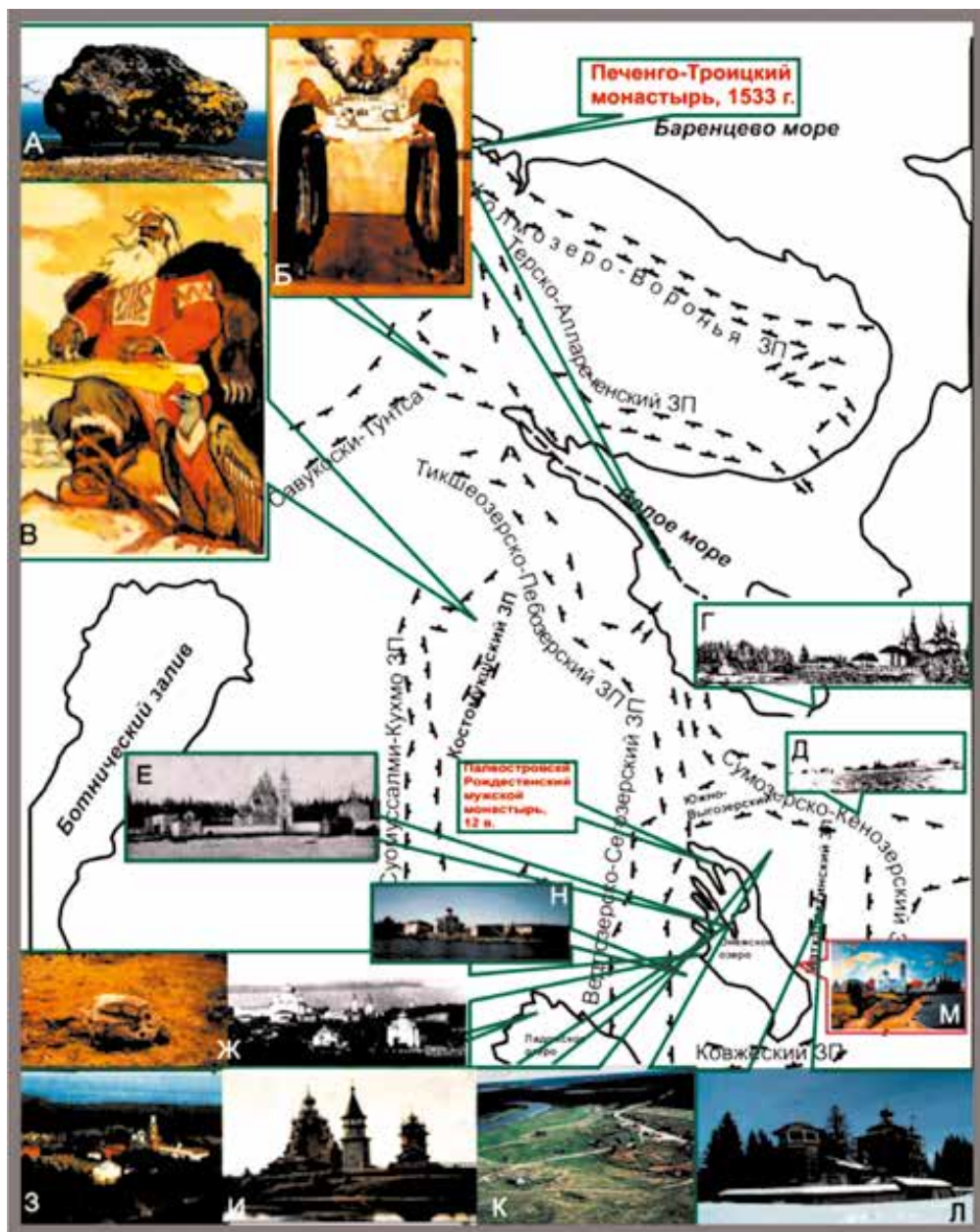

Ил. 6. Точка МАСЕЛЬГА и ее окружение. Пересечение Главного водораздела Европы (красная линия) с юго-восточной границей Фенноскандии (штриховая синяя линия)

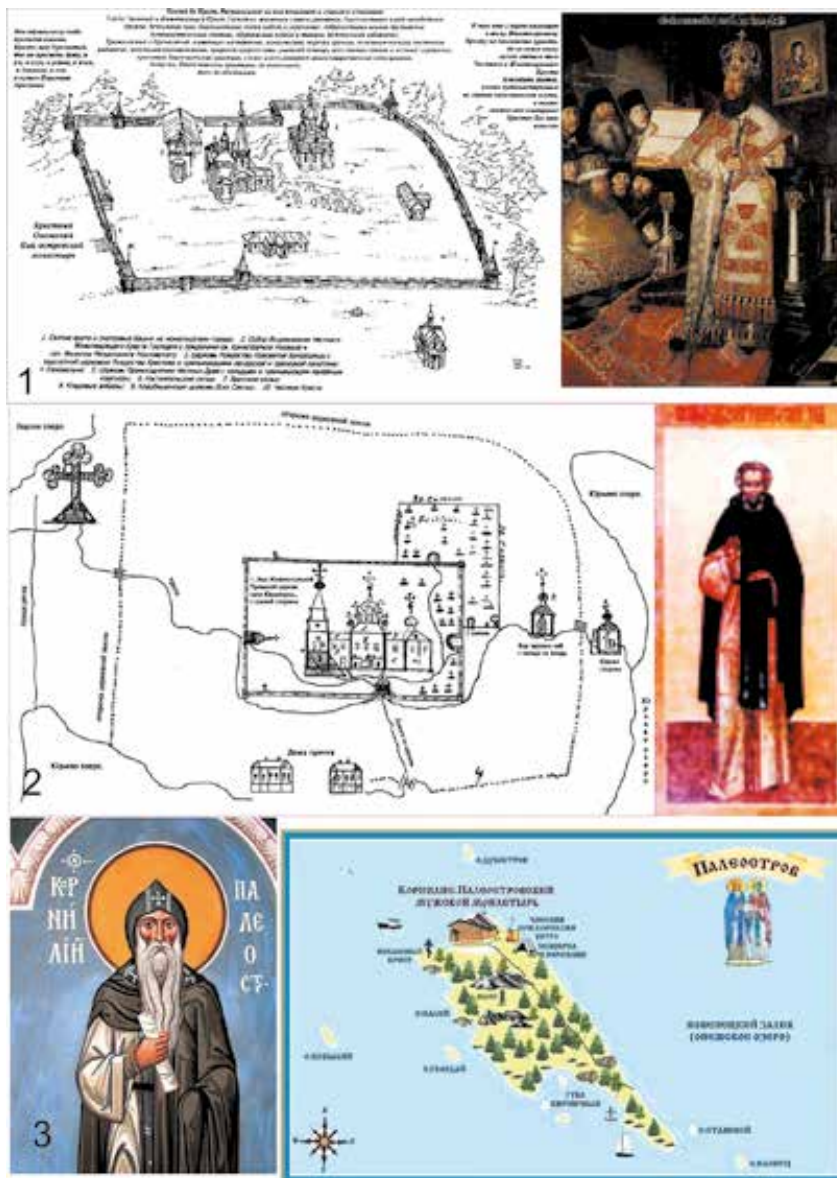

Ил. 7. Схематический разрез (верх) и план (низ) обелиска «Масельга» в Каргопольском районе Архангельской области (вне масштаба): 1 — просеки, 2 — обелиск «Масельга», 3 — водные маркеры, 4 — водомерные знаки, 5 — информационный щит, 6 — существующий знак «Коромысло с ведрами», 7 — стоянки для туристов, 8 — лестница

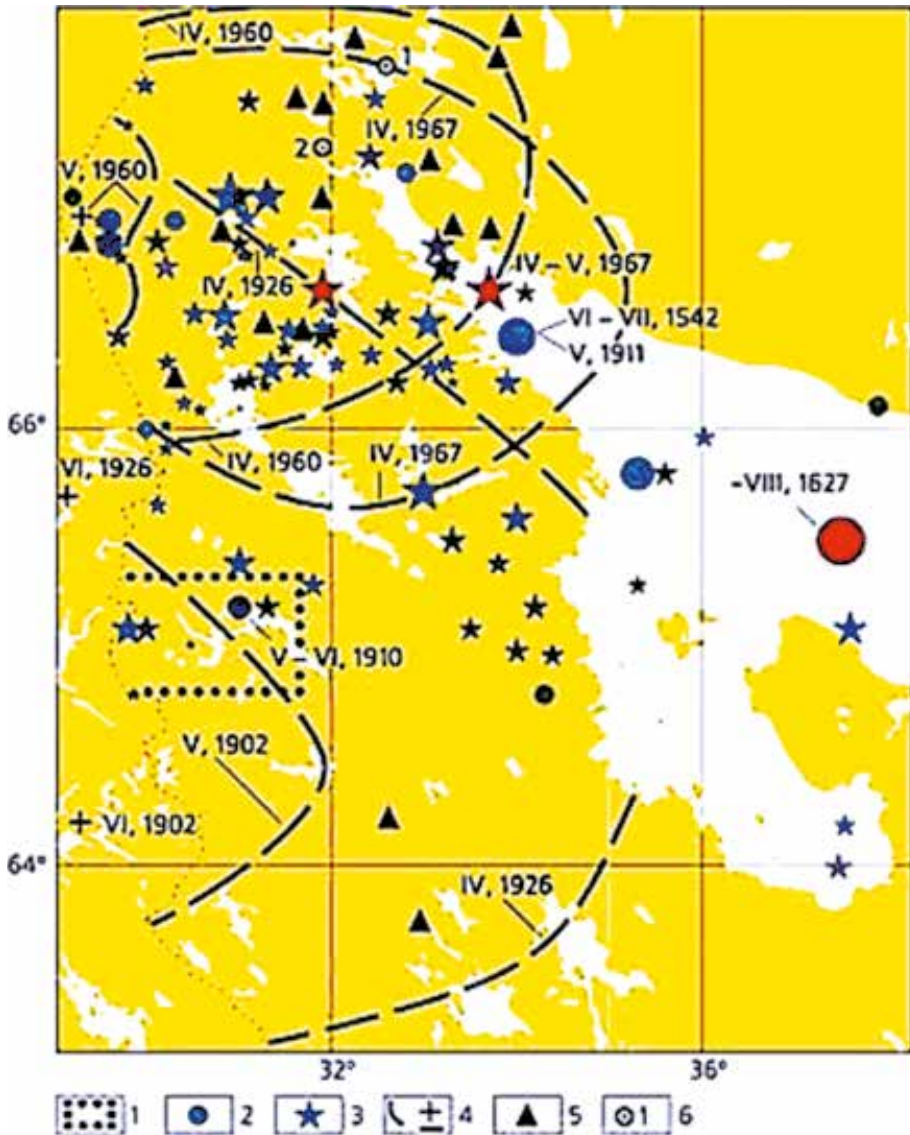
Иллюстрации к статье В.В. Куликовой

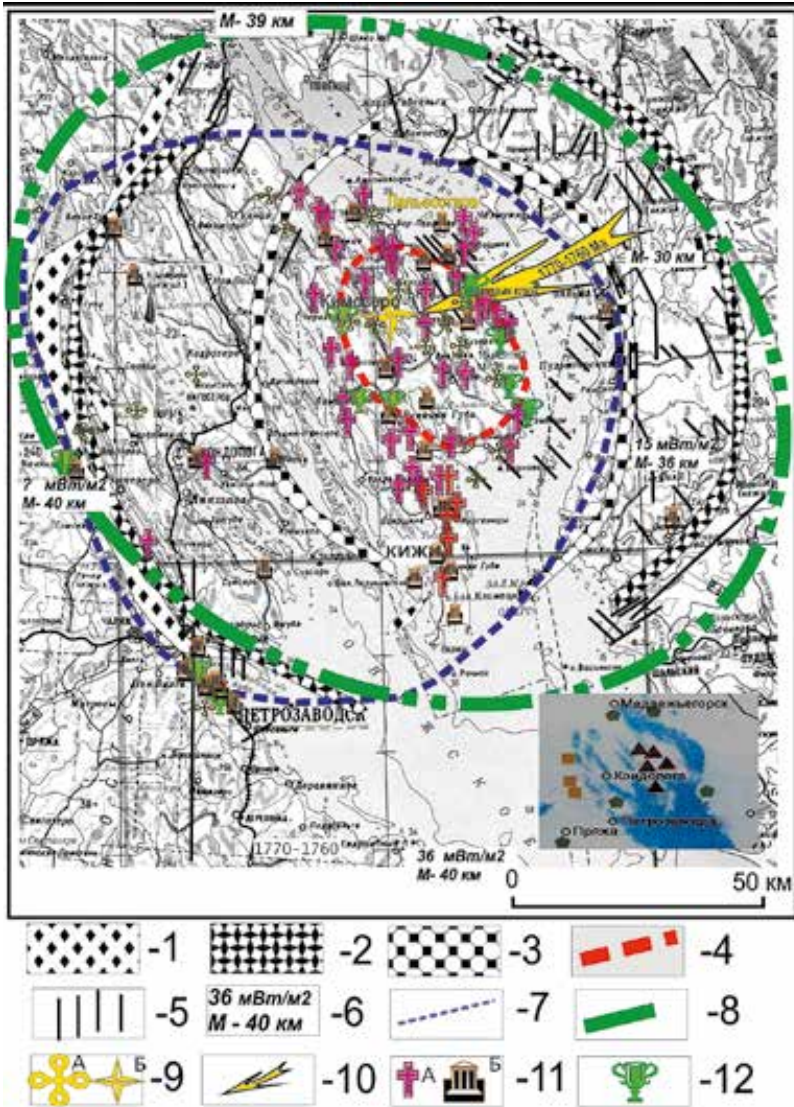
Ил. 1. Местоположение духовных обителей в геоактивных зонах на востоке Фенноскандии

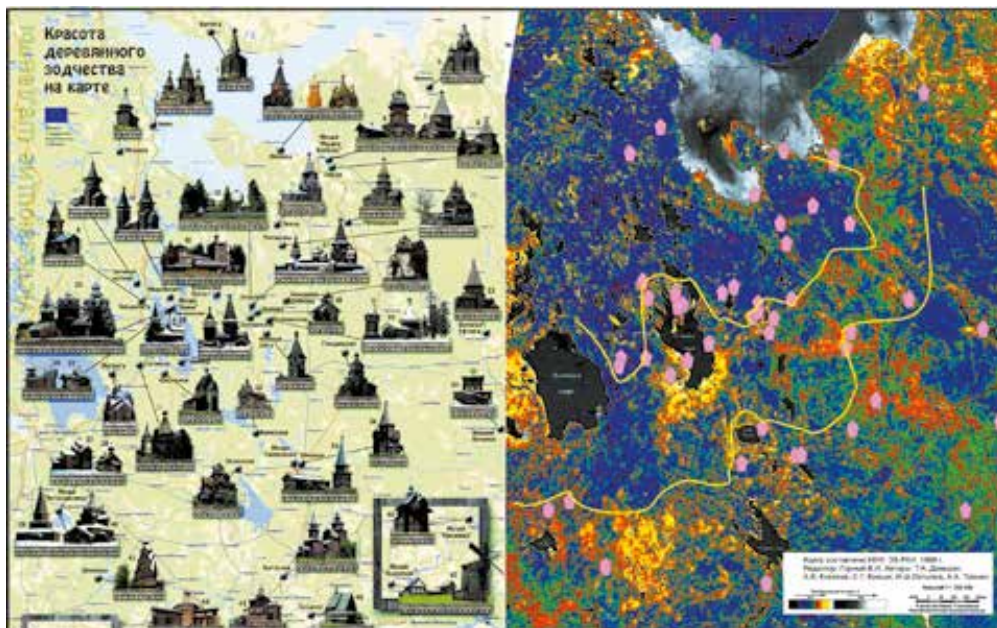
Ил. 2. Патриарх Никон и план основанного им Кийостровского монастыря. 2. Диодор Юрьегорский и план Юрьегорского монастыря; часовни: 1) на месте бывшей кельи прп. Диодора; 2) над колодезем, 3) на месте избияния прп. Диодора монахом Феодосием. 3. Прп. Корнилий и план Корнилие-Палеостровского монастыря

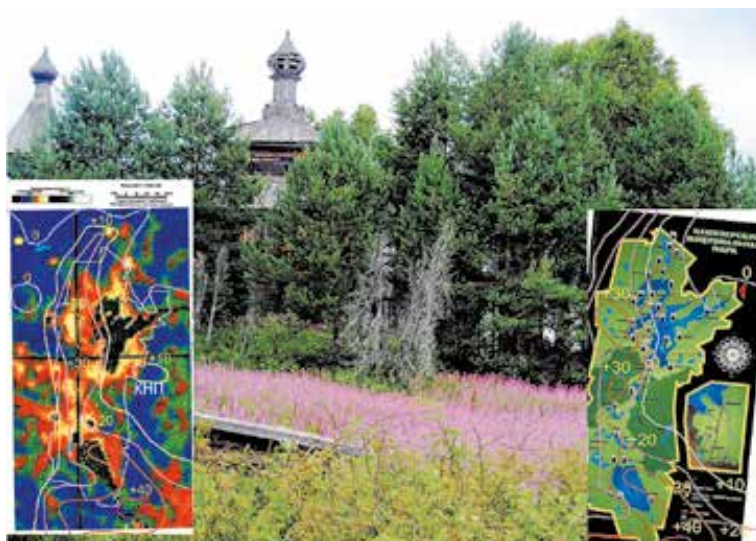
Ил. 3. Землетрясения в Северной Карелии по различным данным (Никонов, 2004): 1 — «родина» рун Калевалы; эпицентры землетрясений по данным: 2 — историческим, 3 — инструментальным (размер значка пропорционален магнитуде); 4 — эпицентры и изосейсты землетрясений XX в. (римские цифры — интенсивность в баллах, арабские — годы возникновения, цвет — глубина очага: красный — >20 км, синий — 5–20 км, зеленый — <5 км, фиолетовый — не определена); 5 — выявлены сейсмодетформации (по Д.С. Зыкову); 6 — местоположение Кольской АЭС (1), каскада Нивских ГЭС (2)

Ил. 4. Культурные постройки в предполагаемой астроблеме «Онега»: 1 — насыпной кольцевой вал, 2 — цокольный вал, 3 — кольцевое поднятие, 4 — граница центрального поднятия — «мишени», 5 — дайки, 6 — значения теплового потока и мощность земной коры, 7 — контуры кольцевой структуры; 8 — граница предполагаемой астроблемы; 9 — уран-ванадиевые рудопроявления и месторождения (А), алмазосодержащие кимберлиты (Б); 10 — предполагаемое направление падения астероида; 11 — часовни (А) и храмы (Б); 12 — целебные источники. На врезке — естественные популяции карельской березы

Ил. 5. Распространение деревянных культовых построек на юго-востоке Карело-Кольского региона, в восточной части Архангельской области и на северо-востоке Вологодской области и фрагмент карты теплового поля практически всего Карело-Кольского региона

Ил. 6. Церковь Ильи Пророка в д. Ведьяино. На врезках: справа — гравитационное и тепловое поля; слева — памятники культурного наследия на территории Кенозерского национального парка

Иллюстрации к статье М.Н. Мелютиной

Ил. 1. Наглимозерский ландшафтный комплекс

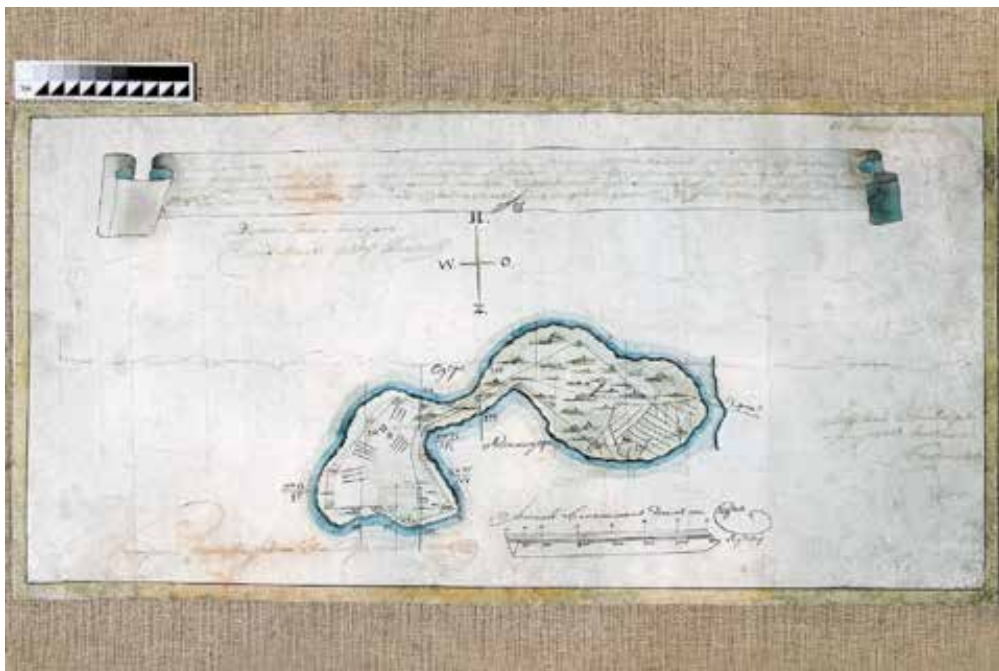
Ил. 2. Озеро Наглимозеро. Фото К. Кокوشкина. 2014 г.

Ил. 3. Озеро Сяргозеро. Фото Л. Боголеповой. 2013 г.

Ил. 4. Канал-«копанец». Фото С. Пчёлкина. 2011 г.

Ил. 5. Геометрический план-обмер Аглимозерской пустыни. 1783 г.
Из музейного фонда ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

Ил. 6. Анастасия Алексеевна и Дмитрий Васильевич Вавулинские, д. Морщихинская, 1970-е гг. Из архива П.Д. Вавулинского

Ил. 7. Памятный крест на месте церкви Тихвинской иконы Божией Матери.
Фото К. Кокошкина. 2014 г.

Ил. 8. Баня на Наглимозере, 1960-е гг.
Из архива П.Д. Вавулинского

Ил. 9. Игумен Василий (В.А. Лебедев) второй
справа в первом ряду, 1932 г.
Из фондов Архивного регионального
управления Федеральной службы
безопасности Архангельской области

Ил. 10. Монашеская келья на Монастырском острове. Фото К. Кокошкина. 2014 г.

Ил. 12. Место расположения
монастырской мельницы.
Фото К. Воробьева. 2014 г.

Ил. 13. Остатки монастырской
мельницы на Наглимозере.
Фото К. Кокошкина. 2014 г.

Ил. 14. Ряжевый мост.
Фото К. Кокошкина. 2014 г.

Ил. 15. Наглимозерский выселок. Фото К. Кокошкина. 2014 г.

Ил. 18. Анна Матвеевна
Мяндина и Надя Попова,
1960-е гг.
Из архива Н.А. Антуфьевой

Ил. 16. Василий Иванович Кляпинин.
Из архива Г.П. Поповой. 1960-е гг.

Ил. 17. Николай Михайлович Мяндин.
Из архива Н.А. Антuffевой

Ил. 19. Информационный центр «Лесное отходничество». Фото М. Мелютиной. 2013 г.

Ил. 20. Наглимозерская — Артова пустынь:

1 — Святые ворота Наглимозерской пустыни.

2 — Восточные ворота Наглимозерской

пустыни. 3 — церковь во имя Иконы

Тихвинской Божией Матери. 4 — церковь

Трех Святителей Вселенских с колокольней.

5 — дом настоятеля пустыни. 6 — братский

корпус. 7 — келья.

Вариант художественной реконструкции

М.Н. Мелюгиной, С.И. Дровниной.

Худ. М.А. Бобылёва

Иллюстрации к статье Д.С. Мосеева

Ил. 1. Растительное сообщество тростника обыкновенного в заливе на западе озера Масельского

Ил. 2. Растительное сообщество кувшинки чисто-белой и рдеста плавающего в эвтрофном заливе озера Масельского

Иллюстрация к статье Н.А. Неверова

Схема размещения пробных площадей в Кенозерском национальном парке

Иллюстрации к статье Н.Е. Плаксиной

Ил. 1. Крест на
кладбище д. Скитской

Ил. 2. «Голгофский крест под сенью храма».
33×24,5×2,5. Дерево, резьба, краска.
Из фондов Пижемского историко-
краеведческого музея

Ил. 3. «Голгофский крест под сенью храма». Фрагмент

Ил. 4. «Голгофский крест под сенью храма». Фрагмент

Ил. 5. «Голгофский крест» в домашней божнице, с. Усть-Цильма

Иллюстрации к статье В.А. Смагина

Ил. 1. Лесное евтрофное болото вблизи оз. Ягремского с *Ligularia sibirica*. 2013 г.

Ил. 2. Выход ключевых вод на поверхность болота Теплового. 2007 г.

Ил. 3. Склоновое ключевое болото по берегу оз. Кенозеро. 2009 г.

Ил. 4. Евтрофное болото на северном берегу оз. Воже. Схенус ржавый, камыш Табернемонтана, пухонос альпийский. 2013 г.

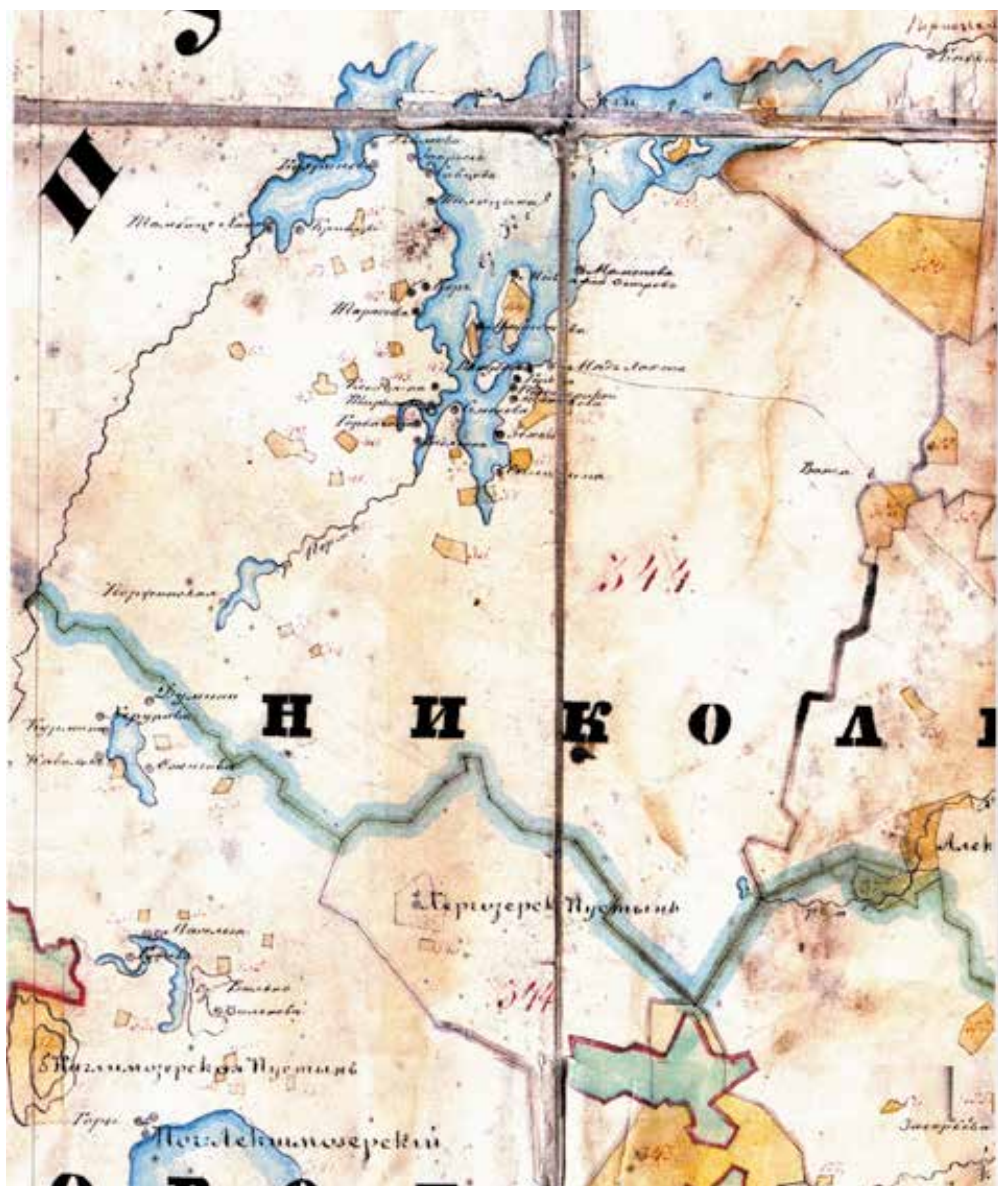

Ил. 5. Болотный массив аапатипа Щучья Гладь (Лекшмох). Фото М.С. Носковой. 2006 г.

Ил. 6. Коврово-озерковый комплекс. Болото Паломох. 2007 г.

Иллюстрации к статье С.В. Третьякова, С.В. Коптева,
Н.С. Новиковой, Н.А. Неверова

Ил. 1. Фрагмент карты Каргопольского уезда (1848 г.).
В левом нижнем углу — д. Погост Лекшмозерский (д. Морщицкая)

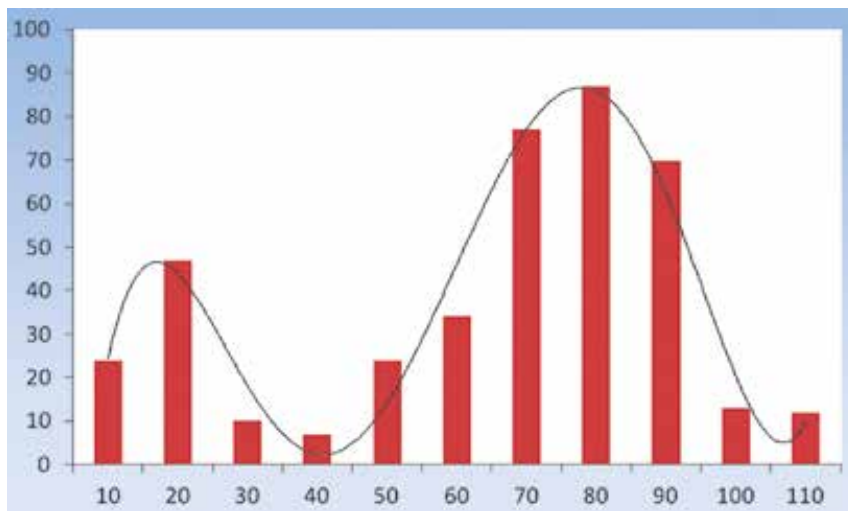
Ил. 2. Деревни Масельга и Гужово в 1966–1978 гг.
(Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера. Л., 1982)

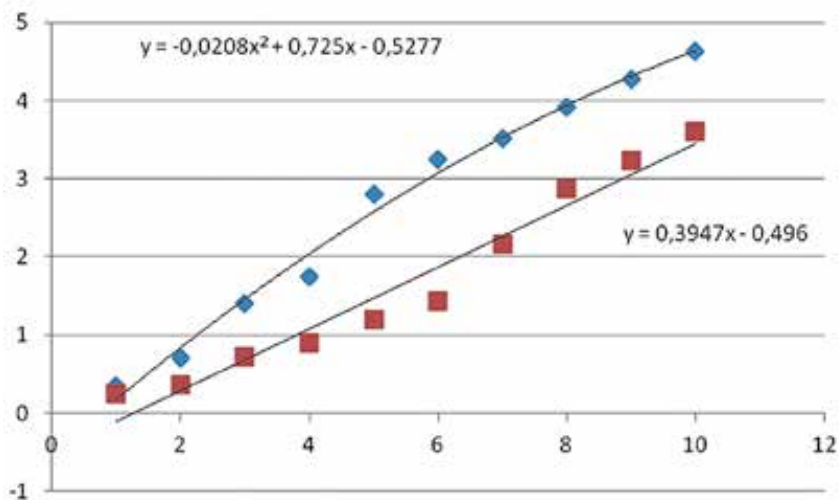
Ил. 3. Основные аргументы в пользу поддержания сохранившихся и реабилитации утраченных исторических агрокультурных ландшафтов в Архангельской области

Ил. 4. Зарастающие сенокосы с характерным валом на краю поля, нередко служащие признаком старопахотных земель

Ил. 5. Количество всходов (шт.) в зависимости от расстояния до стены леса (м)

Ил. 6. Динамика роста в высоту березы и ольхи

Иллюстрации к статье А.М. Шептунова

Ил. 1. Деревня Зехнова
и часовня Иоанна Богослова.
Фото А. Ерина, начало 1990-х гг.

Ил. 2. Часовня Иоанна Богослова в д. Зехнова.
Фото Д. Бастета. 2013 г.

Ил. 3. А.А. Семёнова.
Фото А.М. Шептунова. 2013 г.

Ил. 4. А.А. Семёнова с участниками
«Кенозерских чтений». Фото Д. Бастета. 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Культурный ландшафт — формат для наследия, местного сообщества и внешнего интереса</i>	3
<i>Веденин Ю.А.</i> Роль объектов наследия в сохранении и развитии сельской местности	4
<i>Ведерникова Н.М.</i> Письма из деревни.....	13
<i>Воронина Ю.Н.</i> Сохранение и воссоздание культурных ландшафтов Государственного музея-заповедника С.А. Есенина.....	19
<i>Гудима Т.М.</i> Культурный ландшафт в культурном измерении	24
<i>Данилина Н.Р.</i> Охрана природного и культурного наследия и туризм: ведомства разные — задачи общие.....	30
<i>Иванова Д.В., Васильева Е.В.</i> Достопримечательное место как путь сохранения культурного и природного наследия	34
<i>Карачевцев И.Е., Муляр А.Е.</i> Восстановление утраченных малых архитектурных форм на территории музея-усадьбы «Ясная Поляна» как элемент создания особой культурной среды.....	38
<i>Карпова В.П., Новиков В.П.</i> Задачи сохранения ландшафта поля генерального сражения Великого стояния на Угре 1480 года и сложности их решения	43
<i>Клоуз Элизабет.</i> Привлечение населения к управлению охраняемыми природными территориями: опыт Соединенных Штатов Америки (пер. О.А. Безнаевой)	48
<i>Кодолова Т.А., Шишкин А.И.</i> План управления объектами всемирного наследия «Кижский погост». Развитие культурного ландшафта при сохранении традиций.....	53
<i>Кулешова М.Е.</i> Культурный ландшафт Кенозерья как перспективный объект Всемирного наследия. Критерии выдающейся универсальной ценности	68

<i>Лантева Г.Я.</i> Роль наследия как социального инструмента	75
<i>Орлова О.В.</i> Международный экспериментальный пленэр «Клюква». Поиск «онежского» инварианта	80
<i>Севан О.Г.</i> Социокультурный и региональный контекст ландшафта	85
<i>Силаева А.В.</i> Современное состояние заговорной традиции Кенозерья.....	102
Наука и культурный ландшафт	111
<i>Абрамова А.А.</i> Озеро в культурном ландшафте Кенозерья.....	112
<i>Аллатов С.В.</i> «Иерусалимская история» — белое пятно на литературной карте Русского Севера	118
<i>Анциферова А.И.</i> Совхоз «Кенозерский»: поддержание традиционных культурных ландшафтов в 1970–1980-х годах	128
<i>Гусева М.С.</i> Здравоохранение на территории Кенозерья и Лекшмозерья в первой трети XX века	136
<i>Ершов В.П.</i> Ель — объект ландшафтнообразующий и сакральный	149
<i>Желамский А.Г.</i> Научное знание и народное мировосприятие в отношении к русскому пейзажу.....	162
<i>Иванова А.А., Гурина Т.В., Кондратьева М.В.</i> Святые места деревни Зехнова в фольклоре и ритуальных практиках	166
<i>Куликов В.С., Куликова В.В., Зудин А.И.</i> Граница между природными странами Фенноскандия и Русская равнина на территории Кенозерского национально парка	172
<i>Куликов В.С., Куликова В.В.</i> Исторические памятники Кенозерского национального парка и некоторых особо охраняемых природных территорий Карело-Кольского региона как отражение влияния циклической активности Солнца и тектоно-физико-химических свойств земной коры на восприятие человеком природы	178

<i>Мелютина М.Н.</i> Монастырская топография Наглимозерского ландшафтного комплекса.....	184
<i>Мосеев Д.С.</i> Макрофиты литорали озер окрестностей деревни Масельги на территории Кенозерского национального парка	194
<i>Неверов Н.А.</i> Древесина хвойных в Кенозерском национальном парке ...	202
<i>Плаксина Н.Е.</i> Памятники деревянной резной пластики в сакральном пространстве Нижней Печоры	207
<i>Попова И.С.</i> Музыка в музее: из опыта работы по созданию фольклорного ансамбля в музее-заповеднике А.С. Пушкина «Михайловское» ...	214
<i>Смагин В.А.</i> Болота Кенозерского парка: типологический состав и ботанико-географическая специфика	218
<i>Смирнов Ю.И.</i> Олень, прибежавший на заклятие, — 2	227
<i>Смирнова М.А.</i> Культурный ландшафт Кенозерья как объект информационного поиска	253
<i>Сороковикова В.И.</i> Культура донского казачества: традиции и современность	258
<i>Старицын В.В., Дурьнин С.Н.</i> Изучение урожайности, запасов и микроэлементного состава черники и брусники в Кенозерском национальном парке	265
<i>Третьяков С.В., Коптев С.В., Новикова Н.С., Неверов Н.А.</i> Формирование, сохранение и устойчивое управление культурными ландшафтами в Кенозерском национальном парке	270
<i>Шептунов А.М.</i> Военная легенда Кенозерья. «Рассказ о немце» А.А. Семёновой как пример народной мифологии	279
Сведения об авторах	292
Иллюстрации	295

Научное издание

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2013

Культурные ландшафты: традиции для развития

*Сборник материалов
VI Международной научно-практической конференции*

Составитель **Мелютин** Марина Николаевна

Фото на обложке К.П. Кокошкина
Редактор И.М. Кудрявина
Оригинал-макет и дизайн обложки А.В. Мартыновой

Подписано в печать 19.02.2015. Формат 60x90/16. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 21,63. Тираж 300 экз. Заказ № 1432

Полиграфическое исполнение ООО «Типография № 2»
г. Архангельск, пр. Новгородский, 32
тел./факс (8182) 20-44-44, 20-55-55